

большія выписки словъ изъ разныхъ сочиненій, для Слова-
ря.

Затѣмъ, въ свободное время, Ф. Н. Менцовъ *приготавливалъ
бѣдныхъ молодыхъ людей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, — и эта
черта дѣлаетъ особенную честь сердцу Менцова, — приготавливалъ
необыкновенно быстро, и приготовленные имъ поступали всегда
въ число первыхъ; это обстоятельство дѣлаетъ особенную честь
методу его педагогики.

Ф. Н. Менцовъ, какъ человекъ, имѣлъ, разумѣется, и свои
недостатки; но привычки находить корень зла, его источникъ,
мы не будемъ упрекать его за нихъ: они столь близки къ намъ
по природѣ. Но эта борьба добра и зла не могла заглу-
шить, однако, таинственнаго голоса, который продолжалъ
звать его въ другой міръ, и чѣмъ онъ ближе подходилъ къ его
роковому рубежу, тѣмъ голосъ внятнѣе говорилъ ему о тлѣнно-
сти земнаго; послѣднія стихотворенія Ф. Н. Менцова («Нѣтъ
жизни», — «Осень», — «Двѣ силы») точно какъ-будто служатъ
отголоскомъ этого таинственнаго зва: въ стихотвореніяхъ этихъ
вспыхнулъ, можно сказать, лучъ жизни для поэта, съ особен-
нымъ блескомъ, и тутъ же погасъ — навѣки!

Въ ночи съ 3 на 4 февраля 1848 г. смерть мгновенно прер-
вала нить жизни Ф. Н. Менцова. Похороны его на Смоленскомъ
кладбищѣ (7 февраля) представляли картину вполне семейную:
тутъ не было никого, нѣжная привязанность котораго къ по-
койному подлежала бы сомнѣнію; тутъ не было также ни од-
ного литератора или ученаго, привязанность которыхъ къ Ф. Н.
Менцову была больше умственная, нежели сердечная....

Признаемся, мы не испытали въ жизни впечатлѣнія тяжеле,
убійственнѣе того, какое неволью овладѣваетъ, когда хоронишь
талантъ, только-лишь распутившійся! Пробѣжите еще разъ на-
шу статью, и вспомните, что Ф. Н. Менцову было всего, *трид-
цать лѣтъ!*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Х.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1852.

СПИСОКЪ СОДЕРЖАВШЕГОСЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 14 Декабря 1852 года.

Ценсоръ *Н. Елагинъ.*

948-XLVII

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Историческое обозрѣніе питейныхъ сборовъ въ Россіи.
Петра Розенталя. . . . . . 1—22

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Путешествіе Высочайшихъ особъ (стр. 1). Высочайшій манифестъ (3), Высочайшіе рескрипты (4), Высочайшій указъ (6), Правительственныя распоряженія: По министерствамъ: Военному (6), Финансовъ (7), Государственныхъ Имуществъ (10), Юстиціи (11), Внутреннихъ Дѣлъ (15); Народнаго Просвѣщенія (16), Кавказскому (16) и

Комитету (17), По вѣдомствамъ: Почтоваго Департамента (18), Путей Сообщенія (20). Опредѣленіе и назначеніе (20), Пожалованіе: Въ званіе къ Высочайшему Двору (24). Орденами (22). . . . . 1—22

Разныя извѣстія. Открытіе памятника Императору Петру Великому (24). Подписка въ пользу погорѣвшихъ жителей города Саранска (26). Ярмарки (27). Промышленность г. Шуи, съ его уѣздомъ (30). Морскія купанья и леченіе виноградомъ въ Феодосіи (31). Чего стоить жить въ Уфѣ (31). О юбилеѣ Московскаго Университета (34). Ураганъ (34). Бури и мятели (55). Значительные пожары (36). . . . . 24—36

Некрологъ. . . . . 37—

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Франція (40). Англія (60). Германія (76). Австрія (78). Нидерланды (79). Бельгія (79). Швеція (80). Швейцарія (81). Италія (81). Испанія (82). Португалія (84). Турція (85). Азія (88). Африка (92). Америка (92). Австралія (96). . . . . 40—99

Новости ученаго міра. Новая планета (97). Огромная черепаха (98). Пещера въ Монтекатини (98). Старая книга (98). Статистика книгопечатанія во Франціи (99). . . . . 97—99

Железныя дороги и пароходство. . . . . 99—102

Разныя извѣстія. Землетрясеніе въ Сантъ-Яго, на островѣ Кубѣ (103). Воздушное путешествіе г. Грина (104). Золото и золото (105). Статуя Навуходносора (100). Болѣзнь винограда (106). Новое растеніе (107). Письмо Абль-Едь-Кадера (107).

Еще о Франклинѣ (107). Воздушное плаваніе (108). Осушеніе гарлемскаго озера (109). Постройка зданія на Елисейскихъ поляхъ (109). Парижскія перестройки (110) Безчисленные поцѣлуи (110). Слѣдствія развода (110). . . . . 103—110

Некрологъ. . . . . 111—112

РУССНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Пять дней въ уѣздномъ городкѣ. (Разсказъ молодого человека.). . . . . 1—40

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Осторожность лучше поспѣшности. *Амедея Ашара.* . . . . 1—68

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Гальванизмъ и практическія его приложенія. Статья 4-я и послѣдняя. *Ф. Петрушевскаго.* . . . . 1—36

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

79. Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи. С. А—ва. Москва 1852 г.
80. Четыре историческія характеристики. Публичныя лекціи, читанныя ординарнымъ профессоромъ Грановскимъ. Москва 1851 г.
81. Большая барыня. В. Вонлярлянскаго. Москва 1852 г.
82. Рѣчи, говоренныя при приѣмѣ и выпускѣ воспитанницъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, покойнымъ протоіереемъ, законоучителемъ Іанномъ Недешевымъ. Спб. 1852 г.

СМѢСЬ.

Взглядъ французскихъ критиковъ на басни Крылова.	1—13
Первое книгопечатаніе. (Изъ <i>Voleur—Cabinet de Lecture</i>). Окончаніе.	14—21
Чай въ Китаѣ. (Статья Роберта Фортена.)	21—39
Табакъ.	39—40

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПИТЕЙНЫХЪ СБОРОВЪ ВЪ РОССИИ.

Въ государственномъ хозяйствѣ Россіи продажа хлѣбнаго вина составляетъ одну изъ древнѣйшихъ и главнѣйшихъ отраслей государственнаго дохода.

Вино виноградное, пиво и медъ искони были знакомы Русскимъ. Вина доставлялись отъ Грековъ и Нѣмцевъ; пиво и медъ Русскіе варили сами. Они также занимались выдѣлкою спирта изъ хлѣба, что по обилію, или, справедливѣе, по неимѣнію иныхъ мѣстъ для сбыта хлѣба, скоро сдѣлалось однимъ изъ самыхъ сподручныхъ промысловъ, и самое вино, вмѣстѣ съ славянскими пивомъ и медомъ, стало напиткомъ народнымъ.

Такимъ-образомъ винная казенная операція простиралась въ бѣльшей или мѣньшей мѣрѣ на выдѣлку и продажу: а) хлѣбнаго спирта, б) пива и в) меду. Собственно виноградная вина подлежали только пошлинѣ, подобно другимъ ввознымъ предметамъ торговли.

Выдѣлка пива и меду встрѣчается еще у славянскихъ племенъ. Виноградная вина, какъ выше сказано, были привозныя, греческія и фряжскія; о выдѣлкѣ хлѣбнаго спирта въ Россіи (на Московскомъ Государствѣ) встрѣчается положительное извѣстіе въ концѣ XVI столѣтія, въ царствованіе Федора Іоанновича *.

До Петра Великаго вѣдомство питейной продажи и сборъ казенныхъ отъ нея доходовъ былъ раздѣленъ между многими «Приказами», которые управляли отдѣльными областями Государства Московскаго.

Подъ главнымъ вѣдѣніемъ Приказа управленіе виннымъ дѣломъ принадлежало въ областяхъ царскимъ намѣстникамъ, а въ волостяхъ—волостелямъ, которымъ были подчинены «кабацкіе головы», съ своими товарищами, или помощниками. Въ распоряженіи головъ были «кабацкіе цѣловальники» двухъ разрядовъ: «ларешные цѣловальники», занимавшіеся приготовленіемъ вина, и «рядовые цѣловальники», которые продавали вино.

Намѣстники и волостели имѣли главный надзоръ надъ казенными винными сборами. На нихъ возлагалась обязанность преслѣдовать корчемство, или частную торговлю винномъ ко вреду казны. Въ этомъ случаѣ отъ нихъ зависѣлъ нарядъ людей для открытія запрещенной торговли и конфискаціи питей, а исполненіе такой комиссіи поручалось «кабацкимъ головамъ» и «кабацкимъ цѣловальникамъ». Они также должны были пецись о нравственности самихъ головъ и цѣловальниковъ, въ отношеніи сохраненія казеннаго интереса **. Вообще намѣстники и волостели должны были

* Кар. Ист. Г. Р. изд. 2. Т. II, ст. 87.

** Акт. Арх. Ком. Т. III. № 143.

принимать мѣры къ охраненію упомянутыхъ чиновниковъ отъ обидъ и насилій. Сохранилось любопытное постановленіе, въ которомъ * рекомендуется властямъ забота о томъ, чтобы головы и цѣловальники, будучи у кабацкаго сбора, были безстрашны.

Намѣстники и волостели собирали отъ головъ вырученныя въ кабакахъ деньги, для отправленія въ Москву. Сами они не имѣли права распоряжаться этими деньгами; впрочемъ имъ дозволялись издержки на необходимыя областныя нужды, на посылку вѣстовыхъ въ столицу, на содержаніе и провозъ иностранныхъ пословъ къ Государямъ Московскимъ, или инымъ настоятельнымъ надобностямъ, не иначе однакожъ, какъ съ особаго разрѣшенія Государева, или грамотъ изъ московскихъ Приказовъ.

Имѣя главное наблюденіе надъ винною торговлею, намѣстники и волостели отвѣчали за недоборъ кабацкихъ денегъ, а если когда собирали болѣе предыдущаго времени, или противъ своихъ предшественниковъ, то въ награду за свое радѣнье къ прибыли великокняжеской и царской казны, получали отъ Государя милостивыя грамоты: «и Мы, Великій Государь (было писано въ грамотѣ), за вашу вѣрную службу и радѣнье жалуемъ, милостиво похваляемъ, и во всемъ бы вы были надежны на царскую милость, а служба ваша у Государя забвенна не будетъ **».

При самомъ вступленіи своемъ въ должность, намѣстники и волостели обязаны были лично обозрѣть состояніе «кружечныхъ дворовъ», перемѣрять находящіеся тамъ запасы и записать въ перечневые книги; потомъ эти книги были представляемы въ Москву, въ главный Приказъ.

Въ особенныхъ случаяхъ допускалась частнымъ лицамъ нѣкоторая уступка со стороны казны. Такъ въ-случаѣ

* Акт. Арх. Ком. Т. III, № 143.

** Кошихина, стр. 100.

сватѣбы или господскаго праздника частныя лица могли обращаться къ намѣстникамъ или волостелямъ съ просьбою, и по разрѣшенію ихъ «сварить у себя на дому определенное количество вина или меду. Если же заготовленное количество не было все издержано при этомъ случаѣ, то остальные питья были перемѣриваемы и запечатываемы, чѣмъ и налагалось на нихъ запрещеніе до новаго торжественнаго случая.

Подъ главнымъ вѣдѣніемъ намѣстниковъ и волостелей состояли спеціальныя должностныя лица по винной части— кабацкіе головы, въ-послѣдствіи, при Петрѣ Великомъ, переименованные въ бурмистры.

Отъ избираемаго въ эту должность лица требовались слѣдующія достоинства: *грамотность*, составлявшая въ то время достояніе немногихъ; *опытность*, или знаніе дѣла, *благонадежность*, доброе поведеніе и — *богатство*: въ этомъ смыслѣ избираемый долженствовалъ быть человѣкомъ первой статьи, однимъ изъ самыхъ лучшихъ, т. е. однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ избирателей. Но были и исключенія изъ этого общаго порядка: иногда, по причинѣ неустройства какого-либо округа, или по настоятельной нуждѣ въ деньгахъ, Государи Московскіе непосредственно назначали въ кабацкіе головы людей, которые казались особенно усердствующими пользѣ царской казны и надежными дотого, «чтобы въ сборѣ учинить прибыль для пополненія Государевой казны ратнымъ людямъ на жалованье».

Состоя въ завѣдываніи намѣстниковъ и волостелей, кабацкіе головы иногда, по должности своей, относились непосредственно къ Государю *, изъ чего и слѣдуетъ, что званію ихъ присвоено было весьма уважительное значеніе.

Будучи избраны согражданами, или назначены Государемъ, головы, прежде вступленія въ должность, давали присягу

* Акт. Арх. Ком. Т. III, № 143.

на вѣрность службы. Форма этой присяги доселѣ сохранилась въ одной записи, напечатанной въ драгоценныхъ актахъ Археографической Экспедиціи (Т. IV. № 59), и состоитъ въ слѣдующемъ:

«Азь (имя рекъ) цѣлую сей святой и животворящей крестъ Господень, Государю своему, Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу всеа Русіи на томъ, что быти мнѣ у его Государева, Царева и Великаго Князя Алексія Михайловича всеа Русіи дѣла, (мѣсто) мнѣ (имя рекъ) въ кабацкихъ головахъ и будучи мнѣ (имя рекъ) у его Государева дѣла на кабацкѣ собирать его Государева, Царева и Великаго Князя Алексія Михайловича всеа Русіи казну съ великимъ радѣніемъ, въ правду, безо всякой хитрости, по сему Государеву, Цареву и Великаго Князя Алексія Михайловича всеа Русіи крестному цѣлованью и по уставной грамотѣ; а кабацкимъ сборомъ самимъ намъ не корыстоваться изъ кабака Государева питья даромъ и малою цѣною въ накладъ себѣ не имать, и своего питья, вмѣсто Государева питья, на кабакахъ не продавать, и никому не давать, и лишниихъ питейныхъ денегъ на питуховъ не насчитать и тѣмъ питуховъ съ кабаковъ не отчаливать, ни Государевыхъ кабацкихъ печатныхъ мѣръ винныхъ, ведръ и кружекъ, и чарокъ, и полукружекъ не убавливать и не перемѣнивать, продавать питья въ Государевы печатныя мѣры правдою, и кабацкіе запасы покупать прямо, и лишниихъ денегъ сверхъ цѣны въ книги не приписывать, и своихъ или друзей своихъ, по засылкѣ большею цѣною не покупать, и на свои расходы и на торговлю Государевыхъ денегъ себѣ не имать и никому не давать; и мнѣ (имя рекъ) головѣ ни на какихъ людехъ лишниихъ денегъ не собирать и Государевыми кабацкими сборами, будучи у кабацкагобору, не торговать и тѣмъ не корыстоваться, и за своими промыслами и за торгомъ не ходить, а быть безпрестанно у кабацкагобору. Также мнѣ (имя рекъ) головѣ надъ цѣловальники на кабацкѣ смотрѣть и беречь того накрѣпко, чтобы цѣловальники у виннаго

куренья и у продажи и у запасовъ у покупки были безъотступно, съ радѣньемъ и не пьяни, и денегъ не крали, а клали бѣ деньги за головину печать въ ящики, а мимо ящиковъ Государевыхъ денегъ никуда не клали, и въ питья не метали, а лишнихъ пошлинъ и у питья на питухѣхъ попойныхъ денегъ не имали, а имали бы на питухѣхъ прямыя попойныя деньги, и чарки бѣ питухомъ давали бѣ цѣловальники полны, и съ винокурни въ ведра и въ ковши тайно на себя не продавали, и указныхъ мѣръ винныхъ досматривать почасту, чтобъ не перемѣняли и не убавливали, и никакія хитрости не чинили для своей корысти, а увижу азъ (имя рекъ) или у кого свѣдаю, которые цѣловальники кабацкой прибыли учинятъ какую хитрость, и мнѣ (имя рекъ) о томъ сказать воеводѣ, и имать о томъ къ Государю, къ Москвѣ, прямо въ правду, а ничего мнѣ не утаитъ ни которыми дѣлы. Въ томъ я (имя рекъ) цѣлую сей святой и животворящій крестъ Господень Государю своему, Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу всеа Русіи на томъ на всемъ какъ въ сей записи писано».

Послѣ этой присяги лица, назначенныя Правительствомъ, или выбранныя обществами, приступали къ исправленію своей должности. Должность эта состояла въ покупкѣ и заготовленіи питейныхъ запасовъ, въ надзорѣ за продажей питей, сборѣ и представленіи намѣстникамъ или волостелямъ, для отсылки въ царскую казну, вырученныхъ отъ продажи ихъ денегъ. Отъ нихъ зависѣло предоставленіе частнымъ людямъ, не пользовавшимся правомъ винокурения, выкуривать напитки въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, для единовременнаго потребленія. Они преслѣдовали корчемство, или недозволенное винокурение и тайную продажу вина. О приходѣ и расходѣ денегъ и питей они должны были вести подробную записку въ книгахъ, что при тогдашнемъ состояніи грамотности и знанія арифметики въ Россіи было большимъ затрудненіемъ для этихъ чиновниковъ въ отправленіи ихъ должности. Къ тому еще присоединялось не-

удобство кратковременной ихъ службы, такъ-что они съ трудомъ успѣвали ознакомиться съ нею, ибо были назначаемы болѣею частію на одинъ годъ. Вѣроятно и эта кратковременность срока опредѣлялась потому, чтобы не лишить должностныя лица возможности заниматься собственными дѣлами.

Должность кабацкихъ головъ была уничтожена въ 1699 году Петромъ Великимъ, который замѣнилъ ихъ бурмистрами, безъ особаго, впрочемъ, измѣненія въ отношеніи къ обязанностямъ.

Въ вѣдѣніи кабацкаго головы было по нѣскольку цѣловальниковъ, число которыхъ опредѣлялось степенью значительности торговли каждаго кабака.

Должности цѣловальниковъ также были избирательныя; и отъ лицъ, избираемыхъ въ эту должность, требовались тѣ же качества (хотя, вѣроятно, въ меньшемъ размѣрѣ), что и отъ головъ, т. е. грамотность, хорошее поведеніе, знаніе дѣла и состояніе.

При всемъ томъ за нравственностію этихъ людей, т. е. за надлежащимъ исполненіемъ должности, имѣли право и обязанность надзора избиравшія ихъ общества, которыя и отвѣчали предъ казною въ-случаѣ ихъ неисправности.

Цѣловальники раздѣлялись на два разряда: *ларешныхъ цѣловальниковъ*, т. е. приставленныхъ къ *ларю*, или занимавшихся приготовленіемъ вина, и *рядовыхъ цѣловальниковъ*, которые продавали вино.

Торговля пивомъ, медомъ и хлѣбнымъ виномъ издревле была казенною у Удѣльныхъ и Великихъ Князей и Царей Русскихъ. Частныя лица не имѣли права заводить кружечные дворы и питейные дома; но несмотря на то, нарушеніе этого запрещенія случалось: такъ въ смутное время междуцарствія и при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, нѣкоторые бояре, пользуясь благоприятными для наживы обстоятельствами, открывали кабаки для торговли хлѣбнымъ виномъ; но это злоупотребленіе было скоро уничтожено.

Впрочемъ, для собственнаго употребленія могли курить вино, варить пиво и медъ слѣдующія сословія: 1) дворяне, 2) дѣти боярскіе, 3) приказные люди, 4) гости, 5) гостинная и суконная сотни, 6) ратные и служилые люди: стрѣльцы, казаки, пушкарі, затишники, воротники, каменьщики и кирпичники. Это дозволеніе было ограничено Петромъ Великимъ, въ 1697 году, однимъ вареніемъ пива и меду, а въ 1716 году снова восстановлено. Но злоупотребленіе права винокурения для домашняго обиходу побудило Правительство, въ 1728 году дозволить винокурение только помѣщикамъ и подрядчикамъ *.

Кромѣ вышеисчисленныхъ сословій, и всѣмъ прочимъ дозволялось (до Петра Великаго) готовить вино, пиво и медъ для собственнаго употребленія въ особенныхъ случаяхъ, какъ-то по случаю поминокъ и родительской памяти, свадебъ, крестинъ, родинъ, а также въ Святую-недѣлю, въ Дмитріевскую-субботу, въ Троицу и въ Николинъ-день зимній. Желавшіе сварить себѣ питей на такіе дни должны были обращаться съ челобитною о дозволеніи къ намѣстнику, волостелю, или кабацкому головѣ. Челобитныя эти долженствовали быть подписаны (скрѣплены) подъячими. Намѣстникъ или голова, смотря по значенію просителя, давалъ разрѣшеніе сварить питей на нѣсколько дней, но вообще *по невелику*; питье, оставшееся послѣ урочныхъ дней, запечатывалось кабацкимъ головою, и оставлялось для другихъ праздниковъ. Впрочемъ это преимущество винокурения въ исключительныхъ случаяхъ простиралось только на людей лучшихъ; намѣстникъ или голова, въ разрѣшеніи такихъ челобитныхъ долженъ былъ соображаться съ лицами просителей (и велѣли давать лучшимъ и среднимъ людемъ, а худымъ людемъ давати не велѣли, чтобы отъ того кабацкому сбору порухи и межъ ихъ убойства не бы-

* И. С. З. Т. VIII, № 5342.

ло) и примѣромъ прошедшаго времени (а будетъ тому прежде того не давали и бывъ нынѣ не давали *.

Съ дозволенныхъ къ единовременной выкуркѣ питей брали опредѣленную пошлину, которая называлась *явкою*, по сему и питье, на которое налагалась эта пошлина, называлось *явочнымъ* или *докладнымъ питьемъ*. Эта явочная пошлина была взимаема до временъ Екатерины II, которая отмѣнила ее манифестомъ 28 іюля 1777 года.

Подобно частному винокурению запрещено было частнымъ людямъ, со времени присоединенія къ Россіи Малороссіи и Балтійскихъ провинцій, пользовавшихся свободою винокурения, вывозить оттуда вино для продажи въ кабакахъ великороссійскихъ городовъ. Впрочемъ и здѣсь допускалось изъятіе въ пользу однихъ помѣщиковъ: они могли вывозить для себя вино изъ Малороссіи, платя за него въ пограничныхъ мѣстахъ двойную пошлину противъ русскаго вина **.

Вина, привозимыя въ Россію изъ за-границы, были продаваемы преимущественно самими иностранцами, которые долгое время пользовались въ Россіи исключительными торговыми монополіями. Случалось, что иностранцы или выходцы нѣмецкіе торговали даже русскимъ виномъ, какъ на примѣръ, парвскіе и дерптскіе Нѣмцы, переселенные Юанномъ Грознымъ въ Москву, которымъ далъ Царь право торговать русскимъ виномъ; но это были только исключенія, а вообще иностранцы торговали только своимъ виномъ: имъ только было дозволено имѣть русское вино для собственнаго употребленія. Англичане долгое время пользовались особыми преимуществами по торговлѣ въ Россіи, но уже при Борисѣ Годуновѣ преимущества эти были ограничены однимъ правомъ безошлинной оптовой торговли и отнюдь не розничной ***. Любчане тоже должны были прода-

* Акт. Арх. Эксп. Т. III, № 143.

** И. С. З. Т. XII, № 9022.

*** И. Г. Р. Т. X.

вать свои вина не иначе, какъ куфами или бочками, а не въ розницу. Но эти ограниченія были слишкомъ недостаточны для охраненія отъ подрыва казенныхъ винныхъ доходовъ, что и было причиною къ увеличенію (при Алексіѣ Михайловичѣ, въ 1667 году) пошлины съ привозныхъ винъ. Эти пошлины существовали до 1699 года, когда Петръ Великій уменьшилъ ихъ; но въ 1723 г. тотъ же Государь снова ихъ возвысилъ. Но потребность въ иностранныхъ винахъ въ Россіи развилась уже такъ, что высокія пошлины не уменьшали количества потребленія французскихъ винъ. Посему въ 1724 году дозволенъ привозъ иностраннаго вина только въ такомъ количествѣ, которое признаетъ дѣйствительно нужнымъ Камеръ-Коллегія. Это постановление имѣло силу только нѣкоторое время, и было отмѣнено въ царствованіе Петра Второго.

При всемъ множествѣ мѣръ, предпринятыхъ Правительствомъ къ устройству винной торговли и казеннаго отъ нея дохода, показывающихъ постоянную заботливость его объ этомъ дѣлѣ, не осталось однакожь, да и въ свое время, даже до царствованія Екатерины II, не было никакихъ достоверныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ количествѣ продаваемыхъ въ Россіи питей и получаемого отъ нихъ казною дохода. Извѣстно только *, что въ-половинѣ XVIII вѣка, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, выдѣлялось на всѣхъ казенныхъ и частныхъ винокуренныхъ заводахъ Имперіи около полутора милліона ведеръ, а чистый доходъ отъ этого количества простирался выше милліона рублей.

Съ воцареніемъ Екатерины II начинается новая эпоха и въ исторіи русскихъ финансовъ, само-собою и по одной изъ важнѣйшихъ финансовыхъ статей—казенномъ доходѣ отъ винной продажи.

Въ первое же время своего царствованія, и именно, въ

* П. С. З. Т. XIV, № 10466, Т. XV, № 11123.

1764 году, Императрица учредила подъ предсѣдательствомъ Графа Фермора специальную комиссію для разсмотрѣнія и устройства винныхъ сборовъ. Поводъ къ учрежденію этой комиссіи высказанъ опредѣлительно въ самомъ указѣ Императрицы * сими словами: «Безспорно между первыми почитать должно сей родъ доходовъ государственныхъ, и что ему, какъ по существу его и надобности, такъ и по состоянію Государства, уничтоженнымъ быть отнюдь невозможно, однакожь, сколько съ одной стороны приходящіе отъ сего въ казну доходы ни велики и для необходимыхъ государственныхъ потребъ не нужны, не безъизвѣстно намъ, сколько напротивъ того тягостенъ нареду употребляемый къ собиранію оныхъ порядокъ».

Учрежденная Императрицею комиссія, разсмотрѣвъ состояніе питейнаго сбора, опредѣлила, что онъ, при надлежащемъ устройствѣ, долженъ простираться до четырехъ милліоновъ тогдашнихъ рублей. Слѣдовательно, чтобы достигнуть предположеннаго комиссіею выгоднаго для казны результата, нужно было измѣнить самый способъ или порядокъ питейнаго сбора.

Способы заготовленія вина для Государевыхъ кабаковъ были такъ же непостоянны, какъ и продажа его. Оно приготавливалось на казенныхъ винокурняхъ, или было поставляемо частными заводчиками по подряду. Временныя мѣстные обстоятельства опредѣляли тотъ или другой способъ. Что касается до самаго винокурения, оно производилось преимущественно въ мѣстахъ хлѣбородныхъ, а по распоряженію Петра Великаго только въ тѣхъ изъ этихъ мѣстъ, изъ которыхъ былъ неудобенъ сбытъ хлѣба за границу. Со-временъ Петра Великаго, въ-случаѣ мѣстнаго неурожая и необходимости въ снабженіи хлѣбомъ войска, винокурение было запрещается всюду, гдѣ жители или Правительство нуждались въ хлѣбныхъ запасахъ. Такимъ-образомъ въ

* П. С. З. Т. XVII, № 12444.

1735 году, по-случаю голода во многих мѣстахъ Россіи, вино было указано привозить изъ Балтійскихъ провинцій *. Въ слѣдующемъ 1736 году было запрещено на годъ винокурение въ Воронежской и Бѣлогородской губерніяхъ, по-случаю заготовленія въ нихъ провіанта для войскъ **. Потомъ случаи подобнаго мѣстнаго запрещенія винокурения повторялись въ 1749, 1750 и 1793 годахъ.

Казеннымъ винокурениемъ завѣдывали кабацкіе головы, которымъ вмѣнялось въ обязанность покупать нужные для винокурения запасы и снаряды своевременно, «порою, какъ въ которое время бываетъ всякимъ торговымъ людямъ съѣздъ и запасы всякіе бываютъ дешевы» ***. Винокурение изъ этихъ запасовъ производилось на казенныхъ винокурняхъ, которыя строились въ казенныхъ имѣніяхъ. Современъ Петра Великаго казенное винокурение было заведено въ Сибири (въ 1698 г.), а во внутреннихъ губерніяхъ было распространяемо на счетъ частнаго. Въ 1705 году въ Московскомъ уѣздѣ, частное винокурение было вообще уничтожено. Черезъ три года потомъ было уничтожено въ архангельскихъ и другихъ сѣверныхъ городахъ. Въ 1715 году обращены въ казенное управление частныя винокурные заводы въ низовыхъ городахъ, и чрезъ сорокъ лѣтъ снова были распроданы въ частныя руки. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II (въ 1767 г.) заведено было въ государственныхъ имѣніяхъ казенное винокурение на 400,000 ведеръ, и въ-послѣдствіи, по-случаю распространившагося потребленія этого продукта, къ 400,000 прибавлено еще 200,000 ведеръ и введено казенное винокурение во всей Сибири.

При всемъ распространеніи казеннаго винокурения, оно было не столь значительно, какъ частное. На частныхъ заводахъ выкуривалось вина (въ царствованіе Императрицы

* П. С. Зак. Т. IX, № 6674.

** Тамъ же, № 7031.

*** Акт. Арх. Экс. Т. IV, № 59.

Екатерины II) вдвое болѣе противъ казеннаго. Между-тѣмъ, въ 1789 году снова увеличено количество объема казеннаго винокурения: казенные заводы должны были производить 1.500,000 ведеръ вина *. Причиною этому былъ, недостатокъ частнаго производства казеннаго вина и способовъ къ выгодному для казны подряду его, и возраставшее, вмѣстѣ съ народонаселеніемъ, потребленіе его.

Частное винокурение производилось подъ условіемъ поставки выкуриваемаго вина на казенные кружечные дворы. Объ этомъ частныя лица договаривались въ Приказѣ, вѣдавшемъ тѣ кабаки или кружечные дворы, на которые они брались поставлять вино. При заключеніи договора они должны были представить, въ обезпеченіе своей исправности, поручительныя записи отъ благонадежныхъ людей, «кому бы мочно было въ подрядѣ вѣрить», а для повѣрки качества подряжаемыхъ напитковъ подрядчики должны были представить въ Приказъ, за своими печатями, пробы.

Способъ питейнаго сбора изстари до послѣдняго времени былъ двоякій: Правительство получало этотъ сборъ или посредствомъ своего собственнаго, такъ-называемаго казеннаго управленія, или посредствомъ отдачи его на откупъ: въ первомъ случаѣ оно поручало свои кабаки головамъ, избраннымъ общинами или непосредственно назначеннымъ отъ Правительства. Въ послѣднемъ, за условленную плату предоставляло винную торговлю желающимъ, и эти желающіе, или откупщики, были уже сами такъ-сказать, естественными кабацкими головами.

О казенномъ управленіи въ Московскомъ Государствѣ встрѣчаются положительныя свѣдѣнія съ XVII столѣтія. Оно существовало наряду съ откупнымъ содержаніемъ этихъ сборовъ. Оттого происходило, къ обоюдному вреду, соперничество въ продажѣ вина того и другаго вѣдомства. Въ 1651 году, при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ были уни-

* П. Соб. Зак. Т. XXIII, № 16742.

чтожены откупа; но какъ эта мѣра была причиною упадка государственныхъ доходовъ, между-тѣмъ война, предпринятая Царемъ противъ Польши, требовала особыхъ чрезвычайныхъ издержекъ, и потому въ 1663 году откупное содержаніе, какъ болѣе выгодное для казны, въ-слѣдствіе соперничества откупщиковъ, было возстановлено.

Новое уничтоженіе откуповъ послѣдовало неравнѣе, какъ чрезъ 18 лѣтъ, и именно царскимъ указомъ 18 іюля 1681 года. Съ того времени казенное управленіе продолжалось до временъ Императрицы Елисаветы. Въ 1755 году, казенное управленіе снова замѣнено отдачею питейныхъ сборовъ на откупъ; но ожиданія и намѣренія Правительства при этомъ измѣненіи одной изъ важнѣйшихъ статей финансового управленія не оправдались, какъ явствуетъ изъ указа Императрицы Екатерины II, 23 марта 1764 года:

Для устранения вкравшихся безпорядковъ учреждена была особая коммиссія, которая, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства этого дѣла, опредѣлила разныя мѣры къ улучшенію и сохраненію системы откупнаго содержанія винныхъ сборовъ, какъ выгоднѣйшей для казеннаго интереса. Способъ казеннаго управленія рѣшительно устраненъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ-случаѣ неявки желающихъ изъ частныхъ людей взять какой-либо откупъ въ свое содержаніе, надъ нимъ назначается казенное управленіе.

Откупное содержаніе только со временъ Императрицы Екатерины II распространено на всѣ безъ изъятія казенныя питейныя сборы съ продажи хлѣбнаго вина, а дотога оно существовало вмѣстѣ съ казеннымъ управленіемъ этими сборами; по временамъ было уничтожаемо и снова вводится, въ однихъ и тѣхъ же видахъ казенной пользы. По сказанію Кошихина, откупщиками виннаго сбора или продажи хлѣбнаго вина, могли быть слѣдующія лица: 1, дворяне, 2, дѣти боярскіе, 3, гости, 4, гостинная и суконная сотни, 5, торговые и посадскіе люди всѣхъ городовъ, также крестьяне «дворцовые, областные, помѣщичьіе и вотчинниковы».

Послѣднее сословіе, крестьянское, было лишено въ 1707 году этого права, потому болѣе, что крестьяне преимущественно нужны были для рекрутскихъ наборовъ.

Отдача питейной продажи въ которомъ-либо мѣстѣ на откупъ производилась въ томъ Приказѣ, который завѣдывалъ областью, гдѣ находились эти мѣста. При заключеніи условія, откупщики должны были представлять въ Приказъ, въ обезпеченіе своей исправности предъ царскою казною, поручныя о себѣ записи отъ людей, заслуживающихъ довѣріе предъ лицомъ Правительства. О другихъ обезпеченіяхъ въ актахъ того времени не встрѣчается никакихъ свѣдѣній.

Срокъ отдачи на откупъ питейныхъ сборовъ не опредѣлялся положительно, и зависѣлъ отъ уговора. Впрочемъ, по одной статьѣ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, должно полагать, что онъ ограничивался пятью годами.

Выше сказано, что винокурение предоставлялось тѣмъ же лицамъ, которымъ по договору (откуну), или по непосредственному довѣрію, предоставлялась продажа вина. Откупщики, взявъ на откупъ какіе-либо кружечные дворы, имѣли право и должны были заводить винокурни для производства хлѣбнаго вина въ продажу.

По выкуркѣ вино было обращено въ продажу. Цѣны ему были назначаемы по договору, если вино было продаваемо откупщиками, и по собственнымъ соображеніямъ Правительства, т. е. мѣстнаго Приказа: въ обоихъ случаяхъ онѣ назначались указами и грамотами, рассылаемыми по городамъ изъ «своихъ» Приказовъ.

Цѣна вину въ продажѣ его на кружечныхъ дворахъ опредѣлялась цѣною хлѣба и другихъ припасовъ, или платою подрядчикамъ, поставлявшимъ вино на кружечные дворы. Впрочемъ, отъ времени до времени недостатокъ и нужда въ деньгахъ были причиною возвышенія цѣнъ на вино. Еще въ 1681 году вино въ продажѣ было вдвое дороже противу своей стоимости въ заготовленіи. Съ того

времени установилась возвышенная цѣна на крѣпкіе напитки, а въ 1728 году, при Императорѣ Петрѣ II, по случаю уничтоженія поверстнаго сбора, цѣна эта была еще увеличена. Послѣ того возвышеніе цѣны продолжалось при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1750, и при Екатеринѣ II, въ 1769 году.

Въ прежнія времена продажа вина была ограничена количествомъ, временемъ и сословіями, которымъ позволялось покупать вино. Была опредѣлена мѣра, больше которой нельзя было продать въ одинъ день вина одному человеку. Кабацкіе головы и цѣловальники отвѣчали за тѣхъ покупателей, которые пьянѣли отъ излишняго употребленія вина.

Цѣны вину въ продажѣ были опредѣляемы Приказами, которые разсылали о томъ указы къ намѣстникамъ. Иногда самому намѣстнику предоставлялось право, по разсмотрѣнію мѣстныхъ обстоятельствъ, повысить или понизить цѣну, для выгодъ царской казны. Но кромѣ предварительнаго опредѣленія цѣны вину самимъ Правительствомъ, допускалась продажа вольною цѣною, которая, однакожъ, зависѣла отъ цѣнъ хлѣба и другихъ запасовъ.

Продажа вина производилась исключительно на наличныя деньги. Запрещено было цѣловальникамъ отдавать вино подъ залогъ вещей. Получивъ за вино деньги, цѣловальники обязаны были въ то же время класть ихъ въ ящики, запечатанные кабацкимъ головою, а «мимо ящиковъ (вмѣнялось въ обязанность цѣловальниковъ) денегъ въ мошны и карманы, и подъ блюда, и подъ ставцы, и никуда не класть». Вообще обязанности цѣловальниковъ были опредѣлены съ мельчайшими подробностями. Указомъ 30 августа 1698 г., велѣно: «ящики всѣ осматривать, чтобы у нихъ какъ за печатью крышки не отодвигались, и деньги изъ нихъ не высыпались, и дыръ бы у ящиковъ цѣловальники для воровства не прибавляли» *.

* П. Соб. Зак. Т. III лѣ 1642.

Вырученныя въ кабакахъ деньги были собираемы ежедневно кабацкими головами, которые хранили ихъ у себя до истеченія года, и потомъ представляли въ Приказъ.

Изъ числа этихъ денегъ кабацкимъ головамъ дозволялось производить необходимѣйшія для кабацкаго дѣла издержки; но яснаго опредѣленія этихъ расходовъ и потребностей не было, только приказывалось: «въ расходѣ кабацкія деньги держать бережно, меньше прошлыхъ лѣтъ, развѣ на самые нужные расходы, безъ чего быть не мочно, чтобъ нашей казнѣ прибыльнѣе, и одно мочно бѣ у нихъ кабацкіе всякіе расходы передъ прошлыми годами были съ убавкою».

Въ Москвѣ находился Отдочный Дворъ, родъ нынѣшняго виннаго городка, откуда отпускалось вино для продажи по всѣмъ кабакамъ Москвы и ея пригородовъ и селъ.

Въ посты и еженедѣльные постные дни продажи вина не было и кабаки запирались. Это постановленіе существовало до 1698 года, когда Петръ Великій ограничилъ запрещеніе продажи вина одною Страстною-недѣлею.

Финансовая комиссія, учрежденная въ 1764 году Императрицею Екатериною II, раскрывъ безпорядки и злоупотребленія, лишившія казну важныхъ выгодъ, какія должны были быть отъ виннаго сбора, признала, однакожъ, способъ отдачи этихъ сборовъ въ откупное содержаніе, существовавшее до того времени, выгоднѣйшимъ для казны. Поэтому откупное содержаніе было утверждено и на послѣдующее время, а къ отклоненію существовавшихъ безпорядковъ и злоупотребленій постановлены новыя правила.

По предположенію той же комисіи, казенный питейный сборъ, при надлежащемъ управленіи, долженствовалъ простираться до 4,000.000 руб. въ годъ.

Со вступленіемъ Императора Александра на престолъ, произведены многія важныя перемѣны по разнымъ частямъ государственнаго управленія и финансовъ. Въ видахъ увеличенія винныхъ сборовъ и откупное содержаніе ихъ бы

до замѣнено, въ 1819 году, повсемѣстнымъ казеннымъ управленіемъ, которое продолжалось до 1827 г.

Новый опытъ въ казенномъ управленіи питейными сборами былъ неудачнѣе прежнихъ многократныхъ опытовъ, и Правительство рѣшительно убѣдилось въ совершенной невыгодности его для казны, потому прежній порядокъ отдачи питейной продажи въ частныя руки на откупъ, съ публичныхъ торговъ, возстановленъ снова. Съ того времени до 1847 г. питейные сборы исключительно отдавались съ торговъ, въ Правительствующемъ Сенатѣ производимыхъ, единовременно въ каждые четыре года. Обыкновенно, въ каждый изъ этихъ періодовъ откупная сумма была возвышаема противу предыдущаго четырехлѣтія.

Наконецъ, въ 1847 году Правительство, удержавъ прежнюю отдачу съ торговъ права на продажу вина, произвело въ ней значительныя измѣненія, указанные временемъ. Эти измѣненія и нынѣ дѣйствующая система казеннаго питейнаго сбора, измѣненная съ періода 1847 года, состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ Великороссійскихъ и Сибирскихъ губерніяхъ, вмѣсто откупа, т. е. платы въ казну за право продажи вина наибольшей суммы, предложенной на торгахъ, откупщикъ принимаетъ на себя комиссіонерскую обязанность продавать исключительно казенное вино представляемой на торгахъ пропорціи, которая опредѣляется Министерствомъ Финансовъ на основаніи количества вина, проданнаго откупщиками въ предыдущіе годы, и по другимъ соображеніямъ. Особенность этого комиссіонерства состоитъ въ томъ, что для него обязательенъ непремѣнный выборъ всего, предварительно назначеннаго количества вина. За проданное откупщикомъ или комиссіонеромъ вино онъ получаетъ въ свою пользу, по разряду губерній, отъ 10 до 15% съ рубля выручаемой суммы. За перепроданное вино, т. е. за то количество, которое онъ выберетъ и продастъ въ теченіе года не ранѣе де-

кабря мѣсяца, сверхъ обязательной для него пропорціи онъ платитъ только ту цѣну, какой оно стоить самой казни.

Сверхъ-того комиссіонеръ принимаетъ на себя за добровольную съ торговъ цѣну сборъ акциза съ разныхъ статей, раздѣляемыхъ на двѣ категоріи*: къ первой отнесены: а) доходы отъ продажи водокъ всѣхъ сортовъ, лака и политуры собственного откупнаго произведенія; б) вывариваніе и продажа пива, полпива, портера и меда по вольнымъ цѣнамъ, и г) отдача при питейныхъ домахъ права продажи холодныхъ кушаньевъ; и ко второй—сборъ опредѣленной платы: а) со всѣхъ хлѣбныхъ водокъ, ввозимыхъ въ откупъ, а равно и съ тѣхъ, которыя съ водочныхъ заводовъ обращаются въ продажу въ чертѣ откупа, гдѣ тѣ заводы находятся, по 1 р. съ ведра, со всего того количества, какое для мѣстнаго употребленія продано будетъ. Со спирта выше двойнаго, по 1 р. 45 к. съ ведра. б) Съ водокъ неподслащенныхъ, выдѣлываемыхъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ (кромѣ Астраханской и Ставропольской) изъ россійскихъ виноградныхъ винъ, винограда и фруктовъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, по 3 р., если эти водки будутъ крѣпостию въ 24 градуса; съ водокъ же высшей крѣпости—по особому тарифу, со всего того количества, какое въ чертѣ откупа продано будетъ для мѣстнаго употребленія. в) Съ кизлярскихъ водокъ, въ 24 градуса крѣпости, по 1 р. 50 к. съ ведра, а свыше 55 градусовъ по 3 р.; за промежуточную между сими градусами крѣпость—по расчету градусовъ. г) Съ лака и политуры по 1 р. съ ведра. д) Съ пива, полпива и портера внутренняго приготовленія въ столицахъ по 45 к., а въ прочихъ городахъ по 40 коп. съ ведра. е) За продажу браги и еусла, приготовляемыхъ на особо устроенныхъ заведеніяхъ, тоже по 40 к. съ ведра. ж) Съ меда тотъ же акцизъ, что и съ

* Пол. объ акц. отк. Комм. съ 1851 по 1855 годъ § 315—317.

пива. з) Съ медоваго кваса по 20 к. съ ведра. и) Съ распивочныхъ портерныхъ лавочекъ—по разрядамъ, отъ 75 до 300 р. въ годъ. к) Тотъ же сборъ съ ренсковыхъ погребовъ по разрядамъ.

Сверхъ вышеизложенныхъ акцизовъ, откупщикамъ, по взаимному съ ними соглашенію, платятъ: а) Содержатели ренсковыхъ погребовъ за право продажи трехпробнаго вина, и б) содержатели трактирныхъ заведеній, за право продажи въ своихъ заведеніяхъ питей, вѣдомству откупа принадлежащихъ.

Особенная отъ вышеизложенной система питейныхъ сборовъ введена въ пятнадцати западныхъ Малороссійскихъ и Новороссійскихъ губерніяхъ, и въ одной Беассрабской области.

Питейные сборы въ упомянутыхъ губерніяхъ раздѣлены на двѣ категоріи, и отдаются съ торговъ на откупъ, подъ названіемъ: 1) чарочнаго откупа, и 2) акцизнаго сбора.

Чарочные откупа отдаются въ содержаніе совершенно отдѣльно отъ откупа акцизнаго сбора съ вина, и ни въ какомъ случаѣ одно и то же лицо въ одной губерніи къ содержанію обоихъ откуповъ не допускается*.

Количество продажи вина въ чарочномъ откупѣ не опредѣляется правилами. Откупщикъ, взявшій на себя содержаніе чарочныхъ питейныхъ сборовъ, за наибольшую, объявленную на торгахъ цѣну, продаетъ не казенное вино, какъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ, а *своекоштное*, т. е. заготовляемое имъ на свой счетъ, съ непремѣнною платою акцизному откупщику установленнаго акциза.

Сверхъ выручки отъ непосредственной продажи хлѣбнаго

* Пол. о чарочн. съ 1851 по 1855 г. откупахъ въ привил. губ.

вина, въ пользу чарочнаго откупа предоставленъ сборъ акциза съ различныхъ неоткупныхъ въ чертѣ откупа заведеній, трактировъ и погребовъ, за право продажи въ нихъ хлѣбнаго вина, и съ пивныхъ и медоваренныхъ заводовъ по 25 к. съ ведра производимыхъ ими напитковъ.

Откупъ акцизнаго сбора, какъ выше сказано, совершенно отдѣленъ отъ чарочнаго откупа. Одно и то же лицо не можетъ содержать обоихъ этихъ откуповъ, не только въ совокупности, въ одномъ городѣ и уѣздѣ, но и отдѣльно въ разныхъ городахъ и уѣздахъ губерніи*.

Акцизу подлежатъ хлѣбное вино и хлѣбный спиртъ (безъ исключенія картофельнаго вина), предназначенные для мѣстнаго употребленія въ 16 губерніяхъ и области, какъ въ мѣстахъ вольной продажи, такъ и въ чарочныхъ откупахъ, кромѣ вина и спирта, отправляемыхъ за границу и въ прочія губерніи, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Лица, имѣющія право винокурения (для котораго определенъ срокъ съ 1-го октября по 15 мая) должны заблаговременно объявлять Казенной Палатѣ о желаніи своемъ открыть выкуриваніе вина, а Палата извѣщаетъ о томъ мѣстныхъ чарочнаго и акцизнаго откупщиковъ.

Къ охраненію обоихъ откуповъ, чарочнаго и акцизнаго, отъ корчемства и подрыва со стороны винокуренныхъ заводчиковъ, приняты дѣйствительныя мѣры: выкуренное вино не оставляется на заводѣ, а по-мѣрѣ выкурки; перевозится ежедневно въ складочные магазины и подвалы, подъ надзоръ акцизнаго откупщика или надсмотрщика. Вообще акцизному откупщику предоставлены способы къ контролю надъ винокуренными заводами и мѣстами храненія выкуреннаго

* Пол. объ акц. съ хлѣб. вина и питейн. сборъ въ привилег. губ. и Бессар. области.

вина и спирта, чтобы не происходило тайнаго безакцизнаго ихъ выпуска.

По 93 § положеніе объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина, акцизъ сей взимается тѣмъ откупщикомъ, въ черту коего вино ввезено для употребленія.

ПЕТРЪ РОЗЕНТАЛЬ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЫСОЧАЙШИХЪ ОСОБЪ.

23-го сентября, въ 11 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ произвести линейное ученье собраннымъ при г. Елисаветградѣ войскамъ 1-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса съ ихъ артиллеріею, и остался ими отлично доволенъ.

24-го числа, въ 9 часовъ утра, Его Императорское Величество, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, изволилъ выѣхать изъ Елисаветграда въ г. Вознесенскъ, куда и прибылъ того же числа, въ 8 часовъ вечера, въ вождельбномъ здравіи.

25-го числа, Государь Императоръ изволилъ произвести, въ 10 часовъ утра, смотръ войскамъ 5-го Пѣхотнаго Корпуса, съ 5-ю Легкою Кавалерійскою Дивизіею, съ ихъ артиллеріею и обозами, и нашелъ ихъ въ примѣрно-отличномъ порядкѣ и устройствѣ.

27-го числа, въ 10 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ произвести линейное ученье собраннымъ при г. Вознесенскѣ войскамъ 5-го Пѣхотнаго Корпуса и 5-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, съ ихъ артиллеріею, и остался совершенно довольнымъ правильностію, порядкомъ, спокойствіемъ и тишиною, съ коими произведены всѣ движенія.

28-го числа, въ 9 часовъ утра, Его Императорское Величество изволилъ присутствовать при церковномъ парадѣ въ лагерѣ 14-й Пѣхотной Дивизіи, и потомъ, отелушавъ обѣдно въ этой же Дивизіи, изволилъ смотрѣть стрѣльбу въ цѣль артиллеріи и пѣхоты, и нашелъ войска сіи въ отличномъ состояніи по сей части.

Послѣ сего, въ 2½ часа пополудни, Государь Императоръ изволилъ выѣхать, вмѣстѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, изъ Вознесенска въ Николаевъ, куда и прибылъ того числа, въ 9 часовъ вечера, въ вождѣнномъ здравіи.

Государь Императоръ, въ пребываніе Свое въ городѣ Николаевѣ, изволилъ присутствовать, 29-го сентября, утромъ, при спускѣ на воду вновь построеннаго 120-ти пушечнаго корабля «Великій Князь Константинъ» и при заложени въ то же время и на томъ же эльнгѣ другаго корабля «Босфоръ».

Послѣ сего, Его Величество изволилъ обозрѣвать въ Адмиралтействѣ различныя мастерскія, постройку желѣзныхъ судовъ, камеру образцовыхъ вещей и экипажскіе магазины; потомъ Его Величеству угодно было сдѣлать смотръ 2-му Учебному Морскому Екипажу, кантонистамъ Флотскаго Училища и 4-му батальону Волынскаго полка. За снмъ Его Величество посѣтилъ Штурманскую Роту и Гидрографическое Депо, и изволилъ осматривать городъ. Найдя всѣ сіи части въ отличномъ состояніи, Его Императорское Величество остался совершенно доволенъ.

Того же 29-го числа, въ семь часовъ вечера, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, изволилъ отправиться на пароходѣ-фрегатѣ «Владиміръ», на коемъ и имѣлъ ночлегъ. На слѣдующій день, 30-го сентября, съ разсвѣтомъ, на пароходѣ семь Его Величество съ Ихъ Высочествами отправился въ Севастополь, куда и прибылъ, 1-го октября, въ шесть часовъ утра, въ вождѣнномъ здравіи.

Государь Императоръ, по прибытіи въ Севастополь, изволилъ произвести смотръ стоявшимъ на рейдѣ 4-й и 5-й Дивизіямъ Черноморскаго Флота, и посѣтилъ корабли «Парижъ» и «12-тъ Апостоловъ», произведя на первомъ изъ нихъ артиллерійское ученіе, и нашелъ суда сихъ Дивизій въ отличномъ состояніи. Послѣ сего, Его Величество изволилъ смотрѣть на бере-

гу четвертые батальоны 13-й Пѣхотной Дивизіи. За снмъ Его Императорское Величество удостоилъ посѣщеніемъ севастопольскія портовыя заведенія и сухіе доки, найдя портъ въ примѣрномъ порядкѣ, а работы сухихъ доковъ и прилегающія къ нимъ сооруженія въ совершенно удовлетворительномъ состояніи; потомъ осматривалъ мѣсто для новаго Адмиралтейства.

Того же числа, Его Величество посѣтилъ морской госпиталь, и проѣхавъ по городу, осматривалъ морскую офицерскую библиотеку и домъ Благороднаго Собранія.

2-го октября, по утра, Государь Императоръ, обозрѣвъ вновь построенныя прибрежныя укрѣпленія, изволилъ выѣхать, въ одиннадцать часовъ, на пароходѣ-фрегатѣ «Владиміръ», вмѣстѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами, Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, въ Николаевъ, куда и прибылъ 3-го октября, въ два часа пополудни, въ вождѣнномъ здравіи. Во все время плаванія Его Императорскаго Величества, съ Ихъ Императорскими Высочествами, моремъ, погода благоприятствовала.

Его Императорское Величество, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, изволилъ благополучно прибыть, 10-го октября, въ половинѣ третьяго по-полуночи, въ Царское-Село съ путешествія своего по внутреннимъ губерніямъ.

Ихъ Императорскія Высочества Государь Цесаревичъ Великій Князь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и Государыня Цесаревна Великая Княгиня Марія Александровна изволили прибыть благополучно, 7-го сего мѣсяца, вечеромъ, въ С.-Петербургъ, изъ путешествія Своего въ чужіе края.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Въ 20-й день сего октября, по волѣ Бога Всемогущаго, Любезнѣйшій Зять Нашъ, Его Императорское Высочество, Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, скончался послѣ про-

должительной болѣзни. Покоряясь Небесному Провидѣнію, неповѣдимому въ путяхъ своихъ, Мы увѣрены, что всѣ любезные Наши подданные примутъ искреннее участіе въ постигшей насъ семейной скорби, и соединять мольбы свои съ Нашими объ успокоеніи души Почившаго.

Данъ въ С.-Петербурѣ, 20-го октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ второе; Царствованія же Нашего въ двадцать-седьмое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Н И К О Л А Й».

ВЫСОЧАЙШЕ РЕСКРИПТЫ:

1) На имя Генералъ-Адъютанта Философова.

Господинъ Генералъ-Адъютантъ Философовъ! Указомъ, даннымъ въ сей день Правительствующему Сенату, назначилъ Я васъ Попечителемъ при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ, любезнѣйшихъ Сыновьяхъ Моихъ, Великихъ Князяхъ Николаѣ Николаевичѣ и Михаѣ Николаевичѣ. Они окончили воспитаніе подъ руководствомъ вашимъ, согласно даннымъ Мною вамъ наставленіямъ и къ полному удовольствію родительскаго Моего сердца. Не отлучая васъ отъ Нихъ и нынѣ, Я совершенно увѣренъ, что возлагаемую на васъ новую, неменѣе важную обязанность Попечителя, исполните вы съ тѣмъ же примѣрнымъ усердіемъ, съ тою же неусыпною заботливостію, коихъ въ-продолженіе четырнадцати лѣтъ былъ Я очевиднымъ свидѣтелемъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

Въ Царскомъ-Селѣ, 13-го октября 1852 г.

2) На имя его же Генералъ-Адъютанта Философова.

Господинъ Генералъ-Адъютантъ Философовъ! По достиженіи нынѣ любезнѣйшимъ Сыномъ Моимъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаѣломъ Николаевичемъ,

установленнаго закономъ совершеннолѣтія, Мы пріятно изъявить вамъ душевную Мою признательность за труды, понесенные вами по наблюденію за Его воспитаніемъ. Препровождаемая при семъ, украшенная брилліантами табакерка съ Моимъ портретомъ да послужитъ вамъ новымъ знакомъ искренняго Моего благоволенія, всегда напоминая время, которое посвятили вы исполненію столь важной обязанности. Пребываю къ вамъ благосклонный.

Въ Царскомъ-Селѣ, октября 14-го дня 1852 года.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Н И К О Л А Й».

3) На имя Предсѣдательницы Совѣта С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества, Графини Клейнмихель.

Графиня Клеопатра Петровна! Разсмотрѣвъ представленные Мы отчеты о дѣйствіяхъ Патріотическаго Общества въ мншувшемъ трехлѣтіи, и журналъ чрезвычайнаго засѣданія Совѣта о послѣдовавшемъ избраніи вашемъ Предсѣдательницею онаго на наступившее третіе трехлѣтіе ревностнаго управленія вашего дѣлами Общества, Я вмѣняю Себѣ въ пріятную обязанность, при утвержденіи сего выбора, изъявить, какъ вамъ, такъ и прочимъ членамъ, истинную Мою признательность и благоволеніе за отрадныя успѣхи, достигнутые совокупными вашими успіями. Искренно желая, чтобы продолженіе оныхъ и неусынное попеченіе Совѣта о пользахъ Общества упрочили навсегда благосостояніе его и подвѣдомственныхъ ему школъ, пребываю вамъ навсегда доброжелательною.

Царское-Село, 20-го сентября 1852 года.

4.) На имя супруги Генералъ-Адъютанта С. А. Кокошкиной.

Софія Александровна! Во изъявленіе особеннаго Нашего къ вамъ благоволенія и вниманія къ отличной службѣ вашего супруга, Мы, съ соизволенія Государа Императора, приняли васъ въ число Дамъ меньшаго креста ордена Святыя Великомученицы Екатерины, коего знаки при семъ препровождаемъ, съ

тѣмъ, чтобы вы ихъ на себя возложили. Пребываемъ впрочемъ къ вамъ благосклонны.

Въ Царскомъ-Селѣ, октября 1-го дня 1852 года.

На подлинныхъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРА»,

ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ,

за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ.

Въ Высочайшемъ указѣ за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату октября 13-го, изображено: «На основаніи § 27 Учрежденія объ Императорской Фамиліи, назначаемъ Попечителемъ при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ, Любезнѣйшихъ сыновьяхъ Нашихъ, Государяхъ, Великихъ Князяхъ Николаѣ Николаевичѣ и Михаилѣ Николаевичѣ, Нашего Генералъ-Адъютанта Философова».

Въ таковомъ же указѣ. Правительствующему Сенату, 3-го ноября, изображено: «Ея Императорскому Высочеству, Любезнѣйшей Дочери Нашей, Великой Княгини Маріи Николаевны, Повелѣваемъ быть Президентомъ Императорской Академіи Художествъ».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ:

По Военному Министерству.

Высочайше утверждено слѣдующее положеніе Военнаго Совѣта: 1) На дѣтей вдовыхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, находящихся въ безсрочномъ и продолжительныхъ отпускахъ,

которыя отданы будутъ на постороннее воспитаніе, производить сиротское содержаніе, въ мѣрѣ, установленной для дѣтей овдовѣвшихъ служащихъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, остающихся при нихъ на воспитаніи, т. е. производить на нихъ отъ казны: до 7 лѣтъ половинную дачу солдатскаго пайка, а съ 7-ми до 14-ти полную, и сверхъ-того деньгами: живущимъ въ С.-Петербургѣ по 90 к., въ Москвѣ и тѣхъ мѣстахъ, гдѣ войска довольствуются прибавочнымъ жалованьемъ по 45 коп., въ прочихъ же за тѣмъ губерніяхъ по 30 коп. сер. въ мѣсяць. 2) Согласно сему дополнить п. 9 лит. а, прил. LXIII част. 2 кн. 1 Св. Воен. Постан. слѣдующимъ образомъ: «и на дѣтей вдовыхъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ безсрочномъ и продолжительномъ отпускахъ».

По Министерству Финансовъ.

Статьи 851-я и 857-я Уставовъ Кредитныхъ Установленій (Св. Зак. т. XI) замѣнены слѣдующими: Ст. 851. Архангельская Контора производить ссуды: 1) подъ учетъ векселей; 2) подъ залогъ товаровъ; 3) подъ залогъ билетовъ Сохранной Казны, Коммерческаго и Заемнаго Банковъ и Комиссіи Погашенія долговъ; 4) подъ учетъ облигацій займовъ Царства Польскаго, и 5) подъ учетъ облигацій Казначейства сего Царства. Ст. 857. Архангельская Контора принимаетъ въ залогъ товары, застрахованные въ одномъ изъ российскихъ страховыхъ отъ огня обществахъ: а) хранящіеся въ Архангельскѣ, въ таможенномъ замкѣ и въ общественныхъ буянахъ, состоящихъ подъ вѣдѣніемъ Портовой Таможни и Городской Думы, и б) сложенные въ частныхъ деревянныхъ амбарахъ, если, по предварительному освидѣтельствованію сихъ амбаровъ, они окажутся безопасными и не будутъ представлять неудобствъ въ цѣлостномъ храненіи залоговъ.

—Департаментъ Внѣшней Торговли, съ разрѣшенія Г. Управляющаго Министерствомъ Финансовъ и на основаніи параграфа 26 Общихъ Правилъ для дѣйствія Тарифа, далъ знать, по Таможенному Вѣдомству, для свѣдѣнія и надлежащаго, въ потребномъ случаѣ, исполненія:

1) Что дощечки металлическія, осыпанныя желѣзными опилками, употребляемыя противъ ревматизма, не должны быть пропускаемы изъ-за границы.

2) Что слѣдуетъ пропускать съ пошлиною: Простое стекляннѣе издѣліе съ простыми петлями изъ проволоки, въ видѣ пуговицъ — по статьѣ 211, по 1 р. 50 к. сер. съ пуда. Матерію бѣлую бумажную съ конскимъ волосомъ — по статьѣ 220 и 223-й, по 48 и 80 коп. сер. съ фунта, смотря по числу кв. аршинъ въ фунтѣ. Масло, выжатое изъ американскихъ орѣховъ — по статьѣ 155-й, по 1 руб. 85 к. сер. съ пуда при привозѣ моремъ, а сухопутно по 1 р. 25 к. сер. съ пуда. Масло, выжатое изъ сладкаго миндаля — по статьѣ 29-й, по 1 р. 85 к. с. при привозѣ моремъ, а сухопутно по 1 руб. 25 к. сер. съ пуда. Формы глиняныя, для отлитія сахарныхъ головъ — по статьѣ 262-й, по 80 коп. сер. при привозѣ моремъ, а сухопутно по 60 к. сер. съ пуда. Желѣзныя опилки — по статьѣ 157-й, по 50 к. сер. съ пуда при привозѣ сухопутно. Капканы желѣзные и стальные, шлифованныя, для ловли волковъ и другихъ звѣрей; стальные графированныя дощечки для печатанія картинокъ; наковальни желѣзныя, неопиленные и неполированные, по статьѣ 347-й, при провозѣ моремъ по 1 р., а сухопутно по 50 к. с. съ пуда. Доски деревянные съ вырѣзанными узорами и таковыя же доски съ наложенными на нихъ изъ мѣди узорами, употребляемыя на фабрикахъ для печатанія ситцевъ — по статьѣ 301-й, по 30 к. сер. съ пуда. Шкуры овечьи, крашенныя, приготовленныя въ видѣ ковровъ — по статьѣ 459-й, по коей съ приготовленныя изъ мягкой рухляди предметовъ взимается въ пошлину 50% болѣе, нежели съ самой рухляди. — Канву бумажную и изъ писчей румаги, а также и тамбурную работу на бумажной канвѣ, по статьѣ 233-й, по 1 р. сер. съ фунта. — Канву шелковую, по статьѣ 413-й, по 2 р. сер. съ фунта. — Канву изъ конскихъ гривъ, по статьѣ 429-й, по 1 р. сер. съ фунта.

Примѣчаніе. При пропускѣ бумажной, шелковой и волосанной канвы, а также и тамбурной работы на бумажной канвѣ, слѣдуетъ руководствоваться, по принадлежности, общими примѣчаніями, помѣщенными подъ статьями тарифа о бумажныхъ (220 — 233), шелковыхъ и шерстяныхъ издѣліяхъ (405 — 429).

— Высочайше-утвержденнымъ, 23-го января 1845 года, положеніемъ Комитета Гг. Министровъ, опубликованнымъ въ указѣ Правительствующаго Сената, 14-го февраля того же года, постановлено: откупщики питейныхъ сборовъ, коимъ оказаны Правительствомъ льготы и разсрочки въ платежѣ

откупныхъ суммъ, могутъ передавать тѣ сборы въ распоряженіе принимаемыхъ ими товарищей, на слѣдующемъ основаніи: 1) когда вся недоимка обезпечена достаточнымъ залогомъ рубль за рубль, то содержателямъ питейныхъ сборовъ дозволяется передавать откупа товарищамъ безпрятственно; 2) что же касается до тѣхъ откуповъ, по коимъ разсрочка сдѣлана съ обезпеченіемъ менѣе нежели рубль за рубль, по соображенію благонадежности откупщика, то передача такихъ откуповъ другому лицу, хотя бы онъ былъ принятъ и въ товарищество, не допускается безъ уплаты того количества недоимки, которое не обезпечно рубль за рубль, не распространяя сего на передачи, которыя до обнародованія означеннаго постановленія допущены уже были Казенными Палатами. Нынѣ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволимъ: мѣру эту распространить и на остальное время нынѣшняго четырехлѣтія, и вслѣдствіе того передачъ питейныхъ откуповъ, коимъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, дарована льгота во взносѣ суммъ: откупныхъ, акцизныхъ и за недобранное вино, не допускать ни постороннимъ лицамъ, ни компаньонамъ, безъ уплаты того количества недоимки, которое не обезпечено рубль за рубль, или безъ представленія дополнительнаго для такого обезпеченія залога.

— Государь Императоръ, Высочайше повелѣть соизволимъ: постановить въ видѣ опыта, на три года, что въ Любавскомъ, Рижскомъ, Перновскомъ, Ревельскомъ и Нарвскомъ портахъ, хозяевамъ неочищенной пошлиною иностранной поваренной соли дозволяется получать изъ оной безпошлинно все то количество, какое предназначается въ кормъ скоту, съ тѣмъ во 1-хъ, чтобы эта соль, до выпуска изъ таможеннаго вѣдомства, была надлежащимъ образомъ перемѣшана съ каменноугольнымъ дегтемъ, въ размѣрѣ неменѣе одного процента вѣса соли, подъ надзоромъ таможенныхъ чиновниковъ и въ присутствіи Члена мѣстной Врачебной Управы, или, гдѣ оной нѣтъ, Городоваго или Уѣзнаго Врача; и во 2-хъ, чтобы при выпускѣ купцамъ кормовой соли, брать съ нихъ въ таможенныхъ обязательства, что отнюдь не будутъ очищать ее отъ примѣси, или же продавать неочищенную соль для фабричнаго производства, подъ опасеніемъ взысканія какъ за контрабанду.

По Министерству Государственных Имуществъ.

Высочайше-утвержденнаго, 20-го іюля 1842 года Положенія о обезпеченіи содержаніемъ сельскаго православнаго духовенства въ Западныхъ губерніяхъ §§ 53, 54 и 55, Священно и Церковно-служителямъ предоставлено получать для отопленія церковныхъ домовъ дрова или другіе матеріалы, какіе гдѣ употребляются мѣстными жителями, отъ прихожанъ, если таковыя находятся въ ихъ дачахъ, по разсчисленію старшинъ или управляющихъ имѣніями съ Благочинными, когда наступитъ въ томъ надобность, за неимѣніемъ лѣса на церковныхъ земляхъ. Волынской Губернской Комитетъ, учрежденный для приведенія сего положенія въ дѣйствіе, принявъ въ соображеніе, что прихожане церквей тамошней губерніи, состоящіе почти исключительно изъ крестьянъ, собственныхъ лѣсныхъ дачъ не имѣютъ, а пользуются для своихъ надобностей лѣсомъ въ дачахъ помѣщичьихъ, по ихъ назначенію, постановилъ: въ приходяхъ, состоящихъ изъ помѣщичьихъ имѣній, избоблюющихъ лѣсомъ, но неимѣющихъ лѣсовъ церковныхъ, причтамъ получать дрова на отопленіе изъ отведенныхъ помѣщикамъ дачъ, и вывозить ихъ на свой счетъ, по разсчисленію, основанному на дѣйствительной надобности; въ мѣстахъ же безлѣсныхъ, гдѣ крестьяне отапливаются соломой, которой и для нихъ самихъ не всегда достаточно, причтамъ отапливать церковные дома тоже соломой, или другими матеріалами, собираемыми на церковныхъ земляхъ, не требуя пособія сего отъ прихожанъ. Вслѣдствіе сего постановленія, Волынская Палата Государственныхъ Имуществъ возбудила вопросъ: въ какой мѣрѣ постановленіе то должно быть примѣняемо къ казеннымъ имѣніямъ, въ которыхъ крестьяне, пользующіеся нынѣ лѣсомъ отъ казны бесплатно и дающіе причтамъ дрова изъ назначенныхъ имъ дачъ, за переводомъ ихъ на оброкъ и истеченіемъ льготнаго времени должны будутъ получать изъ казенныхъ дачъ и на свои надобности лѣсъ иначе, какъ за деньги. По сношенію о семъ съ Г. Кіевскимъ Военнымъ, Подольскимъ и Волынскимъ Генералъ-Губернаторомъ, принявъ въ соображеніе, что на основаніи Высочайшихъ повелѣній, состоявшихся въ январѣ и ноябрѣ 1846 года, Государственнымъ крестьянамъ въ Западныхъ гу-

берніяхъ предоставлено пользоваться бесплатнымъ отпускомъ на домашнія надобности казеннаго лѣса въ имѣніяхъ, переведенныхъ на оброкъ по временнымъ инвентарямъ, до люстраціи тѣхъ имѣній, а въ переведенныхъ по люстраціи только въ-теченіе трехъ лѣтъ, что сельское православное духовенство, пользующееся, по положенію 1842 года, дровами на отопленіе церковныхъ домовъ изъ отведенныхъ крестьянамъ дачъ, не должно, по всей справедливости, лишаться этой выгоды и тогда, когда съ измѣненіемъ условій отпуска крестьянамъ казеннаго лѣса, отъ нихъ отойдутъ таковыя дачи, и что продолженіе отпуска причтамъ изъ сихъ дачъ дровъ не составитъ новаго расхода казеннаго лѣса, Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ входилъ по сему предмету со всеподданнѣйшимъ Государю Императору докладомъ; вслѣдствіе чего Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 18-й день августа 1852 года, Высочайше повелѣть: помянутое постановленіе Волынскаго Губернскаго Комитета, о порядкѣ довольствія дровами причтовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ принять въ руководство и по казеннымъ имѣніямъ, распространить оное на все Западныхъ губерніи.

— Высочайше повелѣно: Воспитанниковъ Лѣснаго Межеваго Института, исключаемымъ изъ заведенія за слабые успѣхи въ наукахъ, въ случаѣ непріятія ихъ родственниками на свое попеченіе, помѣщать въ учрежденныя при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ Егерскія Училища, съ тѣмъ, чтобы выпускать ихъ на службу, по окончаніи въ Егерскомъ Училищѣ курса, примѣняясь къ ст. 819 Св. Воен. Пост. ч. 1-й кн. III, Кондукторами, и производить въ офицеры не ранѣе трехъ лѣтъ, по выдержаніи экзамена по программѣ, определенной для производства Лѣсныхъ Кондукторовъ въ офицеры, и то только въ такомъ случаѣ, когда они, по примѣрному поведенію и усердію къ службѣ, будутъ того достойны.

По Министерству Юстиціи.

Въ дополненіе ст. 499 Пост. о благоустр. въ городахъ и селеніяхъ (Св. Зак. Т. XII) постановлено: Рыбпромьшленникамъ на всѣхъ вообще рѣкахъ воспрещается употребленіе такихъ неводоу, длина которыхъ болѣе половины широты рѣки, а равно закидываніе оныхъ съ двухъ противополож-

ныхъ береговъ въ одно и то же время и по одному направле-
ленію.

— Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ слѣдующія правила, разсмотрѣнныя въ Комитетѣ Министровъ и онымъ одобренныя, относительно порядка размѣщенія по арестантскимъ ротамъ военнаго вѣдомства пзвншняго числа арестантовъ, содержащихся въ арестантскихъ ротахъ, гражданскаго вѣдомства: 1) Предписать Начальникамъ губерній (пзъ копхъ получены свѣдѣнія о накопленіи арестантовъ) по истребованіи статейныхъ списковъ содержащихся въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства преступникамъ, начиная съ тѣхъ, кои осуждены на продолжительнѣйшіе сроки заключенія (отъ 10 до 12, отъ 8 до 10 и отъ 6 до 8 лѣтъ) и переходя затѣмъ къ слѣдующимъ разрядамъ (къ заключеннымъ на время отъ 4 до 6 и отъ 2 до 4 лѣтъ), составить по каждой губерніи списокъ лицъ, кои могутъ быть отправлены въ арестантскія роты военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, въ числѣ, соотвѣтствующемъ недостатку помѣщенія въ арестантской ротѣ гражданскаго вѣдомства. Избранныхъ на семь основаніи лицъ освидѣтельствовать при Членахъ Строительной Комиссіи и Врачебной Управы, дабы отправить токмо годныхъ къ работамъ по тѣмъ сложению, недержимыхъ болѣзнями и недостигшихъ преклонныхъ лѣтъ. Если же между назначенными Начальниками губерній къ отправкѣ окажутся лица, неспособныя къ работамъ въ ротахъ военнаго вѣдомства, то замѣнить ихъ другими преступниками пзъ числа остающихся въ ротѣ гражданскаго вѣдомства и осужденныхъ къ сроку продолжительному, слѣдуя порядку, принятому для избранія первыхъ. До отправленія избранныхъ къ поступленію въ роты военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, постановить въ Губернскомъ Правленіи опредѣленіе о срокѣ ихъ содержанія, на основаніи 82 ст. Уложения о Наказаніяхъ, полагая за одинъ годъ работъ въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства десять мѣсяцевъ работъ въ ротахъ военнаго вѣдомства и не считая въ срокъ дней, несоставляющихъ полнаго мѣсяца, и на семь основаніи пзмѣнить статейные списки, при которыхъ арестанты должны быть отправлены по назначенію. 2) Мѣры сіи примѣнять къ тѣмъ губерніямъ, въ копхъ окажется недостатокъ помѣщенія въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, пока не наполнится число свободныхъ помѣщеній, указанное Начальствами арестантскихъ ротъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ.

3) О всѣхъ предназначаемыхъ къ отправленію на семь основаніи доносить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ указаніемъ, въ подробной о нихъ вѣдомости, опредѣленнаго преступникамъ въ судебныхъ приговорахъ срока содержанія въ арестантской ротѣ гражданскаго вѣдомства и назначеннаго имъ Губернскимъ Правленіемъ срока пребыванія въ арестантской ротѣ военно-сухопутнаго или морскаго вѣдомствъ; а затѣмъ и самое отправленіе арестантовъ по назначенію дѣлать не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашеніи съ Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ и Начальникомъ Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества. 4) Въ арестантскія роты военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ не назначать преступниковъ, кои по недостатку помѣщенія въ ротахъ гражданскаго вѣдомства находятся въ рабочихъ домахъ и тюрьмахъ, но тѣхъ пзъ нихъ, содержаніе копхъ въ сихъ мѣстахъ заключенія должно еще продолжиться болѣе 3-хъ лѣтъ, отправить въ Сибирь на поселеніе, на точномъ основаніи распубликованнаго въ указахъ Правительствующаго Сената, отъ 12-го іюня 1852 года, Высочайшаго повелѣнія, не распространяя однако силы онаго на арестантовъ, помѣщенныхъ въ рабочіе дома и тюрьмы не по суду, а по распоряженіямъ административнымъ, для исправленія, или для заработанія штрафовъ и состоящей на нихъ недопмки государственныхъ и общественныхъ повинностей, хотя бы пребываніе арестантовъ сего рода въ рабочихъ домахъ и тюрьмахъ должно было продолжиться болѣе 3-хъ лѣтъ.

— Касательно порядка свидѣтельствованія подлинности актовъ, совершаемыхъ въ Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и приводимыхъ въ дѣйствіе въ Имперіи и обратно, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено 1) ст. 601 Зак. Гражд. (Св. Зак. т. X) замѣнить новыми правилами *. 2) Пункты 5-й и 6-й приложения къ ст. 2221, Зак. Гражд. (Св. Зак. т. X) о судопроизводствѣ по дѣламъ между обывателями Россійской Имперіи и Царства Польскаго, пзложить слѣдующимъ образомъ: Пунктъ 5-й. Дѣйствительность долговаго обязательства, договора, или инаго акта, опредѣляется, на основаніи законовъ того края, по узаконеніямъ и формамъ коего акты были совершены. Пунктъ 6-й. Рѣшенія присутственныхъ мѣстъ,

* Правила эти см. въ № 81-мъ С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей.

какъ Имперіи такъ и Царства, по дѣламъ вотчиннымъ и псковымъ приводятся въ исполненіе въ томъ краѣ, гдѣ оныя послѣдовали. Но когда по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ въ дѣлахъ псковыхъ положено будетъ взысканіе, а имѣніе, съ коего можно было бы оное производить, въ томъ краѣ находится не будетъ, между-тѣмъ, какъ въ другомъ краѣ истецъ укажетъ принадлежащее отвѣтчику имѣніе, въ такомъ случаѣ рѣшеніе приводить въ исполненіе въ томъ краѣ, гдѣ состоитъ имѣніе, и въ порядкѣ, законамъ того края установленномъ. При чемъ наблюдать слѣдующее: а, въ Царствѣ—вошедшія въ законную силу рѣшенія, состоявшіяся въ судебныхъ мѣстахъ Имперіи, исполнять, по просьбѣ истца, Предсѣдателямъ подлежащихъ судовъ; для сего истецъ обязанъ предварительно испросить изъ судебного мѣста Имперіи за свидѣтельствовавшую, на законномъ основаніи, копию съ опредѣленія, съ подписью въ томъ, что объ исполненіи онаго предоставляется ему просить въ Царствѣ Польскомъ, каковую копию и имѣть онъ приложить къ своей просьбѣ; подписи лицъ, свидѣтельствующихъ копию, удостоверяются мѣстнымъ Губернскимъ Правленіемъ, которое о каждомъ такомъ удостовѣреніи увѣдомляетъ Правительственную Комиссію Юстиціи, а ея послѣдняя, съ своей стороны, даетъ о томъ знать Предсѣдателю надлежашаго Суда. б, Въ Имперіи — рѣшенія судебныхъ мѣстъ Царства, исполненію подлежащія, приводить въ дѣйствіе также, по просьбѣ истца, подлежащимъ мѣстамъ, съ представленіемъ тѣмъ самыхъ документовъ; подписи лицъ, свидѣтельствующихъ копию съ судебного рѣшенія, удостоверяются въ Царствѣ Правительственною Комиссіею которая о такомъ удостовѣреніи увѣдомляетъ Губернское Правленіе той губерніи, въ коей должно производиться исполненіе рѣшенія; Губернское-же Правленіе съ своей стороны, даетъ о томъ знать надлежащему мѣсту. При сихъ случаяхъ и въ Царствѣ, и въ Имперіи, судебныя и исполнительныя мѣста не входятъ въ разсмотрѣніе правильности иска и послѣдовавшаго уже по оному рѣшенія. III. Приведеніе, въ установленномъ порядкѣ, въ дѣйствіе настоящихъ постановленій, въ чемъ оныя къ Царству Польскому и къ Великому Княжеству Финляндскому относятся, возлагается, по принадлежности на Намѣстника Царства и Финляндскаго Генералъ-Губернатора.

— Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшаго вопроса о томъ: могутъ ли Евреи Караимы свободно пріѣзжать въ сто-

лицы и другіе внутренніе города Имперіи, съ установленными паспортами, или же они должны подвергаться ограниченіямъ, постановленнымъ для прочихъ Евреевъ, 19-го августа сего 1852 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: сдѣлать поясненіе, что это ограниченіе пріѣзда Евреевъ въ столицы и города внутреннихъ губерній не распространяется на Евреевъ Караимовъ.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Высочайше повелѣно: 1) Предоставить Генералъ-Губернаторамъ Западной и Восточной Сибири, остатки отъ всѣхъ вообще штатныхъ суммъ, въ томъ числѣ канцелярской и экстраординарной по Главнымъ Управленіямъ этого края, раздавать, въ теченіе года, въ пособіе и награду отличившимся трудолюбіемъ и усердіемъ къ службѣ чиновникамъ и писцамъ, а также употреблять на разныя надобности по Главнымъ Управленіямъ, руководствуясь въ отношеніи зачета сихъ остатковъ Высочайше-утвержденнымъ, 16-го іюня сего года, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, и

2) Зачислить дѣйствительнымъ расходомъ произведенныя по распоряженію Генералъ-Губернатора Муравьева пособія изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ по Главному Управленію Восточной Сибири и отъ содержанія состоящихъ при немъ военныхъ чиновниковъ.

— Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено: 1) Въ уѣздномъ городѣ Богодуховѣ Городскую Думу упразднить, и дѣла оной передать въ тамошнюю Городскую Ратушу, возложивъ на сію послѣднюю, согласно ст. 4248 Общ. Губерн. Учрежд. (Св. Зак. т. 11), завѣдываніе всѣми общественными, судебными и опекунскими или сиротскими дѣлами, какъ по городу Богодухову, такъ и по заштатному городу Краснокутску. 2) Богодуховскую Городовую Ратушу образовать по штату, Высочайше-утвержденному 4-го марта 1841 г., для Тотемской Ратуши, съ тѣмъ, чтобы недостающая противу сего штата сумма, къ отпускаемой нынѣ изъ городскихъ доходовъ Богодухова и Краснокутска на содержаніе богодуховскихъ Думы и Ратуши, была отнесена, впредь до успенія доходовъ г. Краснокутска, на проценты

съ принадлежащаго сему городу капитала, обращающагося въ Харьковскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія.

— Государь Императоръ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, 30-го минувшаго сентября, въ-слѣдствіе общаго г. Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ и г. Министра Юстиціи представленія, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить присоединеніе Магистрата къ Уѣздному Суду въ городѣ Тамбовѣ, въ видѣ опыта, впредь на три года.

— Государь Императоръ, Высочайше повелѣть соизволилъ: издержку на продовольствіе солью нижнихъ чиновъ съ кантонистами С.-Петербургскаго и Московскаго Жандармскихъ Дивизионовъ, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ приказѣ по Военному Вѣдомству, отъ 25-го іюня 1851 года, для нижнихъ чиновъ по двадцати фунтовъ въ годъ на человѣка, а для кантонистовъ въ половинномъ размѣрѣ, начиная съ 1-го января сего года отнести на городскіе доходы столицъ, со внесеніемъ оной въ подлежащія Городскія Росписи.

— Высочайше повелѣно: Уѣздный городъ Бѣлицу, Могилевской губерніи, зачислить заштатнымъ, а мѣстечко Гомель назначить уѣзднымъ городомъ, съ переводомъ въ оный изъ Бѣлицы всѣхъ Уѣздныхъ Управленій; въ-слѣдствіе чего и представить на Высочайшее утвержденіе планъ города Гомеля.

— Государь Императоръ, Высочайше повелѣть соизволилъ: закрывъ существующее въ г. Петропавловскѣ Городское Хозяйственное Управленіе, учредить въ ономъ Ратушу, съ тѣмъ чтобы сія послѣдняя завѣдывала, на основаніи 128, 130 и 131 ст. Учр. Сиб. Упр. т. II (изд. 1842 г.), всѣми общественными, хозяйственными, судебными и опекунскими или сиротскими дѣлами.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Слѣдуя 127 ст. Высочайше-утвержденнаго, 28-го января сего года, проекта измѣненій въ существующихъ узаконеніяхъ и правилахъ относительно порядка дѣлопроизводства по Гражданскому Управленію, кою представляется поименованнымъ въ той статьѣ Начальствамъ предоставленія о наградахъ знакомъ отличія безпорочной службы вносить непосредственно въ Капитуль Орденовъ, Высочайше повелѣно распространить на подвѣдомственныя Министерству Народнаго Просвѣщенія мѣ-

ста, и на семъ основаніи предоставить непосредственнымъ Начальствамъ Учебныхъ Округовъ, Академіи Наукъ и Главнаго Педагогическаго Института вносить прямо отъ себя въ Капитуль Орденовъ, въ установленный срокъ, списки чиновниковъ, удостоиваемыхъ награжденія знакомъ отличія безпорочной службы.

— Государь Императоръ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, въ-слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 14-й день октября сего 1852 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: одно изъ Кіевскихъ Дворянскихъ Уѣздныхъ Училищъ преобразовать въ Уѣздное Училище по уставу 8-го декабря 1828 года, а Роменское Уѣздное Училище—въ Дворянское Уѣздное Училище.

По Кавказскому Комитету.

Государь Императоръ, по представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть:

1) Находящуюся вблизи Тифлиса, за предмѣстьемъ Куки, нѣмецкую колонію причислить къ городу Тифлису.

2) Оставивъ при колонистахъ теперешнія ихъ права, предоставить въ собственность каждаго хозяина отдѣльно владѣнья ими нынѣ земли и дома, съ тѣмъ однако, чтобъ оныя не были предаваемы стороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу колоніи.

3) Колонистамъ дозволить переселяться въ другія мѣста и переходить въ другія званія; тѣ, кои будутъ уволены въ другое званіе, могутъ оставаться въ званіи колонистовъ только тогда, когда обяжутся исполненіемъ повинностей по обоимъ состояніямъ, согласно ст. 159 и 160 т. XII Уст. о кол. (изд. 1842 г.)

4) Предоставить имъ, для внутренняго управленія, имѣть свой Приказъ по примѣру Сельскаго, на прежнемъ основаніи и прежнихъ правахъ, съ тѣмъ, чтобы Приказъ собиралъ съ нихъ виѣ казенныя и городскія подати и повинности, и представлялъ оныя куда слѣдуетъ.

5) Съ причисленіемъ нѣмецкой колоніи въ городу Тифлису подчинить ее вѣдѣнію тифлисской Городской Полиціи, съ

тѣмъ, чтобы Полиція разбирала жалобы на дѣйствія Приказа по правиламъ, изложеннымъ въ Т. XII Уст. объ иностр. кол. (изд. 1842 г.), въ предѣлахъ власти, присвоенной Смотрителю колоній, и представляла дѣла, требующія разрѣшенія высшаго Начальства, въ Тифлисское Губернское Правленіе. Намѣстнику Кавказскому предоставить на этомъ основаніи, въ особыхъ правилахъ опредѣлить отношенія тифлисской Полиціи къ колонистамъ и ихъ Приказу.

По вѣдомству Почтоваго Департамента.

Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Економіи въ успешномъ составѣ, рассмотрѣвъ представленіе Главнначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ, о казенномъ управленіи газетною операціею и штатъ по сей части, а равно отзывъ по дѣлу сему Директора означеннаго Департамента, *миѣнемъ положилъ*: 1) Дополнительный штатъ Почтоваго Управленія, по газетной части, поднести на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе. 2) Печисленный по сему штату расходъ, 44,140 руб. 71 коп., отнести на счетъ общей суммы газетныхъ сборовъ. 3) Предположенныя Главнначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ правила: а) о таксѣ на пересылку газетъ и журналовъ, выходящихъ въ Россіи и за границею, б) о порядкѣ дѣлопроизводства, и в) о счетоводствѣ и отчетности по казенной операціи, утвердить, и 4) Вышеупомянутые штатъ и правила, по воспослѣдованіи на оныя Высочайшаго соизволенія, привести въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, на два года, съ тѣмъ, чтобы предъ истеченіемъ сего срока, Главнначальствующій надъ Почтовымъ Департаментомъ вошелъ въ соображеніе, не представится ли, по указанію опыта, возможнымъ сдѣлать въ означенныхъ правилахъ и штатѣ измѣненія, для сокращенія расходовъ по управленію газетною операціею, и представилъ за тѣмъ окончательныя предположенія свои по сему предмету на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта въ установленномъ порядкѣ. Миѣніе это Высочайше утверждено 7-го ноября.

ТАКСА

НА ПЕРЕСЫЛКУ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ, ИЗДАВАЕМЫХЪ ВЪ РОССІИ, И ОБЪЯВЛЕНІЙ, ПРИЛАГАЕМЫХЪ КЪ ТѢМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

А) По пересылкѣ газетъ и журналовъ.

1) За пересылку журналовъ и газетъ, въ какіе бы сроки они не выходили, но только печатне одного раза въ недѣлю, брать по 1 руб. 50 коп. съ каждаго экземпляра.

2) За пересылку журналовъ и газетъ, выходящихъ по 2 и по 3 раза въ недѣлю, брать по 2 руб. съ каждаго экземпляра.

3) За пересылку журналовъ и газетъ, выходящихъ отъ 4 и до 7 разъ, включительно, въ недѣлю, брать по 3 руб. съ каждаго экземпляра.

При платежахъ по этой таксѣ предполагаются еще слѣдующія условія:

1) Если при журналѣ или газетѣ выходятъ приложенія, требующія особеннаго рода упаковываній, то за пересылку ихъ, сверхъ назначенной по таксѣ цѣнѣ, платится особо. Мѣра этого платежа опредѣляется съ разрѣшенія Главнначальствующаго.

2) Въ-случаѣ изданія новыхъ газетъ или журналовъ, которые по особенностямъ формата своего, или огромности объема, будутъ выходить изъ ряда выдаваемыхъ въ настоящее время періодическихъ изданій, — плату за пересылку такихъ изданій, назначать, съ разрѣшенія Главнначальствующаго, приравнивая къ установленной таксѣ, имѣя въ виду, что упаковываніе такихъ газетъ или журналовъ потребуетъ и болѣе времени и лицъ и матеріаловъ.

Б) По пересылкѣ объявленій.

1) При каждой журналѣ или газетѣ дозволяется безплатная разсылка объявленій, относящихся собственно къ выходу только того періодическаго изданія, къ которому объявленіе прилагается.

2) За разсылку постороннихъ объявленій, прилагаемыхъ къ журналамъ или газетамъ, какъ напримѣръ, объявленій книгопродавцевъ или содержателей музыкальныхъ магазиновъ о

выходѣ новыхъ книгъ и нотъ и проч., полагается взимать за пересылку объявленій, напечатанныхъ на листѣ или менѣе: до 500 экземпляровъ, по 1 руб. 50 коп., отъ 500 до 1000 экземпляровъ включительно по 2 руб.

Этой же пропорціи платежа держаться и при пересылкѣ объявленій болѣе 1000 экземпляровъ.

Если объявленія будутъ напечатаны болѣе, нежели на одномъ листѣ, то назначеніе платы за пересылку ихъ предоставляется Главноначальствующему, примѣняясь къ назначенному здѣсь платежу.

По Вѣдомству Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Главноуправляющаго Пути Сообщенія и Публичными Зданіями, Высочайше повелѣтъ соизволивъ: въ тѣхъ частяхъ С.-Петербурга, въ которыхъ допускаются деревянныя постройки, дозволить покрывать частныя деревянныя строенія кровельною несгораемою бумагою, распространить это дозволеніе и на всѣ губернскіе и уѣздные города.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ въ званіи Камергера Новиковъ назначенъ Членомъ Совѣта Московскихъ училищъ ордена Св. Екатерины и Александровскаго, по учебной части.

Всемилоостивѣйше повелѣно: Министру Удѣловъ и Управляющему Кабинетомъ Его Императорскаго Величества, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Перовскому и Управляющему Военнымъ Министерствомъ, Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту Князю Долгорукову—быть Членами Сибирскаго Комитета.

Управляющему Военнымъ Министерствомъ, Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту Князю Долгорукову—быть Членомъ Кавказскаго Комитета.

Состоящему за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, Статскому Совѣтнику Лебедеву, быть

состоящимъ въ должности Оберъ-Прокурора 2-го Отдѣленія 5-го Департамента Сената.

Черниговскому Гражданскому Губернатору, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Гессе*, переименованному въ Генералъ-Маіору, съ зачисленіемъ по Арміи, быть Военнымъ Губернаторомъ города Чернигова и съ оставленіемъ Черниговскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ.—Управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Товарищу Министра, Тайному Совѣтнику *Сенявину*—быть Членомъ Сибирскаго Комитета.—Ректору Мпн-ской Римско-Католической Семинаріи, Прелату Адаму *Войткевичу*—быть Епископомъ Мпнской сего исповѣданія Епархіи.—Причисленному къ Министерству Удѣловъ, Статскому Совѣтн. *Аранетову*—быть Директоромъ Канцеляріи Министра Удѣловъ.—Гофмейстеру Двора Его Императорскаго Величества *Сабурову*—управлять Гофмейстерскою частию Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

УВОЛЕННЫ:

По прошенію: Гофмейстеръ, Князь Трубецкой отъ должности Члена Совѣта московскихъ училищъ ордена Св. Екатерины и Александровскаго, по учебной части.—Генералъ отъ Артиллеріи *Арнольди 1-й* отъ должности Начальника Артиллеріи по части Инспектора Резервной Кавалеріи—и повелѣно ему присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Оберъ-Егермейстеръ *Васильчиковъ*—отъ управления Егермейстерскимъ Вѣдомствомъ, съ сохраненіемъ званія Оберъ-Егермейстера и съ оставленіемъ при всѣхъ другихъ званіяхъ и должностяхъ.—Начальникъ Штаба Черноморскаго Казачьяго Войска и Исправляющій должность Наказнаго Атамана сего Войска, Генералъ-Лейтенантъ *Рашиль 1-й*.

ПОЖАЛОВАНИЕ:

Въ званіе къ Высочайшему Двору.

Во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Государынь Императрицѣ: Дѣвицы: Графиня Ирина Воронцова-Дашко-

ва; дочь Начальника 1-й Драгунской Дивизіи, Генераль-Лейтенанта барона Врангеля, баронесса Емілія Врангель; внучки Генерала отъ Кавалеріи графа Невитина, графини Александра и Марія Орловы-Денисовы.

Во Фрейлины къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Александръ Іосифовичъ—дѣвица Наталья Бартенева.

Въ Камеръ-Юнкеры Двора Ея Императорскаго Величества, Чиновникъ Особыхъ Порученій Хозяйственнаго Департамента Министеретва Внутреннихъ Дѣлъ, Коллежскій Ассесоръ Павелъ Галаховъ;—Младшій Столоначальникъ Департамента Разныхъ Податей и Сборовъ, Коллежскій Ассесоръ Михаилъ Шулепниковъ.

ОРДЕНАМИ:

Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Командиръ 5-го Пѣхотнаго Корпуса, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Инфантеріи *Лидерсъ 1-й*.

Алмазными знаками ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Начальникъ всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ и запасныхъ войскъ, Генераль-Лейтенантъ *Даненбергъ 1-й*.

Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Командиръ 1-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, Генераль Лейтенантъ *Гельфрейхъ 1-й*.—Командиръ 2-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, Генераль отъ Кавалеріи *Шабельскій 1-й*.

Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2-й степени.

Начальникъ 6-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, Генераль-Лейтенантъ *Ланской 2-й*.—Директоръ Петровскаго Полтавскаго Кадетскаго Корпуса, Генераль-Лейтенантъ *Врангель 2-й*.—Управляющій Россійскимъ Посольствомъ въ Парижѣ, Тайный Совѣтникъ *Киселевъ*.

Св. Анны 1-й степени.

Членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Легкобытовъ*.—Наказной Атаманъ Кавказскаго Линейнаго Казачьяго Войска, Генераль-Маіоръ Князь *Эристовъ 2-й*.—Оберъ-Прокуроръ 1-го Отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, въ званіи Камергера *Быковъ*.—Предсѣдатель Лифляндской Казенной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *фонъ-Кубе*.

Св. Станислава 1-й степени.

Директоръ Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Гвоздевъ*.—Начальникъ Конно-Артиллерійскаго Резерва, Генераль-Маіоръ *Евреиновъ 1-й*.—Состоящій въ распоряженіи Инспектора всей Артиллеріи, Генераль-Маіоръ *Комсиль*.—Вице-Директоръ Департамента Государственнаго Казначейства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Кобылинъ*.—Директоръ Правленія Экспедиціи Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Голубовъ*.—Старшій Директоръ Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *фонъ-Фокъ*.—Вице-Директоръ Департамента Разныхъ Податей и Сборовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Новицкій*.—Старшій Директоръ Государственнаго Коммерческаго Банка, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Ростовцевъ*.—Предсѣдатель Вольнской Казенной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Ключаревъ*.—Предсѣдатель Ставропольской Казенной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Булычевъ*.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЕТНИКА ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ. 17 прошлаго августа происходило торжество открытія памятника Императору Петру Великому, на берегу Плещеева-озера въ селѣ Веськовѣ, Переславль Залѣскаго уѣзда,

16-го августа, наканунѣ открытія памятника, Преосвященный Іустинъ, съ почетнымъ духовенствомъ г. Переславля, совершилъ въ церкви села Веськова всенощное бдѣніе, въ присутствіи особъ, прибывшихъ на предстоявшее торжество.

На другой день, т. е. 17 августа, съ 4 часу утра, многочисленныя толпы народа, въ праздничныхъ одеждахъ, уже густѣли вокругъ памятника и зданій, близъ него находящихся. Любопытство въ высшей степени выражалось на лицахъ добрыхъ поселятъ, желавшихъ взоромъ проникнуть за покрывало, которымъ покрытъ былъ памятникъ. Съ восходомъ солнца, толпы эти, постепенно увеличиваясь болѣе и болѣе, оживляли разнообразіе представлявшейся взорамъ картины. Замѣтимъ здѣсь, что погода, въ предшествовавшіе дни холодная и, при рѣзкомъ вѣтрѣ, дождливая, въ этотъ день, какъ-бы нарочно, измѣнилась. Утро было прелестное. Воздухъ свѣжій, чистый. Легкій сѣверо-восточный вѣтеръ едва колыхалъ уставшія волны озера, величественно разстилающагося почти у самаго подножія памятника.

При подъѣздѣ къ Ботику Императора Петра I-го невольно обращаютъ на себя вниманіе устроенныя въ недавномъ времени, каменные ворота, въ видѣ арки. Съ наружной стороны ихъ, вверху, укрѣпленъ образъ Св. Николая Чудотворца; выше надпись, на чугунной доскѣ золочеными словами: «*сооружены 1852 года*»; съ внутренней стороны, къ ботику, образъ Св. Апостола Петра и такая же надпись славянскими буквами: «*освящены 1852 года августа 17 дня*». Образа въ богато-позлащенныхъ рамахъ. Сверху этой арки украшенія изъ морскихъ военныхъ арматуръ. Отъ воротъ идетъ аллея до самаго зданія, гдѣ сохраняется ботикъ. Отъ зданія саженьхъ въ 20, на высотѣ берега, мѣсто *, гдѣ поставленъ памятникъ. Влѣво, нѣсколько далѣе, вновь устро-

* Здѣсь былъ дворецъ Петра I-го

енный лѣтній большой павильонъ, украшенный внутри портретами Государя Императора, Государя Наслѣдника, Великихъ Князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, а также Императора Петра I-го и Адмирала Лесфорта. Здѣсь же, противъ портрета Его Величества, на другомъ концѣ павильона, поставленъ былъ пожертвованный дворяниномъ Владимірской губерніи Д. А. Бекетовымъ большой бюстъ Петра Великаго, вылитый изъ чугуна, на заводѣ Гг. Баташевыхъ, превосходной отдѣлки и рѣдкой работы. Ниже бюста, барельефъ, изображающій моментъ, въ который Петръ I-й, упрашиваемый Императрицею Екатериною и приближенными своими, отказывается уступить врагамъ въ сраженіи при р. Прутѣ. Отчетливость въ исполненіи фигуръ и чистота работы достойны замѣчанія. На шпицахъ этихъ зданій, а равно и около павильона, въ день описываемаго торжества развѣвались разноцвѣтные флаги, представлявшіе издали прелестный видъ.

Въ 9½ часовъ утра этого дня, въ церкви села Веськова совершена Преосвященнымъ Іустиномъ Божественная Литургія въ присутствіи Исправляющаго должность Военнаго-Губернатора города Владиміра и Владимірскаго Гражданскаго Губернатора, Губернскаго Предводителя Дворянства, Флигель-Адъютанта Его Императорскаго Величества, Капитана-Лейтенанта Князя М. П. Голицына, переславскаго и другихъ Уѣздныхъ Предводителей, Депутатовъ Дворянства и всѣхъ прибывшихъ дворянъ, предъ окончаніемъ которой Его Преосвященство произнесъ сообразную съ обстоятельствами торжества рѣчь.

По окончаніи Литургіи, Преосвященнымъ Іустиномъ, со всѣмъ духовенствомъ города Переславля, въ сопровожденіи вышепоменованныхъ особъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, прибывшаго дворянства, купечества, гражданъ города Переславля, крестьянъ села Веськова, при большомъ стеченіи народа изъ окружныхъ селъ и деревень, совершенъ крестный ходъ изъ церкви села Веськова къ мѣсту памятника, при колокольномъ звонѣ всѣхъ окружныхъ церквей. При шествіи духовной церемоніи чрезъ главныя вѣздныя ворота, Преосвященный окропилъ ихъ святою водою съ обѣихъ сторонъ; назначенный же по Высочайшему повелѣнію 4-й батальонъ Углицкаго Егерскаго полка былъ выстроенъ развернутымъ фронтомъ, правымъ флангомъ къ воротамъ, вдоль аллеи, ведущей къ памятнику. Для соблюденія

общаго порядка въ народѣ, 17-го августа, находился при торжествѣ отрядъ жандармовъ.

По прибытіи крестнаго хода къ назначенному мѣсту, духовная процессія остановилась между памятникомъ и зданіемъ, гдѣ хранится ботикъ Императора Петра I-го. Батальонъ сдѣлалъ движеніе по-полубаталіонно, и стала, въ дивизионныхъ колоннахъ, справа, по обѣ стороны памятника; батарейная же № 2-го батарея 16-й Арттиллерійской Бригады была построена по-полубатареино, съ правой и лѣвой сторонъ, лицомъ къ озеру, примыкая своими флангами къ флангамъ батальона.

Когда духовная процессія вышла изъ дверей зданія, гдѣ хранится ботикъ Императора Петра I-го, тотчасъ воцарилось совершенное молчаніе. Звонъ на колокольняхъ умолкъ—все стихло. Лишь только, по данному Начальникомъ губерніи знаку, было опущено покрывало съ памятника, и онъ, во всемъ скромномъ своемъ величіи, явился предъ тысячами глазъ народа, нетерпѣливо ожидавшаго этой минуты, батальонъ сдѣлалъ на караулъ, восторженный крикъ войска и народа—*ура!* смѣшивался съ музыкою, барабаннымъ боемъ и громомъ пушекъ въ продолженіе 101-го выстрѣла. Съ четырехъ сторонъ памятника развѣвались морскіе военные флаги всѣхъ дивизій. Старикъ-ботикъ, бережно хранимый, украсился также своими флагами. Мѣсто, гдѣ былъ спущенъ на озеро, при Петрѣ I мѣ, ботъ и гдѣ сохранились сваи, было означено небольшими флагами.

ПОДПИСКА ВЪ ПОЛЬЗУ ПОГЕРѢВШИХЪ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА САРАНСКА. Въ г. Саранскѣ, Пензенской губерніи, истреблено пожаромъ, въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, 445 обывательскихъ домовъ, въ томъ числѣ 15 каменныхъ; сверхъ-того, сгорѣло 3 церкви, 5 повреждено, и разрушена бѣольшая часть зданій въ Петропавловскомъ мужескомъ монастырѣ.—По представленію Товарища Министра Внутреннихъ дѣлъ о семъ Комитету Гг. Министровъ, Государь Императоръ, 2-го прошлаго сентября, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ открыть повсемѣтную подписку, для сбора добровольныхъ приношеній въ пользу жителей г. Саранска, пострадавшихъ отъ пожара; и 2) Срокъ этой подписки опредѣлить на одинъ годъ, съ тѣмъ, чтобы начальники губерній, отсылая къ пензенскому Гражданскому Губернатору деньги, по мѣрѣ поступленія ихъ, донесли

Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по истеченіи годоваго срока, о количествѣ сего сбора.

ЯРМ АРКИ. На Петровскую ярмарку въ нынѣшнее лѣто привезено было товаровъ въ Рыбинскѣ, по отчетнымъ свѣдѣніямъ мѣстнаго ярмарочнаго комитета, на 216,179 руб. 70 к., а распродано изъ этаго количества на 80,677 р. 80 коп. сер. По случаю-ли благоприятной погоды, или въ-сдѣдствіе другихъ какихъ-либо причинъ, она вышла нынѣ, противъ ожиданія, удовлетворительнѣе прошлогодней,—и сѣздъ народа былъ больше, и ходъ торговли лучше. Огромныя цифры торговыхъ оборотовъ Петровской-ярмарки должны обратить на нее вниманіе людей коммерческихъ; за ней уже неотъемлемо остается въ губерніи первое мѣсто послѣ Ростовской, да и съ этой послѣдней она какъ-будто готовится, но только излодтишка еще, молча, вступитъ современемъ въ состязаніе, а ярмарки прочихъ городовъ развѣ въ общей только сложности могутъ выставить итогъ оборота, равный суммѣ, одновременно обращающейся на рыбинскомъ базарѣ. При настоящемъ развитіи Петровской ярмарки полезно бы имѣть объ ней всестороннее понятіе; но кромѣ вѣдомости ярмарочнаго комитета, нѣтъ для этого другихъ данныхъ; а изъ свѣдѣній комитета видно только то, что она растетъ и крѣпится, какъ будущій богатырь, а опредѣленной фizioноміи еще не получила; товаровъ привозится сюда многое множество разныхъ видовъ, но ни одинъ изъ нихъ, въ привозѣ и сбытѣ, не преобладаетъ до такой степени, чтобы по немъ можно было усвоить отличительный, спеціальный характеръ ярмаркѣ, которая потому и называется не по имени господствующаго предмета торговли, а по дню праздника, съ котораго отворяются двери гостиннаго двора. Впрочемъ нѣкоторые предметы далеко выдаются впередъ изъ среды прочихъ, и по нимъ можно отчасти угадывать въ будущемъ главное направленіе ярмарки, если обстоятельства будутъ благоприятствовать развитію началъ, сокрытыхъ въ собственномъ ея организмѣ; потому неизлишне представить въ краткомъ очеркѣ бывшее нынѣ движеніе торговли по каждой статьѣ въ особености. Изъ предметовъ духовныхъ потребностей, только книги и картины продано на 900 р. сереб., а сбытъ иконъ, плащаницъ и т. п. былъ незначительный. Торговля мягкою рухлядою дошла въ общемъ итогѣ до 1,280 руб. а по частямъ едва заслуживаетъ вниманіе; только лисицы крас-

ной разошлось на 400 руб. и на столько же зайцевъ, а соболи, хорьки и выдры остались даже нетронутыми. Галантерейныхъ вещей раскупили на 1,880, металлическихъ на 9,158, модныхъ дамскихъ уборовъ на 1,200, косметическихъ принадлежностей—духовъ, помады и мыла на 1,980 восковыхъ свѣчъ на 1,900 руб. Шорный и кожевенный товары, особенно первый, были въ хорошемъ ходу,—до 2,350 р., каменной и хрустальной посуды разобрано на 2,075, готового платья на 1,150 бакалей на 3,600 р. Наибольшее требованіе было на издѣлія льняныя и ткацкія, хлопчато-бумажныя и шерстяныя. Первыхъ продано на 13,190 руб.; большинство между ними по сбыту на сторонѣ холста разныхъ сортовъ и ткацкихъ полотенецъ. Хлопчато-бумажныхъ издѣлій разошлось на 16,891 руб., въ томъ числѣ на 9,910 р. ситцу, на 3,031 руб. коленкору и миткалю на 1,160 р., бумажныхъ платковъ и нанки на 822 р., прочихъ же наименованій—демикотону, холстилки, кисеи, плису, полубархату и сарпинки—въ низшихъ количествахъ. Расходъ шерстяныхъ издѣлій оцѣненъ въ 9,391 руб.; наибольшими партіями въ этомъ разрядѣ шли сукна русскихъ фабрикъ, полутерно, драдедамовые платки, кушаки и чулки, отъ 1,020 до 2410 руб. каждый видъ. Не отстали также отъ нихъ тяжелыя и легкія ткани вышнихъ наименованій, распущенныя на 9,379 р.; большія доли изъ этой суммы получены за бархатъ, атласъ, шелковыя шали и узорчатые матеріи. Золотыя и мишурныя мануфактуры, незначительныя и въ количествѣ привоза, еще менѣе цѣнны въ сбытѣ. О холстѣ и полотнахъ, коихъ продано вообще на 12,000 р., комитетъ замѣчаетъ что они не отличались высокимъ достоинствомъ, и продавались въ несравненно-большемъ противъ прежняго времени количествѣ, по цѣнамъ умереннымъ. Въ числѣ прочихъ предметовъ, на ярмаркѣ были табуны лошадей русской породы; раскуплено ихъ на 2,500 руб.

На Петровскую ярмарку въ Грязовцѣ, продолжающуюся съ 27-го по 30 е іюня, привезено нынѣ разныхъ товаровъ на 14,660 руб., продано на 9,500 руб. Главными предметами торговли, по количеству привоза и сбыта, были холстъ, бумажныя издѣлія, зерновой хлѣбъ и масло коровье. Отъ торговыхъ помѣщеній въ пользу города поступило 139 р. 5 к. сер.

На Проконьевскую ярмарку въ Великому-Устюгѣ привезено въ настоящемъ году разныхъ товаровъ на 56,700 р., продано

на 23,067 р.—Главными предметами торговли были шерстяныя, шелковыя и бумажныя издѣлія.—Отъ раздачи торговыхъ помѣщеній поступило въ пользу города 1,076 руб. 67 коп.

20 іюля происходила въ г. Мологѣ третья въ году ярмарка, Ильинская. Торговля, къ сожалѣнію, нынѣ шла не въ примѣръ вялѣе, по сравненію, не только съ двумя предшествующими мологскими ярмарками, Афанасьевскою и Средокрестною, но и съ Ильинскою прежнихъ годовъ: прежде оборотъ торговли опредѣлялся здѣсь десятками тысячъ, а нынѣ только единицами. Привезено было товаровъ въ Ильинъ-день на 2656 р., распродано на 4,758 р. сер. Число покупателей простиралось до 470, торговцевъ до 55 человекъ, изъ нихъ 40 было мѣстныхъ и 15 изъ городовъ и уѣздовъ Ярославской губерніи, Романова-Борисолабска, Мышкина и Рыбинска. Торговали краснымъ товаромъ, куделей, деревянной и стеклянной посудой, рыбой, мыломъ, пряжей, кожами, мѣдными издѣліями, обувью и съѣтными припасами. Въ наибольшемъ количествѣ разошлось красного товару.

ВОЛОГОДСКАЯ ПРИСТАНЬ. — Въ настоящемъ 1852 году отпущено изъ Вологды къ архангельскому порту разныхъ товаровъ, состоящихъ преимущественно въ произведеніяхъ земледѣльческой промышленности, на 1,252,074 руб. 60 коп. Оцѣненный въ сію сумму грузъ понесли 50 барокъ и 49 каюковъ.

Главными предметами отпуска были:

	Отпущено:
Ленъ	на 516,440 р. 18 к.
Рожь	— 308,642 — 77 —
Куделька	— 183,018 — — —
Пакля льняная	— 70,963 — 30 —
Сѣмя льняное	— 41,432 — 65 —
Мука крупитчатая	— 29,604 — — —
Пенька	— 24,316 — 50 —
Пакля ческа	— 12,358 — — —
Овесъ	— 10,577 — 74 —
Масло конопляное	— 10,119 — 50 —
Равендукъ	— 9,720 — — —

— Грузъ товаровъ, отправленный въ текущемъ году съ воло-

годской пристани въ Петербургъ, оцѣненъ въ 126,633 р. 50 к. Грузъ этотъ вмѣщенъ въ 32 каюка. По количеству отпуска занимаютъ главное мѣсто слѣдующіе предметы: отпущено овса на 86,677 р. 50 к., масла коровьяго на 16,875 р., и свѣчей сальныхъ на 15,400 р.

— Отпускъ товаровъ къ архангельскому порту съ пристаней Вологодской губерніи, въ навигацію нынѣшняго года, простирался на сумму: изъ Вельска, съ его уѣздомъ, на 293,696 р. 49 к.; съ Быковской пристани, на рѣкѣ Лузѣ, въ Устьиесольскомъ уѣздѣ, на 142,957 р.; съ Лальской пристани на 29,427 р.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ Г. ШУИ, СЪ ЕГО УѢЗДОМЪ. Въ настоящее время городъ Шуя и его уѣздъ принадлежатъ къ самымъ промышленнымъ мѣстамъ Россіи. Въ г. Шуѣ находится до 40 фабрикъ и заводовъ, на которыхъ работаютъ до 10,000 человекъ. Большая часть фабрикъ, въ городѣ и уѣздѣ, ситцевыя и миткальные. Жителей въ Шуѣ, вмѣстѣ съ фабричными, болѣе 14,000 человекъ. Цѣнность вырабатываемыхъ въ Шуѣ фабричныхъ товаровъ ежегодно простирается на сумму до трехъ милліоновъ руб. сереб. Постоянныхъ жителей въ Шуѣ 4,300 человекъ: это еще не есть дѣйствительное населеніе, потому что въ ней постоянно пребываетъ 10,000 рабочихъ, слѣдовательно, дѣйствительное населеніе — 14,000 человекъ. Но и это еще не точное число. Въ Шуѣ, напримѣръ, въ Петровъ-постъ, по случаю праздника Богоматери, стекается изъ окрестностей отъ 25,000 до 30 000 народу. Уѣздъ Шуйскій самый промышленный. Первое мѣсто изъ промышленныхъ селеній занимаетъ знаменитое въ цѣлой Россіи село Иваново, принадлежащее графу Шереметеву. Оно имѣетъ въ окружности до 12 верстъ. Жителей въ немъ постоянныхъ — болѣе 8,000, а всѣхъ вообще до 20,000 душъ обоего пола. Иваново славно своими миткалевыми и ситцевыми фабриками. Начало этой фабрикаціи положено въ 1751 г., тамошними крестьянами Грачевымъ, Бутримовымъ, Соколовымъ и Гареловымъ, которые выучились ей въ Шлессбургѣ, у одного иностранца. Ежегодная выработка ивановскихъ фабрикъ простирается на 8½ милліоновъ руб. сер.—Замѣтимъ еще селеніе Дунилово, въ которомъ ежегодно вырабатывается миткалю и ситцу на 150,000 р. с.; Васильевское, гдѣ вырабатывается ежегодно на 230,000 руб. сереб. миткалю и бумажной пестряди;

Лежнево, которое производитъ ежегодно на 900,000 руб. сер. суроваго миткаля.

МОРСКІЯ КУПАНИЯ И ЛЕЧЕНІЕ ВІНОГРАДОМЪ ВЪ ФЕОДОСІИ. Феодосія для морскихъ купаній представляетъ удобства, которыя едва ли можно гдѣ найти въ Крыму. Отъ того въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ въ году, этотъ городокъ, обыкновенно столь спякойный, принимаетъ превеселую фizioномію.

Болѣе сорока семействъ пріѣхало въ нынѣшнемъ году искать здоровья въ этомъ счастливомъ климатѣ, изъ разныхъ мѣстъ — изъ Петербурга, Москвы, Харькова, Кіева, Екатеринослава и съ Кавказа. Между купавшимися находился знаменитый операторъ Караваевъ. Пора купанья кончилась, но многія семейства остались въ Феодосіи, для леченія виноградомъ, которое, послѣ морскихъ купаній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, производитъ, какъ говорятъ, чудеса.

Этотъ городокъ, выполняя обязанности гостеприимства относительно новыхъ гостей, выписалъ изъ Севастополя хоръ музыкантовъ, которые, въ сезонъ купанья, всякій вечеръ играли на бульварѣ. Съ своей стороны, феодосійскіе гости на прощанье дали концертъ въ пользу бѣдныхъ — черта, достойная полной признательности. Этотъ концертъ данъ былъ въ домѣ г-на Айвазовскаго. Г-жа Гальченко, при аккомпаниментѣ на фортепиано г-мъ Анлечеевымъ, сыграла нѣсколько русскихъ романсовъ своимъ чуднымъ контраптъомъ; г. Анлечеевъ сыгралъ нѣсколько пѣсень, въ томъ числѣ сочиненіе Шильгофа «Пѣснь насгуха». Въ заключеніе г. Анлечеевъ импровизировалъ легко и блистательно на два національные мотива. Сборъ съ концерта былъ прибыльный. Хвала тѣмъ, кто не забываетъ, что благотворительность — первая добродѣтель христіанина.

ЧЕГО СТОИТЪ ЖИТЬ ВЪ УѢДѢ КЛИМАТЪ ВЪ БОГОСПАСАЕМОЙ УѢДѢ БЛАГОРАСТВОРЕНЪ; новальныхъ болѣзней не бываетъ. Въ 1831 и 1848 году хотя и была восточная гостья холера, но и она, по милости Божіей, дѣйствовала здѣсь, противъ другихъ годовъ, не очень злобно.

Въ лѣтнее время, общественныхъ увеселеній, это правда, что мало, но зато весьма интересны прогулки за городъ, по окрестностямъ его. Пожелаете ли ѣхать на дачу генерала Балкашина, или на пригородный хуторъ, виды вездѣ пребезподобныя, панорама для глазъ увлекательная; а на послѣднемъ есть и пре-

восходный ключъ съ чудною холодною водою. Когда утолите ею жажду и пойдете обратно путеводною стезею, тогда по объѣмъ ей сторонамъ усладитъ вашъ слухъ пѣніе громкихъ соловьевъ, которые, ревнуя одинъ передъ другимъ, издають самыя пріятныя трели.

Въ зимнее же время здѣсь бывають благородныя собранія, а иногда и благородные спектакли, гдѣ играетъ довольно хорошо батальонная музыка.

Содержаніе здѣсь вообще дешево. Квартира въ 5 и 7 чистыхъ и теплыхъ комнатъ, съ особой кухней и службами недороже 150 р. с. Кучера наймете, довольно порядочнаго, за 3 р. сер. въ мѣсяць, кухарку и горничную за 1½ р. сер. въ мѣсяць. Овесъ въ половинѣ сентября продавался отъ 9 до 10 к. за пудъ; пшѣ же, въ ненастную погоду, когда вы отправитесь за нимъ на базаръ и спросите Тюменца-Татарина. «Почемъ овесъ?» онъ вамъ отвѣтитъ безъ ласки и гнѣва: «Четыре барнаула, сударь,» т. е. 12 к. сер. за пудъ; возъ сѣна отъ 45 до 60 к., мука ржаная продается отъ 20 до 25 к. за пудъ, пшеничная отъ 25 до 30 к., мѣшекъ крупчатой муки 1-го сорта 4 р., а 2-го — 3 р.; лучшая мука у купца Дмитрія Никитича Кадкина; гречневыхъ крупъ отъ 20 до 26 к. пудъ, говядина лучшая 2¾ к. ф., баранина 2½ к., телятина 3½ к., гусь колотый 25 к., утка 14½ к., пара молодыхъ крупныхъ цыплятъ 4 барана; индѣйка колотая 30 к., пара свѣжихъ рябчиковъ отъ 12 до 15 к., пара свѣжихъ тетеревовъ, а перѣлко живыхъ, 20 к., сотня яицъ 35 к., лучшихъ стерлядей фунтъ отъ 15 до 20 к.; бѣлая рыба, только что пойманная, икрыная, вѣсомъ отъ 25 до 30 ф., отъ 1 р. до 2 р., а объ овощѣ и говорить нечего, — онъ больше нежели дешевле; напр., свекла и морковь продаются по 10 к. за пудъ, а картофель 6 и 8 к. Если понадобятся вамъ бакалейные товары, то лавокъ и лавочекъ съ ними очень много; но лучшія изъ нихъ купцовъ Т. И. Бѣлякова и И. Н. Блохина. Чай продается отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за фунтъ, а сахаръ рафинадъ отъ 25 к. до 27½ к. за фунтъ. Захотите ли что-нибудь сшить для себя, или для своего семейства, то магазиновъ и лавокъ съ панскимъ товаромъ тоже довольно, но лучшія изъ нихъ, какъ по помещенію, богатству, такъ и по выбору лучшихъ рисунковъ — магазинъ кяхтинскаго купца Лебедева. Пор-

тныхъ заведеній тоже довольно; но изъ нихъ лучшія Любимова, Каткова и Соколова; все трое выписываютъ модные журналы для своего мастерства. Небогатымъ же людямъ рекомендуется портной Ст. Кир. Умновъ, проживающій въ бывшемъ домѣ Галкина, что близъ 2-й части города. Отличаясь добросовѣстностію, онъ не воспользуется вашимъ лоскуткомъ и непременно его принесетъ, хотя это противу обыкновенія у мастеровыхъ, у которыхъ остатка никогда не бываетъ, недостатокъ же съ прикупкою существуетъ по большей части.

Изъ галантерейныхъ лавокъ отличается богатствомъ магазинъ купца Кондр. Игн. Блохина, а въ Гостиномъ-ряду сходностію продажи рекомендуется новая галантерейная лавка купца Пр. Аф. Кадкина. Изъ винныхъ погребокъ лучшія купца Кондр. Игн. Блохина, небогатымъ же людямъ рекомендуемъ записаться крымскимъ виномъ, привезеннымъ изъ Магарачскаго училища винодѣлія, укоммисіонера Палаты государственныхъ имуществъ, Ив. Кондр. Бендера, который отпускаетъ его по установленной цѣнѣ, 6 р. 79 к. сер. за ведро.

Эти вина, чисто-виноградныя, безъ всякой примѣси, гораздо пріятнѣе какой-нибудь неспосной мадеры въ рубль сер., а между-тѣмъ бутылка крымскаго вина обойдется только по 42½ к. сер.

Крымскія вина пшѣ 7-ми сортовъ, въ числѣ 487 ведръ; лучшимъ почитается бѣлое, а красныя немного молоды, но и тѣ хороши.

Изъ каретныхъ заведеній лучшее М. Г. Епькова, по экипажи его очень цѣнны. Въ этомъ случаѣ не гонятся за большимъ барышомъ мастеравые Благовѣщеннаго-завода. Почему покупка экипажей бѣльшею частію у нихъ и бываетъ, въ-особенности не самаго высокаго достоинства и фасона,

Есть и модистки. Порядочнѣе другихъ работаетъ Мыльникова; но помещеніе у нея весьма дурное: пѣтъ особой пріемной комнаты и отдѣльной мастерской; все въ одной соединено и тѣснится; впрочемъ уборы у нея недороги и не безъ вкуса.

Если вы встрѣтите надобность въ медикаментахъ, то аптека Алексан. Федоров. Боссе къ вашимъ услугамъ.

Есть и важнѣйшая потребность для христіанина: 13 храмовъ

Божіихъ, изъ копѣхъ въ каждомъ, во всякое время дня, можете приносить теплыя молитвы.

Послѣ всего высказаннаго согласится со мною, я думаю, каждый сколько-нибудь благонамѣренный человѣкъ, что Уфа есть одинъ изъ благодатныхъ городовъ нашей матушки Россіи и что жить въ немъ можно прииѣваячи.

О ЮБИЛЕѢ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Высочайше-утвержденный Комитетъ для приготовленія къ празднованію столѣтняго юбилея Московскаго Университета, имѣющаго быть 12-го января 1855 года, по опредѣленію своему, 1-го сего ноября состоявшемуся, симъ извѣщаетъ, что въ исполненіе Высочайше-утвержденной программы юбилея, между-прочимъ, слѣдуетъ составить біографическій словарь извѣстнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, ученыхъ, писателей и вообще полезныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ жизни, образовавшихся въ Московскомъ Университетѣ. Комитетъ, имѣя необходимость въ матеріалахъ для приготовленія этого предположеннаго труда, считаетъ долгомъ обратиться, отъ лица Московскаго Университета, ко всѣмъ особамъ, окончившимъ курсъ ученія въ семъ Университетѣ, съ почтеннѣйшею просьбою о доставленіи, на имя Ректора Университета, копій съ формулярныхъ о службѣ ихъ списковъ, а если возможно, и другихъ документовъ и свѣдѣній о ихъ дѣятельности служебной, общественной и частной.

УРАГАНЪ. 5-го августа, въ полдень, чрезъ деревню Кречетово, Вытегорскаго уѣзда, пронесся чрезвычайно сильный ураганъ съ градомъ и молніею, имѣвшій направленіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Ураганомъ сдѣланы слѣдующія поврежденія въ деревнѣ: вырвало съ моста стоявшій у деревни указательный столбъ, сорвало крыши со всѣхъ зданій, одно гумно разрушено до основанія, стоявшую близъ деревни ель, толщиною до 14-ти вершковъ, переломило почти у самаго корня, и отбросило въ поле сажень за-двадцать; въ поляхъ разнесло и смѣшало съ землею до 1,114 суслововъ сжатаго и несжатаго хлѣба, и значительное количество сѣна, сложеннаго въ зороды. Слѣдуя далѣе, къ границѣ Кирилловскаго уѣзда, буря свалила на большомъ пространствѣ растущій лѣсъ. Пролегающій чрезъ деревню архангельскій почтовый трактъ былъ совершенно заваленъ сорванными съ домовъ досками, такъ-что до разборки онаго невозможенъ былъ

проѣздъ. Къ счастію, эта буря, свирѣпствовавшая около часа, никому изъ жителей, которые находились въ это время на полевыхъ работахъ, равно и скоту, не причинила ушибовъ. Убытокъ, понесенный при семъ случаѣ, исчисленъ въ 300 руб. сер. Неизвѣстно, какими послѣдствіями сопровождалась буря въ другихъ мѣстахъ. Вечеромъ этого дня, около Вытегры была гроза съ порядочнымъ дождемъ.

БУРИ И МЯТЕЛИ. Послѣ продолжительной дождливой погоды, 26-го сентября вечеромъ, въ окрестностяхъ города Тулы разразилась жестокая гроза, одна изъ самыхъ сильныхъ въ прошедшее лѣто. Недѣлю спустя, 3-го октября, утромъ, вьшалъ снѣгъ, и при постоянно свѣжей погодѣ, въ углубленныхъ и закрытыхъ отъ солнца мѣстахъ, держался до 13-го числа. Въ этотъ день снѣгъ снова началъ падать — по зимнему. Чрезъ нѣсколько часовъ водворилась настоящая зима. 15-го числа паденіе снѣга возобновилось, морозъ и вѣтеръ усилились. 16-го числа снѣгъ не падалъ, а валилъ, вѣтеръ превратился въ бурю. Дороги сдѣлались непроходимы отъ огромныхъ сугробовъ неокрѣпшаго, рыхлаго снѣга. Улицы въ городѣ Тулѣ мѣстами занесло вровень съ домами. Въ этотъ день, ктиторъ соборной церкви, шедшій въ три часа утра къ заутреннѣ, едва не задохся въ сугробѣ, нанесенномъ у Кремлевскихъ воротъ, затопувъ въ немъ по плечи, и съ великимъ трудомъ пробрался въ Соборъ. Многіе изъ жителей выходили со дворовъ чрезъ занесенныя снѣгомъ ворота, по доскамъ. Нѣкоторые вѣшеходы, путь которыхъ лежалъ по сугробамъ противъ вѣтра и воздымаемаго имъ снѣга, прилегалли, чтобъ собраться съ силами пройти далѣе. Мятель и выюга стихли только къ утру 17-го числа.

Съ 13-го на 14-е октября потокъ теплаго воздуха овладѣлъ мѣстностію Калуги, но не надолго: съ 14-го на 15-е снова вторгнулся потокъ холоднаго воздуха. Изъ переменъ утренняго восточнаго вѣтра, къ 2-мъ часамъ пополудни, въ юго-восточный видно-что теплый воздухъ не тотчасъ уступилъ свое мѣсто быстрому напору холоднаго воздуха. Слѣдствіемъ борьбы этихъ двухъ потоковъ воздуха была сильная мятель, начавшаяся съ 6-ти часовъ пополудни, и превратившаяся, при сильномъ снѣгѣ, въ снѣговую бурю, стремившуюся отъ сѣверо-востока. Тогда падающій снѣгъ сшибался съ поземнымъ снѣгомъ, вздымаемымъ бурнымъ вѣтромъ, и препятствовалъ различать даже близкіе пред-

меты, снѣговые вихри со свистомъ кружились въ воздухѣ, и среди почной тишины, слышался ревъ бури и скрипъ воротъ и заборовъ, дрожавшихъ отъ сильнаго напора вѣтра. Всю ночь и утро 16-го числа бушевала буря. Утромъ жители Калуги съ трудомъ могли выйти изъ домовъ, которыхъ нижніе этажи были почти по окна занесены снѣгомъ; среди мостовыхъ возвышалась саженой вышины града снѣговыхъ холмовъ, на вершинахъ которыхъ крутились, высоко взвѣваясь кверху, снѣговые вихри. На восточной сторонѣ улицъ во многихъ мѣстахъ былъ спесень, дочиста, слой снѣга въ поларшина толщиной, такъ что обнажились камни. Къ 3-мъ часамъ пополудни буря утихла, и до 8-ми часовъ вечера неслась только сильная поземная мятель. Въ 9-ть часовъ вечера, сквозь тонкій покровъ облаковъ, свѣтила луна, окруженная блѣднымъ радужнымъ кольцомъ. Морозы 15-го, 16-го и 17-го чиселъ покрыли рѣку довольно толстымъ слоемъ льда, такъ что 18-го числа пѣшеходы безопасно переходили чрезъ Оку.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЖАРЫ. 18—19-го августа Могилевской губерніи, въ городѣ Мстиславлѣ сгорѣли домъ купца Томашевского и 4 еврейскихъ дома, со всѣмъ имуществомъ; сверхъ-того, для прекращенія пожара, разломаны: еврейскій домъ и надворныя строенія при другомъ еврейскомъ-же домѣ; убытку понесено, какъ объявили сами погорѣвшіе, на 8,706 р. сер.

— Гродненскій губерніи, Брестскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Дывинѣ, сгорѣли 14 обывательскихъ домовъ и всѣ хозяйственныя строенія, съ хлѣбомъ и имуществомъ, принадлежавшія причту тамошней православной церкви, да и на самой церкви три раза заторалось деревяная крыша, однакожъ церковь спасена, только вынесены были изъ нея иконостасъ и утварь; убытокъ отъ пожара простирается до 3,884 руб. сер. Въ Саратовѣ сгорѣли 3 деревянныхъ дома, да обгорѣли 2 каменныхъ и 1 деревянный, который одинъ только и былъ застрахованъ; при всѣхъ этихъ домахъ погорѣло надворное строеніе и часть имущества; убытку понесено на сумму до 10,150 р. сер. Пожаръ, начавшійся въ пекарнѣ, произошелъ, какъ полагаютъ, отъ ветхости печи.

— 5—6 сентября. Казанской губерніи въ городѣ Чебоксарахъ, веныкнулъ пожаръ въ Троицкомъ мужескомъ монастырѣ, начавшійся въ каретникѣ, пристроенномъ къ каменной монастыр-

ской стѣнѣ; пламя, при усилившемся вѣтрѣ, вскорѣ охватило сѣноваль и устроенную подъ нимъ конюшню, прикинутую къ колокольнѣ, и оттуда распространилось по всему корпусу, въ которомъ были устроены погребъ, амбары и двѣ кельи; потомъ огонь перешелъ черезъ улицу, въ разстояніи отъ монастырской стѣны на 2½ саж., на кровлю каменныхъ амбаровъ купца Скворцова и наследниковъ купца Лбова, а отсюда—на два частныя деревянныя и одинъ казенный каменный подвалы, гдѣ наконецъ дальнѣйшее распространеніе пламени было прекращено; убытку этимъ пожаромъ причинено: монастырю, по показанію Архимандрита, до 10,000 р. руб. сер., казнѣ—на 150 р. сер., а частнымъ лицамъ—неприведено еще въ извѣстность.

— Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Тетивѣ, сгорѣло 27 еврейскихъ домовъ; убытокъ показанъ на 12,254 руб. сереб.

НЕКРОЛОГЪ.

По волѣ несповѣдимаго Промысла, Императорскій Домъ понесъ жестокую утрату кончиною Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго. Вся Россія, внемля родительскому глазу возлюбленнаго своего Монарха, приметъ некрвенное участіе въ глубокой Его горести, въ неизреченномъ сокрушеніи Супруги почившаго, въ слезахъ всѣхъ Особъ Императорскаго Дома.

Почившій въ цвѣтѣ лѣтъ Герцогъ Максимилианъ былъ истиннымъ сыномъ Царскаго Семейства, вѣрнымъ сыномъ Россіи и ревностнымъ подданнымъ Государя. Онъ сроднился съ пріявшею его страной; онъ нашелъ въ ней истинное свое отечество, выучился русскому языку въ совершенствѣ, и посвящалъ въ пользу Россіи все свое время, всѣ свои силы. Разстройство здоровья понудило его оставить дѣятельную военную службу, въ которой онъ жаждалъ оказать Государю всю свою преданность, жертвуя кровію и жизнью по Его мановенію: онъ ограничился занятіями мирными и благотворительными. Въ званіи Президен-

та Императорской Академіи Художествъ, былъ онъ милостивъ, справедливъ и ласковъ къ своимъ подчиненнымъ, доступенъ всякому, оказывалъ покровительство художникамъ, поощрялъ юныя дарованія. Русскіе артисты лишились въ немъ благодѣтеля и отца. Но благородная и вѣжная душа его не довольствовалась созерцаніемъ и твореніемъ изящнаго въ однихъ формахъ чувственныхъ: она искала нищи и наслажденія въ подвигахъ благотворительности христіанской, въ созиданіи памятниковъ, прочтѣйшихъ мрамора и мѣди. Герцогъ принималъ участіе во многихъ заведеніяхъ богоугодныхъ и челоуколюбивыхъ, не имеемъ и славою только, но дѣломъ и трудомъ. И этимъ занялся онъ немедленно по переселеніи своемъ въ Россію: не разъ видали, какъ онъ, въ разгарѣ великолѣпнаго бала, среди обаятельныхъ удовольствій роскоши, украдкою выходилъ изъ залы, садился въ сани, и ѣхалъ — куда? — въ больницу, порученную его вѣдѣнію, повѣрялъ тамъ дѣйствія и бдительность служащихъ, входилъ въ страданія и нужды больныхъ, утѣшалъ, ободрялъ, нецѣплялъ ихъ взоромъ, словомъ, слезою участія.... Ни одинъ страдалецъ, ни одинъ бѣдный не отходилъ отъ него безъ пособія и благотворенія. Подъ живительнымъ его начальствомъ возникло, разцвѣло, распространило благотворныя свои дѣйствія Общество Посѣщенія Бѣдныхъ. И эти благія свойства души, обитавшей въ прекрасномъ тѣлѣ, возвышались въ немъ кротостью нрава, привѣтливостью, благородною довѣрчивостью и откровенностью.... Словомъ, онъ былъ челоукъ истинно благородный и добродѣтельный. Память о немъ сохранится навѣки въ благодарныхъ сердцахъ.

Съ грустнымъ умиленіемъ взираютъ Россіяне на юную Вдовицу, окруженную младенцами, непонимающими еще великости своей потери. Покорись волѣ Божіей, благочестивая Царевна, найди утѣшеніе и отраду въ милыхъ твоихъ дѣтяхъ: они, православные Русскіе Князья, будутъ вѣрными сынами Россіи, вѣрными слугами ея Государя, и безсмертный духъ незабвеннаго ихъ отца возвеселится о нихъ въ горней своей обители.

Въ октябрѣ скончались въ С.-Петербургѣ:

1-го. Мануфактуръ-Совѣтникъ и кавалеръ Федоръ Федоровичъ *Битенажъ*.

3-го. Дѣйствительный Стат. Сов. Петръ Гавриловичъ *Дивовъ*.

7-го. Стат. Сов. Андрей Михайловичъ *Донауровъ*.

12-го. Вдова Генералъ-Маіора Екатерина Степановна *Альбедиль*.

16-го. Профессоръ Русской Словесности при Императорскомъ

Александровскомъ Лицеѣ и Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, Дѣйств. Стат. Сов. Петръ Егоровичъ *Георгиевскій*.

17-го. Вдова Генералъ-Маіора Анна Ивановна *Торкель*.

21-го. Бывшій Кригсъ-Коммиссаръ Морскаго Вѣдомства, Чиновникъ 6 го класса и кавалеръ Андрей Ивановичъ *Бедрицкій*.

30-го. Жена Чиновника 5-го класса Екатерина *Волькенштейнъ* и Камергеръ Стат. Сов., Графъ Алексѣй Петровичъ *Коновницынъ*.

31-го. Вдова Генералъ-Лейтенанта Екатерина Борисовна *Ахвердова*.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.

Въ концѣ сентября и половинѣ октября все французскіе журналы были наполнены извѣстіями о путешествіи Президента.

Въ *Indépendance Belge* пишутъ: Въ городахъ среднее сословіе еще колеблется; рабочій классъ медленно оставляетъ свои буйныя страсти, а роялисты все еще надѣются, и съ высоты своихъ замковъ роялистки безпрестанно возглашаютъ: «Сестрица Анна! не видишь ли ты чего вдали?» Увы! на горизонтѣ видны только облака пыли, воздымаемыя сельскими жителями, которые съ изступленіемъ требуютъ своего Императора. Непреодолимый потокъ увлекаетъ всехъ, и движеніе поселянъ уноситъ за собою колеблющіеся еще города. Сильный порывъ сельскаго восторга сообщается и горожанамъ. Кажется, океанъ расторгъ плотины и заливаешь всю землю. Описавъ, съ какимъ всегдашнимъ хладнокровіемъ Президентъ встрѣчаетъ всеобщій восторгъ, не обнаруживая ни малѣйшаго смущенія, авторъ письма сообщаетъ нѣкоторыя подробности о мѣрахъ осторожности, которыя сдѣланы необходимы послѣ несчастныхъ открытій, и о всегдашнемъ церемоніальномъ во-время пребывания Президента въ какомъ-либо городѣ. Во всякой префектурѣ, лишь только онъ пріѣзжаетъ, префекты слагаютъ съ себя всякое управление. Генералъ Роге вступаетъ въ званіе главнокомандующаго. Онъ ставитъ часовыхъ у всехъ дверей, у всехъ

проходовъ. Никто не можетъ пройти въ мѣсто жительства Президента, не явись прежде къ генералу. Около наружныхъ дверей поставленъ кордонъ войскъ. Только послѣ строгихъ разспросовъ позволяютъ войти въ домъ. Два агента безмѣнно дежурятъ въ швейцарской. Приглашенія къ обѣду рассылаются генераломъ Гойономъ. Когда гости съѣзжаются, онъ опрашиваетъ каждого, и назначаетъ мѣсто, гдѣ ему стоять до выхода Президента. Когда Президентъ является, гости стоятъ по обѣимъ сторонамъ: на одной гражданскія лица, а на другой штабъ-офицеры. Генералъ Гойонъ и префектъ сообщаютъ Президенту свѣдѣнія о каждомъ приглашенномъ, послѣ чего Президентъ идетъ въ столовую со всею свитою приглашенныхъ. За столомъ служатъ одни слуги Президента. Ихъ всего до двадцати. Около префектуръ, балныхъ залъ и театровъ всегда разставлены конница и жандармы. Во всехъ департаментахъ, еще до пріѣзда Президента, взято было нѣсколько лицъ подъ стражу, чтобы удалить извѣстныхъ республиканцевъ, замѣшанныхъ въ послѣднія событія, и находящихся подъ надзоромъ полиціи. На другой день по отъѣздѣ Президента, ихъ обыкновенно выпускаютъ. Народъ вездѣ толпами встрѣчалъ Президента криками: да здравствуетъ Императоръ! даже въ Лионѣ и Сентъ-Этиснвѣ, гдѣ обвиняли народъ въ приверженности къ демократіи. Вѣроятно, этотъ народъ былъ не такъ зараженъ, какъ говорили. Работники, рудокопы и другіе, которыхъ описывали одичавшими республиканцами, обратилсь теперь къ монархическимъ понятіямъ.

Въ Лионѣ послѣдовало, въ присутствіи Президента, открытіе конной статуи Императора Наполеона, и при семъ случаѣ Президентъ произнесъ рѣчь. Одна фраза этой рѣчи составляла предметъ всеобщихъ толковъ: «Еслибъ скромный титулъ Президента, сказалъ онъ, могъ облегчить ввѣренное мнѣ дѣло, отъ котораго я не отказался, я никогда изъ личной выгоды, не перемѣнилъ бы его на титулъ Императора.» Одни утверждаютъ, что это явное предзнаменованіе возстановленія имперіи... «Еслибъ титулъ Президента могъ.... но....» значить, онъ недостаточенъ. Другіе же увѣряютъ, что эта фраза выражаетъ, по-крайней-мѣрѣ, отсрочку имперіи. Хотя многіе изъ знающихъ лицъ принимаютъ второе мнѣніе; но въ *Indépendance Belge*

придерживаются перваго. Какъ-бы то ни было, рѣчь эта произвела большое впечатлѣніе, и была принята съ рукоплесканіями и громкими криками: да здравствуетъ Императоръ!

Пріемъ Президента въ Греноблѣ былъ самый блистательный, и даже свыше ожиданій. Воспоминанія возвращенія съ острова Эльбы все еще живы въ Изерскомъ Департаментѣ. Людовикъ-Наполеонъ принятъ былъ, какъ бы самъ дядя его.

Въ Монтерѣ сообщаютъ, что въ Моциелле Президентъ, пріѣхавъ на балъ, былъ встрѣченъ криками: да здравствуетъ амнистія! Эти возгласы раздались въ ту минуту, когда Людовикъ-Наполеонъ уже выходилъ, чтобъ ѣхать домой. Онъ остановился, и твердымъ, спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ: «Я слышу крики: да здравствуетъ амнистія! Она гораздо сильнѣе въ моемъ сердцѣ, нежели въ вашихъ крикахъ. Если вы ее желаете, сдѣлайтесь достойными ея благоразуміемъ и любовью къ отечеству».

Въ Марсели и въ Нимѣ Президента принимали очень холодно. Эти города издавна извѣстны преданностью своею Бурбонамъ. Между криками приверженцевъ Людовика-Наполеона: да здравствуетъ Императоръ! слышались восклицанія: да здравствуетъ Король! Въ Марсели префектъ съ трудомъ убѣдилъ начальницу цеха рыбныхъ торговекъ (*les dames de la Halle*) явиться съ поздравленіемъ къ Президенту. «Иное дѣло, отвѣчала она, еслибъ должно было встрѣтить *маленькаго* Генриха! (Французы воображаютъ себѣ герцога Бордоскаго десятилѣтнимъ отрокомъ, какъ въ 1830 году). Префектъ заставилъ повиноваться угрозою, что смѣнитъ ее. Торговки явились къ Президенту въ ежедневномъ своемъ костюмѣ.

Кромѣ-того, два непріятныхъ происшествія нарушили приготовленія праздниковъ въ честь Президента въ Марсели. Посреди сихъ приготовленій, производимыхъ въ Усть-Ронской префектурѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться Президентъ, публика съ изумленіемъ увидѣла похоронное шествіе, выступившее изъ этого дома. Хоронили молодого секретаря префекта, скончавшагося въ нѣсколько дней отъ тифуса. Другой случай еще болѣе опечалилъ жителей. Часть большаго фейерверка, приготовленнаго къ 26-му сентября, взлетѣла на воздухъ, причемъ ранены четыре человѣка: главный мастеръ г. Камуанъ,

одинъ изъ его родственниковъ и два артиллериста. Первые двое умерли послѣ жестокихъ страданій, обезображенные и почернѣвшіе отъ огня.

Наконецъ, въ Марсели же открытъ заговоръ. Въ одномъ домѣ, мимо котораго долженъ былъ проѣзжать Президентъ, нашли адскую машину. Главныя лица, Гальяръ и Беккеръ, схвачены были въ томъ домѣ, гдѣ находилась машина. Когда явилась полиція, они погасили свѣчи и исчезли. Гальяръ спустился въ колодезь, который, какъ говорятъ, имѣетъ сообщеніе съ сосѣдственнымъ домомъ. Беккеръ же хотѣлъ спрятаться въ домѣ, и самъ наткнулся на полицію. Гальяръ еще не отысканъ. Одинъ изъ нихъ часовой мастеръ, другой кузнецъ.

Впрочемъ, извѣстіе объ открытіи заговора произвело всеобщее негодованіе; въ бѣльшей части городовъ совершены были благодарственные молебны за недопущеніе Провидѣніемъ подобнаго злодѣянія. Сверхъ-того, во многихъ департаментахъ составились поздравительные адреса Президенту.

Въ Бордо Президентъ былъ принятъ съ восторгомъ. Были даны праздники, которые стоили городу миллионъ франковъ.

За обѣдомъ, даннымъ бордоскою коммерческою палатою, президентъ ея, г. Дюфуръ-Дювержье, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Господа! Предлагаю тостъ въ честь принца Людовика-Наполеона, который 2-го декабря съ такою смѣлостью исторгъ Францію изъ бездны, въ которую она готовилась пасть; воспользовался диктаторскою своею властью, чтобъ возстановить потрясенный общественный порядокъ; прекратилъ бури, возвративъ тишину; возстановилъ безопасность, вмѣсто опасеній; далъ ходъ дѣламъ, и возвысилъ кредитъ, принявъ поученіе о нашихъ давно забытыхъ выгодахъ; даруетъ намъ каналы, желѣзныя дороги, и конечно вскорѣ откроетъ по ту сторону океана новые пути нашей коммерческой дѣятельности. Но всѣ эти благодѣянія тогда только принесутъ плоды, когда будущность утвердится на прочномъ основаніи, потому-что торговля живетъ только будущимъ. Выражаю желаніе всей коммерціи, Ваше Высочество, прося васъ дать формѣ нашего правленія видъ, сообразный съ нашими правами и потребностями, не оставляя ее въ невѣстности и неопредѣленности. Возстановивъ импе-

рю, вы исполните желанія Франціи, выраженные всеобщими возгласами. Да здравствуетъ Лудовикъ-Наполеонъ!»

Президентъ Республики отвѣчалъ: «Принявъ приглашеніе коммерческаго суда и палаты бордоскихъ, я могу съ удовольствіемъ благодарить вашъ великій городъ за усердный пріемъ его, за щедрое его гостепримство, и очень радъ, что въ концѣ моего путешествія могу выразить впечатлѣнія, оставленные имъ во мнѣ.

«Вы знаете, что цѣль моего путешествія состояла въ томъ, чтобъ лично узнать нужды южныхъ нашихъ провинцій. Но оно имѣло гораздо важнѣйшее послѣдствіе, могу сказать это съ искренностью, столь же чуждою гордости, какъ и притворнаго смиренія. Никогда еще народъ не выражалъ такъ явно и слепогласно воли своей, чтобъ упрочить въ будущемъ власть, которой онъ сочувствуетъ, потому-что онъ теперь знаетъ, какъ обманчивы надежды, которыми его ласкали, и опасности, которыми онъ подвергался. Онъ знаетъ, что въ 1852 году обществу грозила гибель, и каждая партія заранѣе ожидала всеобщаго бѣдствія, въ надеждѣ водрузить свое знамя на развалинахъ отечества. Теперь онъ благодаритъ меня за то, что я спасъ его, водрузивъ знамя Франціи. Убѣлся въ безуміи теоріи, онъ увидѣлъ, что все эти преобразователи были пустыми мечтателями, не имѣя никакихъ средствъ къ выполненію своихъ обѣщаній. Теперь Франція окружаетъ меня своею любовію за то, что я не принадлежу къ толпѣ сумасбродовъ (idéologues). Для счастья народа отнюдь не нужно новыхъ системъ: надобно только предаться съ полною довѣренностью настоящему, съ твердою надеждою на будущее. Вотъ почему она обратилась къ имперіи. Есть однако же опасеніе, которое я долженъ успокоить. Въ духѣ недѣвѣрчивости, нѣкоторые говорятъ: имперія значитъ война. А я говорю: имперія значитъ миръ. Миръ, потому-что Франція желаетъ его, а когда довольна Франція, весь міръ спокоенъ. Можно передать въ наслѣдство славу, а не войну. Развѣ принцы, по справедливости гордившіеся быть потомками Лудовика XIV, возобновляли его войны? Войну ведутъ не для удовольствія, а по необходимости. И теперь, когда въ эти переходные періоды, подлѣ столькихъ началъ благоденствія таятся сѣмья гибели, можно по справедливости сказать: горе то-

му, кто первый въ Европѣ подастъ поводъ къ войнѣ, которой послѣдствія были бы неисчислимы.

«Признаюсь, что я, какъ и Императоръ, долженъ завоевать многое: я долженъ, какъ онъ, достигнуть примиренія партій, и обратить въ свое русло народныя волны, разливающіяся безъ пользы; я долженъ возвратитъ къ религіи, къ правдивости, къ благосостоянію многія тысячи людей, которые, въ странѣ вѣры и любви, едва знаютъ объ ученіи Христа, которые, посреди плодоноснѣйшей почвы, едва собираютъ произведенія первой необходимости. У насъ много земли, еще необработанной, дорогъ, еще неоткрытыхъ, гаваней неустроенныхъ, рѣкъ неудобныхъ для судоходства, каналовъ невырытыхъ, желѣзныхъ дорогъ невведенныхъ. Напротивъ Марсели находится цѣлое еще королевство, которое должно присоединиться къ Франціи. Западные наши гавани должны быть сближены съ Америкою посредствомъ быстрыхъ сообщеній; наконецъ, у насъ много развалинъ, которыя надобно возсоздать, кумировъ, которые слѣдуетъ низвергнуть, истинъ, которыя надлежитъ провозгласить. Вотъ какъ я понимаю имперію, если она должна возстановиться. Вотъ завоеванія, о которыхъ я мечтаю, и вы все, окружающіе меня, и желающіе, какъ я, блага отечеству, вы мои войны!»

Рѣчью этою оканчивается путешествіе Президента, ибо послѣ нея не было ничего особенно замѣчательнаго. Изъ этой рѣчи однакожъ видно, что возстановленіе имперіи неизбѣжно. Вотъ что по этому поводу напечатано въ *Монитёрѣ*:

«Взоры Европы обращены теперь на происходящее на югѣ Франціи. Тамъ представляется великолѣпное зрѣлище великаго народа, обнаруживающаго свое сочувствіе къ главѣ правительства, имъ же самимъ выбраннаго. Пусть сравниваютъ это торжественное шествіе Президента, посреди всеобщей безопасности, празднествъ и народного счастья, съ тѣмъ ужаснымъ зрѣлищемъ, которое представилось бы міру, еслибъ Провидѣніе не внушило и не поддержало твердой рѣшимости, которая спасла всѣхъ, и тогда никто не удивится, что въ тѣхъ же самыхъ странахъ, гдѣ демагоги свирѣпствовали всего сильнѣе, теперь народныя толпы наиболѣе выражаютъ свой восторгъ. Составляютъ ли эти толпы, стремящіяся навстрѣчу Президенту, отдельную партію, или сословіе Франціи? Нѣтъ! Это вся нація. Духо-

венство и судьи, дворянство и среднее сословіе, армія и флотъ, фабричный и земледѣлецъ, все классы, все граждане отрываются отъ работъ своихъ, и сбѣгаются изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, чтобъ присоединиться къ общимъ выраженіямъ благодарности и преданности. Служители вѣры, знающіе, что всякая власть простирается свыше, и что гласъ народа гласъ Божій, воздаютъ Президенту почести, какъ властителю Франціи, и видятъ въ немъ преемника того, кто возстановилъ алтари. Судьи привѣтствуютъ его, какъ утвердителя власти и законовъ; истинное дворянство уважаетъ его, потому что онъ съ благородствомъ поддерживаетъ національную славу, и низвергъ одну анархію. Среднее сословіе благодаритъ его за возстановленіе довѣренности, кредита, торговли и промышленности. Армія надѣется на него столько же, какъ и онъ на армію: она благодаритъ его за то, что онъ сдѣлалъ ее орудіемъ спасенія Франціи. Флотъ знаетъ все его къ себѣ сочувствія и все ожиданія его отъ морскихъ силъ, для утвержденія мира и поддержанія чести національнаго флага. Земледѣлецъ и рабочій знаютъ, что онъ всегда занимается ихъ участіемъ, и все страждущіе знаютъ, что у нихъ нѣтъ лучшаго и сострадательнѣйшаго друга. А потому посмотрите, какое искреннее сочувствіе господствуетъ между Президентомъ и народомъ! Это одинъ электрическій токъ, соединяющій сердце народа съ его сердцемъ. Напрасно окружающіе его стали бы стараться устранить отъ него толпу: онъ самъ хочетъ смѣшиваться съ нею; онъ не хочетъ стражи, которая бы отдѣляла его отъ народа. Нужно ли прибавлять, что на этомъ путешествіи, гдѣ Президентъ находится въ такомъ непосредственномъ сообщеніи съ народомъ, главная цѣль Лудовика-Наполеона состоитъ въ узнаніи на самомъ мѣстѣ всехъ нуждъ, выгодъ и желаній народа, ввѣрившаго ему свою участь? Конечно, единодушные возгласы, встрѣчающіе его повсюду, глубоко трогаютъ его. Но онъ знаетъ, что истинное предназначеніе его состоитъ въ томъ, чтобъ заслужить ихъ исполнѣ. Съ другой стороны, Парижъ не составляетъ всей Франціи. Если справедливость и необходимость требуютъ обезпечить этой столицѣ трудъ и безопасность, если должно стараться объ украшеніи ея, о развитіи наукъ и художествъ, прославляющихъ націю, то не должно забывать, что за оградой сей столицы существуютъ тридцать-пять милліоновъ, изъ которыхъ каждый

имѣетъ равное право на попеченія главы государства. Притомъ справедливость требовала, чтобъ эти рабочія сословія большихъ городовъ, эти сельскіе жители, которые уже двукратно провозгласили Лудовика-Наполеона, могли, въ свою очередь, видѣть его, слышать и получить отъ него самого увѣренія въ великодушныхъ его намѣреніяхъ. Все выигрываютъ отъ этихъ близкихъ сношеній. Президентъ усиливается въ своемъ мужествѣ и преданности, народъ въ своей довѣренности и любви. Союзъ между націею и правителемъ ея утверждается для пользы, благосостоянія и могущества Франціи. Известно, что Императоръ почиталъ очень важнымъ эти непосредственныя сношенія съ народомъ. Немногіе промежутки между иноземными войнами употреблялъ онъ всегда для осмотра отдаленнѣйшихъ пунктовъ своей имперіи, и часто сожалѣлъ на островѣ Св. Елены, что не могъ чаще быть истиннымъ отцемъ семейства своего народа, чтобъ озабочиваться лично о потребностяхъ своихъ дѣтей. Лудовикъ-Наполеонъ выѣхалъ изъ втораго города Франціи. При каждой остановкѣ усиливаются возгласы восторга, какъ увеличивалось сочувствіе народа при каждомъ новомъ возрожденіи его управленія. Пять милліоновъ голосовъ избрали его въ Президенты на четыре года. Послѣ 2-го декабря, около восьми милліоновъ одобрили его мужество, утвердили дѣйствія его диктаторской власти, и ввѣрили ему верховное правленіе. Едва прошло съ-тѣхъ-поръ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ, благодаря его за благотѣльное употребленіе власти, Франція, обязанная ему своимъ спасеніемъ въ настоящемъ, хочетъ посвятить ему и свою будущность. Чувства всехъ сословій одинаковы. Къ выраженіямъ желаній окружныхъ совѣтовъ присоединились самыя ясныя и формальныя рѣшенія генеральныхъ совѣтовъ, исполнѣ подтвержденныя адресами общинъ. Теперь все это дополнили возгласы толпы, которая, въ искренности сердца, не знаетъ ни уловокъ, ни красивыхъ оборотовъ рѣчей, и громко объявляетъ, что намѣрена дать своему избраннику всю власть, нужную для исполненія предназначенія его, со всеми условіями постоянства этой власти, со всеми титулами, освящающими ее торжественно. Такова воля Франціи. Лудовикъ-Наполеонъ отвѣчалъ на это какъ могъ и какъ долженъ былъ отвѣчать: «Когда дѣло идетъ о пользахъ націи, я стараюсь предупредить

выраженіе ея желанія. Когда же вопросъ касается до личныхъ моихъ выгодъ, я слѣдую за этими выраженіями». Сказанное Президентомъ въ Неверѣ, подтвердилъ онъ и въ Лионѣ, при открытіи статуи Императора. «Вездѣ, гдѣ я ни проѣзжалъ, меня встрѣчали крики: да здравствуетъ Императоръ! Но для меня этотъ крикъ болѣе составляетъ трогательное воспоминаніе, нежели надежду, льстящую моей гордости. Благоразуміе и любовь къ отечеству требуютъ, чтобъ въ подобныя минуты нація зрѣло обдумала прежде, нежели рѣшить будущую свою участь. Мнѣ самому трудно еще опредѣлить, подъ какимъ титуломъ я наиболѣе могу оказать услуги. Еслибъ скромный титулъ Президента могъ облегчить исполненіе возложенныхъ на меня обязанностей, я, конечно, изъ личныхъ выгодъ не хотѣлъ бы перемѣнить его на званіе Императора». — Дѣйствительно, какая нужда людямъ, избраннымъ Провидѣніемъ, подъ какимъ бы титуломъ они ни исполнили высокое свое предназначеніе? Личная слава ихъ не возвысится и не убавится отъ этого въ потомствѣ. Но у націи есть внутреннее побужденіе, которое должно уважать, потому-что оно всегда согласно съ истинными выгодами отечества. Упрочивая власть своего правителя, онѣ хотятъ обезпечить собственное свое благосостояніе. Франція, горящаяся уже тѣмъ, что ею управляетъ преемникъ знаменитѣйшаго изъ ея героевъ, хочетъ упрочить будущее свое величіе и спокойствіе, ввѣривъ постоянную власть тому, кто ее спасъ».

Въ *Indépendance Belge* пишутъ: Имперія близка, и объявлена будетъ по возвращеніи Президента въ Парижъ. Если Лудовикъ-Наполеонъ колебался еще, то возгласы по всему пути отъ Елисейскаго дворца уничтожили всякое сомнѣніе. Впрочемъ, не одинъ Мониторъ, а все правительственныя газеты: *le Pays*, *le Constitutionnel*, *la Patrie*, даже *la Correspondance Générale Ministerielle*, вполне открываютъ намѣреніе Президента, объявляя каждое утро самымъ формальнымъ образомъ о возстановленіи имперіи, утверждая необходимость этого возстановленія, и празднуя его, какъ совершившееся уже событіе. Притомъ же стоить взглянуть на празднества при проѣздѣ Президента, на титулы, даваемые ему въ рѣчахъ, на символы украшеній, на надписи илюминаціи. При отъѣздѣ изъ Парижа кричали: «да здрав-

ствуетъ Императоръ!» Этотъ неопредѣленный крикъ могъ выражать воспоминаніе прошедшаго и надежду въ будущемъ. Но по мѣрѣ того, какъ Президентъ подвигался впередъ, возгласы становились яснѣе и опредѣленнѣе. Въ рѣчахъ, съ которыми его встрѣчаютъ должностныя лица, и въ официальныхъ телеграфическихъ депешахъ величаютъ его уже не Принцемъ-Президентомъ, а императорскимъ высочествомъ. На публичныхъ памятникахъ и на триумфальныхъ воротахъ нѣтъ надписей: «да здравствуетъ Императоръ!» а пишутъ: «да здравствуетъ Наполеонъ III!» Это точно, ясно, положительно. При официальныхъ празднествахъ нѣтъ никакой оппозиціи противу Наполеона III. Посреди этихъ всеобщихъ выраженій народнаго восторга попадаются и слишкомъ услужливые друзья. Одинъ изъ нихъ напечаталъ на-дняхъ въ Парижѣ книгу подъ названіемъ: «О возстановленіи имперіи», въ которой сказано, что Лудовикъ-Наполеонъ соединяетъ въ лицѣ своемъ, какъ правитель, исполнитель, писатель и необыкновенный геній, Кольберта, Ришельё, Паскаля и Наполеона Великаго. Имя автора покуда неизвѣстно.

Въ *Assemblée Nationale* пишутъ: «У Франціи одно теперь желаніе, одинъ всеобщій крикъ — прочность власти. Она этого ищетъ, требуетъ во что бы то ни стало, и обратилась съ этимъ требованіемъ къ Лудовику-Наполеону. Мятежи утомили ее изступленіемъ, злодѣйствами и глупостями. Они до того напугали ее, что уstraшенная Франція отдалась подъ защиту власти, которая послужила оградой противъ нихъ. Насильства революціоннаго духа заставляютъ ее возобновить попытку возстановленія имперіи, и она жертвуетъ всѣмъ, чтобъ анархія ее не поглотила. Это свидѣтельствуетъ, что революціи заставляютъ насъ вращаться въ одномъ и томъ же кругу въ-продолженіе шестидесяти лѣтъ. Это такъ Пенелопы, которую мы распускаемъ, чтобъ начинать ее вновь. Возстановленіе имперіи радуется всѣхъ, потому-что въ этомъ заключается торжественное низверженіе республики, и на этотъ разъ исторія недолго заставила насъ ожидать своего приговора. Первая республика была звѣрская и кровопролитная, вторая же была только смѣшна».

Роялисты смотрятъ на возстановленіе имперіи съ хорошей стороны: она уничтожитъ, по-крайней-мѣрѣ, республику. Въ *Union* напечатаны слѣдующія по сему предмету замѣчанія, весь-

ма неслестныя для Французовъ: «Что мы за республиканская нація? Всѣ мы тщеславные и эгоисты, можемъ ли перенести равенство? Кто требуетъ равенства? Кто желаетъ у насъ свободы? Никто! Мы при всякомъ случаѣ стараемся угнетать другъ-друга, а притѣсненіе переносимъ съ какою-то гордостью».

Президентъ возвратился въ Парижъ 16-го октября. Онъ прибылъ къ заставѣ въ два часа. Въѣздъ начался въ три. Войска и національная гвардія стояли по всему пути. Съ семи часовъ утра народъ уже толпился по улицамъ, вытѣсняя рабочихъ, которые еще оканчивали триумфальныя арки. Полиція наканунѣ осматривала всѣ дома на улицахъ, по которымъ должно было происходить шествіе, возлагая на отвѣтственность хозяевъ всякое нарушение порядка. Всѣ окна должно было открыть, по какимъ бы причинамъ они ни затворились. Торговые люди, болѣе опасаясь толпы, нежели изъ уваженія къ Президенту, заперли свои лавки, только неведѣ. Во всѣхъ окнахъ были зрители и зрительницы, хранившіе молчаніе во-время шествія. Въ три часа Принцъ явился на бульварахъ. Онъ былъ блѣденъ и похудѣлъ, но сидѣлъ красиво на англійской своей лошади, въ генеральскомъ мундирѣ. Онъ безпрестанно отвѣчалъ на поклонныя, и искусно повертывалъ лошадь въ ту сторону, откуда слышно было наибольшее возгласовъ; криковъ: *vive l'Empereur* было очень мало. Принцъ ѣхалъ одинъ; свита была отъ него въ двадцати шагахъ. Онъ въѣхалъ въ Тюльерійскій-дворецъ черезъ большія ворота, откуда, по принятіи начальствъ, отправился немедленно въ Елисейскій-дворецъ. Маршалъ Иеронимъ очень состарѣлся, и мало возбуждалъ восторговъ. Полагаютъ, что коронація произойдетъ 2-го декабря. Надобно еще упомянуть, что въ вечерней иллюминаціи было между прочимъ много забавныхъ транспарантовъ. Такъ-называемая Зала Путешественниковъ (*Salle des voyageurs*) была приготовлена въ Тюльерійскомъ-дворцѣ для приѣма. Въ ней воздвигнутъ былъ вызолоченный тронъ, обитый шелковою матеріею гранатнаго цвѣта; на балдахинѣ распростертый орелъ. Г. Фелье де-Коншъ исправлялъ должность оберъ-церемоніймейстера. По правую сторону трона стояли сенаторы съ принцемъ Иеронимомъ; по лѣвую законодательная палата. У стѣнъ члены государственнаго совѣта. Министры и президентъ государственнаго совѣта на

ступеняхъ трона. Позади трона военная и гражданская свита Президента. Зала наполнена была членами кассационнаго суда, счетной палаты, канцлеромъ и командорами Почетнаго Легіона, членами института, главнаго штаба національной гвардіи, апелляционнаго суда. Въ ней были архіепископъ и духовенство, депутаты коммерческой палаты, политехнической школы, протестантской консисторіи, еврейскаго сангедрина, мирные судьи, и проч. и проч. Оберъ-церемоніймейстеръ, встрѣтившій Принца еще на станціи желѣзной дороги, получилъ приказаніе исправлять эту должность и на время всего шествія. По дорогѣ говорили Президенту рѣчи: архіепископъ парижскій, Президентъ городского совѣта г. Делангль и сенскій префектъ г. Берже. Ровно въ половинѣ четвертаго подѣхалъ Президентъ къ Поворотному-мосту при оглушительномъ шумномъ гремя и звонѣ колоколовъ».

Президентъ городского совѣта привѣтствовалъ Президента слѣдующею рѣчью: «Принцъ! парижскій городской совѣтъ сифшигъ привѣтствовать васъ при возвращеніи вашемъ, и принести вамъ поздравленіе съ торжествомъ, которымъ ознаменованъ былъ каждый шагъ въ этомъ достославномъ путешествіи. Если высочайшее счастье состоитъ въ спасеніи отечества, а величайшее наслажденіе въ благодарности своей родины — какимъ удовольствіемъ превоспоемъ ваше сердце! Повсюду видѣли вы это глубокое чувство признательности, повсюду слышали восторгъ народа. Туда, гдѣ междоусобная война распространяла отчаяніе и смерть, принесли вы утѣшеніе, надежду и жизнь. Принцъ! За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ Франція избрала васъ своимъ законодателемъ; теперь народъ требуетъ, чтобъ вы упрочили его будущность. Городъ Парижъ поддерживаетъ это желаніе, не для доставленія вамъ бѣльшей славы, потому-что она состоитъ въ спасеніи отечества, но для пользы всѣхъ. Вы шли впередъ Франціею спасая ее. Теперь вы послѣдуете за нею, куда она указываетъ вамъ новый путь, руководимая своими прежними воспоминаніями».

Сенскій префектъ Берже сказалъ: «Ваше Высочество! Городъ Парижъ съ восторгомъ видитъ ваше возвращеніе. Онъ цѣлый мѣсяць слѣдовалъ сердцемъ и душою за вашимъ торжественнымъ шествіемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ нѣльшняго дня,

чтобъ васъ привѣтствовать. Это мирное торжество столь же драгоценно, какъ побѣды, и слава его приносить плоды. Ваше Высочество! Исполните желаніе цѣлаго народа. Небесное Провидѣніе само требуетъ, чтобъ вы довершили то предназначеніе, которое оно ввѣрило великому основателю вашей династіи! Только въ званіи Императора можете вы исполнить блистательную программу, провозглашенную въ Бордо. Европа на васъ надѣется. Ваше Высочество! Парижъ поддержитъ васъ при исполненіи исполнскаго труда, и какъ предки наши возстали за свободу и отечество по воззванію Императора, такъ возстанемъ и мы всѣ. Во всѣхъ мирныхъ завоеваніяхъ будемъ мы вашими вѣрными сподвижниками. Да здравствуетъ Императоръ!» Принцъ отвѣчалъ ему: «Радуюсь, слыша ваше поздравленіе отъ имени города Парижа, тѣмъ болѣе, что привѣтствія, встрѣчающія меня здѣсь, суть продолженіе слышанныхъ мною на пути моемъ. Франція, желая имперіи, полагаетъ, что этотъ образъ правленія лучше обезпечиваетъ ея величіе и будущность. Что до меня касается, подъ какимъ бы титуломъ ни пришлось мнѣ служить ей, я посвящу ей всѣ мои силы, все мое усердіе».

Въ *Indépendance Belge* пишутъ: «Вообще въ Парижѣ обнаруживался, при встрѣчѣ Президента, восторгъ со стороны многихъ, сочувствіе въ нѣкоторой части жителей, равнодушіе въ другихъ, оппозиціи не было нигдѣ. Правда, это еще не значить, чтобъ не было въ Парижѣ недовольныхъ нынѣшнимъ порядкомъ дѣлъ. Въ этой столицѣ оппозицій при всѣхъ правительствахъ подобное единодушіе было бы невозможное, нежели гдѣ-либо. Выборы, происходившіе за нѣсколько недѣль предъ симъ, доказали, по числу голосовъ въ пользу Гудшо и Мишеле, что оппозиція еще существуетъ. Но при вѣздѣ Лудовика-Наполеона, она нигдѣ не обнаружилась, отъ боязни ли при строгости принятыхъ мѣръ, или отъ безсилія при увлеченіи и утомленіи толпы, боящейся всего, что можетъ нарушить общественное спокойствіе. Такимъ-образомъ вся вражда умолкла, и ни одно облако не помрачило торжественнаго вступленія Президента. Что-же касается до слѣдствій, всѣ знаютъ ихъ напередъ: они заключаются въ словѣ: имперія. Впрочемъ, всѣ слухи о созваніи сената сегодня или завтра неосновательны. Это будетъ рѣшено въ совѣтѣ министровъ подъ предсѣдательствомъ самого Лудовика Наполеона.

Несмотря на увѣренія многихъ газетъ, Президентъ не остановился въ Тюльерійскомъ дворцѣ по возвращеніи въ Парижъ; онъ вѣхалъ туда, слѣдуя программѣ, но ввечеру уже былъ, по-прежнему, въ Елисейскомъ-дворцѣ, а ночевать отправился въ Сенъ-Клу. Тюльерійскій-дворецъ будетъ жилищемъ Императора, а не Президента.

Возвѣщенный уже нѣсколько дней, на Французскомъ-Театрѣ спектакль, данъ былъ 21-го октября, въ присутствіи Президента. Наружный фасадъ театра былъ иллюминированъ. Фойе, служащее для публики, было изукрашено. Къ бюстамъ прежнихъ актеровъ этого театра прибавились бюсты поэтовъ, и такъ составился историческій музей французской комедіи. Общество собралось отборное: Маршалъ Иеронимъ, Принцесса Матильда, всѣ министры и генералы, многіе члены дипломатическаго корпуса и другія значительныя лица. Зала была украшена знаменами. Красный бархатный коверъ, вышитый золотыми пчелами, покрывалъ перила президентской ложи. Спектакль начался трагедіею «Цинна». Въ началѣ втораго акта крики: да здравствуетъ Императоръ! возвѣстили о прибытіи Лудовика-Наполеона. Онъ былъ въ черномъ фракѣ и въ лентѣ почетнаго Легіона. Съ нимъ были министръ иностранныхъ дѣлъ и два адъютанта. Публика приняла его криками: да здравствуетъ Императоръ! По окончаніи трагедіи, поднялась завѣса, и вышли всѣ актеры Французскаго-Театра въ разныхъ костюмахъ. Г-жа Рашель представила музу Исторіи. Въ глубинѣ театра развѣвалось большое знамя съ именемъ: «Наполеонъ III», подъ императорскою короною. Рашель поклонилась предъ ложею Президента, и прочитала стихи директора этого театра, Арсена Гуссе, подъ названіемъ: *L'Empire est la paix*. Между строфами раздавались крики: да здравствуетъ Императоръ! Тотъ же крикъ привѣтствовалъ его и въ улицѣ Ришелье, когда онъ, предъ концемъ спектакля, уѣзжалъ изъ театра. Известно, что въ 1848 году г-жа Рашель, на этомъ же самомъ мѣстѣ, пѣла марсельскую пѣсню.»

Въ *Neue Preussische Zeitung* напечатано слѣдующее частное письмо изъ Парижа: «Беранже написалъ пѣсню о счастливейшихъ дняхъ жизни Наполеона, съ припѣвомъ: *un beau soleil a fêté ce grand jour* (прекрасное солнце праздновало этотъ великій день). Поэтъ новаго Наполеона будетъ имѣть право ска-

зять то же и о 16-мъ числѣ октября. Фебъ былъ очень благоклоненъ къ нынѣшнему любимцу Франціи, и освѣщаль вступленіе его самыми яркими лучами. Рано поутру полиція прибила по стѣнамъ объявленіе къ жителямъ Парижа, что Принцъ пріѣдетъ на станцію Орлеанской желѣзной дороги въ два часа, то-есть часомъ раньше, нежели объявлено было наканунѣ. Принцу довели о многочисленныхъ встрѣчахъ, ожидающихъ его, и онъ поспѣшилъ прибыть въ столицу, чтобъ имѣть время добраться до Тюльерійскаго-дворца до ночи. Дирекціи желѣзныхъ дорогъ сбавили цѣны, и со всѣхъ сторонъ тысячи пріѣзжихъ устремились въ Парижъ. Вчера ввечеру были заняты всѣ гостиницы, и на бульварахъ, отъ стеченія народа, сдѣдалась давка. Сотни женщинъ, мужчинъ и мальчишекъ возглашали новую новинку: «куните медали съ изображеніемъ Императора Наполеона III!» Эти медали разошлись въ большомъ числѣ, и сямъ доказывается присутствіе большаго числа провинціаловъ, потому-что парижане не очень падки на этотъ товаръ. Въ улицѣ Рошешуаръ есть домъ съ надписью: «Управление общенародныхъ увеселеній.» Тамъ нѣкто г. Годиліонъ мастерить все, что нужно для возбужденія современнаго восторга, какого бы онъ рода ни былъ: роялистскій, республиканскій или бонапартистскій. Вчера бродилъ я по этому рѣдкому архиву. Экземпляры галльскаго пѣтуха и Фригійской шапки лежатъ теперь въ пыли, въ забытомъ уголку, а эмблемы имперіи открыты вновь, и красуются теперь въ видѣ орловъ, коронъ и вензелей L. N. Другія времена, другія знамена! По запасамъ, которые я видѣлъ, официальные декорации будутъ блистательны. Проиду по пути, по которому часа чрезъ два поѣдетъ новый Императоръ во всей своей славѣ. Теперь половина двѣнадцатаго. Отъ Аустерлицкаго до Поворотнаго-моста (Pont-tournant) на площади Согласія видѣлъ я всѣ приготовления, и долженъ сознаться, что они превосходятъ бывшія 15-го августа. Триумфальныя арки колоссальны и построены со вкусомъ. Я насчиталъ ихъ девять по всему пространству. Театральныя дирекціи наиболѣе содѣйствовали къ украшенію ихъ; такъ и должно быть. Правительство уклоняется, какъ сказано въ Монитерѣ, отъ всякой отвѣтственности въ сооруженіи этихъ арокъ, объявляя, что все сдѣлали сами жители. Вѣрите! Не буду утомлять васъ подробными опи-

саніями всѣхъ предметовъ. Изъ частныхъ домовъ украшены немногіе. О возгласахъ всѣхъ газетъ нечего и говорить.»

Въ *Монитерѣ* было напечатано объявленіе, что по поводу всеобщихъ выраженій въ пользу возстановленія имперіи, Президентъ почелъ долгомъ созвать сенатъ къ 4-му ноября. Если изъ совѣщаній его окажется, что форма правленія должна быть измѣнена, то декретъ сената будетъ предложенъ на утвержденіе націи. Законодательная палата обязана будетъ тогда рассмотретьъ правильность поданныхъ голосовъ, и произвести исчисленіе ихъ.

Извѣстіе, нѣсколько разъ уже объявленное и опровергнутое—объ освобожденіи Абдель-Кадера, вполне подтвердилось. Оно обнародовано въ *Монитерѣ*, съ словами, сказанными Президентомъ, который, при проѣздѣ чрезъ Амбуазъ, лично объявилъ свободу бывшему Эмиру. По принятіи надлежащихъ мѣръ, Абдель-Кадеръ отвезенъ будетъ въ турецкія владѣнія, именно въ Бруссу, и тамъ поселится. Франція назначитъ ему приличное содержаніе. Несмотря на торжественную присягу, данную Эмиромъ не предпринимать ничего противу Франціи, извѣстіе объ освобожденіи его не было принято съ удовольствіемъ въ Марсели, а еще болѣе въ Алжиріи. Впрочемъ, при этомъ случаѣ Президентъ вновь доказалъ твердость своего характера. Почти всѣ окружающія его лица противились этой мѣрѣ, полагая, что онъ согласится съ представленными ему доводами. Военный министръ сдѣлалъ даже распоряженія, чтобъ перевести Эмира поближе къ Парижу, согласно собственному его желанію. Лишь за нѣсколько минутъ до свиданія своего съ Абдель-Кадеромъ, Президентъ объявилъ генералу Сентъ-Арно, что рѣшеніе его неизмѣнно, и что онъ самъ объявитъ Эмиру о возвращеніи ему свободы. Городъ Брусса, гдѣ будетъ жить Абдель-Кадеръ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Анатоліи. Въ немъ до 50,000 жителей. Онъ отстоитъ отъ Константинополя верстахъ во стѣ.

Абдель-Кадеръ сдался генералу Ламорисіеру 21-го декабря 1847 года. Извѣстно, что онъ покорился на условіи быть перевезеннымъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Александрію, или Сентъ-Жанъ-д'Акръ. Генералъ Ламорисіеръ принялъ это условіе, и оно было утверждено алжирскимъ генералъ-губернаторомъ, Герцогомъ Омальскимъ. Правительство Короля Лудови-

ка Филиппа получило, 31-го декабря 1847 года, извѣстіе о взятіи Абдель-Кадера и о пріѣздѣ его въ Тулонъ. До 24-го февраля 1848 года совѣтъ министровъ не рѣшилъ еще участи Эмира. Временное Правленіе перевезло его въ замокъ По, гдѣ онъ пробылъ годъ, а потомъ перевезли его въ Амбуазскій замокъ, гдѣ онъ находился до-сихъ-поръ.

Президентъ остановился въ Амбуазскомъ замкѣ, велѣлъ привести Абдель-Кадера, и объявилъ ему свободу слѣдующими словами: «Абдель-Кадеръ! я пришелъ объявить тебѣ свободу. Лишь только сдѣланы будутъ нужныя приготовленія, тебя отвезутъ во владѣнія Султана, въ Бруссу, и ты будешь получать содержаніе, приличное прежнему твоему званію. Ты знаешь, что давно уже плѣнъ твой былъ для меня прискорбень, напоминая мнѣ безпрестанно, что прежнее правительство не сдержало слова, даннаго несчастному врагу. Въ глазахъ моихъ нѣтъ ничего унижительногаго для правительства великой націи, какъ до такой степени не довѣрять своему могуществу, чтобъ измѣнить данному обѣщанію. Лучшій нашъ совѣтодатель—великодушіе, и я увѣренъ, что пребываніе твое въ Турціи не возмутитъ спокойствія нашихъ африканскихъ владѣній. Твоя религія, какъ и наша, учитъ покоряться волѣ Провидѣнія. Если Франція владѣетъ Алжиріею, то такъ угодно Богу, и Франція никогда не откажется отъ этого завоеванія. Ты былъ врагомъ Франціи, но я отдаю справедливость твоему мужеству, твоему характеру и покорству въ несчастіи, и потому поставляю за честь возвратить тебѣ свободу, увѣренный въ непреложности твоего слова». Эта благородная рѣчь произвела сильное впечатлѣніе въ Эмирѣ. Выразивъ Президенту глубокую и вѣчную свою благодарность, онъ поклялся на священной книгѣ корана, что никогда не покусится оспаривать нашего владычества въ Африкѣ, и безусловно покоряется волѣ Франціи. Абдель-Кадеръ прибавилъ, что дурно тѣ знаютъ духъ и смыслъ законовъ Пророка, которые воображаютъ, что онъ позволилъ нарушать обязательства, данныя Христіанамъ, и указалъ Президенту стихъ изъ корана, которымъ именно осуждаютъ всякаго, кто нарушитъ клятву, данную даже невѣрнымъ. Въ глазахъ всѣхъ умныхъ Арабовъ завоеваніе Африки представляетъ уже совершившееся событіе, и во всегдашнемъ превосходствѣ французскаго оружія видятъ

они явный знакъ воли Божіей. Политика великой націи должна быть благородна и великодушна.

Въ *Journal des Débats* сообщены нѣкоторыя подробности о городѣ Бруссѣ, гдѣ будетъ жить Абдель-Кадеръ: «Городъ сей лежитъ въ Малой-Азій, въ двадцати четырехъ французскихъ миляхъ отъ Константинополя, и съ городами Эрзерумомъ, Карагисаромъ, Токатомъ, Ангордою, Смирною, Бассорою, Багдадомъ, Діарбекиромъ, Алеппомъ, Моссуломъ и Дамаскомъ составляетъ центральную группу, чрезъ которую проходятъ караваны изъ Персіи, Аравіи и Европы. Въ глубочайшей древности и въ средніе вѣки полоса эта была средоточіемъ важнѣйшей торговли, но въ-послѣдствіи, по недостатку безопасности на большихъ дорогахъ, судоходныхъ каналовъ и поощренія со стороны правительства, она упала, и нынѣшняя торговля представляетъ едва слабую тѣнь производившейся въ старыя годы. Несмотря на это, центральная позиція этихъ областей лежащихъ между Европою, Азіею и Африкою, богатство произведеній ихъ промышленности и караваны Багдада и Дамаска съ которыми пилигримы Европы и Восточной Азіи отправляются въ Мекку, содѣйствуютъ еще коммерческой дѣятельности сихъ странъ. Брусса славится своими шелковыми фабриками, холстомъ и коврами. Она построена у подошвы горы Олампа, близъ береговъ Нилуфера, чрезъ который построено нѣсколько мостовъ. Въ ней до ста тысячъ жителей; она хорошо отстроена, и принадлежитъ къ цвѣтущимъ городамъ Турецкой Имперіи. Брусса защищается валами и древнимъ замкомъ, украшеннымъ римскою скульптурою. Около города простираются обширныя предмѣстья. Въ городѣ много мечетей, каменныхъ каравансераевъ и великолѣпныхъ бань, также много прекрасныхъ фонтановъ. Брусса была столицею Вифаніи. Въ средніе вѣки, до взятія Андрианополя, была она столицею всей Оттоманской Имперіи. Теперь находятся въ ней мулла перваго класса, паша, греческій митрополитъ и армянскій архіепископъ. Недалеко отъ Бруссы, на Мраморномъ-морѣ, лежитъ гавань Муданіе, при заливѣ того же имени. Сюда свозятся товары изъ Бруссы, и получаютъ всѣ товары изъ Константинополя и Европы. По близости лежитъ бѣдная деревня Исникъ, деревня

Никея, столица Вифиніи, въ которой происходилъ первый Вселенскій Соборъ въ 325 году».

Въ *Morning Chronicle* пишутъ изъ Парижа между прочимъ: «Совѣтъ Министровъ составилъ вчера (18-го) рѣшеніе, которое будетъ пріятно французской націи, а въ особенности войску. Декретъ, изгоняющій Генераловъ Шаугарніе, Ламорисіера, Бедо и Ледло, а равно и г. База, будетъ, какъ говорятъ, отмѣненъ, и этимъ лицамъ дозволитъ возвратиться во Францію. Этотъ декретъ долженъ быть напечатанъ въ Монитерѣ еще на этой недѣлѣ. Въ Фросдорфѣ узнали, что немедленно послѣ провозглашенія имперіи сорокъ легитимистовъ будутъ назначены сенаторами, и что они уже согласились покориться новой династии. Это произвело тамъ сильное впечатлѣніе; впрочемъ можно было предвидѣть подобное отпаденіе. Со времени письма изъ Венеціи Графа Шамбора, многіе изъ легитимистовъ колебались въ своихъ мнѣніяхъ, однако въ Фросдорфѣ все еще надѣялись, что не дойдетъ до явнаго отступничества. Но съ тѣхъ-поръ легитимисты раздѣлились на двѣ партіи, враждующія между собою, какъ нѣкогда легитимисты враждовали съ орлеанистами: одна, малочисленнѣйшая, все еще привержена къ старшей Бурбонской линіи; другая хочетъ только возстановленія монархіи, какъ при Лудовикѣ XIV. Но какъ Графъ Шамборъ объявилъ себя въ письмѣ изъ Венеціи приверженцемъ системы Лудовика XVIII, то, по мнѣнію этой партіи, онъ самъ уже пересталъ быть легитимистомъ. Теперь, по ихъ мнѣнію, одинъ Лудовикъ-Наполеонъ можетъ спасти основныя правила монархіи».

По письмамъ изъ Пиемонта, въ Туринѣ проживаетъ человекъ, почитающій себя членомъ старшей Бурбонской линіи, имѣющимъ право на престолъ Франціи. Семейство его бѣжало изъ Франціи въ 1793 году, чтобъ скрыться отъ преслѣдованія, а теперь возвратилось изъ Азіи (!), чтобъ требовать обратно своего престола. Въ ожиданіи сего, пользуется онъ легковѣріемъ жителей Турина, и въ особенности дамъ. Однако же нѣкоторые изъ нихъ обратились къ полиціи, чтобъ избавиться отъ его докучливости; говорятъ, что полиція уже сдѣлала ему строгій выговоръ, угрожая и бѣльшимъ взысканіемъ.

Съ Герцогинею Орлеанскою, путешествующею по Швейцаріи

съ своими сыновьями, случилось несчастье: карета, въ которой она ѣхала, опрокинулась, отъ неосторожности кучера, въ ровъ, и Герцогиня переломила правую ключицу. Молодые Принцы остались невредимы. Герцогиня перевезена была въ Лозанну. Послѣднія извѣстія благопріятны.

Парижскіе выборы дали ожидаемой результатъ. Выбраны два кандидата правительства, гг. Монень-Жапи и Жермень Тибо, весьма незначительнымъ большинствомъ четвертой части избирателей, требуемыхъ по закону. Въ четвертомъ округѣ г. Гулто получилъ немногимъ менѣе голосовъ, нежели г. Монень-Жапи. Въ Лионѣ выбранъ также кандидатъ правительства г. Кабіастъ, вмѣсто г. Гену, и противупозиціоннаго кандидата г. Дюпона.

Прошло время, когда во Франціи выборы значили что-нибудь. Теперь избиратели остаются дома, и какъ для выбора члена городского совѣта пужно извѣстное число голосовъ, то народъ, какъ кажется, говоритъ: «Пусть управляетъ кто хочетъ, я уже въ это не мѣшаюсь». Онъ лучше хочетъ заниматься фондами или акціями желѣзныхъ дорогъ. Франція сдѣлалась націею промышленною и положительною. Многіе умные люди говорятъ, что это прогрессъ.

Вотъ отвѣтъ *Бельгійскаго Монитера* на статью парижскаго касательно декрета, которымъ возвышены пошлины съ каменнаго угля и чугуна, «Декретомъ Президента Французской Республики возвышены пошлины на каменный уголь и на чугунъ, отправляемые во Францію чрезъ бельгійскую границу. При подписаніи условій, 22-го августа сего года, бельгійское правительство нимало не ожидало подобной мѣры послѣ этой конвенціи, которая, даже по словамъ договора, должна была утвердить и упрочить дружественныя сношенія между обоими государствами. Бельгійскія законодательныя палаты соберутся чрезъ нѣсколько дней. Отдавъ имъ отчетъ во всѣхъ сихъ переговорахъ, правительство сообщитъ имъ всѣ свои дѣйствія и предъявленныя Франціею требованія».

Въ *Монитерѣ* напечатано донесеніе военному министру алжирскаго генералъ-губернатора о военныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ въ сей странѣ въ нынѣшнемъ году. Оно занимаетъ девять столбцевъ газеты, и заключаетъ въ себѣ описаніе дѣйствій на восточныхъ границахъ, гдѣ наказаны многія племена за неповиновеніе и возмущеніе близъ цунисской границы, а равно

не продолжительной, но рѣшительной экспедиціи генерала Монтобана на марокскую границу для наказанія бродягъ, опустошавшихъ западныя предѣлы алжирскихъ колоній. Въ заключеніе донесенія сказано: «Послѣдняя кампанія ознаменована во всѣхъ трехъ провинціяхъ блистательными подвигами и важными результатами. Восточное возмущеніе, вмѣсто того, чтобъ ослабить нашу власть, придало ей, напротивъ того, больше силы. Возмущенныя племена были строго наказаны, и примѣръ этотъ послужитъ урокомъ тѣмъ, которые захотятъ подражать имъ. На западѣ прекращены разбои, слишкомъ долго остававшіеся безъ наказанія. Нѣсколько удачныхъ сраженій скорѣе окончили дѣло, нежели всѣ дипломатическія ноты. Въ средней полосѣ проведеніе дорогъ, исполненное съ настойчивостью и благоразуміемъ, открыло новые пути торговлѣ, и приготовило средства экспедиціи, которую Правительство намѣрено въ свое время предпринять въ Джуржурійской Кабиліи».

А н г л и я.

Герцогъ Веллингтонъ все еще занимаетъ англійскія газеты: онѣ наполняютъ столбцы свои всѣми возможными о немъ подробностями. Такъ, напримѣръ, камердинеръ его, Кендаль, заваленъ со всѣхъ сторонъ просьбами, въ которыхъ просятъ у него волоска, или какой-нибудь вещи, принадлежавшей покойнику. Одинъ джентльменъ предложилъ сто гиней за походную его кровать. Другой покупаетъ на вѣсъ золота кресла, въ которыхъ герцогъ умеръ. Дильскій парикмахеръ, стригшій герцога, получилъ множество требованій, и если онъ будетъ благоразуменъ, то удовлетворитъ многихъ. Если изъ числа тростей, проданныхъ публикѣ подъ названіемъ принадлежавшихъ Вольтеру, можно составить большую связку, то парикмахеръ Веллингтона, конечно, выпуститъ порядочное количество волосъ. Что-же касается до упомянутыхъ креселъ, они какъ и тѣ, которыя находятся въ Виндзоръ-Кестлѣ, сдѣланы изъ вяза, стоявшаго въ центрѣ англійскихъ лній при Ватерлоо, подъ которымъ герцогъ провелъ въ этомъ знаменитый день нѣсколько часовъ. Всѣ бумаги герцога найдены въ совершенномъ поряд-

кѣ. Онѣ тотчасъ же переданы были для обнародованія лорду Магону, литературному душеприкащику сира Роберта Пляя. Герцогъ поступилъ не такъ, какъ старый пріятель его Талеранъ, запретившій печатать записки его до 1868 года: онѣ будутъ напечатаны немедленно. Теперь извѣстно, что герцогъ Веллингтонъ намѣренъ былъ въ нынѣшнемъ году отправиться во Францію, и провести нѣсколько недѣль въ Каннѣ, у лорда Брума.

Лѣтъ тридцать уже, какъ въ Англии всякій патриотъ старался имѣть автографы герцога Веллингтона. Спекуляторы давно уже разочли, какъ дорого будетъ нѣкогда обладаніе нѣсколькими строками его руки. Многіе часто обращались къ нему, чтобъ получить отъ него собственноручныя подписи, и онъ во всю свою жизнь подписалъ множество пустыхъ писемъ. Но теперь, со времени его кончины, требованія на нихъ успились, и цѣна за нихъ чрезвычайно возвысилась. Такъ, напримѣръ, учебная книга, на которой покойникъ, бывъ еще въ Итонской школѣ, написалъ своею рукою тогдашнюю свою фамилію «Веллестлей», продана была на дняхъ за 50 ф. стерл.

Не извѣстно, былъ ли герцогъ Веллингтонъ когда-либо раненъ. Г. Рушъ рассказываетъ по сему случаю слѣдующій анекдотъ: Сиръ Джоржъ Валькеръ говоритъ, что при окончаніи Бадахосскаго сраженія, Веллингтонъ былъ раненъ въ бокъ пулею на излетѣ. Рана была легкая и перевязана на мѣстѣ. Герцогъ, почувствовавъ ударъ, вскричалъ: наконецъ раненъ! и какъ казалось, былъ тѣмъ очень доволенъ.

Наканунѣ кончины своей герцогъ Веллингтонъ отправился въ Фокстонъ, и долго гулялъ одинъ, пѣшкомъ въ гавани. Послѣ того послалъ онъ за фіакромъ, чтобъ ѣхать на станцію дуврской желѣзной дороги, но какъ фіакръ чрезъ пять минутъ не являлся, онъ пошелъ пѣшкомъ до станціи, отказавшись сѣсть въ карету, которую ему предлагали два путешественника. Герцогъ казался совершенно здоровымъ, и бѣлая шляпа чрезвычайно молодила его физиономію.

Вообще рассказываютъ о немъ старыя и новыя анекдоты, и обнаруживаютъ многіе подвиги человеколюбія, о которыхъ при жизни должны были молчать. Въ уединенной комнатѣ Вальмеръ-Кестля, гдѣ онъ спалъ, работалъ и скончался, найдены кипы бумагъ, доказывающихъ, что онъ помогалъ великому числу лю-

дей, и находился съ ними въ перенискѣ. Онъ получалъ немалое количество просьбъ и документовъ, обыкновенно предлагаемыхъ просителями, и всегда возвращалъ эти документы въ исправности. На столѣ той комнаты, въ которой онъ скончался, найдены печатныя записки съ словами: «Не отдавай въ чужія руки документовъ, которые самъ долженъ хранить.» Такую записку вкладывалъ онъ всегда въ конвертъ, возвращая присланные ему документы. У изголовья походной его желѣзной кровати найдено, на этажеркѣ, нѣсколько англійскихъ и французскихъ книгъ, стихотвореній, историческихъ сочиненій, біографій, военныхъ и парламентскихъ донесеній и нѣсколько важныхъ бумагъ. Посрединѣ комнаты столъ, забрызганный чернилами: на немъ производилась частная переписка Веллингтона. Другой столъ онъ могъ пододвигать къ своей кровати, или къ окну; сверхъ того были въ этой комнатѣ кресла и пара деревянныхъ стульевъ. На каждой двери надпись: «занирайте двери.» Изъ окна видѣнъ морской берегъ до самой Франціи, а къ сѣверу и югу видны замки Дилъскій и Сандоунскій. У подножія Вальмеръ-Кестля простираются направо и налево мѣловые холмы, покрытые зеленью. Въ проливѣ же между Франціею и Англіею видны все мимоидущіе корабли. Покойный Герцогъ любилъ чтеніе газетъ, и не пропускалъ въ нихъ ни одного объявленія. Прочитавъ о какой-нибудь новой выдумкѣ, о стальномъ перѣ новаго рода, онъ тотчасъ посылалъ въ лавку, и покупалъ новое изобрѣтеніе. Люди служили при немъ по двадцати, по тридцати лѣтъ. Въ пицѣ онъ былъ умѣренъ и неразборчивъ. Ростбифъ и пуддингъ были блюдами ежедневными. Поваръ его, Французъ, жаловался, что герцогъ былъ доволенъ всею, и не замѣчалъ его старанія и усилій.

Еще рассказываютъ о трогательномъ письмѣ, полученномъ на дняхъ на имя герцога: оно прислано старикомъ, стронившимъ погребальную колесницу Нельсона, и проживающимъ теперь въ отдаленномъ предмѣстьѣ Лондона. Онъ проситъ, чтобъ ему дозволено было вколотить хотя одинъ гвоздь въ гробъ Веллингтона, дабы дѣти его могли гордиться тѣмъ, что отецъ ихъ хоронилъ двухъ величайшихъ мужей Англій.—Въ газетахъ напечатано письмо лорда Дерби къ министру внутреннихъ дѣлъ г. Вальполю, въ которомъ выражено желаніе Королевы и графа Дерби, чтобы смертные останки Веллингтона погребены были въ

церкви св. Павла, подлѣ гробницы Нельсона, о чемъ и поручено будетъ распорядиться парламенту.

Въ *Times* пишутъ: Можно отдать полную справедливость нынѣшнимъ политикамъ, сказавъ, что они, въ-продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, спасали государство отъ угрожавшихъ ему опасностей. Эти двадцать лѣтъ составляютъ политическое поприще герцога Веллингтона, послѣ его продолжительнаго и знаменитаго военного поприща. Министерство лорда Грея остается теперь только въ историческомъ воспоминаніи. Ему предшествовало министерство герцога Веллингтона, который былъ современникомъ и сотоварищемъ Ливерпулей, Мельвилей, Сидмоутовъ, Кастельре, Батурстовъ. Герцогъ, прозванный великимъ, всегда имѣлъ вліяніе на политику Англій, хотя и не былъ членомъ кабинета, и когда нынѣшніе министры были еще въ колыбели, Герцогъ былъ двигателемъ дѣлъ въ такія времена, которыхъ нынѣшнее поколѣніе не постигаетъ, до того они были богаты событіями. Когда Артуръ Веллеслей, бывший потомъ герцогомъ Веллингтономъ, вступилъ въ 73-й полкъ офицеромъ, носили еще косы и употребляли пудру и помаду. Тогдашнія тяжелыя ружья трудно было приподнять. Наказанія были жестоки; первый офицерскій чинъ и дальнѣшее производство покупались за деньги. Поступки, которые теперь взволновали бы всю Англію, почитались тогда привилегіями исключительной касты. Чтобъ вполне судить о преобразованіяхъ по военной части, введенныхъ герцогомъ, должно вспомнить, къ какой школѣ и къ какимъ временамъ онъ принадлежалъ. Отмѣна жестокихъ наказаній и опредѣленіе срока военной службы были въ его время мѣрами самыми смѣлыми. Политическое состояніе Европы было, въ молодости герцога, совсѣмъ не то, что теперь. Нынѣ пять великихъ державъ, а тогда было четверта небольшая, считая и городовыя правленія. Римскіе цари царствовали въ Германіи; монархія Бурбоновъ казалась вѣчною во Франціи; Испанія была еще сильнымъ государствомъ. При герцогѣ Веллингтонѣ упразднились Венеціанская Республика и Германская Имперія. Онъ присутствовалъ при великой эпохѣ Наполеона, владычествовавшего отъ Португаліи до Вислы, отъ Сѣвернаго-моря до южной Италіи. Этотъ огромный переворотъ, произведшій цѣлое поколѣніе государственныхъ людей и полководцевъ, эта великая эпоха, которую теперь дож-

по почести баснословною, были только эпизодомъ въ жизни Веллингтона. Онъ жилъ до нее, и пережилъ ее. Кромѣ Наполеона никто не былъ ему равенъ на полѣ битвы. Смерть Мальборо и Нельсона едва ли равняется важностью съ потерей, которую понесла теперь Англія въ лицѣ Веллингтона. Слава Мальборо помрачалась неспособностью его въ политикѣ и подозрѣніемъ въ измѣнѣ, въ послѣдніе дни жизни. Нельсонъ умеръ съ оружіемъ въ рукахъ на стихіи, принадлежавшей Англіи, прежде нежели герцогъ Веллингтонъ доказалъ Европѣ испанскою своею кампанією, что Великобританія можетъ славиться и на сухомъ пути. Герцогъ Веллингтонъ во всемъ сравнялся съ Нельсономъ, и превзошелъ его. Во всю продолжительную жизнь свою онъ непрерывно дѣйствовалъ для блага государства.

При полученіи извѣстія о кончинѣ герцога Веллингтона, нѣкоторые французскіе журналы вздумали, въ возмездіе за побѣды его надъ французскою армією, осмыслить его память бранью и клеветами. На эти возгласы слѣпаго пристрастія появилась въ журналѣ *Assemblée Nationale* статья, подписанная: А. Летеліе, но въ публикѣ ее приписываютъ бывшему министру Гозо. Сообщаемъ ее въ переводѣ.

Великіе люди исчезаютъ. Ежедневно бываемъ мы свидѣтелями кончины послѣднихъ изъ тѣхъ знаменитыхъ лицъ, которыя, въ началѣ нынѣшняго вѣка, блистали на позорищѣ свѣта. По смерти герцога Веллингтона остался одинъ князь Меттернихъ изъ славныхъ мужей государственныхъ, которые, на вѣнскомъ конгрессѣ, преобразовали карту Европы. Мы уже говорили о герцогѣ Веллингтонѣ, мы исчислили важнѣйшія обстоятельства его достославнаго поприща. Теперь обращаемся вновь къ этому предмету, для возраженія на нелѣпыя сравненія Веллингтона съ Наполеономъ Бананарте, которыми дарятъ публику нѣкоторые журналы, жаждущіе польстить дѣлу, нынѣ торжествующему,

Мы гнушаемся сужденіями о знаменитыхъ современникахъ, внушаемыми тѣснымъ и несправедливымъ патріотизмомъ. Это жалкое витійство унижаетъ насъ въ глазахъ иностранцевъ, читающихъ наши журналы и принимающихъ подобныя статьи за выраженіе общаго мнѣнія. Мы знаемъ, что во всякой великой націи господствуетъ духъ народный, неразлучный съ пред-

убѣжденіями. Франція и Англія никогда не согласятся совершенно въ сужденіяхъ своихъ о Наполеонѣ и Веллингтонѣ. Но неужели невозможно достигнуть истины въ мнѣніяхъ о сихъ знаменитыхъ соперникахъ, освободясь отъ вліянія страстей, внушаемыхъ обстоятельствами?

«Въ одинъ знаменитый годъ прошедшаго вѣка, 1769-й, родились нѣсколько славныхъ мужей, но всего замѣчательнѣе въ немъ одновременное рожденіе двухъ человѣкъ, которымъ суждено было встрѣтиться при Ватерлоо. Кажется, что Провидѣніе хотѣло уравнивать одного другимъ, поставить предъ великимъ гениемъ лицо, совершенно ему противоположное, судило встрѣтиться и сразиться качествамъ и дарованіямъ, совершенно между-собою различнымъ.

«Дивное, ненасытное воображеніе, пускавшееся въ безконечность, въ несбыточность, самыя обширныя и гибкія способности, умъ широкій, безпредѣльный, и притомъ странное непостоянство мыслей и впечатлѣній были отличительными чертами гения Наполеонова. Твердый умъ, холодное сужденіе, удивительная вѣрность взгляда, какъ на полѣ битвы, такъ и въ кабинетѣ, самый проникательный здравый смыслъ, силою своею достигавшій гениальности, настойчивость, ничѣмъ неутомляемая и неразвлекаемая, въ величайшихъ опасностяхъ непоколебимая стойкость,—эти свойства даютъ герцогу Веллингтону право на знаменитое мѣсто въ исторіи XIX вѣка.

«Наполеонъ исполинскими шагами прошелъ блистательное поприще, и на время вознесся на высшую степень величія человѣческаго. Онъ ослѣпилъ міръ быстротою своего возвышенія, и всѣ дѣла его казались мгновеннымъ дѣйствіемъ волшебства. Соперникъ его, напротивъ того, возвышался съ терпѣливою и скромною медленностью, смѣло, но разсудительно. Онъ не отступалъ никогда, и всегда шелъ впередъ съ счастливою осторожностью, и слава его, утверждаясь мало-по-малу, успѣла избѣгнуть поражений.

«Дѣйствовать сильно на воображеніе людей, ослѣплять ихъ, возбуждать ихъ восторгъ, внушать имъ всѣми средствами удивленіе, сопряженное съ боязнью—вотъ что безпрестанно изучалъ Наполеонъ, нимало не отказывавшійся и отъ искусной постановки (*mise en scéne*). Герцогъ Веллингтонъ, во всегдашней про-

стотѣ своей, старался говорить только разумку. Онъ никогда не являлся героемъ театральнымъ. Онъ зналъ одно правило — долгъ; исполнялъ его самъ и требовалъ отъ другихъ. Онъ гнушался шарлатанствомъ и ложью. Онъ никогда не старался распалить страсти своихъ солдатъ, но въ крайнихъ случаяхъ наминалъ имъ, чтобъ они отдали отечеству всю кровь свою: ибо таковъ ихъ долгъ.

«Послѣ этого нельзя дивиться разности въ краснорѣчїи и слогѣ двухъ полководцевъ. Наполеонъ, въ прокламаціяхъ своихъ, особенно обнародованныхъ въ италійскую кампанію, является сильнымъ ораторомъ, и по образцу древнихъ, возбуждаетъ въ воображеніи своихъ слушателей великія картины. Дневные приказы, депеши и донесенія герцога Веллингтона составлены съ холодною и строгою простотою. Въ нихъ ничего не сказано для произведенія сильнаго дѣйствія, для громкой фразы: все положительно, все суцая правда.

«Императоръ Наполеонъ и герцогъ Веллингтонъ были не только великіе полководцы: они оба призваны были дѣйствовать и на поприщѣ политическомъ. Исторія скажетъ, можетъ-быть, что въ Наполеонѣ учредитель былъ равенъ завоевателю. Между-тѣмъ не должно забывать, что Наполеонъ имѣлъ въ рукахъ своихъ власть неограниченную, а герцогъ Веллингтонъ пользовался, въ теченіе тридцати-семи лѣтъ, съ 1815 до 1852 г., вліяніемъ и властью непомѣрною въ строптивой Англїи. Поставленный рожденіемъ и особенно славою своею въ чель англійской аристократїи, онъ, въ точномъ смыслѣ, не принадлежалъ ни къ которой партїи: онъ былъ болѣе олицетвореніемъ старой и могучей Англїи, которая, въ-теченіе вѣковъ, обязана высокою степенью своею среди народовъ здравому своему смыслу, постоянству, уваженію къ законамъ и властямъ. Можно сказать, что въ независимомъ отечествѣ своемъ герцогъ Веллингтонъ пользовался какою-то нравственною диктатурою. Личная сила, которую онъ придавалъ министерству и могъ отнять у него, была неизмѣрима.

«Охранитель по своимъ правиламъ и по свойствамъ своего генія, герцогъ Веллингтонъ не колебался однако предложить королю и парламенту о дарованїи правъ католикамъ. Въ глазахъ его эта реформа была справедлива, благоразумна и необ-

ходима. Но совсѣмъ не такъ думалъ онъ о реформѣ парламентской, которая, по его мнѣнію, искажала образъ правленія старой Англїи, и угрожала ей важными опасностями. Ошибался ли онъ? Будущее рѣшитъ этотъ вопросъ. Мы видимъ только первыя послѣдствія билля о реформѣ парламентской, и съ того времени, какъ герцогъ Веллингтонъ противился въ парламентѣ принятію его, протекло едва ли двадцать лѣтъ. Подождемъ нѣсколько долѣе. Скажемъ однако, что обнаружившіеся уже признаки отнюдь не опровергаютъ прозорливости великаго государственнаго мужа.

«Если, въ-послѣдствїи времени, случится, что какая-либо великая опасность будетъ угрожать Англїи внутри, или извнѣ, она несомнѣнно вспомнитъ о томъ мужѣ, который, въ-теченіе шестидесяти лѣтъ, служилъ ей и защищалъ ее. Тогда она еще болѣе оцѣнитъ благоразуміе, твердость и *трезвость* этого геніяльнаго чловѣка, который не зналъ ни страха, ни упоенія, и въ награду своей умѣренности наслаждался счастливымъ долготїемъ.

«Какъ не сблизить его кончины съ паденіемъ Императора Наполеона! Это послѣдняя черта той противоположности, о которой мы упоминали въ началѣ нашей статьи. Императоръ палъ, все зданіе его рушилось, и тотъ, кто съ геройскимъ дерзновеніемъ воздвигъ это зданіе, пережилъ неизбежное паденіе свое нѣсколькими годами пѣна. Предъ счастливымъ же его совмѣстникомъ, послѣ побѣды, измѣнившей видъ Европы, открылось иное поприще, даровавшее ему новую славу среди мира и благоденствія, и это поприще кончилъ онъ не ранѣе, какъ вчера, среди единодушнаго сожалѣнія и благодарности великой страны.

«Подобное зрѣлище служитъ урокомъ и блистательнымъ свидѣтельствомъ того, что разумокъ и здравый смыслъ наконецъ торжествуютъ надъ всѣми порывами воображенія и генія. Противоположность сихъ двухъ судебъ, сихъ двухъ великихъ лицъ исторїи казалась намъ поучительною, и мы, набрасывая этотъ очеркъ, чуждые всякаго пристрастія, искали только истины».

Въ *Morning Herald* и *Times* помѣщены слѣдующія подробности о погребенїи герцога Веллингтона. «Смертвые останки его будутъ находиться въ Вальмерскомъ замкѣ до начала церемонїи. Погребеніе послѣдуетъ 17-го или 19-го ноября. За четыре дня

стотъ своей, старался говорить только разсудку. Онъ никогда не являлся героемъ театральнымъ. Онъ зналъ одно правило — долгъ; исполнялъ его самъ и требовалъ отъ другихъ. Онъ гнушался шарлатанствомъ и ложью. Онъ никогда не старался распалить страсти своихъ солдатъ, но въ крайнихъ случаяхъ напоминалъ имъ, чтобъ они отдали отечеству всю кровь свою: ибо таковъ ихъ долгъ.

«Послѣ этого нельзя дивиться разности въ краснорѣчїи и слогѣ двухъ полководцевъ. Наполеонъ, въ прокламаціяхъ своихъ, особенно обнародованныхъ въ италійскую кампанію, является сильнымъ ораторомъ, и по образцу древнихъ, возбуждаетъ въ воображеніи своихъ слушателей великія картины. Дневные приказы, депеши и донесенія герцога Веллингтона составлены съ холодною и строгою простотою. Въ нихъ ничего не сказано для произведенія сильнаго дѣйствія, для громкой фразы: все положительно, все сушая правда.

«Императоръ Наполеонъ и герцогъ Веллингтонъ были не только великіе полководцы: они оба призваны были дѣйствовать и на поприщѣ политическомъ. Исторія скажетъ, можетъ-быть, что въ Наполеонѣ учредитель былъ равенъ завоевателю. Между-тѣмъ не должно забывать, что Наполеонъ имѣлъ въ рукахъ своихъ власть неограниченную, а герцогъ Веллингтонъ пользовался, въ теченіе тридцати-семи лѣтъ, съ 1815 до 1852 г., вліяніемъ и властью непомѣрною въ строптивой Англїи. Поставленный рожденіемъ и особенно славою своею въ челѣ англійской аристократїи, онъ, въ точномъ смыслѣ, не принадлежалъ ни къ которой партїи: онъ былъ болѣе олицетвореніемъ старой и могучей Англїи, которая, въ теченіе вѣковъ, обязана высокою степенью своею среди народовъ здравому своему смыслу, постоянству, уваженію къ законамъ и властямъ. Можно сказать, что въ независимомъ отечествѣ своемъ герцогъ Веллингтонъ пользовался какою-то нравственною диктатурою. Личная сила, которую онъ придавалъ министерству и могъ отнять у него, была неизмѣрима.

«Охранитель по своимъ правиламъ и по свойствамъ своего генія, герцогъ Веллингтонъ не колебался однако предложить королю и парламенту о дарованіи правъ католикамъ. Въ глазахъ его эта реформа была справедлива, благоразумна и необ-

ходима. Но совсѣмъ не такъ думалъ онъ о реформѣ парламентской, которая, по его мнѣнію, искажала образъ правленія старой Англїи, и угрожала ей важными опасностями. Ошибался ли онъ? Будущее рѣшитъ этотъ вопросъ. Мы видимъ только первыя послѣдствія билля о реформѣ парламентской, и съ того времени, какъ герцогъ Веллингтонъ противился въ парламентѣ принятію его, протекло едва ли двадцать лѣтъ. Подождемъ нѣсколько долѣе. Скажемъ однако, что обнаружившіеся уже признаки отнюдь не опровергаютъ прозорливости великаго государственнаго мужа.

«Если, въ послѣдствїи времени, случится, что какая-либо великая опасность будетъ угрожать Англїи внутри, или извнѣ, она несомнѣнно вспомнитъ о томъ мужѣ, который, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, служилъ ей и защищалъ ее. Тогда она еще болѣе оцѣнитъ благоразуміе, твердость и *трезвость* этого геніяльнаго человѣка, который не зналъ ни страха, ни упоенія, и въ награду своей умѣренности наслаждался счастливымъ долголѣтіемъ.

«Какъ не сблизить его кончины съ паденіемъ Императора Наполеона! Это послѣдняя черта той противоположности, о которой мы упоминали въ началѣ нашей статьи. Императоръ палъ, все зданіе его рушилось, и тотъ, кто съ геройскимъ дерзновеніемъ воздвигъ это зданіе, пережилъ неизбежное паденіе свое нѣсколькими годами пѣна. Предъ счастливымъ же его совмѣстникомъ, послѣ побѣды, измѣнившей видъ Европы, открылось иное поприще, даровавшее ему новую славу среди мира и благоденствія, и это поприще ковчилъ онъ не раньше, какъ вчера, среди единодушнаго сожалѣнія и благодарности великой страны.

«Подобное зрѣлище служитъ урокомъ и блистательнымъ свидѣтельствомъ того, что разсудокъ и здравый смыслъ наконецъ торжествуютъ надъ всѣми порывами воображенія и генія. Противоположность сихъ двухъ судебъ, сихъ двухъ великихъ лицъ исторїи казалась намъ поучительною, и мы, набрасывая этотъ очеркъ, чуждые всякаго пристрастія, искали только истины».

Въ *Morning Herald* и *Times* помѣщены слѣдующія подробности о погребеніи герцога Веллингтона. «Смертные останки его будутъ находиться въ Вальмерскомъ замкѣ до начала церемонїи. Погребеніе послѣдуетъ 17-го или 19-го ноября. За четыре дня

предъ тѣмъ тѣло герцога перевезено будетъ въ Чельзи-Колледжъ, гдѣ трое сутокъ будетъ стоять на открытомъ катафалкѣ. Наканунѣ погребенія отвезено оно будетъ въ зданіе конной гвардіи, откуда поутру двинется похоронное шествіе по Чарингъ-Кроссъ, Стрендъ, Флитъ-Стриту и Люджетъ-Гиллю, до церкви Св. Павла. Конвой будетъ состоять изъ шести полковъ пѣхоты, восьми ескадроновъ кавалеріи, 17-ти орудій, и отряда моряковъ съ 83-мя ветеранами Чельсійскаго госпиталя, участвовавшими въ кампаніяхъ герцога (число 83 изображаетъ число лѣтъ покойника). Фельдмаршальскій жезлъ будетъ нести, вѣроятно, маркизъ Энгльси, товарищъ его. Смѣнять его будутъ поочереди всѣ представители иностранныхъ армій (Россіи, Австріи, Пруссіи, Испаніи и Португаліи). Отряды изъ всѣхъ корпусовъ англійской арміи, всѣ штабъ-офицеры и пр. будутъ участвовать въ шествіи; всѣ пойдутъ пѣшкомъ, будетъ только одна карета Королевы. По улицамъ не будутъ разставлены войска. Правительство надѣется на чувство приличія народа, для сохраненія порядка при сей печальной церемоніи. Ожидаютъ къ погребенію Принца Прусскаго Вильгельма».

Королева рѣшила, чтобы погребеніе было торжественное и публичное. Она желаетъ, чтобы смертные останки героя, котораго потерю оплакиваетъ вся Англія, покоились въ соборѣ Св. Павла. Желая съ тѣмъ вмѣстѣ придать торжеству погребенія характеръ національности, Ея Величество повелѣла, чтобы церемонія почестей составленъ былъ парламентомъ, и чтобы до-тѣхъ-поръ тѣло герцога было охраняемо карауломъ и попеченіемъ семейства. Въ-слѣдствіе сего статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ приказалъ поставить въ Вальмеръ-Кестлѣ почетный караулъ.

Генераль-лейтенантъ виконтъ Гардингъ, назначенный главнокомандующимъ арміею, родился въ Ротемъ (Wrotham), въ Кентскомъ графствѣ, въ 1785 году. Онъ шуринокъ маркиза Лондондернъ, и занималъ уже мѣсто главнаго начальника артиллеріи и генераль-губернатора Остъ-Индіи, перваго ирландскаго статсъ-секретаря и военнаго статсъ-секретаря. За услуги, оказанныя въ Остъ-Индіи, получаетъ онъ пенсіонъ въ 5,000 фунт. стерл.

Въ *Morning-Chronicle* помѣщена большая статья, по поводу

назначенія лорда Гардинга главнокомандующимъ англійскою арміею, о возможностяхъ непріятельскаго вторженія. Права лорда Гардинга состоятъ въ услугахъ, оказанныхъ имъ на поляхъ сраженія, какъ въ Европѣ, такъ и въ Остъ-Индіи, въ испытанныхъ его административныхъ качествахъ и въ дружбѣ герцога Веллингтона. Въ *Morning-Chronicle* почитаютъ это назначеніе удачнымъ на случай нападенія Французовъ на берега Англіи, неимѣющіе сильныхъ оборонительныхъ средствъ. Доколѣ существовало во Франціи Законодательное-Собраніе, нападеніе это было невѣроятно, потому-что у исполнительной власти связаны были руки для внезапнаго прекращенія дружественныхъ сношеній, существовавшихъ между обоими государствами. Члены Парламента, обѣдавшіе въ Елизейскомъ-дворцѣ и танцовавшіе въ Тюльери, не замѣтили разности сего положенія. Теперь не собраніе, а одинъ человекъ располагаетъ арміею, флотомъ, доходами Франціи, и этому человеку, можетъ-быть, покажется нужнымъ произвести вторженіе въ Англію въ видѣ благопріятнаго средства къ упроченію своей власти. Нападеніе на Лондонъ, или, по-крайней-мѣрѣ, на одинъ изъ главныхъ мануфактурныхъ городовъ Англіи, составляетъ, какъ говорятъ, предметъ частыхъ разговоровъ между Людовикомъ-Наполеономъ и его приверженцами. Надобно прибавить, что построеніе шербургской желѣзной дороги даетъ возможность въ нѣсколько часовъ посадить на суда корпусъ войскъ, и перевезти его въ Англію, гдѣ онъ, если и не успеетъ поколебать народную независимость Англіи, то, по-крайней мѣрѣ, произведетъ большіе ущербы. Мы не сомнѣваемся въ благорасположеніи Людовика-Наполеона къ Англіи. Полагаемъ, что онъ нападетъ на нее не иначе, какъ въ крайней необходимости, и сверхъ-того увѣрены, что подобная экспедиція будетъ отражена съ надлежащею силою. Но Англія государство коммерческое, и всякое нападеніе, даже отраженное, произведетъ въ ней печальное разстройство всѣхъ дѣлъ. Толковали, что чрезъ Ламаншскій-проливъ можно навести судовой мостъ изъ пароходовъ; но забыли при этомъ, что каждымъ десяти французскимъ пароходамъ можемъ мы противопоставить двадцать. При всемъ томъ, у насъ дѣйствительно мало силъ для отраженія непріятеля, и въ доказательство этого мнѣнія не нужно прибѣгать къ новому

Поль-Джонсу о перевозѣ десяти или пятнадцати тысячъ Французовъ посредствомъ воздушныхъ шаровъ въ Англію, гдѣ они все сожгутъ и истребятъ. Дурное состояніе нашихъ портовъ и укрѣпленій, въ прошедшемъ декабрѣ и январѣ заставили лорда Росселя защищать правительство Республики противу справедливыхъ нападокъ англійскихъ газетъ. «Въ этомъ отношеніи (сказано въ *Morning-Chronicle*) опытность и познанія лорда Гардинга окажутъ большія услуги: онъ не только отличится качествами искуснаго полководца при нынѣшнемъ усовершеніи военного искусства усиліями науки; онъ принесетъ пользу и въ другомъ отношеніи, бывъ статсъ-секретаремъ Ирландіи, военнымъ статсъ-секретаремъ, генераль-губернаторомъ Остѣ-Индіи, начальникомъ артиллерійскаго департамента, и въ 1848 году предварительно назначеннымъ для защиты ирландскихъ береговъ. Въ сихъ званіяхъ онъ могъ приобрѣсть опытность и познанія, которыя сдѣлаютъ изъ него достойнаго преемника лорда Веллингтона въ командованіи англійскою арміею. Лордъ Гардингъ больше всѣхъ чувствуетъ необходимость привести армію нашу въ такое положеніе, чтобъ она могла противостать самому отважному непріятелю. Будемъ надѣяться, что онъ смѣло предприметъ нужныя военныя преобразованія, даже еслибъ тѣмъ затруднилъ перваго министра и министерство финансовъ видимо требовало бы уменьшенія арміи и флота, могутъ быть объяснены только военными замыслами противу Англіи. Пристрастіе лорда Мальмесбюри къ прежнему его пріятелю можетъ ослѣплять его касательно предстоящей опасности, но когда соберется парламентъ, Англія пожелаетъ узнать, чему именно наше правительство приписываетъ морскія вооруженія Франціи. При неограниченной и безотвѣтственной власти, управляющей сильною арміею, остается одно обезпеченіе: довести военныя силы Франціи до такой точки, чтобы Англія могла быть спокойною и обезпеченною». Въ газетахъ *Morning-Post*, *Herald* и *Standard* отвѣчаютъ на эти боязливыя сужденія, что лучше было бы воздержаться отъ нихъ, и тогда Людовикъ-Наполеонъ не сталъ бы думать о разрывѣ съ Англіею. Въ *Morning-Herald* сказано, что это опасеніе не что иное, какъ забавная шутка, потому что еслибы, къ несчастію, и произошла война съ Франціею, Англія умѣла бы, какъ и въ

прежнія времена, кончитъ эту борьбу со славою. Черезъ три мѣсяца не было бы на моряхъ ни одного французскаго корабля, развѣ въ плѣну въ англійскихъ портахъ. Доколѣ Англія можетъ, какъ теперь, противу каждаго французскаго военного парохода выставить три такіе же, не считая безчисленныхъ судовъ англійскаго коммерческаго флота, Джонъ Буль можетъ спать спокойно. Стоитъ только дать каперныя дозволенія англійскимъ торговымъ судамъ, и французскій флотъ исчезнетъ съ лица всѣхъ морей, какъ паутина, которую англійская служанка сметаетъ со стѣны».

Въ *Liverpool-Journal* тоже распространяются о семъ предметѣ, и замѣчаютъ, что ливерпульскій портъ не имѣетъ никакой защиты. Новый французскій пароходъ «Наполеонъ» можетъ войти въ Мерси, высадить въ Нью-Брейтонѣ Венсенскихъ егерей, овладѣть крѣпостью, и нанести величайшій вредъ порту. Истребленіе запасовъ хлопчатой бумаги въ Ливерпулѣ разорило бы торговлю Ланкастерскаго графства на нѣсколько лѣтъ. Должно опасаться непріятеля молчаливаго, таинственнаго и искуснаго. Людовикъ-Наполеонъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ графствѣ, недалеко отъ Ливерпуля; онъ любитъ военныя нечаянности, и безъ сомнѣнія знаетъ всѣ слабыя мѣста города. Въ Мерси непременно долженъ стоять англійскій военный корабль.

Г. Джонъ Овенъ сообщилъ, 27-го сентября, всѣмъ начальникамъ морскихъ войскъ, что лорды-коммиссары адмиралтейства предписали раздать пятьсотъ отборныхъ и тысячу двѣсти обыкновенныхъ карабиновъ, чтобы морскіе офицеры и солдаты часто и тщательно занимались стрѣльбою въ цѣль. Каждые три мѣсяца начальники должны представлять адмиралтейству донесенія объ этой стрѣльбѣ.

Въ *Kentish Mercury* сообщаютъ, что генераль-фельдцейхмейстеръ предписалъ надлежащимъ образомъ вооружить островъ Вейтъ. Туда будетъ отправлено множество пушекъ большаго калибра. Это вооруженіе будетъ стоить казнѣ 60,000 фунт. стерл.

Въ *Indépendance Belge* пишутъ изъ Лондона отъ 20-го числа: «Главнымъ предметомъ всеобщихъ сужденій служатъ теперь будущія и неизвѣстныя еще основанія системы налоговъ. До-

сихъ-поръ косвенные налоги, и въ особенности таможенные сборы, составляли важную часть государственныхъ доходовъ, хотя во все времена главными были въ Англіи налоги прямые. Покойный министръ Гускиссонъ, съ согласія герцога Веллингтона, бывшаго тогда первымъ министромъ, началъ, въ видѣ опыта, сбавлять таможенные ввозныя пошлины на нѣкоторые предметы. Цѣль этой мѣры состояла преимущественно въ томъ, чтобъ на опытѣ удостовѣриться, какое вліяніе будетъ имѣть уменьшеніе таможенныхъ сборовъ, а отнюдь не въ введеніи новой системы политической экономіи. Опытъ удался: доходы возвысились по-мѣрѣ пониженія пошлинъ въ тарифѣ. Этотъ первый успѣхъ ободрилъ выговъ, и сиръ Робертъ Пиль рѣшился потомъ на обширѣйшія преобразованія. Засемъ послѣдовало отмѣненіе хлѣбнаго закона и принятіе болѣе или менѣе полной системы свободной торговли (free-trade), въ отношеніи ко многимъ статьямъ коммерціи. Съ 1846 до 1852 года сдѣланы были многіе опыты, и внушили націю такую привязанность къ свободной торговлѣ, что всякое министерство, которое бы рѣшилось коснуться этого вопроса не съ цѣлю бѣльшаго развитія сей системы, поступило бы слишкомъ отважно. До-сихъ-поръ все хорошо, какъ для потребителя, такъ и для промышленности: и тотъ и другая выиграли отъ этой перемѣны. Но съ 1842 года казна получаетъ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ пошлины съ доходовъ, которая первоначально была установлена только на три года, а потомъ возобновлялась ежегодно. Теперь срокъ послѣдняго продолженія близокъ, и отмѣна ея произвела бы значительный недочетъ въ бюджетѣ, если не придумаютъ другихъ средствъ къ пополненію его. Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь г. д'Израэли. Чтобъ угодить публикѣ, долженъ онъ еще распространить систему свободной торговли, сбавить тяжкія пошлины съ земледѣлія, чтобы хлѣбъ продавался дешевле, и вмѣстѣ съ этими мѣрами, которыя произведутъ сильный недоборъ въ доходахъ, долженъ онъ умалить пошлину на доходы (если не захочетъ уничтожить ея совершенно), чтобы нація, недовольная ею теперь, приняла ее благосклонно въ новомъ видѣ. Вотъ пунктъ, вокругъ котораго обращается все финансовое положеніе. Г. д'Израэли непременно долженъ получить отъ парламента новую отсрочку въ сохраненіи пошлины съ доходовъ, и съ тѣмъ вмѣ-

стѣ эта пошлина должна принести, по-крайней-мѣрѣ, вполонину больше нынѣшняго. При такой прибавкѣ дохода можетъ онъ отмѣнить или сбавить пошлины со многихъ иностранныхъ товаровъ, которые еще не подошли подъ этотъ разрядъ въ 1846 году, и освободить притомъ земледѣліе отъ многихъ мѣстныхъ пошлинъ, которыя оно охотно платило прежде сего, когда протекціонистская система защищала его отъ ввознаго хлѣба; теперь же онѣ составляютъ преграду къ свободной соторжкѣ съ произведеніями иностранными. — Изъ этого видно, что г. д'Израэли намѣренъ приняться за финансовую реформу, начатую сиромъ Робертомъ Пилемъ. По мнѣніямъ прежнихъ системъ, это преобразование будетъ нарушеніемъ всѣхъ политическихъ правилъ и вопіющимъ отпирательствомъ отъ существующихъ законовъ. Но кто глубоко изучаетъ политяку и системы государствъ, тотъ видитъ необходимость подобныхъ перемѣнъ, для пріобрѣтенія содѣйствія всѣхъ способнѣйшихъ государственныхъ людей, могущихъ упрочить благосостояніе націи. То, что сдѣлалъ сиръ Робертъ Пиль для уравненія правъ католиковъ и для хлѣбныхъ законовъ, г. д'Израэли готовится произвести для протекціонистовъ и старинныхъ тори. Тѣ, которымъ подобныя дѣйствія кажутся политическимъ отступничествомъ со стороны обонхъ этихъ англійскихъ министровъ, не должны забывать, что благо націи всегда есть верховный законъ, руководствующій поступками политическихъ людей, и оправдывающій ихъ въ глазахъ потомства».

25-го сентября. Главное артиллерійское управленіе получило приказаніе вооружить двадцать-пять укрѣпленныхъ башенъ и баттарей, построенныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда опасались высадки Французовъ на сѣверномъ и южномъ берегу у Дублина.

Довнесеніе Парламенту представляетъ любопытныя подробности о публичномъ долгѣ Англіи. Въ-теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ капиталъ долга убавился только на пятьдесятъ милліоновъ фунт. стерл., то есть на шесть процентовъ, а плата процентовъ, напротивъ того, убавилась на 3,326,424 фунт. стерл., то есть на одиннадцать процентовъ. Самая меньшая сумма долга была въ 1834 году, а именно, 772,196,849 фунт. стерл., то есть десятью милліонами меньше нынѣшняго. Въ-

продолженіе семи или восьми будущихъ лѣтъ, долгъ убавится на 3,207,500 фунт. стерл., въ-слѣдствіе пониженія облигацій на три съ половиною процента. Срокъ аннуитетовъ 585,700 ф. стерл., выплачиваемыхъ банкомъ, оканчивается въ 1867 году. Неутвержденный долгъ былъ въ 1851 году менѣе, нежели въ прежнихъ годахъ, а именно 17,742,800 фунт. стерл., въ 1822 онъ простирался до 36,281,150 фунтовъ стерлинговъ. Съ этимъ долгомъ, общій государственный долгъ Англій составлялъ въ 1851 году 782,869,382 фунт. стерл., за который выплачивалось 28,017,127 фунт. стерл. процентовъ.

Въ Standard сообщаютъ, что по письмамъ изъ Демерари, открыты тамъ золотыя россыпи вдоль по рѣкѣ Куони, и уже собрали золота на 200 фунт. стерл. Золото это замѣчательной чистоты. Его находятъ въ самородкахъ и въ мелкомъ видѣ.

Уменьшеніе нищенства въ Англій оказывается, по обнаруженнымъ парламентскимъ документамъ, весьма значительнымъ, и этого нельзя приписать однимъ переселеніямъ. Въ первые три мѣсяца года было 222,937 человекъ, изъ получившихъ пособіе отъ приходовъ, менѣе, нежели въ 1850 году. Въ нынѣшнемъ году уменьшеніе это произошло въ такой же пропорціи противу прошлаго года, хотя точныя цифры еще и неизвѣстны.

Переселенія изъ графствъ Таппераррійскаго и Килькеннійскаго продолжаются, несмотря на дурную погоду, безпрестанно. На прошедшей недѣлѣ отправилась въ Америку 1200 человекъ изъ достаточнаго сословія. Немногіе ѣдутъ въ британскія колоніи. Замѣчательно, что, невзирая на эти переселенія, земли немедленно поступаютъ въ новую аренду. Уѣзжающій фермеръ обыкновенно сдаетъ свою землю сосѣднему большому фермеру, расширяющему такимъ-образомъ свои помѣстья. Полагаютъ, что этимъ средствомъ возстановится въ Ирландіи, какъ въ Англій, система большихъ арендаторствъ. Въ сѣверныхъ фабричныхъ округахъ переселенія дѣйствуютъ видимо на возвышеніе платы за поденную работу.

Въ то время, какъ тысячи Ирландцевъ оставляютъ свое отечество, чтобы искать счастья въ Америкѣ или въ Австраліи, землю ихъ занимаютъ поселане шотландскіе и англійскіе. Опустѣвшіе округа Лиммерика, Типперари, Клера, Роскомона, Маіо

и Гальвея воздѣлываются теперь со тщаніемъ, подъ управленіемъ англійскихъ и шотландскихъ агрономовъ. Новые поселенцы очень хорошо принимаются тамошними жителями.

Въ *Morning-Herald* сказано: «По указаніямъ книги, пользующейся нѣкоторымъ довѣріемъ, въ 1799 году ливерпульскіе негодіянты снарядили сто-двадцать судовъ, въ 31,385 тоннъ, съ 1,986 пушками и 8,574 человекъ экипажа, для погони за неприятельскими купеческими кораблями. Эта эскадра взяла призовъ болѣе, нежели на миллионъ фунт. стерл. Теперь Ливерпуль можетъ выставить впятеро больше. Третью часть составляли бы пароходы съ 40,000 человекъ экипажа. Положимъ, что въ критическую минуту эти 40,000 и теперь были бы готовы, но гдѣ взять снаряды и пушки? Какимъ-образомъ будутъ дѣйствовать они противъ непріятеля, который сталъ бы избирать дистанціи? Непріятель не подпустилъ бы ихъ на abordажъ, какъ бывало въ прежнія времена. Правда, у насъ довольно оружія и людей, чтобъ противостать нападенію всего свѣта, но въ нынѣшнее время эти средства бесполезны. Теперь надобно думать объ отраженіи нечаяннаго нападенія. У насъ сильный флотъ, но нѣтъ солдатъ опытныхъ и выправленныхъ, чтобъ посадить на эти суда. Для охраненія нашей безопасности, должно вооружить суда и сформировать экипажи. Два комитета, назначенные адмиралтействомъ, трудятся съ этою двойною цѣлью. Одинъ занимается приспособленіемъ коммерческихъ пароходовъ къ военному вооруженію, а другой изыскиваетъ мѣры къ составленію хорошихъ экипажей. Кажется, что комитеты уже приняли мѣры для вооруженія почтовыхъ пароходовъ на военную ногу. Всѣ экипажи этихъ судовъ будутъ учиться стрѣльбѣ изъ пушекъ и ружей. Даны уже приказанія артиллерійскому департаменту о снабженіи сихъ судовъ надлежащимъ вооруженіемъ. Потомъ комитеты займутся, въ большихъ портахъ, формированіемъ эскадры изъ другихъ пароходовъ. Экипажи ихъ тоже будутъ служить, въ случаѣ нужды, и дѣйствовать оружіемъ. Если хоть одинъ изъ десяти или пятнадцати матросовъ выучится стрѣльбѣ, города Лондонъ и Ливерпуль въ состояніи будутъ отразить вторженіе, гораздо сильнѣйшее того, которое недавно произведено было на Гаванну америкаискими флибустиерами».

Г Е Р М А Н І Я .

Въ *Виртембергской государственной газетѣ* напечатана большая статья о таможенномъ вопросѣ, явно проистекающая изъ оффиціального источника. Въ концѣ ея сказано: «Если таможенный союзъ съ Пруссіею не возобновится, очень можетъ быть, что державы южной и средней Германіи приступятъ къ таможенному союзу съ Австріею. Для этого австрійское правительство не только уже сдѣлало предложенія, которыя въ финансовомъ отношеніи прекратятъ всѣ сомнѣнія касательно отдѣленія отъ Пруссіи, но и очевидно, что послѣ первыхъ неудобствъ и неудовольствій, неразлучныхъ со всякимъ переходнымъ періодомъ, коммерческій союзъ съ малонаселенною по пространству своему имперіею, гдѣ, по сей причинѣ, промышленность не достигла еще до высокаго развитія, общааетъ больше выгодъ нашему трудолюбивому и нуждающемуся въ работѣ народу, нежели нынѣшній союзъ съ Пруссіею, гдѣ промышленность выше нашей. Слѣдственно, въ этомъ отношеніи мы можемъ спокойно выжидать прекращенія союза, связующаго насъ съ Пруссіею, но, какъ Германцы, мы въ политическомъ отношеніи искренно стали бы сожалѣть, еслибъ послѣднія рѣшенія прусскаго правительства, вмѣсто коммерческаго союза, или, по крайней-мѣрѣ, коммерческаго сближенія со всею Германіею (за исключеніемъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ второстепенныхъ владѣній), окончились торговымъ разрывомъ между сѣверомъ и югомъ Германіи».

Пишутъ въ *Weser-Zeitung*, что общій отвѣтъ, составленный въ Мюнхенѣ уполномоченными союзныхъ германскихъ державъ, и представленный ими на ратификацію своимъ правительствамъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «1) Сія державы отказываются на время отъ всякаго требованія, чтобъ Пруссія заключила таможенный союзъ съ Австріею, который предоставляется будущимъ переговорамъ. 2) Пруссія обязана согласиться на тарифъ, служащій основаніемъ проекту коммерческаго трактата съ Австріею. 3) Приступлено будетъ потомъ къ переговорамъ о двѣнадцати-лѣтнемъ срокѣ, требуемомъ Пруссіею при возобновле-

ніи таможенного союза, и наконецъ 4) На исчисленныхъ условіяхъ союзныя державы готовы приступить къ трактату, заключенному въ сентябрѣ». Въ другомъ письмѣ изъ Мюнхена, помѣщенномъ въ Кельнской-газетѣ, вполне подтверждаются статьи этой деклараціи.

Ганноверъ. Извѣстно, что Ганноверъ согласился на послѣднюю декларацію Пруссіи по таможенному вопросу, и, какъ говорятъ, предложилъ свое посредничество между Пруссіею и Австріею.—Нынѣ въ «Ганноверской оффиціальной газетѣ» объявляется, на какомъ именно основаніи Ганноверъ приступилъ къ деклараціи Пруссіи, и какъ должно понимать намѣренія его, ложно истолкованныя въ нѣкоторыхъ газетахъ. — Изъ этого вообще заключить можно, что Ганноверъ приступилъ къ деклараціи Пруссіи на особенныхъ условіяхъ, между-прочимъ на условіи, если и не совершеннаго уничтоженія, то, по крайней-мѣрѣ, распространенія таможенныхъ границъ;—этимъ уничтожаются надежды приверженцевъ свободной торговли, которые полагали, что Ганноверъ составитъ съ Пруссіею особенный сѣверо-германскій таможенный союзъ. — Ганноверская армія лишилась, въ лицѣ умершаго герцога Веллингтона, старѣйшаго своего фельдмаршала, ибо онъ возведенъ былъ въ это званіе, въ означенной арміи, 21-го іюня 1813 года, слѣдовательно, еще за два года до сраженія при Ватерлоо.

Въ *Österreichische Correspondenz* помѣщено слѣдующее статистическое исчисленіе переселеній, происшедшихъ въ Германіи въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Эти переселенія сдѣлались значительны только въ послѣднія тридцать лѣтъ. Въ 1821 г. выѣхало едва 2,200 переселенцевъ. До 1830 г. переселеніе возвысилось однакожь до 15,000 человекъ. Въ 1832 г. выѣхало 24,000; въ 1837 г. 33,000; въ 1843 число это упало до 23,000. Такимъ образомъ съ 1833 по 1843 отъ 18-ти до 20-ти тысячъ человекъ въ годъ искали счастья по ту сторону океана. Съ 1844 это число начало возрастать ежегодно. Въ 1844 было 43,801; въ 1845 году 67,209; въ 1846 и 1847 (въ голодные годы) отъ 106 до 110-ти тысячъ. Въ 1848 до 1850 отъ 80 до 90 тысячъ. Въ 1851 наконецъ 113,109, то есть самое высшее число. Революціонныя движенія много содѣйствовали къ усилению переселеній. Исчислено, что эмигранты увезли съ собою

изъ Германіи капиталъ во сто шестнадцать милліоновъ талеровъ, то есть отъ девятнадцати до двадцати милліоновъ талеровъ въ годъ. Англія, Франція, Голландія, имѣющія свои колоніи, менѣе потеряли въ этомъ отношеніи, нежели Германія. Въ Австріи переселеніе до-сихъ поръ еще не очень сильно: она даже могла бы принять излишекъ народонаселенія изъ другихъ германскихъ областей. Венгрія и Трансильванія могутъ въ особенности служить для основанія колоній.

А в с т р і я.

— Въ Аугсбургской-газетѣ пишутъ изъ Песта, отъ 14-го сентября: «Сію минуту (около двухъ часовъ пополудни), пушечные выстрѣлы съ крѣпости Офена возвѣщаютъ, что императоръ миновалъ венгерскую границу. По измѣнившемся маршруту, Императоръ пріѣдетъ сюда по желѣзной дорогѣ, а не на парадѣ. Триумфальныя ворота предъ галереєю станціи, сохраненныя со времени недавняго пребыванія Императора въ сѣмъ городѣ, украшены теперь императорскими флагами и гербовыми щитами. Императоръ временно остановится во дворцѣ, потому-что врачи отсовѣтовали ему ночевать въ палаткѣ Капоста-Мегіерскаго лагеря, по причинѣ сырой и холодной погоды. Впрочемъ палатка сдѣлана изъ гутта перчи, и заказана въ Лондонѣ».

— Извѣстно, что таможенный трактатъ между Австрією съ одной стороны, Пармою и Моденою съ другой, уже ратификованъ. Цѣль его состоитъ въ усиленіи коммерческихъ сношеній между Австрією и Италією. Парма и Модена приступили къ нему первыя. Подобный же договоръ вскорѣ присоединитъ Римъ и Тоскану, съ которыми ведутъ теперь переговоры. Такимъ-образомъ осуществленъ будетъ австро-италіанскій таможенный союзъ. Австрія ручается всѣмъ италіанскимъ владѣніямъ, въ первые четыре года и девять мѣсяцевъ, за уплату мѣньшей суммы нынѣшнихъ ежегодныхъ доходовъ. Потомъ эти доходы будутъ распределены соразмѣрно съ народонаселеніемъ. Впрочемъ, Австрія представляетъ имъ полную свободу внут-

ренняго управленія. Споры будутъ рѣшаемы комитетомъ, заседающимъ въ Миланѣ, и составленнымъ изъ австрійскаго президента и изъ депутатовъ каждой державы союза.

Н и д е р л а н д ы.

Король нидерландскій открылъ, 20-го числа, лично засѣданіе генеральныхъ штатовъ. Рѣчь его замѣчательна тѣмъ, что въ ней ни словомъ не упоминается о трактатѣ съ Францією, который, какъ извѣстно, отвергнуть былъ второю палатою. Король говорилъ только о свидѣтельствахъ дружбы и уваженія, оказываемыхъ ему иностранными правительствами, съ которыми онъ успѣлъ сохранить самыя благопріятныя сношенія. Неизвѣстно, разумѣется ли въ числѣ ихъ Франція.

Б е л ь г і я.

Въ Times сожальютъ о паденіи бывшаго бельгійскаго министерства, и разсматриваютъ случайности, какія могутъ произойти отъ вторженія Французовъ въ Бельгію: «Въ нынѣшнемъ положеніи Европы перемѣна бельгійскаго министерства составляетъ событіе, достойное сожалѣнія. Оно пять лѣтъ управляло дѣлами, въ-продолженіе одного изъ самыхъ бурныхъ періодовъ европейской исторіи. Кабинетъ сей всегда успѣшно поддерживалъ власть короны, порядокъ, спокойствіе и независимость государства. Качества противной партіи заставляютъ еще болѣе сожалѣть о министерствѣ: это партія католическаго духовенства, о которой излишне было бы распространяться. Впрочемъ, каковы бы ни были мнѣнія и политическія правила новаго министерства, мы надѣемся, что оно поддержитъ независимость и права Бельгіи. Бельгійское правительство находится въ затруднительномъ положеніи, имѣя съ запада могущественную державу, которая не признаетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ обязательствъ, и уже обнаруживаетъ политику, могущую сдѣлаться враждебною или самовластною. Въ Бельгіи господствуетъ сво-

бода тисненія, возбуждающая неудовольствіе и угрозы Французскаго министерства. Если, при перемѣнѣ бельгійскаго кабинета, вражда партій подастъ печальный примѣръ несогласія и слабости, обезсиливаяющихъ правительство, отъ того пострадаютъ пользы націи, и самое существованіе государства подвергнется опасности, подавъ поводъ къ иностранному посредничеству, или къ непріятельскому вторженію. По доносенію военной комиссіи, составленной въ прошломъ году для разсмотрѣнія вопросовъ о военной защитѣ Бельгій, исчислено, что на гарнизоны крѣпостей, которыя предположено сохранить, потребуется до 70,000 человекъ. Въ случаѣ вторженія со стороны Франціи, все открытое пространство до Мааса предоставлено будетъ непріятелю безъ боя. И Брюссель будетъ сдавъ, потому что этотъ городъ не укрѣпленъ и не можетъ быть защищаемъ, а правительство удалится въ Антверпенъ, открытый съ моря, и укрѣпленный съ сухаго пути, въ ожиданіи продолжительной осады, тогда какъ линія Мааса противопоставитъ сильныя сопротивленія нашествію, и дастъ время прочей Европѣ поспѣть на помощь. Затрудненія, представляющіяся при вторженіи въ Бельгію, дѣйствительно, сильныя, нежели кажутся съ перваго взгляда, и Бельгійцы расположены къ сильной оборонѣ своего нейтралитета, составляющаго основаніе и ограду ихъ существованія. Въ этомъ отношеніи Европа обязана поддерживать ихъ, и это убѣждаетъ насъ въ сохраненіи мира. Не должно забывать, что политика, отторгшая Бельгію отъ французской имперіи, и признавшая независимость ея и нейтралитетъ, ни мало не измѣнилась. Владѣя важными крѣпостями съ устьями Шельды и линією Мааса, всякая изъ великихъ европейскихъ державъ будетъ возбуждать въ прочихъ всегдашнее опасеніе, угрожая имъ вторженіемъ. Въ рукахъ же Бельгій это орудіе не опасно, потому что защищаетъ только нейтралитетъ ея. Всѣ обезпечили этотъ нейтралитетъ, и не для нея одной, а потому что вторженіе въ ея предѣлы было бы нападениемъ на прочія державы.

Ш в е ц і я .

Стокгольмъ, 28-го сентября, королевская фамилія понесла великую потерю. Курьеръ, прибывшій въ сію ночь изъ Хри-

стіаніи, привезъ печальное извѣстіе о послѣдовавшей въ семь городѣ кончинѣ принца Густава, герцога Упландскаго, втораго сына короля, скончавшагося 24-го числа, отъ первической горячки. Ему было двадцать-пять лѣтъ отъ роду. Онъ одаренъ былъ прекраснѣйшими качествами, и уважаемъ всѣми окружающими его. Всѣ соболѣзнуютъ о кончинѣ принца. Тѣло его будетъ перевезено моремъ въ Стокгольмъ.

Ш в е й ц а р і я .

Въ Швейцаріи произведено сильное впечатлѣніе предписаніемъ прусскаго правительства, обнаруженнымъ въ газетахъ прусскимъ посольствомъ. Оно предписываетъ всѣмъ прусскимъ подданнымъ немедленно возвратиться въ отечество. Причина этого воззванія состоитъ въ томъ, что эти люди заражаются вредными правилами нѣкоторыхъ обществъ въ Швейцаріи.

И т а л і я .

Въ извѣстіяхъ изъ Рима подтверждаютъ, что г. Бульверъ прибылъ туда съ самыми миролюбивыми порученіями къ Папѣ отъ англійскаго правительства. Было уже свиданіе между англійскимъ посланникомъ и кардиналомъ Антонелли, но оно не привело къ желанному концу. Кардиналъ рѣшительно отказался сообщить бумаги по процессу Моррея, и неочень благопріятно встрѣтилъ предложеніе о томъ, чтобы впредь, вмѣсто генеральнаго консула, находился въ Римѣ британскій посланникъ. Онъ отвѣчалъ: «Мы поговоримъ объ этомъ, когда будетъ въ Лондонѣ папскій нунцій».

Изъ Неаполя, отъ 25-го сентября, сообщаютъ, что съ поѣздомъ, въ которомъ король неаполитанскій прибылъ обратно въ Казерту, произошелъ случай, который могъ бы имѣть печальныя послѣдствія. Король прибылъ въ Неаполь со всею фамилією, на празднество дня св. Януарія; потомъ присутствовалъ

въ совѣтъ министровъ, а въ шесть часовъ вечера отправился обратно въ Казерту. Поѣздъ, съ которымъ были отправлены его лошади, отправился за три четверти часа до того. Кажется, что по какому-то затрудненію, этотъ первый поѣздъ остановился на Кончелойской станціи, на половинѣ дороги. Дурнола были поданы сигналы, или даже совсѣмъ ихъ не было, только машинистъ, управлявшій королевскимъ поѣздомъ, по счастію, замѣтилъ въ нѣкоторомъ разстояніи огонь перваго вагона, и тотчасъ же остановилъ машину. Отъ этого произошло сильное потрясеніе, однако же не такое, какъ послѣдовавшее затѣмъ, когда машина ударила въ вагоны перваго поѣзда. Въ вагонѣ, гдѣ находился Король съ тремя принцами, своими сыновьями, мелькнула минута опасенія, но не случилось никакого важнаго несчастія. Только наслѣдный принцъ легкошибенъ въ голову, а машинистъ въ плечо. Король тотчасъ же вышелъ изъ кареты и сказалъ: «Это ничего; никто не раненъ. Провидѣніе помогло намъ».

Неаполь. 15-го сентября. Королева разрѣшилась, въ Казертѣ, благополучно отъ бремени принцемъ, названнымъ Паскуале, съ титуломъ графа Бари.

Испанія.

Мадридъ. Въ королевскомъ декретѣ, напечатанномъ въ официальной *Мадридской-газетѣ*, сказано, что Королева будетъ присутствовать при погребеніи бывшаго регента королевства, генералъ-капитана арміи, испанскаго гранда, герцога Байленскаго Франциска Ксаверія Кастаніоса. Отъ имени и лица Королевы, Король будетъ предшествовать кортежу, который изъ церкви Санъ-Исидро-эль-Реаль отправится въ церковь Аточу. Погребеніе будетъ совершено на счетъ казны. Въ честь герцога воздвигнуть будетъ памятникъ, на счетъ Королевы. Шпага его, въ видѣ воспоминанія народной славы, сохранится въ артиллерійскомъ музеѣ. Въ Мадридской-газетѣ напечатано о немъ слѣдующее: «Два высокія чувства наполняли всю жизнь Кастаніоса: любовь къ королю и отечеству, и благотворительность. Первому жертвовалъ онъ всею своею кровію; второму всѣмъ

достояніемъ своимъ. Старѣйшій и знаменитѣйшій испанскій генералъ умеръ въ бѣдности, но эта бѣдность составляетъ лучшій вѣнецъ его славы, потому-что произошла не отъ роскоши, не отъ великолѣпія или пороковъ, а единственно отъ пламенной и высокой его любви къ ближнему. Всѣ бѣдныя и несчастныя были его дѣти. Щедрою рукою раздѣлялъ онъ между ними свое жалованье по званію генералъ-капитана, составлявшее весь его доходъ. Больше ста семействъ молили небо о сохраненіи его дней, и неутѣшно плачутъ теперь о его кончинѣ. Герцогъ Байленскій былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Тихій, благосклонный и всегда ровный нравъ его, веселое расположеніе духа, пріятная и поучительная бесѣда привлекали къ нему всѣ сердца. Эта любовь и почтеніе, соединенныя съ признательностью, были всеобщими чувствами Испанцевъ, и имя неустрашимаго предводителя славной нашей борьбы за независимость пользовалось безпримѣрнымъ уваженіемъ въ народѣ. Всѣ ему удивлялись, всѣ его любили. Онъ скончался, не оставивъ ни одного соперника, ни одного врага. Извѣстіе о кончинѣ байленскаго побѣдителя, пришедшее вчера поутру въ Мадридъ, было принято всѣми съ глубокою горестію. Всѣ боялись, всѣ ожидали этого событія, и однако же оно поразило всѣхъ. Всѣ сословія ощутили печаль и сожалѣніе. Кастаніосъ умеръ какъ жилъ, подавая примѣръ высокихъ добродѣтелей. Онъ посвятилъ послѣднія свои минуты исполненію священнаго долга религіи, и встрѣтилъ смерть на одрѣ болѣзни съ такимъ же мужествомъ и веселіемъ, какъ встрѣчалъ ее на полѣ битвы. Можно выразить всю жизнь его одною фразою: «онъ жилъ какъ герой, умеръ какъ праведникъ.» Всѣ помнятъ историческое его слово, когда, въ 1813 году, неправосудіемъ регентства былъ онъ лишенъ командованія арміею. Все воззваніе его къ солдатамъ состояло въ слѣдующихъ двухъ строкахъ: «Солдаты! Съ удовольствіемъ передаю я маршалу Фрейру, на границахъ Франціи, начальство надъ арміею, полученное мною на границѣ Португальской.»

Изъ Мадрида въ *Кельнской-газетѣ* пишутъ, что волненіе между Басками продолжается. Сходбища происходили въ Лагранѣ и Наваррѣ; однако же жители сихъ провинцій встаютъ не за графа Монтемолино, а противъ министровъ, которые хотятъ

лишить ихъ древнихъ правъ (fueros), и не противу Королевы, которую Баски любятъ искренно. Вдовствующая Королева уѣдетъ изъ Тарансона въ ноябрь, и пробывъ короткое время въ Валенсiи, отправится оттуда, чрезъ Марсель въ Парижъ, гдѣ проведетъ всю зиму; а какъ съ нею поѣдутъ двѣ ея дочери втораго брака, то полагаютъ, что она еще имѣетъ въ виду прежніе свои планы для выдачи ихъ въ замужство.

1-го октября, перевезеніе тѣла герцога Байленскаго изъ Санъ-Исидро въ Аточскую церковь происходило съ величайшимъ великолѣпіемъ. Гробовой покровъ держали маршалы Конча и Улоа, и два старшіе генераль-лейтенанта, Вилья-Кампа и Логера. Король Донъ Францискъ д'Ассизи, и отецъ его, Инфантъ Донъ Францискъ-де-Поль, шли за робомъ въ генераль-капитанскихъ парадныхъ мундирахъ. Мадридское народонаселеніе было во время сей церемоніи тихо и благочестиво. Всѣ почтительно снимали шляпы предъ смертными останками стараго война и предъ Августѣйшимъ Супругомъ Королевы, который воздавалъ почестъ памяти слуги короны и отечества. Тѣло было погребено въ Аточской церкви, подлѣ достойнаго его сотоварища, сарагосскаго героя Палафокса. Королева Изабелла II присутствовала сегодня при божественной службѣ. Войско было разстановлено отъ дворца до церкви. Ввечеру всѣ театры были закрыты.

При стеченіи нѣсколькихъ тысячъ зрителей изъ всѣхъ Баскскихъ областей, Іезуиты, 16-го октября, вступили вновь во обладаніе мѣстечкомъ Лойолою, древнимъ своимъ достояніемъ и мѣстомъ рожденія своего основателя. Тамъ уже живутъ отъ пятидесяти до шестидесяти Іезуитовъ. Правительство дозволило имъ разсылать миссіонеровъ по Испаніи, Балеарскимъ и Канарскимъ островамъ и африканскимъ колоніямъ. Орденъ сей имѣетъ теперь въ Испаніи шесть училищъ.

П О Р Т У Г А Л І Я .

Въ *Morning-Post* пишутъ, что португальское правительство находится въ новомъ затрудненіи. Императоръ Бразильскій требуетъ себѣ Браганцскаго герцогства. Нынѣшней Королевѣ

очень мудро будетъ доказать, что династія ея имѣетъ какое-нибудь право на это герцогство, потому-что оно совершенно независимо отъ короны. Известно, что герцогство Браганцское составляетъ весьма важную часть Португаліи: оно есть удѣльное имѣніе, которое, по законному наслѣдству, принадлежало бы Дону Мигелю. Права Дони Маріи слѣдуютъ послѣ правъ брата ея, Императора Бразильскаго.

Т у р ц и я .

Въ *Constitutionnel* напечатано слѣдующее извѣстіе изъ Константинополя: «Турецкій заемъ не будетъ ратификованъ. Мы получили объ этомъ извѣстіе отъ нашего корреспондента въ Константинополь, отъ 10-го октября. Рѣшеніе объ этомъ окончательно состоялось 9-го числа, въ чрезвычайномъ собраніи совѣта Порты. Кажется даже, что это рѣшеніе принято единогласно. Донесеніе о семъ рѣшеніи готовили представить Султану въ тотъ же день, чтобы онъ, 10-го или 11-го, могъ объявить свою волю директорамъ банка. Воля эта известна заранѣе. Султанъ откажетъ въ ратификаціи займа, какъ отказали члены совѣта, дѣйствовавшіе по его волѣ. Отказъ, по-прежнему, основанъ на томъ, что уполномоченные нарушили данныя имъ инструкціи, но въ-самомъ-дѣлѣ потому, что вопросъ сдѣлался совершенно національнымъ. У турецкой націи есть предрасудки и отвращенія, которыхъ не можетъ побѣдить воля Султана. Турки составили себѣ такое ложное понятіе объ иностранномъ займѣ, что правительство не въ силахъ вразумить ихъ, и дать понять имъ всѣ выгоды этой финансовой операціи. Можетъ-быть, оно и достигнетъ этого, но нужно еще много времени и толкованій, чтобы искоренить этотъ предрасудокъ. Что-жъ касается до удовлетворенія нынѣшнихъ потребностей правительства, корреспондентъ пишетъ, что этого надѣются достигнуть посредствомъ добровольныхъ приношеній и займовъ. Султанъ первый подалъ тому примѣръ. Отдавъ всѣ деньги изъ своей кассы, онъ послалъ на монетный дворъ всю свою посуду и серебро, для перечеканки въ монету. Министръ финан-

совъ отказался отъ послѣдняго пожертвованія, объявивъ, что дѣла вовсе еще не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобъ прибѣгать къ подобнымъ крайностямъ, и что вопросъ состоитъ только во временномъ затрудненіи, изъ котораго можно выпутаться съ нѣкоторою доброю волею. Послѣ Султана, великій визирь и пять или шесть богатѣйшихъ нашей предложили сорокъ милліоновъ піастровъ. Наконецъ компанія четырехъ армянскихъ банкировъ также обязалась дать займы сорокъ милліоновъ піастровъ, по шести процентовъ. Эти суммы будутъ достаточны для уплаты перваго взноса займа и банковыхъ облигацій, которымъ наступилъ срокъ. Дней чрезъ двадцать потребуется еще столько же. Чтобъ получить ихъ, надѣются на нѣкоторые сборы доходовъ и на египетскаго пашу, къ которому, 9-го октября, послали Махтаръ-Бея, чтобы получить отъ него впередъ уплату подати. Французскій посланникъ г. Лавалетъ, съ жаромъ защищающій заемъ въ отношеніи выгодъ французскихъ капиталистовъ, участвовавшихъ въ этой операциіи, имѣлъ на этой недѣлѣ ежедневныя конференціи съ министрами Порты, но никакія убѣжденія не могли поколебать ихъ. Дѣло было рѣшено: Турки не хотятъ займа. Этотъ важный финансовый вопросъ остановилъ на цѣлую недѣлю всѣ прочія дѣла; но какъ скоро онъ будетъ конченъ, займутся преобразованиемъ кабинета. Великій визирь намѣренъ произвести большія перемѣны. Уже называютъ многихъ значительныхъ особъ, которыя войдутъ въ составъ новаго кабинета; въ числѣ ихъ есть отличные люди. Полагаютъ, что всѣ эти назначенія произойдутъ между 15-мъ и 20-мъ октября. Измаилъ-паша, внукъ знаменитаго Али-паши Янинскаго, назначенъ губернаторомъ острововъ Турецкаго Архипелага, вмѣсто Сафейти-паши. Отозваніе парижскаго посланника, князя Каллимахи, объявлено уже официально, но преемникъ его еще неизвѣстенъ. Сперва полагали, что будетъ посланъ Вели-паша, сынъ Мустафы-паши, президента совѣта, однако, по послѣднимъ извѣстіямъ онъ еще не былъ назначенъ.

Въ *Assemblée Nationale* напечатано слѣдующее сообщенное редакціи письмо о дѣлѣ по турецкому займу. «Константинополь, 14-го октября. Для объясненія вамъ, почему турецкій заемъ, объявленный на европейскихъ биржахъ, не былъ ратифико-

ванъ, долженъ я вамъ сообщить слѣдующее. За годъ предъ симъ, бывшій великій визирь Решидъ-паша представилъ Султану записку, подписанную президентомъ верховнаго совѣта и министромъ финансовъ Нафизъ-пашею. Въ ней сказано было, что банкиры, которымъ поручено сохраненіе курса въ Константинополѣ, должны Европѣ, на счетъ турецкаго правительства, 300,000 мѣшковъ; что срокъ уплаты ихъ скоро наступить; что такая сумма находится, правда, у нихъ въ рукахъ, но состоя изъ турецкой ассигнаціонной монеты, не имѣетъ обращенія въ чужихъ краяхъ; что простѣйшее средство къ отращенію зла состояло бы въ отправленіи довѣреннаго лица въ Вѣну къ г. Синѣ, и въ Парижъ къ г. Ротшильду, съ просьбою о принятіи на себя поручительства въ упомянутой суммѣ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, въ которыя Порта будетъ платить своимъ займодавцамъ по шести процентовъ. Турецкое правительство должно было заплатить сей долгъ изъ податей, получаемыхъ съ Египта и Дунайскихъ княжествъ, выдавъ векселя на эти области своимъ европейскимъ займодавцамъ. Небольшая недоимка, которая оставалась-бы по истеченіи четырехъ лѣтъ, была бы выплачена изъ государственной кассы. Съ другой стороны, для вознагражденія государственнаго казначейства за уплату шести процентовъ иностраннымъ кредиторамъ, Султанъ долженъ былъ предоставить въ распоряженіе своего правительства сумму, равносильную долгу, и находящуюся въ Константинополѣ, въ рукахъ банкировъ, которымъ поручено сохраненіе курса и которые должны были производить финансовыя операциіи для полученія упомянутыхъ процентовъ. Видя въ этомъ представленіи, что дѣло идетъ не о займѣ, а только о поручительствѣ, Султанъ согласился. Г. Кутюріо, агентъ г. Алеона въ Смирнѣ, отправленъ былъ въ Вѣну и въ Парижъ. Вскорѣ потомъ узнали въ Константинополѣ косвеннымъ путемъ, что ни Сина, ни Ротшильдъ не приняли сдѣланнаго имъ предложенія; что эти банкиры нашли срокъ уплаты слишкомъ короткимъ, и предложили сумму меньше требуемой, на десятилѣтній срокъ. Вскорѣ потомъ узнали мы, что гг. Беше, Детома и комп. открыли, отъ имени турецкаго правительства, заемъ въ пятьдесятъ милліоновъ франковъ. Султанъ, чрезвычайно удивленный симъ извѣстіемъ, потребовалъ къ себѣ Али-пашу и всѣхъ министровъ, и выразилъ имъ все свое неудовольствіе.

Составился совѣтъ; но на все вопросы, предложенные Али-пашѣ и бывшимъ товарищамъ Решада, они отвѣчали, что никогда не соглашались на заемъ. Оказалось, что все это сдѣлано было безъ ихъ вѣдома. Они объявили, что знаютъ только о существованіи долга въ триста тысячъ мѣшковъ, но и то по наслышкѣ. Въ-слѣдствіе этого засѣданія, великій визирь Али-паша былъ отставленъ. Новый великій визирь Мегемедъ-Али-паша нѣсколько разъ уже созывалъ верховный совѣтъ, и приглашалъ въ засѣданіе нѣкоторыхъ административныхъ чиновниковъ, для обсужденія несчастнаго вопроса о займѣ; только вчера совѣтъ отвергъ все переговоры о немъ, потому-что о существованіи займа не зналъ никто, кромѣ Решидъ-паши, Нафиза, Али-паши и Фуадъ-Эффенди. По волѣ Султана, который первый подалъ тому примѣръ, составляется внутренней заемъ. Султанъ, министры, все должностныя лица, множество банкировъ и негоціантовъ подписались на значительныя суммы, и казначейство выдало каждому подписчику квитанцію съ обязательствомъ возвратитъ ему ту самую сумму, которую онъ внесъ. Г. Аллеонъ и Бальтацци обязались вчера принять все суммы подписки, для уплаты перваго срока займа, съ тѣмъ, чтобы оный былъ погашенъ совершенно.

Изъ Аравіи получено извѣстіе о смерти іеменскаго генералъ-губернатора, Мушира-Бонапарта-Мустафы-паши, одержавшаго, за нѣсколько дней до своей кончины, побѣду надъ мятежными Бедуинами.

По распоряженію полиціи, въ Константинополь предписано, въ видахъ общественной безопасности, запираеть все лавки и кофейни въ девять часовъ вечера, и запрещено кому бы то ни было выходить послѣ этого времени на улицу безъ фонаря.

А з і я.

Персія. Изъ Тавриза получено извѣстіе о злодѣйскомъ покушеніи, сдѣланномъ на жизнь персидскаго Шаха. Е. В. выѣхалъ 15 го августа на охоту, въ сопровожденіи блистательной свиты, которая, по персидскому этикету, ѣхала поодаль его. Къ

нему подѣхали верхомъ четыре (а по другимъ свѣдѣніямъ, все семь или десять) человека изъ преслѣдуемой правительствомъ секты «Баби», и подали просьбу, съ требованіемъ, какъ говорятъ, объясненія о причинахъ недавно совершенной казни начальника этой секты. Шахъ остановилъ свою лошадь, чтобы принять просьбу, и въ эту минуту два человека схватили лошадь за уздцы, а другіе выстрѣлили въ него изъ пистолетовъ. Шахъ былъ раненъ въ ротъ и въ ногу, и соскочилъ съ лошади, чтобы стать подъ ея защиту, но въ то же мгновеніе прискакали офицеры свиты, и буквально изрубили въ куски злодѣевъ, выстрѣлившихъ въ Шаха, а двумъ, державшимъ лошадь его, обрубилъ руки, и тотчасъ отвезли ихъ въ тюрьму, для преданія въ руки правосудія. Къ счастью, доктору Клокэ удалось вынуть двѣ пули, поразившія Шаха, и жизнь его, повидимому, внѣ всякой опасности.

На турецкаго посланника въ Персію Ахмета-Вефика-Эффенди напала, на дорогѣ между Тавризомъ и Тегераномъ, шайка разбойниковъ, и ограбила его до-чиста; но немедленно по полученіи о томъ извѣстія въ Тегеранѣ, на дорогу высланъ былъ цѣлый персидскій полкъ; грабители были пойманы, и посланнику возвращено все у него заграбленное.

Холера производитъ сильныя опустошенія въ Персіи, и особенно въ городѣ Урмія, гдѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, было до 3,000 человекъ умершихъ въ одинъ день.

Турецкій посолъ Ахметъ-Вефикъ-Эффенди принять былъ въ торжественной аудіенціи Шахомъ, 4-го сентября. Здоровье Шаха совершенно оправилось послѣ злодѣйскаго покушенія на жизнь его. По точнѣйшимъ свѣдѣніямъ объ этомъ злодѣяннѣ, въ Шаха выстрѣлили, одинъ за другимъ, три человека изъ секты «Баби», но легко ранилъ его только одинъ, и рана оказалась неопасною. Персидскій комиссаръ по дѣлу разграниченія Персіи съ Турціею, Мирза-Джаферъ-Ханъ, далъ товарищамъ своимъ по этому дѣлу блистательное празднество въ пограничномъ городѣ Базирианѣ, въ ознаменованіе окончанія возложеннаго на нихъ порученія и въ изъявленіе радости своей объ избавленіи Шаха отъ угрожавшей ему опасности.

Китай. Въ Overland Friend сказано о китайскихъ дѣлахъ: «Дни татарской династіи, кажется, изочтены. Хоу или Тсоу, принцъ древней фамиліи Минговъ, не является еще на полити-

ческомъ поприщѣ, но только ожидаетъ сильнаго потрясенія, чтобъ надѣть корону. Инсургенты одерживаютъ побѣду за побѣдою. При нападѣнн на главный городъ провинціи Квангъ-Си, вторглись они двумя колоннами въ провинцію Гуангъ, овладѣли сперва городомъ Тсиненъ на сѣверѣ, потомъ Тау и Кимва, съ которыхъ взяли 30,000 тазлей контрибуціи. Многочисленные толпы присоединились къ мятежникамъ. Для различія, носятъ они синія шапки или чалмы; воины же Квангъ-Си, красныя. Коммиссаръ Сеу штурмовалъ, 19-го іюня, съ 4,000 человекъ тѣснину, занятую инсургентами, и потерялъ при этомъ половину своей арміи и двухъ отличныхъ офицеровъ. Послѣ этого онъ отступилъ до границъ провинціи. Суэнъ, литературный канцлеръ Квангъ-Си, представилъ Богды-Хану характеристическое донесеніе о ходѣ мятежа, въ которомъ онъ говоритъ о «великомъ полководцѣ Сае-Шангъ-Га» слѣдующее: «Его Величество, въ гнѣвѣ своемъ, не щадилъ ничего, и отправилъ тотчасъ же великаго полководца, надѣясь однимъ выстрѣломъ уничтожить мятежъ. Но онъ вступилъ въ Квангъ-Си, и не покоривъ ни одного бунтовщика, успѣлъ только обмануть дворъ. Въ одинъ день доносилъ онъ о побѣдѣ, въ другой о заслугахъ высшаго сановника, и все было неправда. Хотя непріятель и походилъ на небольшой шаръ, но онъ окружилъ великаго полководца, а послѣдній со 100,000 храбрыхъ воиновъ выпустилъ его, и дозволилъ напасть на Квей-Линъ-Фу. Даже по прибытіи намѣстника Тсо-Мингъ-Гу, былъ онъ бесполезенъ, и повинувся совѣтамъ цензора Чу-ки, занимался только обученіемъ солдатъ, и бросалъ деньги Богды-Хана въ воду». На это Богды-Ханъ отвѣчалъ: «Чу-ки сейчасъ уволить. Никто изъ представленныхъ не будетъ награжденъ прежде совершеннаго истребленія бунтовщиковъ. Это истребленіе поручается Чунгу и Чу. Великому полководцу Сае-Шангъ-Га и намѣстнику Тсо-Мингъ-Гу дѣлается замѣчаніе, чтобы они приложили стараніе къ окончанію сей войны, иначе будутъ наказаны бамбукомъ и мечемъ».

Въ *гонгъ-конгскихъ газетахъ* сообщаютъ, что войска Богды-Хана одержали важныя побѣды надъ бунтовщиками, чему въ особенности содѣйствовалъ квангъ-тунгскій губернаторъ Сіе, или Іе. Говорятъ, что инсургенты разсѣялись, и дорога изъ

Кантона въ Квей-Линъ-Фу совершенно свободна. Въ одномъ изъ послѣднихъ сраженій взяли въ плѣнъ человека, который выдавалъ себя за Тіенъ-Теба, лже-Богды-Хана, и въ пекинской газетѣ 15-го іюня сообщаютъ, что онъ приговоренъ къ смерти. Китайцы, живущіе въ Кантонѣ, полагаютъ, что мятежъ прекращенъ. Впрочемъ въ *Overland-Friend of China* сомнѣваются, чтобъ взятый плѣнникъ былъ дѣйствительно Тіенъ-Тебъ, и чтобъ мятежъ былъ прекращенъ. Говорятъ, что бунтовщики еще многочисленны. Въ Макао и въ окрестностяхъ показались и морскіе разбойники въ большомъ количествѣ. При взятіи одного ихъ судна убитъ былъ португальскій лейтенантъ Сантошъ. Съ-тѣхъ-поръ открыли цѣлую шайку разбойниковъ, и разстрѣляли предводителя ихъ въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ бѣжать.

Японія. Въ *Sun* помѣщена статья о путешествіи капитана Вельша въ Японію въ 1850 году. Подѣхавъ къ острову Нипону, встрѣченъ онъ былъ тысячами любопытныхъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ англійскій миссіонеръ, служившій ему переводчикомъ. Губернаторъ острова пригласилъ капитана къ обѣду, и привялъ его со всѣми воинскими почестями, имѣя отъ двухъ до трехъ тысячъ солдатъ, одѣтыхъ самымъ страннымъ образомъ. Городъ (имя не упомянуто) имѣетъ до двухъ сотъ тысячъ жителей. На улицахъ не было видно ни одной женщины. Дворецъ губернатора построенъ въ стилѣ восточной архитектуры. При входѣ капитана просили его снять сапоги. Комнаты были украшены великолѣпнымъ образомъ коврами, шелкомъ, золотомъ и серебромъ, какъ въ разсказахъ Тысячи и Одной Ночи. Губернаторъ, скрестивъ ноги, сидѣлъ на шелковой подушкѣ подъ богатымъ балдахномъ. Дежурный офицеръ, ставъ на колѣни, возвѣстивъ о приходѣ капитана, не поднималъ глазъ на губернатора. Капитанъ Вельшъ, поклонясь ему по китайскому обычаю, подошелъ, взялъ стулъ, и сѣлъ подлѣ этого брата солнца и всего звѣзднаго неба. Тогда начался разговоръ посредствомъ переводчика. Капитанъ разсказывалъ объ Англіи, о ея законахъ, о добромъ расположеніи ея къ Японцамъ, и о желаніи ея быть съ ними въ дружбѣ. Послѣ угощенія, капитанъ получилъ позволеніе осмотрѣть городъ, и былъ отведенъ обратно съ тѣмъ же церемоніаломъ.

А Ф Р И К А.

Египетъ. 23-го минувшаго августа совершенно, въ каирской цитадели, съ большею торжественностью, провозглашеніе введенія танзимата, или турецкаго уложенія, въ Египетъ. Канцлеръ дивана Аффъ-Бей вручилъ, въ присутствіи военныхъ и гражданскихъ начальствъ, войска и жителей всѣхъ сословій, султанскій фирманъ по этому предмету Аббасу-пашѣ, который принялъ его съ знаками глубочайшаго уваженія, и приказалъ прочесть публично. Церемонія заключилась военнымъ парадомъ съ пушечною пальбою. Черезъ нѣсколько дней Аффъ-Бей выѣхалъ изъ Египта въ Яффу и Іерусалимъ, гдѣ на него также возложено особое порученіе.

Мысль-Доброй-Надежды. Пароходъ «Босфоръ» прибылъ въ Плимутъ съ Мыса-Доброй-Надежды, съ извѣстіями отъ 6-го сентября. Генераль Каткартъ возвратился съ войскомъ изъ кейской экспедиціи. Лагерь предводителя Кафровъ Кремни былъ сожженъ. У него отбито 10.000 головъ скота, лошадей, и проч. Губернаторъ обнародовалъ благодарность войскамъ и поселенцамъ, говоря, что цѣль поиска совершенно достигнута. Въ Ватерклуфѣ все еще свирѣствуютъ шайки возмущившихся Готтентотовъ.

А М Е Р И К А.

Въ *Times* напечатано: «Въ нью-іоркской коммерческой газетѣ представленъ вопросъ о рыбной ловлѣ совершенно въ новомъ видѣ. Тамъ сказано, что до-сихъ-поръ не было никакого условія, никакихъ переговоровъ по сему предмету, да и на будущее время никто не думаетъ объ этомъ; что недоразумѣніе произошло не отъ мѣръ, принятыхъ англійскимъ правительствомъ, а отъ способа исполненія сихъ мѣръ. Еслибъ американскія начальства заранѣе знали объ истинныхъ намѣреніяхъ лондонскаго кабинета, не было бы никакого недоразумѣнія,

потому-что при первомъ объясненіи американское правительство объявило себя удовлетвореннымъ. Англійскій кабинетъ ничего не требовалъ, но ничего не уступалъ и ни отъ чего не отказывался. Онъ дѣлалъ только то, что всегда намѣренъ былъ дѣлать и на что имѣлъ полное право. Намѣренія эти были дурно истолкованы, и оттого произошли несогласія между этими кабинетами». Въ *Times* не раздѣляютъ этого мнѣнія. Американцы ловили рыбу вдоль береговъ, и входили въ заливы и бухты для очищенія рыбы. Это было нарушеніемъ трактата въ глазахъ Англичанъ, но не въ глазахъ Американцевъ; слѣдственно, отправление англійской эскадры на мѣсто споровъ было мѣрою, долженствовавшею остановить дѣйствія Американцевъ, и совершенно оправдываемою обстоятельствами. Въ *Times* обвиняютъ англійское правительство въ томъ, что сообщенія его по сему дѣлу были написаны неясно, и ввели въ заблужденіе обѣ стороны. Въ колоніяхъ говорили самымъ успокоительнымъ образомъ; американскому же правительству дали, напротивъ того, такія темныя объясненія, что оно введено было въ заблужденіе касательно истиннаго смысла депешей англійскаго кабинета, и эта неопредѣленность оскорбила Американцевъ. Послѣдующія объясненія были приняты за новыя дипломатическія увертки, тогда какъ они буквально составляли только подтвержденіе настоящаго положенія дѣлъ. Вотъ въ чемъ состояли всѣ затрудненія, теперь прекратившіяся.

Изъ Вашингтона сообщаютъ, что теперь принято окончательное рѣшеніе касательно японской экспедиціи. Она будетъ состоять изъ трехъ большихъ военныхъ пароходовъ: «Миссисипи», капитанъ Лонгъ, который выйдетъ отсюда въ первыхъ числахъ ноября; «Принсетоунъ», командоръ Перри, который будетъ сопутствовать «Миссисипи» въ видѣ флагманскаго корабля (теперь онъ стоитъ въ Бальтиморѣ, для постановки новаго котла) и «Аллегани», который починивается на госпортской верфи, и подниметъ якорь въ январѣ. Объ экспедиціи для изслѣдованія Китайскихъ морей пишутъ въ *Washington-National-Intelligence*: «Мы съ удовольствіемъ узнали, что экспедиція въ Китайскія моря будетъ отправлена подъ начальствомъ командора Кадваладеръ-Ринггеля, который вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдуетъ Японское-море, Беринговъ-проливъ и путь изъ Калифорніи въ Китай. Экспедиція эта снаряжается секретаремъ мор-

скаго министерства г. Кеннеди. О вооруженіи корабля «Венсеннъ» дано уже приказаніе въ Нью-Йоркъ».

Мехика. Въ *Лондонской газетѣ* подробно описываютъ всѣ революціи, раздирающія нынѣ Мехику. Ужаснѣйшій хаосъ, какой только можно себѣ вообразить. Извѣстный Санта-Анна, о которомъ давно уже ничего не слышно, кажется, опять явится въ этомъ хаосѣ и, конечно, еще болѣе запутаетъ дѣла, нежели приведетъ ихъ въ порядокъ. Никарагуаская Республика слѣдуетъ по стезямъ Мехиканской, съ тою разницею, что въ дѣла первой вмѣшиваются еще и иностранцы, усиливая тѣмъ безпорядки. Слѣдующій разсказъ изъ *New-York-Herald* заслуживаетъ повторенія: «Въ ночи 19-го августа, префектъ Гренады, спокойно спавшій въ своей постелѣ, пробужденъ былъ чрезвычайнымъ курьеромъ, прибывшимъ изъ Леона съ извѣстіемъ, что Муниось, предводительствуя множествомъ Французовъ и Американцевъ, овладѣлъ этимъ городомъ и идетъ на Никарагуа. Префектъ тотчасъ же послалъ 150 человекъ и четыре пушки для защиты Никарагуа. Муниось былъ 22-го числа въ Реалахо; Леонъ былъ въ его власти; все народонаселеніе было въ сильномъ волненіи, и правительство принуждало всѣхъ гражданъ идти на защиту отечества поголовно. Говорили, что однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ былъ какой-то таинственный французскій маркизъ, несмѣтно богатый и совершенно знакомый съ мѣстностью Гренады. Съ нимъ находятся бунтовщики, флибустьеры, бѣглецы, и проч., всѣ необходимыя лица этой новой американской драмы.»

Экваторская Республика. Извѣстно, что генеральный консулъ и французскій повѣренный въ дѣлахъ при Экваторской Республикѣ, г. Монтолонъ, прервалъ всѣ дипломатическія сношенія съ Президентомъ ея, генераломъ Урбиною. Въ *Journal des Débats* помѣщены изъ Гваякила письма, объясняющія это дѣло: «Начало ссоры восходитъ къ экспедиціи генерала Флореса. Когда онъ командовалъ сильнымъ войскомъ и угрожалъ Экваторской Республикѣ, она, приготовляясь къ своей защитѣ, преслѣдовала всѣхъ, которыхъ подозрѣвали въ связяхъ съ Флоресомъ; многіе изъ этихъ преслѣдуемыхъ просили убѣжища у французскаго посланника, который принялъ ихъ и не согласился выдать. Отъ этого произошло сильное охлажденіе между

нимъ и правительствомъ. По разбитіи же Флореса это несогласіе вспыхнуло явно. Генералъ Урбина далъ большой обѣдъ для празднованія своей побѣды, Послѣ обѣда гости, вмѣсто того, чтобъ отправиться домой, вздумали ходить по улицамъ Гваякила, и пѣть патріотическія пѣсни. Они остановились передъ домомъ г. Монтолона, и осыпали его бранью, при общахъ рукоплесканіяхъ. На другой день онъ потребовалъ удовлетворенія, и получилъ отказъ. Спустивъ свой флагъ, онъ сѣлъ на фрегатъ «Пенелопу» и отправился во Францію. На-дняхъ ожидаютъ прибытія его въ Парижъ.

Перу. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Южной Америки, въ Перу господствуетъ сильное раздраженіе противъ Соединенныхъ-Штатовъ. Увѣренія, данныя г. Вебстеръ американскимъ судохозяевамъ, о поддержаніи ихъ попытокъ къ нагрузкѣ гуано на Лобосскихъ-островахъ безъ дозволенія перуанскаго правительства, и предписаніе, отправленное этимъ министромъ начальнику фрегата Раританъ, для защиты американскихъ судовъ, приняты были въ Лимѣ въ видѣ непризнанія правъ собственности Перу. Правительство тотчасъ же созвало государственный совѣтъ, дѣйствующій съ властію конгреса въ промежуткахъ засѣданій онаго, и потребовало средствъ, чтобъ противиться нападеніямъ Американцевъ. Регулярныя войска тотчасъ же были усилены до восьми тысячъ человекъ; національная гвардія потребована на службу; куплено пять пароходовъ, которые вооружены пушками. Въ Каллао вооруженъ также корветъ двадцатью-четырьмя орудіями большого калибра, и отправленъ къ Лобосскимъ-островамъ, гдѣ къ нему присоединятся и другія суда. Послано также приказаніе фрегату Амазонка, сильнѣйшему перуанскому кораблю, крейсировать предъ сими островами. Кромѣ эскадры, въ которой будетъ до двѣнадцати судовъ, выставлено еще пятьсотъ человекъ линійнаго войска, подъ начальствомъ генерала Дестуа; онъ получилъ приказаніе дѣлать троскратное объявленіе всѣмъ кораблямъ, которые придутъ къ Лобосскимъ-островамъ, и послѣ третьяго раза стрѣлять по нимъ и топить ихъ. Для защиты береговъ учрежденъ лагерь, въ 2,000 человекъ регулярныхъ войскъ и 2,000 человекъ національной гвардіи, въ Лембаскѣ, насупротивъ Лобосскихъ-острововъ. Эти подробности доказываютъ, что перуан-

ское правительство намѣрено дѣятельно и рѣшительно отразить насилие Соединенныхъ Штатовъ. Всѣ жители взволнованы, и громко требовали, въ случаѣ взятія американскими корсарамъ Лобоскихъ-острововъ, конфисковать имущества Американцевъ, проживающихъ въ Перу. Сверхъ-того, въ случаѣ войны, хотѣли вооружить крейсеровъ, чтобы захватывать почтовые суда, ходяція между Сантъ-Франсискомъ и Панамою. Сѣверо-Американцы такъ сильно возбудили противъ себя жителей Южной Америки своею надменностью и властолюбіемъ, что одна мысль о войнѣ съ ними и объ уничтоженіи ихъ торговли въ Тихомъ-Океанѣ возбудила восторгъ Перуанцевъ.

А В С Т Р А Л И Я.

Въ Times напечатана статья объ Австраліи, подъ названіемъ: «Золото и голодъ»; въ ней между прочимъ сказано: «Вотъ уже два года, какъ извѣстія объ открытіи золота въ Австраліи безпрестанно усиливаются. И безъ открытія новыхъ розсыпей, однихъ нынѣшнихъ уже достаточно, чтобы удовлетворить самыя смѣлыя спекуляціи. Такъ, наприимѣръ, одинъ изъ округовъ Мельбурна даетъ по сту тысячъ унцій золота въ недѣлю, то есть двадцать милліоновъ фунт. стерл. въ годъ. Годовая сложность добываемаго въ Австраліи золота, составляетъ неменѣе сорока милліоновъ фунт. стерл., а потому все австралійское народонаселеніе превратилось въ многочисленное общество золотопромышленниковъ. Шестидесять тысячъ мужчинъ и нѣсколько тысячъ женщинъ занимаются этою работою въ Викторіи или въ Портъ-Филиппъ. Всѣ прочія занятія брошены. Стада служатъ только для пищи промышленниковъ. Цѣны, платимыя по денщикамъ и служителямъ, достигли баснословныхъ размѣровъ, и корабельные экипажи съ большимъ трудомъ удерживаются отъ побѣговъ. Народонаселеніе Мельбурна такъ усилилось, что тысячи людей живутъ въ палаткахъ близъ города, не находя себѣ въ немъ помѣщенія. Но теперь еще сто тысячъ человекъ отправились изъ Англіи въ Австралію, и эти переселенія успѣютъ до 650,000 душъ народонаселеніе тамошнихъ англійскихъ колоній, составлявшее менѣе полумилліона человекъ. Такимъ

образомъ до 100,000 будутъ въ буквальномъ смыслѣ безъ хлѣба. Всѣ помнятъ голодъ, господствовавшій въ Англіи въ 1846—1847 годахъ, отъ котораго погибло 200,000 человекъ, и истрачено десять милліоновъ фунт. стерл. И тогда по числу народонаселенія всей Англіи, не было столько людей, лишенныхъ всякой помощи. Но въ Австраліи прибавка ста тысячъ человекъ должна, по несчастію, произвести гораздо гибельнѣйшія послѣдствія. Говорятъ, что изъ Чили можно было бы снабжать Австралію съѣстными припасами, какъ нынѣ снабжаютъ Калифорнію; но слѣдуетъ замѣтить, что отъ Мельбурна до Вальпараисо считаютъ неменѣе 17,000 миль, и на проѣздъ нужно около трехъ мѣсяцевъ; и сколько нужно судовъ, чтобы привезти изъ Чили достаточное количество хлѣба, для предупрежденія голода въ Австраліи! Это первое затрудненіе усиливается тѣмъ, что Чили не производитъ достаточнаго количества хлѣба, и что хлѣбъ теперь отправляется оттуда въ Калифорнію. По причинѣ соперничества въ требованіяхъ между Австраліею и Калифорніею, цѣны въ Чили весьма возвысились. Слѣдственно, можно ожидать большихъ несчастій въ Австраліи, гдѣ оказывается 100,000 человекъ больше, нежели она можетъ прокормить. На будущее время должно, для отвращенія этого зла, съ каждымъ переселенцемъ въ Австралію отправлять потребное для него количество съѣстныхъ припасовъ. Тонна муки стѣитъ теперь въ Портъ-Филиппъ 25 фунт. стерл., а въ прошломъ году стоила восемь и девять фунтовъ. Вотъ обширное поле для спекуляторовъ: только хлѣбъ долженъ быть привезенъ туда до жатвы, то есть прежде февраля. Теперь еще есть время для предотвращенія зла.» (Сѣв. Пч.)

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

НОВАЯ ПЛАНЕТА. 24-го іюля англійскій астрономъ Гейндъ открылъ новую планету, которую назвалъ *Мельпоменою*. Эта планета, ближайшая къ землѣ изъ группы, находящейся между

К. X. — Отд. II. 7

Марсомъ и Юпитеромъ; періодъ обращенія ея составляетъ 1269 дней, что ставитъ ее въ этомъ отношеніи между Флорою и Викторіею.

ОГРОМНАЯ ЧЕРЕПАХА. Въ суррейскій зоологическій садъ привезена недавно изъ Индіи огромная черепаха. Судя по числу спинныхъ черепковъ панцыря, ей считаютъ болѣе 200 лѣтъ существованія. Это *Pixis arachnoides*, такъ названный г. Белемъ, который тщательно изучилъ нравы и свойства черепахъ, и нѣсколько лѣтъ содержалъ у себя образчикъ изъ этого рода. Замѣчательно у этихъ черепахъ сходство заднихъ ногъ съ ногами слона. Въ теплыхъ странахъ, болѣе свойственныхъ для жизни этихъ животныхъ, чѣмъ непостоянный климатъ Англій, встрѣчали иногда черепахъ гораздо большей величины, нежели всѣ тѣ, о которыхъ доселѣ упоминалось. У этого рода (*pixis*), передняя часть панцыря или черепки движутся свободно на поперечныхъ смычкахъ, и закрываютъ голову и переднія ноги. Медленное, смиренное и незлобное животное это рѣдко удаляется отъ обитаемой имъ мѣстности, и при нападеніи надѣется только на свои пассивныя средства обороны. Упоминаемая нами черепаха можетъ нести на спинѣ своей двухъ взрослыхъ человѣкъ.

ПЕЩЕРА ВЪ МОНТЕКАТИНИ. Въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ открыта недавно въ Монтекатини, мѣстѣ, извѣстномъ сильными минеральными источниками—весьма любопытная пещера, въ 800 футовъ длиною и 70 шириною; внутренность ея наполнена самой разнообразной и фантастической формы сталагмитами и сталактитами, для образованія которыхъ необходимы были цѣлые вѣки. Но самое замѣчательное обстоятельство въ этой пещерѣ, то, что она постоянно сохраняетъ температуру въ 28° Р., которая, вмѣстѣ съ спертымъ въ ней воздухомъ, дѣлаетъ пребываніе въ ней въ одеждѣ невозможнымъ; но и безъ этой послѣдней, обильный потъ неизбеженъ. Со всѣхъ сторонъ просачивающаяся въ пещеру вода, образовала въ ней родъ озера, въ которое теперь спущена лодка для удобства посѣтителей. Пещера эта изслѣдована пока только на вышеозначенное пространство; но полагаютъ навѣрное, что она имѣетъ обширныя развѣтвленія, признаки которыхъ уже найдены.

СТАРАЯ КНИГА. Одинъ сентъ-етъенскій библіофилъ открылъ изданіе книги: «Подражаніе Іисусу Христу» 1480 года. На заглавной страницѣ выставлено имя Жерсона, а затѣмъ слѣдуетъ посвященіе Папѣ, съ подписью автора. Это изданіе, соединяющее въ себѣ всѣ отличительные признаки своего времени, разрѣ-

шить вопросъ, о которомъ такъ долго спорили, именно объ авторѣ этой знаменитой книги. Владѣтель ея, нѣтъ сомнѣнія, обнарудуетъ всѣ подробности своего открытія.

СТАТИСТИКА КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВО ФРАНЦІИ. Вотъ данныя о числѣ книгъ, напечатанныхъ въ настоящемъ году во Франціи, въ сравненіи съ 1851 годомъ, въ тотъ же періодъ времени. Сочиненій на мертвыхъ и живыхъ языкахъ напечатано въ прошедшемъ году 4,647, въ 1852 году 5,030. Картъ и плановъ въ 1851 году 84, 1852 году 89. Музыкальныхъ сочиненій въ 1851 году 308, въ 1852 году 475. Гравюръ, эстамповъ и литографій въ 1851 году 635, въ 1852 году 1,209. Слѣдовательно, въ 1852 году число всѣхъ изданій увеличилось 1,129-ю.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ, ПАРОВОДСТВО И ТЕЛЕГРАФЫ.

ГАННОВЕРЪ. Недавно прибыли въ Лееръ одинъ Англичанинъ и одинъ Голландецъ, намѣревающіеся построить береговую желѣзную дорогу отъ Гавра до Бойценбурга на Эльбѣ, и далѣе до Штетина, соединивъ ее съ гарлингенскою и восточною дорогами. Они просятъ у ганноверскаго и ольденбургскаго правительствъ, равно и у Бремена, тѣхъ же привилегій, какія получили отъ голландскаго правительства. Они просили негодіантовъ въ Леерѣ и Эмденѣ поддержать ихъ предпріятіе въ-случаѣ запроса правительства, потому-что восточная Фрисландія пріобрѣтетъ отъ этого большія выгоды.

Неаполитанское правительство утвердило построеніе желѣзной дороги, которая соединитъ Средиземное-море съ Адриатическимъ. Линія пойдетъ отъ Неаполя къ Манфредоніи, небольшому городку, стоящему на берегу залива того же названія, съ 6,000 жителей. Манфредонія лежитъ на Адриатикѣ, какъ Триестъ. Слѣдственно, Неаполь будетъ въ соединеніи съ этимъ главнымъ городомъ Адриатическаго-моря. Недалеко отъ Манфредоніи находится комерческій портъ Бриндизи, который только ожидаетъ быстрого пути сообщенія со внутренними областями, чтобъ удвоить свою дѣятельность. Изъ Манфредоніи въ Бриндизи будетъ проведена вѣтвь желѣзной дороги. Такимъ-образомъ

неаполитанскія владѣнія будутъ имѣть съѣтъ желѣзныхъ дорогъ, которыхъ построене, начавшись въ нынѣшнемъ году, окончено будетъ не позже, какъ чрезъ три года. Работы эти предприняты англійскою компаніею, получившею беззачетную привиллегію, съ обезпеченіемъ капитала со стороны казны. Теперь, между Неаполемъ и Кастелламаре, чрезъ Шортичи, а съ другой стороны до Ночеры, существуетъ желѣзная дорога, которая вскорѣ продолжена будетъ до Казерты и Капуи.

Въ *Globe* сообщаютъ извѣстіе, напечатанное въ одной американской газетѣ, что одинъ генуезскій коммерческій домъ вошелъ въ компанію съ нью-іоркскимъ домомъ, для содержанія постоянного пароходнаго сообщенія между Генуею и Америкою. Эта пароходная линія войдетъ въ сообщеніе съ существующею между Гаваною и Нью-Йоркомъ. Сардинское правительство обезпечиваетъ четыре процента съ требуемаго капитала въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ. Построено будетъ шесть пароходовъ, четыре въ Англійи и два въ Соединенныхъ-Штатахъ.

ГИБЕЛЬ ПАРОХОДА АТЛАНТИКЪ. Едва успѣли опомниться въ Нью-Йоркѣ, послѣ потери парохода *Генри Клей* съ восьмидесятью сгорѣвшими и потонувшими пассажирами, какъ новое несчастіе, съ гораздо большею еще потерею людей, поразило всѣхъ нью-іоркскихъ жителей.

Нѣсколько сотъ переселенцевъ, отправляясь изъ Нью-Йорка въ штатъ Огіо, прибыли по желѣзной дорогѣ къ озеру Эри, и пересѣли тамъ на пароходъ *Атлантикъ*.

Число пассажировъ на пароходѣ простиралось до пяти-сотъ. Около полуночи сдѣлался столь густой туманъ, что съ кормы не видно было на бакъ; не взирая на это, шкиперъ не переставалъ идти полнымъ ходомъ и не приказывалъ ни разу звонить въ колоколъ. Въ два часа пополудни, внезапно произошелъ страшный ударъ и сотрясеніе всего судна, отъ столкновенія съ винтовымъ пароходомъ *Огденсбургъ*. Страшный крикъ и вопль пассажировъ раздался на палубѣ парохода *Атлантикъ*. Въ это время, каютные пассажиры, въ величайшемъ безпорядкѣ, бросились наверхъ. Шкиперъ и помощники его успокаивали ихъ, увѣряя что нѣтъ ни малѣйшей опасности, и въ доказательство продолжали путь, направивъ курсъ однакожь прямо въ берегъ, въ надеждѣ достигъ его; но проплывъ $\frac{3}{4}$ миль, течь до того увеличилась, что не взирая на дѣйствіе помпъ, пароходъ сталъ очевидно тонуть. Вода погасила огонь, пароходъ остановился, и въ половинѣ третьяго часа *Атлантикъ* пошелъ на дно, на двадцати сажняхъ глубины.

Когда шкиперъ увидѣлъ, что нѣтъ уже спасенія, то вслѣлъ

взять каждому, что попадется въ руки: скамьи, стулья, тюфяки, столы и др. вещи, сдѣланныя изъ дерева или изъ каучука, и способныя удержать человѣка надъ водою. Но въ безпорядкѣ и замѣшательствѣ при подобной сценѣ, многіе не слышали словъ шкипера и бросались въ воду, навстрѣчу преждевременной смерти. Нѣсколько сотъ пассажировъ были иностранцы разныхъ націй, непонимавшіе ни англійскаго языка, ни другъ-друга.

Когда носъ парохода сталъ погружаться, то изъ среды этой массы, обреченной на явную смерть, испущенъ былъ такой страшный крикъ, что онъ дошелъ до парохода *Огденсбургъ*, который, несмотря на собственную опасность, тотчасъ повернулся и поспѣшилъ на помощь къ *Атлантику*. Не взирая на туманъ, пароходу удалось спасти многихъ плававшихъ и утопавшихъ. Шлюпки съ *Атлантика* были до того перегружены людьми, что опасались ежеминутно за ихъ гибель. Полагаютъ, что спасено около двухъ-сотъ человѣкъ, и вѣроятно отыщутся еще хотя немногіе, плавающие на обломкахъ; но во всякомъ случаѣ, число погибшихъ будетъ немногимъ меньше трехъ-сотъ.

По прибытіи *Огденсбургъ* въ Буффало, начальство немедленно отправило пароходъ *Клинтонъ* на мѣсто несчастія. Между тѣмъ туманъ прочистился, и съ парохода *Клинтонъ*, при прозрачности воды, ясно видѣнъ былъ *Атлантикъ* подъ глубиною болѣе ста футовъ.

ЛИНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ТЕЛЕГРАФОВЪ. Въ Англійи простирается уже на 4,000 миль, стоившихъ 300,000 фунт. стерл.; должно стныхъ лицъ по сей линіи болѣе восьми-сотъ человѣкъ.

Возможность учрежденія подводнаго телеграфа между Англійею и Америкою есть вопросъ, который стоитъ разсмотрѣнія. Хотя въ нашъ вѣкъ слова: трудно и невозможно, должны быть исключены изъ лексикона инженеровъ, но протяженіе Атлантическаго Океана на 3,000 миль составляетъ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Выдавшіяся точки земли или скаль, которыя могли бы служить для опоры электрической проволоки, были бы такъ-называемыя Три Трубы, подъ 30 градусомъ западной долготы и Джакетъ-Эйлендъ подъ 40-мъ, откуда телеграфъ приметъ направленіе на Сентъ-Жанъ въ Ньюфундендѣ (подъ 55-мъ градусомъ долготы), перейдя такимъ-образомъ огромное пространство Океана на разныхъ глубинахъ и со всевозможными затрудненіями, которыя преодолѣть очень мудро. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Океана лотъ не находилъ дна въ пяти миляхъ глубины. Въ другихъ мѣстахъ глубина моря простирается отъ полумили до двухъ миль, а въ нѣкоторыхъ дно состоитъ изъ острыхъ скаль, объ которыя, при сильномъ дѣйствіи волнъ, повредится металлическая проволока, какъ бы она крѣпка и хорошо прикрыта ни была; а какъ дно моря покрыто въ нѣкоторыхъ частяхъ колоссальными морскими растеніями,

простирающимися на тысячи квадратных миль, то невозможно уже будетъ и вытащить каната, однажды опущеннаго въ ихъ средину, или разорваннаго въ ней. Слѣдовательно, для установленія телеграфическаго сообщенія между двумя материками, должно прискать путь, гдѣ было бы больше твердой земли и меньше препятствій. Два молодые инженера, братья Гаррисонъ, кажется, счастливо рѣшили эту задачу. Они предлагаютъ начать это сообщеніе отъ самой сѣверной оконечности Шотландіи чрезъ острова Оркадскіе, Шетландскіе, Феррейскіе, на западъ къ Исландіи; потомъ отъ сѣвернаго мыса Исландіи до восточныхъ береговъ Гренландіи и чрезъ этотъ полуостровъ къ Девисову-проливу, чрезъ который телеграфъ пойдетъ у Вильгингемскаго мыса. Послѣдняя подводная линія проложена будетъ чрезъ Гудсоновъ заливъ въ Верхней Канадѣ, и окончится у Квебека, гдѣ уже будетъ сообщаться со всѣмъ американскимъ материкомъ. Симъ способомъ вся подводная линія составитъ отдѣльными частями не болѣе 2,500 миль. Длиннѣйшее разстояніе отъ Феррейскихъ острововъ до Исландіи не превосходитъ пяти-сотъ миль. Это чрезвычайно увеличиваетъ надежду на успѣхъ. Сверхъ того, дно Сѣвернаго-моря весьма благоприятно для этого предпріятія: глубина его составляетъ отъ 160 до 200 брассовъ, и состоитъ изъ слоевъ камня и песку, образующихъ горы или долины, въ которыхъ никогда не бросаютъ якоря, и гдѣ проволока будетъ находиться въ совершенной безопасности. Сухопутная линія будетъ длиннѣе подводной; но какъ она не представляетъ никакихъ затрудненій, проложена ли она будетъ надъ землею на шестахъ, или подъ землею, то единственное затрудненіе и будетъ состоять въ чрезвычайномъ количествѣ проволоки для проводниковъ, то-есть въ расходахъ на этотъ предметъ. Устройствомъ этой линіи можно дополнить кругосвѣтное сообщеніе. Продолживъ телеграфъ къ западу чрезъ Россійско-Американскія владѣнія до Берингова-пролива, можно чрезъ него перекинуть проволоку въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ на азіатскіе берега Россіи, а оттуда чрезъ Сибирь соединить электрическій поясъ, окружающій весь земной шаръ съ главными городами Европы, Азіи и Африки. Въ самой Америкѣ соединеніе это можетъ совершиться чрезъ Панамскій перешеекъ, для сношеній съ Южною Америкою. Датское правительство благоприятствуетъ проведенію телеграфа чрезъ его владѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что оно исполнено будетъ съ успѣхомъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ САНТЬ-ЯГО, НА ОСТРОВЪ КУБЪ. Американскія газеты наполнены длинными подробностями объ ужасномъ землетрясеніи, постигшемъ городъ Сантъ-Яго, на островѣ Кубѣ.

20-го августа было почувствовано первое колебаніе, а на другое утро, прибавленія газеты Orden заключали въ себѣ слѣдующія извѣстія. «Всѣ городскія улицы завалены заборами, карнизамъ и разрушенными зданіями. Всѣ дома болѣе или менѣе потерпѣли отъ этаго несчастія. Всѣ, безъ исключенія, подверглись разрушенію, а многіе сдѣлались вовсе неудобными для жительства. Жители ищутъ убѣжища въ окрестныхъ деревняхъ, на корабляхъ, публичныхъ площадяхъ, мѣстахъ общественнаго гулянья, ибо всѣ бѣгутъ изъ домовъ, ежеминутно угрожающихъ паденіемъ. Однимъ-словомъ, городъ представляетъ ужасное зрѣлище—повсюду слышны только вопли, плачь и рыданія.

Благодаря Бога, раздавленныхъ зданіями очень немного.

Жители такъ запуганы, что едва чувствуемый ударъ и небольшой трескъ производятъ страшныя безпокойства и опасенія.

Самые сильныя удары, поколебавшіе землю, послѣ трехъ ужасныхъ первыхъ, были ощущаемы: первый въ три часа съ половиною по-полудни; второй, въ пять часовъ двадцать минутъ по-полудни; третій, въ девять часовъ вечера; четвертый—очень сильный—въ три съ половиною по-полуночи; пятый—въ пять часовъ утра. Послѣ послѣдняго удара было очень сумрачно; небо покрыто было густыми, дождевыми облаками;— все это содѣйствовало распространенію страха.

Послѣ перваго удара, народъ бросился въ церкви; но при послѣдующихъ ударахъ не смѣлъ больше оставаться въ нихъ—долженъ былъ молиться на площадяхъ.

Теперь 8 часовъ утра; но безпокойство и отчаяніе не уменьшаются.»

Колебанія продолжались еще 21-го и 22-го августа; вотъ что пишутъ объ этомъ въ послѣднемъ № газеты «Redactor.»

«Послѣ первыхъ колебаній, нами испытанныхъ, послѣдовали еще другія. Но самое сильное, поразившее жителей своею необыкновенною жестокостію, мы испытали вчера утромъ, въ три часа тридцать пять минутъ; черезъ двѣ минуты колебаніе повторилось, но съ мѣньшею силою.

Съ этого времени, можно сказать, что земля, на которой мы находимся, постоянно колеблется. Каждую минуту мы чувствуемъ новые удары, изъ которыхъ нѣкоторые регулярно повторяются черезъ каждыя полчаса, производя гулъ отдаленнаго

пушечнаго выстрѣла. Другіе удары походятъ на стукъ тяжело нагруженной телеги.

Вчера, въ двѣнадцать часовъ двадцать пять минутъ по-полудни, у насъ былъ сильный ударъ, ощущаемый на всемъ островѣ.

Послѣ полудня стихло, хотя небо все еще было покрыто облаками. Вечеромъ, въ девять часовъ съ четвертью, у насъ былъ еще ударъ—очень сильный. Сего дня утромъ мы испытали еще два удара. Жители днемъ и ночью не оставляютъ улицъ, площадей и мѣстъ гулянья, гдѣ раскинуто множество шатровъ.

Корабли, стоявшіе въ портѣ, наполнены множествомъ жителей, искавшихъ здѣсь себѣ убѣжища, среди общаго смятенія. Всѣ эти несчастные какъ нельзя лучше были приняты на этихъ корабляхъ, какъ капитанами, такъ и всѣмъ экипажемъ.

Духовенство, опасаясь новыхъ бѣдствій, заперло церкви, немало потерпѣвшія отъ землетрясенія, и въ тоже время, приказало воздвигнуть алтари на самыхъ большихъ городскихъ площадяхъ.

Какъ публичныя, такъ и обывательскіе дома, всѣ безъ исключенія, во многихъ мѣстахъ разрушены.

Убытки, причиненные землетрясеніемъ простираются отъ 1,500,000 до 2,000,000 піастровъ, не считая въ томъ числѣ опустошеній, произведенныхъ имъ въ окрестныхъ селеніяхъ.»

По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Сулладеро, видно, что эта деревня также потерпѣла отъ землетрясенія.

Тожесамое должно было случиться, по нашему мнѣнію, и въ Барахоѣ, ибо пароходъ *Генераль Арmano*, плывущій изъ Гаванны, долженъ былъ выдти изъ барахайскаго порта въ пятницу, и прибыть къ намъ еще вчера; но вѣроятно, онъ задержанъ городскимъ начальствомъ, для подаенія жителямъ помощи.

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ Г. ГРИНА. Воздушное путешествіе, объявленное отъ кевской обсерваторіи, принадлежащей англійскому ученому обществу, было совершено въ четвергъ, 19-го августа.

Цѣль этого воздушнаго путешествія была чисто ученая и касалась собственно метеорологическихъ наблюдений о температурѣ воздуха, на разныхъ высотахъ, о его гигрометрическомъ свойствѣ, электрической и магнетической плотности, и т. д.

Англійскіе ученые выбрали для этого путешествія не разъ уже бывшій въ воздушныхъ пространствахъ большой шаръ Нассау, а въ путеводители самаго опытнаго и знаменитаго воздухоплователя Грина ветерана, какъ называютъ его Англичане. Метеорологи могли свободно заниматься своими наблюдениями и могли вполне полагаться на знаніе человека, столь искуснаго и опытнаго въ трудномъ дѣлѣ управленія воздушнымъ шаромъ.

Шаръ имѣлъ двѣ лодки, въ которыхъ помѣщались превосходные инструменты и два члена кевской обсерваторіи, Уальзь и

Никлинъ (Walsh et Niclin). Онъ былъ наполненъ обыкновеннымъ водороднымъ газомъ, и въ три часа пятьдесятъ минутъ по-полудни поднялся изъ воксала.

Въ пять часовъ и двадцать семь минутъ, онъ, безъ особенныхъ затрудненій, очень счастливо опустился въ Свавелсѣ, къ сѣверо западу отъ Кембриджа.

«Нассау» пролетѣлъ около шестидесяти миль въ часъ и тридцать минутъ, до стигнувъ довысоты, превышающей 19,500 футовъ (около 6,000 метровъ); на этой высотѣ температура доходила до 7 градусовъ ниже нуля (по Фаренгейту).

Англійскіе ученые не могли еще привести въ порядокъ свои наблюдения; но по замѣткамъ г. Уальза видно, что слои облаковъ, черезъ которые они пролетали, были слѣдующіе.

1) Пары находились очень низко, воздухоплователи достигли до нихъ на высотѣ полумили.

2) Второй слой непосредственно слѣдовалъ за парами на высотѣ еще 4 километровъ.

3) Наконецъ слой тончайшихъ паровъ, который они не весь пролетѣли, хотя до крайнихъ предѣловъ было уже не очень далеко.

На крайней высотѣ, метеорологи замѣтили маленькія свѣжники, въ видѣ звѣздочекъ, имѣвшихъ въ діаметрѣ около милиметра. Свѣжники эти казались падающими; но очень легко можетъ быть, что это паденіе было мнимое и происходило отъ полета самаго шара.

Барометрическія, термометрическія и гигрометрическія наблюдения безъ труда производились очень часто и на разныхъ высотахъ.

Г. Уальзь чувствовалъ ломъ и давленіе въ глазахъ и ушахъ, а г. Никлинъ дышалъ нѣсколько съ трудомъ. Холодъ, довольно рѣзкій, могъ сдѣлаться нестерпимъ, еслибъ продолжился долѣе.

Быстрый ходъ шара и большое разстояніе, пройденное имъ къ сѣверу, доказываютъ, что огромное количество воздуха влекло его по этому направленію, а наблюдения, производимыя въ разныхъ мѣстахъ, подтвердили опытомъ, что сильный западный вѣтеръ дулъ въ это время почти во всей Англій.

Солнце было закрыто облаками во все время воздухоплаванія; гроза, бывшая въ Лондонѣ, въ четвергъ, еще не начиналась; въ это время, когда г. Уальзь и Никлинъ находились въ воздушномъ пространствѣ, всѣ метеорологи, на пятьдесятъ миль около Лондона, каждый часъ производили наблюдения, начавъ ихъ съ двухъ часовъ по-полудни и продолжая до восьми часовъ вечера. Всѣ эти наблюдения будутъ сравнены между собою, и поведутъ можетъ-быть, къ очень важнымъ выводамъ.

ЗОЛОТО И ЗОЛОТО. Вывозъ золота изъ Калифорніи, съ открытія росыпей въ 1848 году до 30-го іюня 1852, простирался до

174,780,877 долларовъ. Въ 1848 году отправлено было только на 44,177 долларовъ.

Во всѣхъ частяхъ свѣта обращается золота до 1,200 милліоновъ франковъ (300,000,000 р. с. руб. сер.). Ежегодно терется этого металла до трехъ съ половиною процентовъ, то есть около 42,000,000 франковъ. (10,500,000 р. с.) Золота употребляется на предметы роскоши и искусствъ слѣдующее количество: въ Англіи на 62,500,000 фран. (15,625,000 р. сер.); во Франціи на 23,900,000 (5,975,000 р. сер.); въ Швейцаріи на 11,250,000 (2,812,500 р. сер.); въ прочихъ государствахъ Европы на 40,000,000 (10,000,000 р. сер.); въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ на 12,500,000 фр. (3,125,000 р. сер.) Въ Лондонѣ листового золота готовится въ недѣлю до четырехъ тысячъ унцій, въ Бирмингамѣ до тысячи унцій, въ Парижѣ до двухъ тысячъ унцій. Въ Англіи употребляютъ золота на позолоту фарфора на 850,000 фр. (212,500 р. сер.).

Страсть къ золоту, овладѣвшая нынѣ всею Австраліею, повредила литературѣ и журналистикѣ въ той странѣ. Въ одномъ городѣ Аделандѣ, въ 1851 году, въ двѣнадцати типографіяхъ выходили тринадцать газетъ: одиннадцать на англійскомъ и двѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Но немедленно по открытіи золотыхъ росыпей, редакторы, сотрудники, наборщики и подписчики переселились въ новое Эльдorado. Газеты стали быстро исчезать одна за другою, и въ мартѣ 1852 года, изъ тринадцати газетъ осталось всего шесть, считая въ томъ числѣ и официальную газету, издаваемую правительствомъ. Жертвами этого кризиса сдѣлались и обѣ нѣмецкія газеты.

По повѣйшимъ извѣстіямъ изъ Австраліи, разработка золота усиливается въ чрезвычайной прогрессіи. Партія съ росыпей Александровой горы приобрѣла 100,000 унцій и еще 40,000 унцій оставались въ рукахъ комиссара правительства. Цѣна за унцію упала на 62 и 60 шиллинговъ. Въ Сидней платили еще по 64—65 шиллинговъ. На рукахъ у работниковъ есть до милліона фунтовъ стерлинговъ золота. Въ подобныхъ обстоятельствахъ немудрено, что торговля шерстью остается въ пренебреженіи. Пригоняютъ цѣлыя стада тонкошерстныхъ барановъ и овецъ къ табору золотопромышленниковъ, и убиваютъ для продовольствія, а о шерсти и жирѣ не беспокоятся: ихъ сожигаютъ.

СТАТУЯ НАВУХОДОНОСОРА.—Въ тріестской газетѣ увѣдомляютъ, по письмамъ изъ Багдада, что одинъ Англичанинъ, занимавшійся разработками вавилонскихъ рудъ, нашелъ тамъ большую золотую статую. Полагаютъ, что это статуя Навуходносора.

БОЛѢЗНЬ ВИНОГРАДА. Болѣзнь эта существовала и прежде, четыреста лѣтъ тому назадъ, въ Италіи; тогда, какъ и нынѣ, приписывали эту болѣзнь присутствію лишая. Нетолько вино

получило противный вкусъ, но его употребленіе породило новую болѣзнь. По общему мнѣнію марсельскихъ ученыхъ, той же причинѣ должно приписать эпидемію 1826 года.

Въ 17-й книгѣ Плинія мы находимъ слѣдующее описаніе:

«Въ настоящее время, маслины и виноградники заражены болѣзнію. Болѣзнь эту можно назвать паутинной, ибо, подобно паутинѣ, она покрываетъ плодъ, сушитъ его и уничтожаетъ». Это описаніе какъ нельзя болѣе сходно съ признаками болѣзни, истребляющей, въ настоящее время, виноградники Франціи. Многія сочиненія, относящіяся къ естественной исторіи и земледѣлію, упоминаютъ о паразитѣ изъ рода тайно-брачныхъ растеній, извѣстныхъ подъ именемъ винограднаго арена.

НОВОЕ РАСТЕНІЕ.—Въ Cambridge Chronicle сообщаютъ, что въ Англіи, на рѣкахъ Узѣ и Кемѣ, появилось неизвѣстное до-сихъ-поръ водяное растеніе, которое такъ сильно распространилось, что препятствуетъ судоходству, и задерживаетъ теченіе. Растеніе это тяжеловѣсно, и будучи отрѣзано отъ корня, тонетъ. Оно состоитъ изъ длиннаго волокнистаго стебля, изъ котораго вырастаютъ листья. Его назвали водянымъ тымьяномъ, потому-что оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ этимъ растеніемъ.

ПИСЬМО АБДЪ-ЕЛЬ-КАДЕРА къ г. Гуелю, окружному инспектору конскихъ заводовъ во Франціи. — Г. Гуель поднесъ Абдъ-ель-Кадеру экземпляръ своего сочиненія «Исторія лошади» и получилъ отъ него по этому случаю слѣдующее письмо:

«Хвала Богу Единому!»

«Знаменитому по своимъ познаніямъ ученому, г. Ефрему Гуелю, инспектору конскихъ заводовъ».

«Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе!»

«Книгу вашу мы получили. Она заслуживаетъ быть написанною на скрижаляхъ сердца, чернилами, извлеченными изъ черноты зрачковъ. Если бы Господь даровалъ умъ лошадямъ, и «онѣ» предприняли бы сами описать свои качества, то не могли «бы ничего ни прибавить, ни убавить. Сочиненіе ваше доставило намъ полное удовольствіе, потому-что истина мыслей, «выраженныхъ съ ясностію и чистотою, даетъ правильное понятіе о совершенствѣ разума автора; и какъ гладкое зеркало «отражаетъ лучи свѣта, такъ книга ваша вѣрно отражаетъ умъ «сочинителя. Кто прочтетъ книгу вашу, не зная васъ, какъ и «мы васъ не знаемъ, получитъ единственно чрезъ почтеніе ея самое высшее понятіе о совершенствѣ вашихъ качествъ».

«Прошу принять изъявленіе чувствъ моей дружбы и благодарности за сдѣланную присылку.

«Абдъ-ель-Кадеръ—Бенъ-Магги-Едлинъ.»

Въ концѣ мѣсяца Ребіа Етсани 1269 года.

(Въ среднѣ февраля 1852 года)

ЕЩЕ О ФРАНКЛИНѢ.—«Принцъ Албертъ», одинъ изъ кораблей,

участвовавшихъ въ предпоследней экспедиціи для отысканія сира Джона Франклина, возвратился третьяго-дня ввечеру въ Абердинъ, не найдя ни малѣйшихъ слѣдовъ отыскиваемого мореходца. Корабль этотъ зимовалъ въ Баффиновомъ-заливѣ, осматривалъ проливъ принца Регента, открылъ другой проливъ къ западу отъ Нордъ-Соммерсетскаго, проѣхалъ его на саняхъ до порта Леопольда, но не открылъ ни малѣйшихъ признаковъ пребыванія тамъ Франклина. Отдаленнѣйшій пунктъ, до котораго достигалъ сей корабль, былъ Вичи-Гидъ. Августа 19-го встрѣтился онъ съ Нордъ-Старомъ. Суда экспедиціи заблаговременно прошли чрезъ Веллингтонъ-каналъ, который былъ тогда свободенъ отъ льда. «Принцъ Альбертъ» вышелъ изъ льдистой полосы 23-го августа, и привезъ извѣстіе, что рыбная ловля въ Дэвисовомъ-проливѣ была нынѣ до крайности неудачна, и все прибывшіе туда корабли поймали до августа мѣсяца, только шесть рыбъ. Одно американское и одно англійское китоловное судно разбились.

— Въ новой роттердамской газетѣ увѣряютъ, что на гарлинггенскихъ водахъ найдена и передана нидерландскимъ посланникомъ въ Лондонъ англійскому правительству бутылка, въ которой находилась записка, написанная карандашемъ: «Сиръ Джонъ Франклинъ найденъ... съ пятнадцатью человѣками въ арктическихъ странахъ... который потерпѣлъ кораблекрушеніе... и два юнга... который подписанъ J и G.... Гг. видѣли его.... не досугъ».

ВОЗДУШНОЕ ПЛАВАНІЕ. Воздушное плаваніе сдѣлало шагъ впередъ, судя по опыту г. Гиаффара. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ путешествіи.

«24 го числа сентября, въ пять часовъ съ четвертью, я поднялся одинъ съ гипнодрома. Вѣтеръ былъ довольно силенъ; я, съ своей стороны, и не думалъ идти противъ него, сила шара не позволяла мнѣ этого; но я съ большимъ успѣхомъ производилъ кругообразныя движенія и уклоненія въ различныя стороны. Дѣйствія руля были очень ощутительны, и едва только я тихонько потянулъ за двѣ назначенныя для этихъ дѣйствій веревки, какъ тотчасъ замѣтилъ, что горизонтъ сталъ вертѣться около меня. Я достигъ до высоты 1,500 метровъ и могъ держаться горизонтально, при посредствѣ новаго аппарата, изобрѣтеннаго мною и который съ точностію немедленно показывалъ все вертикальныя движенія аэростата.

Между-тѣмъ приближалась ночь; я не могъ даже оставаться въ воздухѣ, боясь, чтобъ аппаратъ, съ особенною скоростію, вдругъ не сталъ бы опускаться на землю, и я началъ тушить огонь пескомъ, открылъ все клапаны, и газъ со всехъ сторонъ началъ вырываться съ ужаснымъ шумомъ. Я опасался въ это время, чтобъ газъ не произвелъ какого-либо электрическаго

явленія и въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ я былъ окруженъ густымъ облакомъ дыма, затмѣвавшего передъ мной все предмѣты.

Въ это время барометръ показывалъ 1,800 метровъ. Я началъ опускаться, и очень счастливо опустился въ общинѣ Еланкуртъ, близъ Траппа. Жители посѣщали мнѣ на помощь, и помогли выпустить остальной газъ изъ шара.

Въ 10 часовъ я былъ уже въ Парижѣ. Аппаратъ потерпѣлъ нѣсколько маловажныхъ поврежденій, которыя скоро будутъ поправлены, и я не замедлю повторить этотъ опытъ самъ, или довѣрю его умѣнью и смѣлости моихъ собратій.

ОСУШЕНІЕ ГАРЛЕМСКАГО ОЗЕРА открыло развалины городовъ и деревень, находившихся на этомъ мѣстѣ до 1539 года, когда, въ-слѣдствіе ужасной бури, море, разрушивъ все плотныя, залило нѣсколько сотъ квадратныхъ миль, и образовало это озеро. На одномъ мѣстѣ нашли груды человѣческихъ костей. По топографической картѣ, сохранившейся съ 1513 года, тутъ находился городъ Ньюекеркъ, внезапно поглощенный волнами со всемъ народонаселеніемъ.

ПОСТРОЙКА ЗДАНІЯ НА ЕЛИСЕЙСКИХЪ ПОЛЯХЪ, назначаемаго для выставки, будетъ кончена въ одинъ годъ. Внутренніе и внѣшніе планы уже готовы и утверждены; сообщаемъ ихъ описаніе.

Поверхность, то есть наружная часть зданія, вмѣстѣ съ переднимъ строеніемъ и галереями, будетъ заключать въ себѣ 45,000 метровъ. Съ виду оно будетъ походить на огромный параллелограмъ или, лучше сказать, на базилику, главный куполъ или середина которой будетъ имѣть 48 метровъ въ ширину, 190 въ длину и 30 въ ширину; около этого купола, надъ двумя ярусами, будетъ идти двойная галерея, шириною въ 28 метровъ.

Четыре фасада зданія съ передней стороны будутъ выложены камнемъ, и составятъ четыре входа, откуда четыре широкія лѣстницы поведутъ въ верхнія галереи; кромѣ этихъ входовъ, будутъ еще четыре внутреннія лѣстницы, расположенныя по четыремъ угламъ купольнаго зданія.

Переднее строеніе, т. е. монументальный фасадъ, будетъ находиться со стороны въѣзда въ Елисейскія-поля, и восемь каменныхъ фонтановъ, украшенныхъ лѣпною работою, будутъ красоваться передъ каждымъ входомъ. Судя по утвержденнымъ планамъ, около купола средняго зданія, на первомъ ярусѣ будетъ выпуклый балконъ (ensailie), украшенный богатыми орнаментами. Входъ на этотъ балконъ по внутреннимъ галереямъ чрезъ 128 желѣзныхъ аркадъ, соединенныхъ со сводами залы, и въ каждомъ углубленіи аркады будутъ помѣщены гер-

бы департаментовъ, атрибуты наукъ, искусствъ и промышленности.

ПАРИЖСКІЯ ПЕРЕСТРОЙКИ. На основаніи новыхъ предположеній о перестройкахъ въ Парижѣ, на площади Палерояля, на углу Шартрекой улицы, будетъ уничтожено одно изъ старѣйшихъ парижскихъ заведеній своего рода, известное подъ названіемъ «Кофейный домъ регентства.» Въ прошедшемъ столѣтіи посѣщали его: Маршалъ Ришелье, Вольтеръ, Дидро, Ж. Ж. Руссо, маршалъ де-Саксъ, Франклинъ, Мармонтель, Филлдоръ, Шанфоръ, Сень-Фуа, Луве, Бернарденъ де-Сень-Шьеръ, маркизь де-Биевръ, Буасси д'Англа, Франсуа де-Нёшато, Императоръ Іосифъ II, графъ Форбенъ и наконецъ Наполеонъ, до Италійской кампаніи и послѣ того. Въ послѣднее время въ этомъ кофейномъ домѣ сходились шахматные игроки и другіе посѣтители, неменѣе знаменитые, какъ и въ прошедшемъ столѣтіи.

БЕЗЧИСЛЕННЫЕ ПОЦѢЛУИ. Пребываніе фельдмаршала Радецкаго въ Клагенфуртѣ было, по словамъ бреславльской газеты, ознаменовано довольно забавнымъ случаемъ. Одна дама хотѣла поцѣловать ему руку, а онъ поцѣловалъ ее въ лобъ: вслѣдъ затѣмъ всѣ клагенфуртскія дамы потребовали того же знака благорасположенія, и фельдмаршалъ долженъ былъ перецѣловать ихъ всѣхъ.

СЛѢДСТВІЯ РАЗВОДА. Если вѣрить американской газетѣ, Lexington-Sentinel, разводы могутъ имѣть преоригинальныя послѣдствія, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа:

Въ настоящее время, въ Миссисипскомъ штатѣ, въ графствѣ Голмезъ, живетъ женщина, которая вышла за перваго мужа въ 1823 году, а спустя нѣсколько времени съ нимъ развелась. Послѣ перваго развода, она была за тремя мужьями, съ которыми тоже, проживши нѣсколько времени, развелась. Чтобы отпраздновать свое двадцати-пяти-лѣтнее замужество достойнымъ образомъ, она развелась съ четвертымъ мужемъ, въ 1848 году, присутствовала на похоронахъ втораго и вышла замужъ снова за перваго. Эту брачную церемонію совершалъ ея третій мужъ, слѣлавшійся насторомъ. Въ-продолженіе четырехъ лѣтъ она живетъ довольно спокойно съ своимъ мужемъ, и до-сихъ поръ еще недурна.

НЕКРОЛОГЪ

Въ Journal de Louviers пишутъ, что въ Кантенакѣ, близъ Бордо, умерла женщина, по прозвищу Дувіонъ, которой было отъ роду сто-двадцать лѣтъ. Она родилась на островѣ Гваделупѣ въ 1732, и овдовѣла въ 1805 году. Вышедъ еще разъ замужъ, она опять овдовѣла; достигнувъ ста лѣтъ, отдала она все имѣніе въ пожизненные проценты. Купившіе это имѣніе, думали, что сдѣлали невыгодную спекуляцію, но платили проценты двадцать лѣтъ.

— 16-го іюля умерла въ Крѣзо Жанна Годильфъ, родившаяся въ 1748 году, слѣдственно, жившая сто четыре года и нѣсколько мѣсяцевъ. Она до послѣдней минуты сохранила всѣ умственные свои способности.

— Скончался, на 81-мъ году, англійскій генералъ Гастингсъ-Фрезеръ, служившій съ отличіемъ въ войнахъ съ Французами.

— Въ Англии умеръ знаменитый архитекторъ Пюженъ, отъ апоплексическаго удара. Ему обязаны возстановленіемъ въ Англии изящнаго вкуса въ готическомъ стилѣ, который развился тамъ сильно въ послѣдніе годы.

— Въ Сальфордѣ (Манчестерѣ) умеръ сто семи-лѣтній солдатъ Джемсъ О'Ниль; онъ родился 2-го марта 1745 года, вступилъ въ армію въ 1774, служилъ 38 лѣтъ, и вышелъ въ отставку въ 1812 г.

— Изъ Вѣны въ Indépendance Belge пишутъ отъ 15-го октября, что графъ Маврикіи Дитрихштейнъ, бывшій австрійскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, скончался того числа.

— Профессоръ Явъ, основатель гимнастическихъ обществъ и депутатъ бывшаго Франкфуртскаго Сейма, умеръ на дняхъ на 75-мъ году отъ роду.

— Аббатъ Винцентъ Джоберти, игравшій важную роль въ 1848 году въ дѣлахъ Италіи, умеръ въ Парижѣ, отъ апоплексическаго удара, на 46 мѣ году. Онъ былъ президентомъ сената и министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Сардинскаго Короля Карла-Алберта, а послѣ сраженія при Новаррѣ (20-го марта 1849 года) посланъ былъ полномочнымъ министромъ въ Парижъ.

— Нѣмецкая колонія «Каролина», основанная въ 1767—1769 г. дономъ Пабло Олавидесомъ, въ царствованіе Карла III, въ горахъ Сьеры Морены, лишилась старѣйшины изъ своихъ колонистовъ. Павелъ Ферминихъ умеръ 20-го сентября, на сто-двадцать-второмъ году отъ роду. Онъ родился въ 1731 году, въ Аарской Долинѣ въ Швейцаріи, а въ 1771 поселился въ Ка-

ролинѣ со всеѣмъ своимъ семействомъ. Опъ пережилъ всеѣхъ своихъ дѣтей. Внуковъ его, правнуковъ и потомкомъ теперь 82 человека, изъ которыхъ восемнадцать сохранили его фамилію. Опъ былъ избираемъ въ алькады Каролины двадцать-два раза, и встрѣчалъ въ этомъ званіи трехъ испанскихъ королей. За шестнадцать лѣтъ предъ симъ онъ оглохъ; въ послѣдніи тридцать лѣтъ питался только плодами, хлѣбомъ, медомъ, молокомъ и водою.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЯТЬ ДНЕЙ

ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДКѢ.

РАЗСКАЗЪ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА. •

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

НА ДЯ.

Какими судьбами попалъ я въ уѣздный городъ Кадновъ, не стану я здѣсь описывать. Это было бы и слишкомъ длинно, и слишкомъ скучно; мнѣ пришлось бы говорить о тяжбѣ, о купчей, о закладной, о довѣренности, о сосѣдяхъ, о прикащикахъ, о межеваньи... Богъ знаетъ о чемъ!.. однимъ словомъ, я заснулъ бы надъ моей тетрадью, а вы заснули бы надъ вашей книгой, любезный читатель, съ полнымъ убѣжденіемъ, что я заразился

* Писанный молоденькою женскою рукою. *Ред.*

скукой въ уѣздномъ городѣ и пріобрѣлъ тамъ даръ сообщать ее и другимъ.

Скажу вамъ только, что я петербургскій житель, ношу отлично-шитый фракъ, обворожительный жилетъ, что я абонировался на италіанскую оперу, держу на конюшнѣ пару сѣрыхъ, влюбленъ безъ ума во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, очень бѣгло говорю по-французски и по-англійски, что меня часто заставляютъ пѣть въ обществѣ, (хотя, между нами будь сказано, у меня нѣтъ голоса; но здѣсь помогаетъ мнѣ выразительность моихъ жестовъ и взглядовъ!).. Состояніе у меня хорошее, долговъ не мало, аппетитъ превосходный, сердце доброе, умъ—такъ себѣ! языкъ болтливый, а наружность до того привлекательная, что на меня устремляются всѣ женскіе глазки, когда я вхожу въ общество, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ кажется!..

Вздумалось мнѣ однажды провести лѣто въ моемъ имѣньи; прожилъ я тамъ съ небольшимъ мѣсяцъ, соскучился и собрался въ обратный путь въ Петербургъ, какъ вдругъ, непримѣнимыя дѣла потребовали моего присутствія въ уѣздномъ городѣ Кадновѣ, какъ я имѣлъ уже честь доложить вамъ, мой благосклонный читатель.

Я подосадовалъ, поворчалъ, проиѣлъ въ отчаны французскій романсъ отмѣнно фальшиво и непріятно, велѣлъ запрячь лошадей въ маленькую коляску, и отправился въ городъ, проклиная свои дѣла, свою поѣздку. Деревня, въ которой я такъ безсовѣстно скучалъ, показалась мнѣ счастливымъ убѣжищемъ когда я сравнилъ ее съ невымощенными улицами нашего уѣзднаго города.

Домъ мой представился теперь моему воображенію феодальнымъ замкомъ, старинный, угрюмый садъ—

Пріютъ залучивыхъ дріадъ,

съ его темными прудами, тѣнистыми аллеями, прадѣдовскими деревьями, казался мнѣ идеаломъ дикой красоты и поэзіи, и я не понималъ, отчего мнѣ ни разу не приходило въ

голову помечтать въ этихъ тѣнистыхъ рощахъ, въ поздній часъ ночи, когда роса ложится на землю, когда летучія мыши мелькаютъ, какъ призраки, вокругъ крыши старой бесѣдки, когда все умолкаетъ въ природѣ... все, кромѣ вѣчно-шумящей осины, сливающей шелестъ своихъ листьевъ съ едва-внятнымъ голосомъ кузнечика... Право, я чуть было не принялся жалѣть о томъ, что ни разу не мечталъ при лунномъ свѣтѣ, не сочинялъ стиховъ, не ласкалъ овечекъ и не влюблялся въ пастушекъ... такъ сильно было дѣйствіе, произведенное на меня этими словами: «уѣздный городъ!»

Да знаете ли вы, читатель, что выражается этими двумя словами? Знаете ли вы, что такое маленькій городъ, лежащій не при большой дорогѣ, а въ глуши!... Представьте себѣ горсть деревянныхъ домовъ, нѣсколько каменныхъ однообразныхъ строеній, занимаемыхъ присутственными мѣстами, высокіе заборы, маленькіе садики, такія же лавки, и все это, погруженное въ невыносимую скуку если не для тамошнихъ жителей, то, по-крайней-мѣрѣ для человѣка привыкшаго къ столичной жизни, какъ напримѣръ я. Представьте себѣ молодаго человѣка, привыкшаго курить га-ванскія сигары, аплодировать сладкому пѣнію Марію, восхищаться тонкимъ кокетствомъ свѣтскихъ женщинъ и предаваться съ веселою безпечностью очарованію свѣтской жизни, этому упоительному вихрю, который не успѣлъ еще утомить его юношескихъ силъ!.. представьте себѣ его въ низенькой комнатѣ, стѣны которой покрыты бѣлою штукатуркою и украшены грубыми изображеніями Матильды и Малекъ-Аделя и ужасными гравюрами, всякаго содержанія!...

На окнѣ стояли горшки герани и бальзамина, но я выбросилъ ихъ за окно, какъ только вошелъ въ комнату, и заплатилъ за нихъ хозяйкѣ, сперва огорченной этимъ дерзкимъ поступкомъ, а потомъ утѣшенной моею щедростью!..

Боже упаси васъ сидѣть когда-либо на диванѣ, подобномъ

тому, на который пришлось мнѣ влѣзть, когда я захотѣлъ отдохнуть отъ безчисленныхъ толчковъ, перенесенныхъ въ дорогѣ.

Ужасно, истинно ужасно было мое положеніе, когда, возвратившись домой, послѣ часоваго утомительнаго разговора о дѣлахъ, я остался одинъ въ этой комнатѣ. Послѣ скуднаго обѣда, хотѣлъ я было прогуляться; но при одной мысли о праздныхъ взглядахъ любопытныхъ жителей мнѣ становилось невыносимо грустно; я рѣшился остаться дома и употребить послѣднее средство къ спасенію утопающаго въ скукѣ, т. е. курить трубку и пить чай... Такъ прошелъ часъ; мнѣ становилось все скучнѣе, и я увѣрилъ себя, что мнѣ не худо бы выспаться. Не успѣлъ я предложить себѣ этого пріятнаго развлеченія, какъ *сонъ уже сомкнулъ мои утомленныя вѣжды*; но увы! это удовольствіе было кратковременно!.. Заснувъ на варварскомъ, узенькомъ диванѣ, обитомъ скользкой клеенкой, я скоро очутился на полу, въ-слѣдствіе чего ушибъ себѣ ногу, проклялъ неуклюжіе диваны и переселился къ окну. — Долго смотрѣлъ я въ окно, и становился все злѣе и сердитѣе. Лица прохожихъ были сонныя, безжизненныя; строенія носили на себѣ тяжелый отпечатокъ скуки...

Я раскрылъ новый романъ Дюма, но увы! читать было мнѣ невозможно!... Скукой вѣяло на меня отъ бѣлыхъ стѣнъ, отъ уродливыхъ гравюръ, отъ оконъ, отъ потолка, отъ книги, отъ всего, что меня окружало; я схватилъ съ отчаяньемъ свою шляпу, взялъ трость, надѣлъ галоши, и бросился со всѣхъ ногъ изъ дому; въ сѣняхъ столкнулся съ запыхавшеюся хозяйкою, на крыльцѣ сшибъ съ ногъ полдюжину мальчишекъ въ долгополыхъ сюртукахъ, съ остриженными въ кружокъ волосами, и очутился наконецъ посреди улицы. Я вздохнулъ и пошелъ *куда глаза глядятъ*.

Пройдя нѣсколько улицъ, я увидѣлъ предъ собой площадку, заросшую травой, посреди площади каменную церковь и бездну дѣтей, рѣзвящихся на лугу. Дѣти, какъ

птички, ищутъ простора и зелени, чтобъ предаться веселью и играмъ. Гдѣ бы вы ни находились, въ столицѣ ли, въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, вездѣ вы увидите на площадкахъ, заросшихъ скудною, тощею травою, толпу дѣтей съ нянюшками и безъ нянюшекъ. — Такъ и здѣсь, все малолѣтнее населеніе городка высыпало на лугъ, окружающій каменную, старинную церковь, и предавалось на немъ дѣтскимъ забавамъ. Я вздохнулъ свободнѣе; здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, проявлялась жизнь, здѣсь было шумно, весело, и я забылъ мою несносную комнату, забылъ уродливыя гравюры, забылъ герань и бальзамины, выброшенные за окно, забылъ романъ Дюма и запыхавшуюся хозяйку, и какія-то смутныя, неясныя воспоминанія дѣтства представились душѣ моей... Я вспомнилъ какой-то лугъ, какихъ-то дѣтей, какія-то игры, вспомнилъ кротко-улыбающееся лицо моей матери, вспомнилъ еще многое, и усѣвшись на ступеньки церкви, не сводилъ глазъ съ шумной толпы играющихъ дѣтей...

Вотъ, любезный читатель, до чего можетъ дойти свѣтскій молодой человѣкъ, обладающій привлекательною наружностью и восхитительнымъ талантомъ пѣть безъ голоса, когда случай, заброситъ его въ уѣздный городокъ!...

Большая часть дѣтей были бѣдно, некрасиво одѣты, наружность ихъ была искажена странностію одежды, въ которой такъ и отзывалось варварское безвкусіе древняго времени. Длинные, узенькія платья стѣсняли движенія бѣдныхъ дѣвочекъ, волосы ихъ скрывались подъ черной сѣткой, или закалывались на макушкѣ безобразной роговой гребенкой, вокругъ шеи вились жгутомъ шелковые полинялые платочки, и мнѣ такъ и хотѣлось поймать одну изъ черноглазыхъ рѣзвухъ, сорвать съ нее черную сѣтку, или роговую гребенку, опустить ее косы на загорѣлую шейку, надѣть на нее коротенькое, свѣтлинское платьице, и потомъ дать ей свободу, чтобъ полюбоваться ея играми на зеленомъ

лугу, чтобъ прислушаться къ ея звонкому голосу, сливающемуся съ громкимъ смѣхомъ шалуновъ-товарищей!...

Вдругъ взоръ мой, удивленный, очарованный остановился на дѣвчкѣ, подбѣжавшей ко мнѣ, когда она гналась за обручемъ... Никогда не забуду я этого милаго, прелестнаго созданія, также мало походившаго на дѣтей уѣздныхъ жителей, какъ и на разряженныхъ куколъ, которыхъ водятъ по Невскому, въ бархатѣ и перьяхъ.

Вообразите себѣ цвѣтущую, рѣзвую, граціозную дѣвочку, съ большими черными глазами, съ пунцовыми, немногозагорѣлыми щечками, съ черными, длинными косами, съ очаровательной улыбкой дѣтской безпечности!

Ей казалось лѣтъ семь. Розовое кембриковое платье опускалось немного ниже колѣнъ, вышитые панталончики падали на узенькую, мило-обутую ножку, бѣлая пелеринка покрывала ея полныя плечики, круглая соломенная шляпка защищала отъ солнца черноволосую, граціозную головку моей красотки. И такъ много жизни, веселости, доброты отражалось въ ея большихъ глазахъ!... и такъ непринужденны были ея движенія, полныя дѣтской граціи!...

Обручъ ея упалъ возлѣ меня, я тотчасъ же поднялъ, и отдавая его прелестной дѣвчкѣ, взялъ ласково ея ручку.

Сначала она немного смутилась, потомъ присѣла, поблагодарила за услугу и хотѣла было снова бѣжать. Я удержалъ ее, и сказалъ, улыбаясь, показывая на ступени церкви, что она устала и что не худо-бы ей было отдохнуть въ тѣни.

Она сѣла возлѣ меня, не выпуская своей руки, но потомъ сказала мнѣ съ безпокойствомъ, что мать будетъ искать ее.

— А гдѣ ваша маменька?—спросилъ я.

— Вотъ она идетъ сюда съ Володей, сказала радостно моя маленькая собесѣдница, и бросилась навстрѣчу къ матери, повѣся обручъ на свою ручку.

Тогда увидѣлъ я молодую женщину, стройную, съ гибкой тальей, съ плавной поступью, просто, но чисто, даже изящ-

но-одѣтую; съ двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ, заснувшимъ на ея рукахъ. Во-всей особѣ ея разлита была нѣжная, привлекательная грація, улыбка была полна кротости, и дивное спокойствіе выражалось въ глазахъ....

— Пора намъ домой, сказала она ласково своей дочери: папа ждетъ насъ и Володя ужъ заснулъ.

Дѣвочка подошла ко мнѣ, сказала, что уходитъ домой, и на прощанье подставила мнѣ свою хорошенькую щечку, которую я тотчасъ же поцѣловалъ.

Я спросилъ какъ ее зовутъ.

— *Надей!* отвѣчала она, присѣдая.

— А папашу?

— Папашу зовутъ Семеномъ Захаровичемъ.

— Какъ? сказалъ я съ удивленіемъ,—неужели?... я знаю вашего батюшку, я говорилъ съ нимъ сегодня....

— Такъ это про васъ рассказывалъ намъ сегодня папа?... не можетъ-быть!

— Отчего не можетъ-быть?

— Онъ говорилъ, что видѣлъ такого сердитаго господина, а вы такой добрый и ласковый! И дѣвочка обвила мою шею своими ручонками, увѣряя меня въ своей любви.

Мать подозвала еѣ, мы обмѣнялись издали поклонами, и мои новыя знакомыя пошли домой. Надя обернулась еще разъ ко мнѣ, сдѣлала мнѣ прощальный знакъ рукой, и скоро исчезла изъ моихъ глазъ.

Я также пошелъ домой,—но долго рисовалось въ моемъ воображеніи дѣтская, южная головка, и кроткое лицо молодой женщины, и спящій младенецъ въ объятіяхъ матери!...

Я никакъ не могъ вѣрить, что эта женщина—жена скучнаго Семена Захаровича, что прелестная Надя—его дочь.—

Семень Захаровичъ! Семень Захаровичъ! который къ каж-

дому слову прибавляетъ съ, называетъ меня: вашимъ высокоблагородіемъ, увѣряетъ, что въ уѣздномъ городѣ люди живутъ припѣваючи!... о этотъ несносный Семень Захаровичъ долго терзалъ мое воображеніе.

«Ужасный человекъ! думалъ я, хорошо тебѣ восхвалять прелесть твоего жилища!... Тутъ я задумался о прелестной женщинѣ, и ко мнѣ налетѣло много-много думъ. Мое воображеніе представляло мнѣ ее и въ столичномъ обществѣ и въ скромной жизни маленькаго городка, но тамъ и здѣсь она мнѣ являлась въ разныхъ образахъ; я сталъ ихъ сравнивать, и опять много мыслей зашевелилось въ моей головѣ, Я желалъ, чтобъ и Семень Захаровичъ такъ же много заботился о судьбѣ той прекрасной женщины, какъ заботился я въ своихъ думахъ, но.... (онъ можетъ-быть заботился и болѣе, а я не зналъ этого и такая мысль не приходила меня умѣшить). Не могу выразить всего, что я тогда думалъ, а эти слова мои чувствую, слаба выражаютъ тѣ чувства и думы. А что будетъ съ моей черноглазой, чернбровой красоткой, съ моей миловидной Надей? куда она дѣнетъ избытокъ жизни, избытокъ чувствъ своей богато-одаренной природы? озаритъ ли лучъ поэзіи ея молодое существованіе?... кто полюбуется ея красотой, ея чорными глазами, и кто поцѣлуетъ эти чудные глазки съ упоеніемъ любви, когда разгорится въ нихъ огонь юности?»

Вотъ о чемъ я думалъ, любезный читатель, возвращаясь домой и входя въ мою комнату, въ которой ожидали меня Малекъ-Адель съ Матильдой, скользкій диванъ и романъ Дюма.—

Я рѣшилъ, что мнѣ необходимо побывать у Семена Захаровича, что на другой же день я отправлюсь къ нему поговорить о дѣлахъ и.... и познакомиться съ его семействомъ.

—Когда я заснулъ, мнѣ представилась во снѣ улыбающаяся Надя, съ обручемъ на кругленькой ручкѣ, и ласковый го-

лось ея манилъ меня на зеленый лугъ, окружающій старинную церковь уѣзднаго городка, облитую лучами заходящаго солнца!...

.....
.....

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

СЕМЕНЬ ЗАХАРОВИЧЪ.

Вообразите себѣ удивленіе молодаго человека, привыкшаго просыпаться въ 12-мъ часу, среди тишины уютной спальни, въ которую свѣтъ Божій едва-едва пробирается сквозь спущенныя занавѣси,—вообразите себѣ его удивленіе, когда онъ проснулся въ уѣздномъ городѣ, въ седьмомъ часу утра, всталъ съ постели и началъ разсматривать окружающіе его предметы....

Сквозь незавѣшенное окно стремились въ комнату золотые лучи солнца, играли на бѣлой штукатуркѣ ея стѣны и освѣщали невыкрашенный полъ, на которой низенькія окна отбрасывали тѣни своихъ рамокъ....

Рой мухъ жужжалъ вокругъ моей постели; кошка грѣлась на солнцѣ, поселившись на подоконникѣ; на улицѣ ворчали собаки, косясь на прохожихъ; пѣтухъ пѣлъ, прохаживаясь важно около деревяннаго забора; телѣга скрипѣла, проѣзжая мимо нашего дома, и въ сосѣдней комнатѣ вели въ полъ-голоса бесѣду, подъ пріятный шумокъ кипящаго самовара.

Я надѣялся, что дѣла мои не задержатъ меня долго въ уѣздномъ городѣ, что не позже какъ на другой день от-

правляюсь я обратно въ свою усадьбу, а чрезъ недѣлю полечу въ Петербургъ, въ шумный, блестящій, упоительный, роскошный Петербургъ!...

О еслибъ мнѣ сказали тогда, что я пробуду еще четыре дня въ своемъ заточеніи, я бросилъ бы все дѣла, и хотъ пѣшкомъ убѣжалъ бы изъ скучнаго мѣста, гдѣ солнце, мухи, собаки, кошка и телѣга заставили меня встать въ семь часовъ утра!...

Въ десять часовъ пришли мнѣ доложить, что Семенъ Захаровичъ проситъ позволенія войти ко мнѣ. Я поспѣшилъ къ нему навстрѣчу, усадилъ его на диванъ, предложилъ ему трубку и стаканъ чаю, и пока почтенный Семенъ Захаровичъ, удивленный моею необыкновенною любезностью, началъ протяжнымъ голосомъ говорить со мной о дѣлахъ, я разсматривалъ его съ любопытствомъ, желая отыскать въ его лицѣ, въ его манерахъ, хотъ что-нибудь, напоминающее мнѣ, что онъ мужъ молодой и образованной женщины. Но нѣтъ!... хотъ Семенъ Захаровичъ былъ человекъ очень неглупый, я рѣшительно не нашелъ въ немъ ничего привлекательнаго. Правда, глаза его были такіе же черные и большіе, какъ огненные глаза моей Нади, но они какъ-то сжимались, моргали, щурились, когда онъ говорилъ. Черные, густые волосы падали на низенькій и плоскій лобъ, и добродушная улыбка мелькала поминутно на его губахъ... Спрашиваю васъ, мои читательницы, могъ ли онъ поправиться хотъ одной женщиной въ мірѣ!...

— Я надѣюсь, Семенъ Захаровичъ, сказалъ я: получить сегодня же мои бумаги, а завтра отправиться домой....

Семенъ Захаровичъ покачалъ головой въ знакъ сомнѣнія, пощурился, и возразилъ, что за это никакъ нельзя ручаться.

— Если такъ, то я махну рукой и брошу все дѣла. Здѣсь я рѣшительно умру съ тоски!

Семенъ Захаровичъ улыбнулся.

— Я въ жизни своей не скучалъ такъ ужасно, какъ въ вашемъ городишкѣ!

Онъ опять улыбнулся.

Рѣшительно, мой собесѣдникъ становился нестерпимъ...

— Вамъ всеѣмъ другое дѣло, прибавилъ я, глядя на него пристально: вамъ здѣсь разумѣется нескучно, — во-первыхъ, привычка, во-вторыхъ—семейство.

На этотъ разъ Семенъ Захаровичъ не улыбнулся, но сквозь темный загаръ его щекъ пробился яркій румянецъ.

—Я вчера восхищался вашей малюткой; что за прелестный ребенокъ!...

— Бойкая дѣвочка, сказалъ наконецъ Семенъ Захаровичъ, нисколько не удивленный моими словами.

— Воображаю, какъ она васъ утѣшаетъ, какъ вы ею гордитесь!

— Благодаря Бога, здоровый, веселый ребенокъ! замѣлилъ, опять улыбаясь, Семенъ Захаровичъ съ такимъ хладнокровіемъ, которое оскорбило меня до глубины души.

Онъ помолчалъ, и какъ-будто не рѣшаясь сдѣлать мнѣ вопроса, посмотрѣлъ сперва на меня, потомъ на полъ, опять на меня, и сказалъ наконецъ, запинаясь.

— А Володю вы не изволили видѣть?

— Къ сожалѣнію, онъ спалъ, и я не могъ его разсмотрѣть.

— Вотъ ребенокъ-то!... проговорилъ, краснѣя, мой собесѣдникъ, и въ глазахъ его отразилось чувство родительской любви и гордости....

— Какъ уменъ и весь.... весь въ мать, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ, въ которомъ звучала невыразимая нѣжность.

Не знаю отчего, но меня тронули эти слова, сказанныя робко, нерѣшительно, тронула эта любовь, съ которой онъ упоминалъ о женѣ и сынѣ.

Только мнѣ было досадно, очень досадно за Надю....

— Я вижу, Семенъ Захаровичъ, сказалъ я, улыбаясь, что Володя вашъ любимецъ....

— Да нельзя-съ, никакъ нельзя-съ, отвѣчалъ онъ, немного смущенный. Во-первыхъ, сынъ, сынъ, какъ ни говори,—все сынъ!... во-вторыхъ, мнѣ его жаль, онъ такой слабенькій, часто хвораеть, да притомъ онъ весь въ мать!... Вотъ Надя такъ больше на меня похожа!

— Не нахожу, сурово сказалъ я....

— Надя здоровенькая, рѣзвая дѣвочка... Богъ съ ней!.. а Володя такой худенькій, невеселый.... и въ глазахъ Семена Захаровича навернулась слеза.

— Вы давно женаты? спросилъ я послѣ минуты нерѣшимости, чувствуя вполнѣ неумѣстность подобнаго разспрашиванія.

— Девятый годъ, отвѣчалъ онъ; потомъ прибавилъ задумчиво: да-съ судьба, истинно судьба!...

Я, разумѣется, не понялъ скрытаго смысла этихъ таинственныхъ словъ, но машинально повторилъ за Семеномъ Захаровичемъ: «именно судьба» Онъ поглядѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, однако взялъ шляпу и началъ со мною прощаться. — Я протянулъ ему руку, и сказалъ, что непременно зайду къ нему вечеромъ.

— Милости просимъ, милости просимъ, сказалъ онъ, обрадованный моими словами и улыбаясь мнѣ съ своею постоянною привѣтливостью.

— Да куда вы спѣшите, Семенъ Захаровичъ, посидите еще немного....

Я сталъ дорожить обществомъ Семена Захаровича, дорожить его бесѣдой, хотя, она и была приправлена улыбками и морганьемъ!... сталъ находить въ ней развлеченіе, даже.... нѣкоторое удовольствіе!

Семенъ Захаровичъ поблагодарилъ за приглашеніе, усѣлся на прежнее мѣсто, и принялся снова за трубку и за чай....

Мы заговорили о моихъ сосѣдяхъ, которыхъ онъ зналъ

и о которыхъ я не имѣлъ понятія, объ ихъ усадьбахъ дѣлахъ и тому подобныхъ интересныхъ вещахъ.

— Въ моемъ сосѣдствѣ находится прекрасная усадьба: *Прибрежное*, замѣтилъ я.

— Да-съ! она мнѣ очень, очень знакома сказалъ мой собесѣдникъ съ необыкновеннымъ выраженіемъ и съ легкимъ вздохомъ. Десять лѣтъ тому назадъ принадлежала она моему покойному тестю.

— Какъ! можетъ ли быть?

— Тамъ я и познакомился съ Натальей Николаевной.... съ моей женой.—Кто бы тогда подумалъ, что богатая петербургская барышня выдетъ за....

— Да какъ же это случилось?

— Да такъ-съ, судьба, истинно судьба!...

— А давно ли купилъ *Прибрежное* теперешній владѣлецъ?...

— Да лѣтъ девять будетъ. Славная, богатая была усадьба, и весело въ ней жилали въ старое время!... Что станешь дѣлать!... видно такъ угодно было Богу?... Сказавъ это, мой собесѣдникъ перемѣнилъ разговоръ, и какъ я ни старался навести его на прежній, онъ ловко уклонялся отъ моихъ вопросовъ, и ушелъ домой, не удовлетворивъ моего любопытства, возбужденнаго его семейнымъ романомъ....

Мнѣ хотѣлось узнать, что побудило жену Семена Захаровича выдти за него замужъ и что вынесла молодая душа ея, когда началась для нея борьба съ дѣйствительностью.

Въ седьмомъ часу вечера отправился я къ своимъ новымъ знакомымъ.... Да, любезный читатель, вообразите себѣ, что въ провинціи вечеръ начинается не ночью, а ровно четыремя часами раньше нашего!... Странное явленіе природы!..

Домикъ Семена Захаровича отдѣлялся отъ улицы маленькимъ садомъ въ которомъ и встрѣтилъ меня хозяинъ съ безчисленными привѣтствіями и улыбками. «Представьте себѣ,—сказалъ онъ—Надя сегодня выпросилась на большой

лугъ, увѣряя, что здѣсь ей тѣсно, но когда мы ей сказали, что вы придите къ намъ, она такъ этому обрадовалась, что сама не захотѣла идти изъ дому», и вѣроятно желая поострить, хозяинъ прибавилъ, смѣясь добродушно и мигая глазами: «скажите, какъ рано начала заниматься мужчинами».

Въ эту минуту появилась она сама, моя милостивая, рѣзвая красотка. Черноволосая головка ея была еще привлекательнѣе безъ шляпки, а веселые глаза, полные жизни, устремлялись на меня еще съ бѣльшей лаской, чѣмъ наканунѣ.... Она усѣлась на мои колѣна, радуясь, что кончила свой урокъ, и призналась мнѣ откровенно, что гораздо больше любитъ играть, чѣмъ учиться, особенно лѣтомъ.... Лѣтомъ такъ душно въ комнатѣ, такъ хочется выбѣжать на воздухъ, погрѣться на солнцѣ, побѣгать на травкѣ, поиграть на просторѣ!...

Мы вошли въ комнату, служащую семейству Семена Захаровича столовой и пріемной. Видъ ея немного развеселилъ меня; въ ея устройствѣ не было роскоши, но проявлялся образованный, даже изящный вкусъ. Насъ встрѣтила хозяйка, и привѣтствовала меня улыбкой. Удивительно какъ много можетъ высказать женская улыбка!...

— Мы съ вами уже знакомы, я вамъ благодарна за то, что вы полюбили мою Надю, угадали въ ней душу свѣтлую и прекрасную, размышляете о ея будущности, радуетесь, о боитесь за нее.... за то, что судьба наша занимаетъ васъ!...» Все это и еще многое, многое, прочиталъ я въ улыбкѣ моей новой знакомой. Я предупредилъ васъ, читатель, что у меня очень пылкое воображеніе....

Маленькій Володя игралъ смиренно на коврѣ, разставлявая на немъ свои игрушки. Ребенокъ этотъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ похожъ на мать, но его худенькое личико, голубые, кроткіе глаза и блѣдныя щеки не имѣли и половины привлекательности одушевленнаго личика Нади, напоминающаго тѣ чудныя, итальянскія головки, которыя мы любимъ пред-

ставлять себѣ подъ южнымъ, сіяющимъ небомъ, освѣщенными горячими лучами полуденнаго солнца, озаренными очарованіемъ красоты и поэзіи....

Хозяйка разливала чай. Мы скоро съ ней познакомились, и разговорившись, я удостовѣрился въ истинѣ моего предположенія, что Наталья Николаевна принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыя соединяютъ съ привлекательною наружностью благородный и образованный умъ. Рѣчь ея была проста, но сердечна, любезна безъ приторности, и въ ея головѣ, во всей ея особѣ было столько непритворной кротости, спокойствія и доброты, что она казалась мнѣ особеннымъ существомъ!...

Нѣсколько разъ во-время разговора обращалась она къ мужу и тогда глаза ея выражали дружескую искренность; такъ что Семень Захаровичъ, казалось мнѣ, преобразался и хорошѣлъ подъ этимъ кроткимъ взглядомъ.

«Да неужели она въ-самомъ-дѣлѣ любитъ его!» спрашивалъ я себя поминутно, разсматривая Семена Захаровича. Вообразите! онъ не краснѣлъ и не смущался отъ удивленія, когда она обращалась съ нимъ съ такою ласковою простотою!... Вообразите! онъ, казалось, такъ привыкъ къ этому обращенію, что находилъ его совершенно естественнымъ и обыкновеннымъ!...

Все шло благополучно.... мнѣ было пріятно, даже весело.... я забылъ уже, что я въ уѣздномъ городѣ.... но увы!... очарованіе вдругъ разрушилось!... Нѣсколько постороннихъ лицъ явилось къ Семену Захаровичу, вѣроятно съ цѣлью доказать мнѣ свое любопытство, возбужденное такимъ необыкновеннымъ событіемъ, какъ мое пребываніе въ ихъ городѣ.

Хозяева принимали радушно гостей своихъ; но смотря на Наталью Николаевну, окруженную скучными барынями, (по-крайней-мѣрѣ, онѣ мнѣ казались такими), я думалъ, что

вижу предъ собой кроткую голубку, окруженную коршунами.

Наталья Николаевна съ женской прозорливостью отгадала мою мысль, и улучивъ свободную, минуту, сказала мнѣ своимъ кроткимъ голосомъ: «будьте снисходительнѣе къ нашимъ гостямъ, не судите о нихъ по виѣшностямъ.... между-ними много хорошихъ, истинно добрыхъ людей...»

Я посмотрѣлъ тогда на этихъ хорошихъ и добрыхъ людей, какъ ихъ называла Наталья Николаевна, съ мѣньшимъ предубѣжденіемъ, стараясь себя увѣрить, что они въ-самомъ-дѣлѣ очень хороши и очень добры, и можетъ-быть, мнѣ удалось бы исполнить такое похвальное намѣреніе, еслибъ они не глядѣли на меня какъ на какое-то любопытное, диковинное чучело....

Къ моему немалому удовольствію, почтенное общество усѣлось скоро за карты. Одну партію составили три мужчины и одна дама, другую три дамы и одинъ мужчина. Въ первой одна барыня болтала за всѣхъ своихъ кавалеровъ; въ другой кавалеръ молчалъ за всѣхъ трехъ дамъ. Впрочемъ мужской полъ позволялъ себѣ также изрѣдко очень остроумныя шуточки, составляющія обыкновенную принадлежность карточной игры въ провинціи.

Такъ-какъ я отказался отъ картъ, Семень Захаровичъ поставилъ себѣ долгомъ занимать меня. Я охотно избавилъ бы его отъ этой излишней учтивости, но дѣлать было нечего!.. Мы закурили сигары, и усѣлись возлѣ отвореннаго окна.

Наталья Николаевна пошла укладывать дѣтей. Мужъ ея ласково поцѣловалъ Надю на прощанье, но когда дѣло дошло до Володи, онъ взялъ его на руки, смотрѣлъ долго, съ невыразимымъ безпокойствомъ, на блѣдное, худенькое личико ребенка, погладилъ его по головѣ, поцѣловалъ, перекрестилъ своего младенца, и наконецъ отдалъ его матери, продолжая смотрѣть на него, пока за нимъ не затворилась дверь....

А между-тѣмъ я не выпускалъ изъ рукъ мою рѣзвую Надю, которая терпѣливо переносила мои поцѣлуи и мои ласки; Наталья Николаевна взглянула на меня мимоходомъ съ полу-грустною улыбкою, какъ бы благодаря меня за мою любовь къ Надѣ.

Мы остались вдвоемъ съ Семеномъ Захаровичемъ. Онъ былъ охотникъ говорить, и бесѣда наша не умолкала ни на минуту. Онъ рассказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ, о всѣхъ непріятностяхъ, перенесенныхъ имъ въ жизни, о томъ, какъ часто приходилось ему бороться съ нуждою, съ интригами, притѣсненіями, какъ онъ былъ вознагражденъ за нихъ, получивъ, послѣ дяди своей матери, небольшое наследство, которое обезпечило его благосостояніе.

Я не могъ не признаться, что мой почтенный собесѣдникъ говорилъ умно, основательно, хотя нещеголевато. Вообще я уже другими глазами смотрѣлъ на Семена Захаровича; я угадывалъ въ немъ душу честную, благородную и природный умъ, скрывающійся подъ грубою оболочкою закоренѣлаго провинціала. Въ его неизысканной рѣчи проявлялась иногда, какая-то трогательная нѣжность чувствъ, неуѣмная высказываться краснорѣчиво, но исполненная истины и простоты; благодаря ей, я почти помирился съ странными манерами, съ постояннымъ морганьемъ, съ безчисленными улыбками Семена Захаровича.

Такъ прошелъ для меня второй вечеръ моего заключенія въ уѣздномъ городѣ. Меня пригласили на другой день къ обѣду. Прощаясь съ хозяевами, я почти радовался, что дѣла мои задержали меня въ ихъ кругу, что я еще разъ увижусь съ ними!... Но я неполнѣ сознавался въ этомъ чувствѣ; только выходя изъ гостепріимнаго домика Семена Захаровича, я былъ какъ-то необыкновенно настроенъ. — Я чувствовалъ непреодолимое желаніе глубже вникнуть въ домашній бытъ моихъ новыхъ знакомыхъ. Они были близ-

ки моему сердцу. Я любилъ ихъ, страдалъ и радовался за нихъ, принималъ въ нихъ живое, искренне участіе.

Поравнявшись съ площадью, гдѣ наканунѣ встрѣтилъ маленькую Надю, я остановился. Предъ глазами моими возвышались бѣлыя стѣны церкви, ярко освѣщенные луннымъ свѣтомъ.... Я невольно снялъ шляпу и мысленно прочиталъ тихую, сердечную молитву....

Воображаю, какъ часто устремляла, на эту же церковь, кроткій взоръ свой молодая женщина, стараясь подкрѣпить себя въ трудномъ подвигѣ смиренія и покорности и чувствуя неодолимую потребность излить въ горячей молитвѣ избытокъ чувствъ. Можетъ-быть, лѣтъ черезъ девять, другая женщина, молодая и прекрасная, обратитъ также взоръ и мольбы къ золотому кресту старинной церкви, когда въ неопытномъ сердцѣ забушуютъ страсти!... и горячія, необузданныя слезы польются тогда изъ огненныхъ глазъ, и невольные вопли вырвутся изъ стѣсненной груди.... но сердце, страстное, мятежное сердце ея успокоится и смирится, когда молодая дѣвушка устремитъ взоръ свой на бѣлыя стѣны храма Господня!...

. . . . .

Вокругъ меня все было тихо, такъ тихо, какъ никогда не бываетъ въ столицѣ!... Въ иныхъ домахъ мелькали огоньки.... изрѣдка раздавались на улицѣ шаги прохожихъ, изрѣдка долетали до меня слабые звуки голосовъ....

Но скоро погасли огоньки, умолкли голоса; улица и площадь опустѣли.... а золотой крестъ церкви Божіей блестялъ и сіялъ подъ дрожащимъ свѣтомъ луны!.....

ТРЕТІЙ ДЕНЬ.

СУДЬБА.

Я еще не познакомилъ васъ, любезный читатель, съ почтенной хозяйкой дома, въ которомъ я остановился, а между-тѣмъ она принадлежала къ знаменитостямъ нашего края, и слава ея распространялась по всему уѣзду. Когда помѣщики прѣзжали ненадолго въ городъ, они всегда останавливались у *Панфиловны*, содержательницы постоялаго двора и владѣтельницы небольшого домика, въ которомъ они всегда находили комнату, готовую къ ихъ услугамъ.

Панфиловна была расторопная, полненькая, привѣтливая женщина, сорока-пяти лѣтъ, неимѣющая понятія о молчаніи. Языкъ ея былъ въ постоянномъ упражненіи. Что бы она ни дѣлала, чѣмъ бы она ни была занята, она всегда и вездѣ болтала безъ умолка, болтала сидя и стоя, болтала работая и отдыхая, болтала во снѣ и на яву. Только что я просыпался, я уже слышалъ ея голосъ, почти въ одно и то же время, въ сосѣдней комнатѣ, въ сѣняхъ, въ кухнѣ, на дворѣ, на улицѣ.... она была вездѣ, и вездѣ она говорила. Если у нея не было собесѣдника, она обращала неистощимую рѣчь свою къ кошкѣ, къ курицамъ, къ цыплятамъ, а въ отсутствіи ихъ и къ неодушевленнымъ предметамъ, которые попадались ей на глаза. Чтобъ избавиться отъ крайнорѣчія моей хозяйки, нерѣдко покушавшейся завести со мною разговоръ, я запирался въ своей комнатѣ, когда имѣлъ несчастіе быть дома. Несмотря на эту предосторожность, прелестная Панфиловна нашла способъ взойти ко мнѣ, утромъ въ третій день моего пребыванія въ ея гостепріимномъ домѣ, подъ предлогомъ пособить моему камердинеру убрать самоваръ и чайный столъ. Она суежилась, вытирала по нѣскольку разъ совершенно сухой под-

посъ, перемывала чашки, трясла скатерть и все время рассказывала мнѣ что-то, покачивая головой и пожимая плечами, въ надеждѣ переупрямить меня и заставить меня вступить съ ней въ разговоръ; но я ей не поддавался и безжалостно продолжалъ читать книгу. — Вдругъ имя Семена Захаровича, произнесенное моей хозяйкой, возбудило ое вниманіе.

«Вы у него вечеръ изволили сидѣть? говорила Панфиловна. «Добрый онъ, очень добрый человекъ! Вотъ и про жену «его худаго ничего нельзя сказать, развѣ только что спѣсива немного....»

Необразованные люди нерѣдко считаютъ спѣсивыми тѣхъ, которые превосходятъ ихъ умственными качествами. Вѣроятно, Наталья Николаевна не имѣла привычки справляться у Панфиловны о городскихъ и уѣздныхъ новостяхъ, не зывала ее къ себѣ на чашку чаю, съ намѣреніемъ вывѣдать у нее что-нибудь о сосѣдяхъ, и потому неудивительно, если она заслужила отъ доброй кумушки названіе *спѣсивой*. Панфиловна, замѣтившая съ радостью, по выраженію моего лица, что наконецъ слова ея начинаютъ обращать на себя мое вниманіе, продолжала свою рѣчь, вытирая пыль съ мебели.

«Я еще знала Наталью Николаевну, говорила она, маленькой барышней. Она каждое лѣто пріѣзжала изъ Питера, съ покойнымъ отцемъ своимъ, въ Прибрежное, и всегда бывало у меня приставала; а вотчина у нихъ была тогда славная, а мать-то у нея умерла давненько.... Говорятъ, голубушка, (Царство ей небесное!) отъ горя и въ гробъ пошла.... а мужъ-то ея, не тѣмъ будь помянуть!... былъ права крутаго; бывало, какъ пріѣдетъ сюда, такъ весь домъ перевернетъ, такой ужъ былъ характеръ!... да, страхъ, какъ любилъ мотать.... ночи, говорятъ, за картами просиживалъ.... а жена-то этимъ огорчалась, сердечная, да и умерла, а онъ дожилъ до того, что имѣнье съ публичнаго торгу продали, а Наталья-то Николаевна замужъ пошла

молодая, всего ей лѣтъ 18 было, а прежде-то былъ у нея другой женихъ, изъ Питера.... сговорена ужъ была.... какъ бить его звали!... Рославскій, что ли!»

— Какъ! неужели Рославскій! Александръ Михайловичъ?

— Именно!... Вы его изволите знать? Видный былъ баринъ!

— Большой ростъ? бѣлокурый?

— «Такъ, такъ.... бѣлокурый, красивый мужчина!... Вотъ она и была за него сговорена.... да Богъ ихъ знаетъ, что у нихъ тамъ стрянулось!.. а жениху отказали.... видно не судьба была! а онъ по ней, говорятъ, тужилъ, да и она-то, говорятъ, сердечная, похудѣла отъ слезъ.... а отецъ-то....»

Въ эту минуту словоохотливую мою хозяйку позвали за дѣломъ въ другую комнату, и она ушла, радуясь и гордясь, что возбудила мое любопытство, и оставила меня въ нетерпѣливомъ ожиданіи ея возвращенія.... но не желая потворствовать такой самоувѣренности и надѣясь удовлетворить мое любопытство при первомъ разговорѣ съ ней, я одѣлся и спокойно вышелъ погулять, къ крайнему недоумѣнію краснорѣчивой Панфиловны.... Между-тѣмъ, все что я отъ нея слышалъ, занимало меня чрезвычайно. Первую страницу исторіи Натальи Николаевны открыла мнѣ услужливая рука болтливой кумушки, и въ памяти моей глубже всего запечатлѣлось одно имя, имя Рославскаго, имя моего петербургскаго пріятеля.

Были-ли мы дѣйствительно пріятелями, — это подлежитъ сомнѣнію. Насъ считали друзьями, вѣроятно, потому, что мы жили въ одномъ домѣ, часто встрѣчались въ свѣтѣ, въ театрѣ и на лѣстницѣ, улыбались другъ-другу очень привѣтливо, пожимая руки и разсуждая о погодѣ, объ обѣдахъ, объ оперѣ и о рыскахъ. Этимъ и ограничивались изліянія и доказательства нашей нѣжной дружбы, и если ужъ пошло на откровенность, то я долженъ признаться вамъ, любезный читатель, что терпѣть не могъ моего пріятеля!... За что! трудно сказать! Я ни въ чемъ не имѣлъ права упрекнуть

его.... Онъ вель себя такъ благоразумно, осторожно; говорилъ съ такимъ жаромъ о рыцарскомъ благородствѣ своихъ чувствъ, такъ увлекательно описывалъ свои высокія добродѣтели, съ такимъ негодованіемъ отзывался о вѣтренности, о шалостяхъ молодости, такъ краснорѣчиво доказывалъ прелесть возвышенной любви, ненуждающейся ни въ богатствѣ, ни въ извѣстности, такъ горячо возставалъ противъ женитьбы по расчету, что еслибъ я осмѣлился не признавать его за совершенство добродѣтели, меня сочли бы завистникомъ, и съ особеннымъ жаромъ заступились бы за него женщины. Онъ такъ умѣлъ подольститься къ нимъ, окружить себя какимъ-то поэтическимъ свѣтомъ, очаровать ихъ своимъ краснорѣчіемъ и заслужить названіе *рыцаря*, столь рѣдкое въ нашъ положительный вѣкъ.

Воображаю, какъ легко было ему внушить молодой, неопытной дѣвушкѣ восторженное чувство, и завладѣть ея чистымъ, непорочнымъ сердцемъ! Воображаю, какъ искусно выставлялъ онъ себя необыкновеннымъ человѣкомъ, обладающимъ высокой душой и возвышеннымъ умомъ!... Но зачѣмъ она ему отказала? вотъ чего не могъ я понять!... Я вышелъ за городъ, гулялъ по большой дорогѣ, и возвратясь домой, тотчасъ же отправился къ Семену Захаровичу. — Онъ былъ еще на службѣ, и меня приняла Наталья Николаевна, окруженная своими малютками — На ней была надѣта бѣлая, кисейная блуза, удерживаемая широкимъ поясомъ вокругъ гибкой талии. Передніе волосы ея, зачесанные гладко, соединялись съ густой косой, лежавшей почти на затылкѣ. Эта строгая, простая, изящная прическа какъ нельзя лучше выказывала чистоту правильныхъ линий ея лица и шеи.

Надя, помѣтившаяся на табуретѣ, съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ, поглядывала за окно, а братъ ея сидѣлъ возлѣ матери, перебирая свои игрушки. — Ни разу не видѣлъ я этихъ дѣтей, оставленныхъ на попеченіе няни; Наталья Николаевна была постоянно съ ними, и я

любовался ея талантомъ занимать дѣтей, и не стѣснять ихъ между-тѣмъ слишкомъ строгимъ, суровымъ надзоромъ. — Володя почти всегда былъ у нея на рукахъ, какъ-будто заботливая мать боялась выпустить изъ своихъ объятій бѣднаго, слабого младенца.... по глаза ея слѣдили за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ Нади, за каждымъ впечатлѣніемъ, отражавшимся на ея одушевленномъ личикѣ. Она боялась за физическую жизнь сына и за умственную жизнь дочери. Съ трепетомъ прижимала она къ вѣрной материнской груди маленькую головку больного ребенка, и съ трепетомъ ловила каждое движеніе души веселой дѣвочки, преисполненной жизни, бодрости и огня....

Какъ хорошо понималъ я эти отбѣнки материнскаго чувства!... Хотя я и не распространяюсь о возвышенности и благородствѣ моей души, какъ пріятель мой Рославскій хотя (между нами будь сказано), я довольно пустой и вѣтренный человѣкъ, но каждое истинное, глубокое и святое чувство, въ какую бы форму оно ни было облечено, внушаетъ мнѣ благоговѣніе и находитъ путь къ моему сердцу. Вотъ отчего я такъ скоро помирился съ немногимъ-скучнымъ, немногимъ-забавнымъ, но честнымъ и благороднымъ Семейномъ Захаровичемъ; вотъ отчего трогала меня до глубины души судьба кроткой и заботливой матери моей черноглазой Нади.

Мы возобновили съ этой милой женщиной прерванный вчерашній нашъ разговоръ о жизни въ уѣздномъ городѣ.

— Скажу вамъ откровенно, возразила мнѣ на это Наталья Николаевна, спокойно устремляя на меня свой взоръ: сначала эта жизнь была мнѣ дѣйствительно тяжела, невыносимо тяжела. Привычка къ обществу людей образованныхъ заставила меня слыше чувствовать лишения, которыя пришлось мнѣ здѣсь переносить. Умъ мой не находилъ пищи, я скучала.... съ пристрастіемъ судила о здѣшнемъ обществѣ, видѣла только его черную сторону, не

признавала возможности встрѣтить здѣсь что-нибудь отрадное для души.... Теперь я привыкла къ этому городу, къ этому обществу, къ этимъ лишеніямъ, я спокойно и безпристрастно смотрю на людей, окружающихъ меня, вижу недостатки ихъ воспитанія, но вижу также ихъ достоинства. Вся жизнь моя сосредоточена въ моемъ семействѣ, она принадлежитъ моимъ дѣтямъ и — моему мужу....

— Я не знаю человѣка добрѣе, благороднѣе и достойнѣе моего мужа. И взоръ ея былъ ясенъ, спокоенъ и твердъ.

— Я душевно уважаю Семена Захаровича: отвѣчала я не много смущенный ея словамъ.

— Еслибъ вы его знали короче, васъ не удивляла бы моя привязанность къ нему. Эта привязанность, основанная на благодарности и уваженіи, сильнѣе и прочнѣе страстной, восторженной любви!

Въ этой женщинѣ не было лжи и обмана, ея слова, ея чувства дышали высокой истиной.

— Вы не можете себѣ представить, продолжала Наталья Николаевна, какое сокровище доброты заключено въ честной, прекрасной душѣ моего мужа. Я обязана ему всѣмъ; онъ меня призрѣлъ, когда меня всѣ оставили, полюбилъ меня, когда несчастіе отдалило отъ меня всѣхъ друзей моихъ, и между-тѣмъ его любовь такъ невзыскательна, такъ довѣрчива! Онъ не требуетъ отъ меня ни пѣжностей, ни ласкъ, ни увѣреній.... Онъ знаетъ, что никого и никогда не любила я такъ искренно, такъ свято, какъ его.

— Такъ вы.... счастливы?» спросилъ я ее съ горячимъ участіемъ.

— Теперь я счастлива, отвѣчала она мнѣ спокойно, улыбаясь дѣтямъ и смотря на нихъ съ любовью.... Я такъ много перенесла въ жизни горя и страданій, что вполне умѣю

цѣнить свое теперешнее положеніе.— Съ рожденія Нади началась для меня новая жизнь, возобновившая мои душевные силы.... и несмотря на минуты безпокойства о судьбѣ нашихъ дѣтей, несмотря на однообразіе нашей жизни, мы имѣемъ право, мужъ мой и я, сказать по совѣсти, что мы счастливы! Помолчавъ немного, Наталья Николаевна прибавила, взволнованнымъ голосомъ: Правда, насъ страшитъ иногда ихъ будущность, но мы стараемся обезпечить ее въ матеріальномъ отношеніи, а для остального полагаемся на Бога и на заботливость нашего воспитанія. Признаюсь вамъ, моя Надя часто внушаетъ мнѣ опасенія!... Часто пугаюсь я пламенныхъ чувствъ этого ребенка. Лицомъ она вся въ покойнаго отца моего, и я боюсь, чтобъ она не наслѣдовала его страстной души, его тревожнаго нрава!... Иногда становится мнѣ за нее такъ страшно; мнѣ кажется, что ее ожидаютъ въ жизни тяжкія испытанія, если я не успѣю умѣрить горячности ея чувствъ.... И глаза бѣдной матери наполнились слезами, но она скоро ободрилась, и улыбаясь почти весело, сказала мнѣ спокойнымъ голосомъ: «Я полагаюсь на Бога! Онъ поможетъ мнѣ воспитать мою шалунью, и она будетъ добрая, благоразумная женщина, покорная судьбѣ и своему долгу!...»

Потомъ показала она мнѣ на Володю: «А о немъ-то сколько мы безпокоимся!» проговорила она въ полъ-голоса, не объясняя мнѣ подробнѣе своей мысли, и взяла на руки своего младенца, цѣлуя его блѣдныя щеки, какъ-будто стараясь оживить на нихъ румянецъ здоровья.

Послѣ обѣда Наталья Николаевна пошла съ дѣтьми въ садъ, а мы съ Семеномъ Захаровичемъ закурили трубки и разговорились. Рѣчь коснулась до покойнаго тестя моего собесѣдника, потомъ перешла къ его дочери, и слово за словомъ, Семень Захаровичъ рассказалъ мнѣ подробно исторію своей женитьбы, которую я передамъ читателямъ своими словами. (Извините мнѣ это школьничье выраженіе!)

Николай Яковлевичъ Лугинъ, покойный тесть Семена За-

харовича, былъ человекъ самаго несчастнаго права. Онъ не имѣлъ никакой власти надъ самимъ собой и дѣйствовалъ всегда по внушенію своихъ необузданныхъ страстей.—Наслѣдовавъ послѣ родителей превосходное состояніе, онъ успѣлъ разстроить его совершенно своимъ безумнымъ мотовствомъ и своею безпечною. Неизвѣстно, до чего довѣлъ бы его такой образъ жизни, еслибъ судьба не свела его съ благородной и милой женщиной, которую онъ полюбилъ со всею горячностью пылкой души своей. Лугинъ былъ молодъ, уменъ, образованъ, необыкновенно хороша лицомъ. Его пламенная любовь, краснорѣчивая въ своихъ страстныхъ изліяніяхъ, потрясла мирную душу молодой дѣвушки. Она полюбила его и вышла за него замужъ.—

Домашнее счастье, сладость взаимной любви, кроткій нравъ прекрасной, молодой супруги произвели благотворное вліяніе на Лугина. Состояніе его поправилось подъ ея заботливымъ попеченіемъ. Рожденіе дочери довершило счастье молодой четы, но это счастье было непрочно!... Безпокойный духъ Николая Яковлевича скоро утомился однообразиемъ и тишиной семейныхъ радостей. Онъ искалъ ощущеній сильныхъ, жаждалъ тревожныхъ увлеченій;... и въ немъ скоро развилась съ неодолимою силою несчастная страсть къ игрѣ.

Съ этого времени погибло навсегда его домашнее счастье: онъ охладѣлъ къ женѣ, убѣгалъ ея общества, боясь видѣть ея скорбь, не находилъ никакой отрады въ семейномъ быту, и съ безумнымъ увлеченіемъ предавался своей пагубной страсти, стараясь ею же заглушить упреки совѣсти. Нравъ его становился все нестерпимѣе....

Наталья Николаевна было десять лѣтъ, когда она лишилась матери, поручившей ее, на смертномъ одрѣ, попеченію и любви своей сестры, которая и заботилась съ тѣхъ-поръ о воспитаніи сиротки.

Лугинъ былъ ужасно пораженъ смертью жены.... Вспо-

миная ея кротость, ея безропотную покорность, ея вѣрную и святую привязанность, онъ терзался угрызеніями совѣсти...

Эта потеря подѣйствовала такъ сильно на его душу, что онъ забылъ на нѣкоторое время свою страсть къ игрѣ, и обратилъ все чувства свои на дочь. Къ счастью сиротки, Богъ послалъ ей въ теткѣ истиннаго друга, продолжавшаго развивать въ сердцѣ ея все добрыя начала, поселенныя въ ней покойной матерью. Дѣвочка была окружена любовью и попеченіемъ. Когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, она познакомилась съ Рославскимъ, полюбила его, онъ къ ней посватался, и предложеніе его было принято.—Въ радужномъ свѣтѣ представилась ей тогда жизнь, обѣщавшая такъ много счастья и любви! Рославскаго считала она за благороднѣйшаго человека въ мірѣ, слѣпо вѣрила его страстности, безграничной привязанности, и роскошно расцвѣла ея дѣвственная краса, подъ обаяніемъ счастья и любви!—Такова была Наталья Николаевна когда Семенъ Захаровичъ увидѣлъ ее въ первый разъ. Живо помнилъ онъ все подробности этой встрѣчи. Онъ пріѣхалъ по дѣламъ къ Николаю Яковлевичу, поселившемуся въ *Прибрежномъ* на лѣтнее время. Домъ былъ полонъ гостей, и между ними отличался своею ловкостью и красотою счастливый женихъ Натальи Николаевны.

Лугинъ, поговоривъ съ Семеномъ Захаровичемъ о дѣлахъ своихъ, пригласилъ его остаться у него отобѣдать. Никто не обращалъ на него вниманія, никто имъ не занимался, но вдругъ подошла къ нему обворожительная, улыбающаяся дѣвушка, разговорилась съ нимъ весело, непринужденно, представила ему своего жениха, и очаровала его своею любовью, исполненною сердечности и доброты.... И онъ любовался ея счастьемъ, ея дѣтскою безпечною.

А между тѣмъ страшная гроза собиралась надъ головой бѣдной Натальи Николаевны. Несмотря на роскошь, которая не переставала царствовать въ домѣ Лугина, уже давно носились слухи о разстройствѣ его состоянія, о запу-

тайности его дѣлъ. Скоро положеніе ихъ стало такъ шатко, что невозможно было дальше скрывать горькую истину.—Игра и мотовство часто вводили Лугина въ необходимость дѣлать долги, которые росли, увеличивались ежегодно, а онъ съ всегдашнею своею безпечною забывалъ о нихъ, и вмѣсто того, чтобъ принять какую-нибудь мѣру, продолжалъ проживаться по старому, какъ ни въ чемъ не бывало. Нетолько его знакомые, но даже онъ самъ не подозревалъ, какъ ужасно было разстроено его состояніе.

Онъ обѣщалъ при жизни своей дать Натальѣ Николаевнѣ половину своего имѣнія, а остальное, послѣ его смерти, за погашеніемъ долговъ, должно было также поступить въ ея владѣніе. Подписавъ эти условія, Лугинъ вообразилъ, что совершенно обезпечилъ будущность своей дочери, и успокоился; — но скоро одно взысканіе за другимъ поступило на него, суммы ужасно выросли, и чтобъ расплатиться съ долгами, онъ долженъ былъ пожертвовать болѣе, чѣмъ половиною своего состоянія.—Пламенный женихъ его дочери сталъ задумываться, охладѣлъ къ своей невѣстѣ, упрекалъ иногда Лугина въ разстройство состоянія;... тотъ выходилъ изъ себя, называлъ его корыстолюбцемъ, хотя Рославскій приписывалъ всѣ свои слова и поступки нѣжной, заботливой любви къ невѣстѣ.—Наступила осень.... Женихъ долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, а Лугинъ намѣревался пріѣхать туда съ дочерью къ самой свадьбѣ, назначенной черезъ мѣсяць. Передъ отъѣздомъ, Рославскій потребовалъ ясныхъ, положительныхъ свѣдѣній о состояніи своей невѣсты. Между нимъ и отцомъ ея произошла сцена....

Бѣдная дѣвушка ничего не понимала. Она не знала больше чему вѣрить, чего ожидать!... давно уже не узнавала она въ женихѣ своемъ того необыкновеннаго, благороднаго человека, пламеннаго и нѣжнаго, какимъ онъ выказывалъ себя сначала....

Съ трепетомъ ждала она окончанія переговоровъ отца своего съ женихомъ. Наконецъ двери кабинета отворяются.

Рославскій подходитъ къ ней, и прикидываясь огорченнымъ и убитымъ, объявляетъ ей, что Лугинъ отказалъ ему!... Она не вѣритъ этому, она не понимаетъ его, и бѣжитъ къ отцу. Видъ его заставляетъ ее содрогнуться. Онъ стоитъ предъ ней багровый, напрасно стараясь унять свое волненіе и выговорить слово. Наконецъ онъ подзываетъ ее къ себѣ и объявляетъ, что онъ отказалъ Рославскому и что все кончено между нею и женихомъ ея. Услыша эти слова, бѣдная дѣвушка падаетъ за-мертво къ ногамъ отца.—Когда она пришла въ себя, Рославскаго не было уже въ деревнѣ, но онъ оставилъ ей письмо, въ которомъ всю вину разрыва слагалъ на ея отца, и старался оправдать себя, приписывая свои поступки своей заботливости о ея будущности.

Ни слова не сказала бѣдная дѣвушка, прочитавъ эти строки!... ни слова упрека, ни слова ропота не произнесла она въ своемъ отчаяніи, только щеки ея поблѣднѣли, глаза потеряли свой прежній блескъ, и головка склонилась къ больной груди.

Здоровье отца ея было также чрезвычайно разстроено. Дѣла становились все запутаннѣе, поѣздки въ Петербургъ отложили, домъ ихъ опустѣлъ. Семень Захаровичъ, привлеченный участіемъ къ страдающей дѣвушкѣ, которою онъ такъ восхищался во дни ея счастья, продолжалъ посѣщать *Прибрежное*. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ съ каждымъ днемъ больше и больше привязывался къ Натальѣ Николаевнѣ, тронутый ея безропотною грустью, ея невыразимою кротостью, съ которой она переносила капризы больнаго и убитаго горемъ отца; но робкая и благоговѣйная любовь его никогда не смѣла высказываться.

Однажды пріѣхалъ онъ въ *Прибрежное*; Наталья Николаевна встрѣтила его съ блѣднымъ лицомъ, орошеннымъ слезами: «Доктора! доктора! Папенька умираетъ,... ради Бога, доктора!...» кричала она ему умоляющимъ голосомъ....

но ни докторъ, ни Семень Захаровичъ не помогли, и бѣдная семнадцати-лѣтняя дѣвушка осталась круглой сиротой. Имѣнье продали съ публичнаго торга, и оно пошло на уплату долговъ. Тетки ея уже давно не было на свѣтѣ, и Наталья Николаевна осталась безъ покровителя, безъ пріюта, безъ куска хлѣба. Никакого извѣстія не получала она отъ Рославскаго, хотя онъ былъ увѣдомленъ о смерти ея отца....

Тогда явился къ ней человѣкъ простой, необразованный, но человѣкъ съ душой честной и благородной. Онъ открылъ бѣдной дѣвушкѣ свою тайну, и не требуя отъ нея взаимности, предложилъ ей раздѣлить свой скромный жребій. Исполненная благодарности, тронутая ея великодушіемъ, его робкою, но вѣрною привязанностью, она протянула ему руку, и чрезъ годъ послѣ смерти отца, Наталья Николаевна обвинчалась съ Семеномъ Захаровичемъ и нашла въ немъ самаго нѣжнаго, внимательнаго друга,

Когда родилась Надя, молодая женщина почерпнула новыя силы, новую бодрость въ сладкихъ ощущеніяхъ материнской любви. — Снова узнала она счастье, полюбила жизнь; снова сердце ея замирало отъ радости, когда, опустившись на колѣна возлѣ колыбели ребенка, она призывала благословеніе неба на младенческую головку дочери!

Съ тѣхъ-поръ жизнь ея, тихая, безмятежная, озарилась новымъ свѣтомъ, и Семень Захаровичъ могъ сказать себѣ, что составилъ счастье женщины, которую любилъ больше жизни, больше души своей....

Надя росла, и дѣтская красота ея развивалась заодно съ ея душевными способностями. Она оживляла своимъ лепетомъ, своими играми тишину домашняго быта и радовала родителей своимъ цвѣтущимъ здоровьемъ и своею веселостью. Ей было пять лѣтъ, когда родился Володя, здоровье котораго возбуждало постоянныя опасенія отца и матери. Последняя, понимая, кромѣ физической опасности, и опасности нравственныя, удѣляла обоимъ дѣтямъ

равную часть любви и заботливости, но Семень Захаровичъ, спокойный насчетъ Нади и огорченный болѣзненнымъ видомъ сына, невольно привязался къ нему съ страстною нѣжностью.... и неудивительно!... въ кроткомъ личикѣ ребенка, онъ узнавалъ возлюбленныя черты его матери!...

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

ПРОГУЛКА.

Какъ ни старался я защищаться въ своей комнатѣ отъ нападеній Панфиловны, явно искавшей случая возобновить со мной вчерашній разговоръ, однако она и на этотъ разъ умѣла попасть въ мою крѣпость, прокравшись за моимъ камердинеромъ, когда онъ несъ ко мнѣ самоваръ. Я поклонился ей и началъ ходить по комнатѣ, не обращая на нее никакого вниманія. Напрасно вертѣлась она передъ моими глазами, выказывая свою усердную услужливость, вытирая пыль съ оконъ, со стульевъ, съ грязныхъ рамокъ ужасныхъ гравюръ, съ скользкаго дивана, памятнаго мнѣ моимъ паденіемъ; напрасно присоединяла она къ этому занятію немолкаемую болтовню, напрасно рассказывала мнѣ все сплетни маленькаго города, все подробности семейной жизни уѣзднаго предводителя, исправника, доктора и т. д., напрасно произносила съ намѣреніемъ возбудить мое любопытство, имена Семена Захаровича и жены его, ничто не могло поколебать моего упрямаго молчанія, которое встрѣчало усердіе моей дорогой хозяйки. Я притворялся, что не слышалъ ни одного ея слова, хотя они невольно долетали до моего слуха.

«Вѣдь вамъ поди какъ скучно здѣсь!... говорила словоохотливая кумушка.... Чтобы вамъ сегодня прокататься? погода такая ясная, а въ 10-ти верстахъ отъ города, въ деревнѣ Круглицѣ, сегодня праздникъ, пиво варятъ и народу будетъ много....» Счастливая мысль блеснула тогда въ моемъ умѣ, и я чуть не бросился обнимать за нее дорогую, добрую Панфиловну.—Я рѣшилъ, что предложу мою коляску Семену Захаровичу и семейству его, а самъ сяду возлѣ кучера, и что мы отправимся вечеромъ за-городъ, на деревенскій праздникъ.

Я тотчасъ же хотѣлъ бѣжать къ Семену Захаровичу уговориться съ нимъ объ этой прогулкѣ, но онъ совершенно неожиданно явился ко мнѣ самъ, объявляя, что принесъ мнѣ добрую вѣсть.

— Въ чемъ же она состоитъ? почтенный, дорогой Семенъ Захаровичъ, спросилъ я, протягивая ему дружески руку.

— Я пришелъ васъ освободить изъ вашего заключенія, отвѣчалъ онъ мнѣ, улыбаясь: принесъ вамъ бумаги.... дѣло ваше устроилось, и вы можете сегодня-же выѣзжать домой; я радуюсь за васъ, хоть намъ признаться и хотѣлось бы удержать васъ подольше въ нашемъ городишкѣ,... вашъ пріѣздъ насъ развеселилъ, мы васъ истинно полюбили. Ну!— да авось вы опять къ намъ когда-нибудь заглянете!...

— Благодарю васъ, благодарю васъ, Семенъ Захаровичъ, сказалъ я, пораженный извѣстіемъ, что могу тотчасъ-же выѣхать изъ уѣзднаго города,... Я хотѣлъ себя увѣрить, что радуюсь ему, но въ-самомъ-дѣлѣ мнѣ было досадно; я такъ много ожидалъ удовольствія отъ вечерней прогулки, и не зналъ чѣмъ объяснить Семену Захаровичу мое непонятное желаніе пробыть лишній день въ городкѣ, въ скучномъ, несносномъ городкѣ, какъ я его называлъ. Однако я рѣшился сказать ему, что несмотря на возможность отправиться сегодня же домой, я не перемѣню моего намѣренія остаться здѣсь до завтра, а сегодня я собираюсь на деревенскій праздникъ въ Круглицѣ; предложилъ ему по-

кататься со мною вечеромъ и просилъ передать мое приглашеніе семейству его.

— Покорно благодарю!... очень было-бы пріятно-съ.... не знаю какъ жена, мы съ ней поговоримъ....

— Я самъ приду за отвѣтомъ.

— Такъ пожалуйста ужъ откупать.

— Благодарю—неперемѣнно буду.

И проводивъ Семена Захаровича, я какъ ребенокъ занялся приготовленіемъ къ предстоящему удовольствію, позвалъ кучера, велѣлъ ему хорошенько выкормить лошадей, вычистить новую сбрую, вымыть мою колясочку, чтобъ экипажъ мой и упряжь были въ самомъ блистательномъ видѣ.

Надя встрѣтила меня съ распростертыми объятіями, когда я пришелъ въ домъ ея отца; она бросилась мнѣ на шею, цѣловала меня, прыгала вокругъ меня отъ радости, и благодарила за то, что беру ее съ собою кататься.

— Такъ дѣло рѣшеное? прогулка наша состоится?...спросилъ я Семена Захаровича, раздѣляя почти вполне дѣтскую радость моей любимицы....

Въ пять часовъ вечера коляску подали къ крыльцу. Семенъ Захаровичъ сначала никакъ не соглашался, чтобы я сѣлъ возлѣ кучера, увѣряя, что онъ можетъ ѣхать за нами въ своихъ дрожкахъ, въ которыхъ сидѣла няня съ узлами и провизіей, и уступить мнѣ мѣсто возлѣ Натальи Николаевны и Нади; но какъ ни пріятно было-бы для меня такое перемѣщеніе, я на него не согласился. Семену Захаровичу казалось очень дико, что молодой владѣлецъ семисотъ душъ, одѣтый по послѣдней модѣ, сидитъ на козлахъ. У васъ въ окрестностяхъ Петербурга другое дѣло; тамъ это такъ водится, ну а здѣсь вы всѣхъ удивите.—Предсказаніе

это сбилось. Все прохожие останавливались, выпяливали на меня глаза, помирали со смѣху, качали головой, и два года сряду разсуждали еще сограждане Семена Захаровича о такомъ удивительномъ происшествіи.

Десять верстъ проѣхали мы немного болѣе полу-часа, далеко оставивъ за собой дрожки съ няней, салонами и провизіей.—Мы признаться немного утомились отъ жару и пыли; маленькій Володя, котораго Наталья Николаевна держала на колѣняхъ, плакалъ, жаловался на жаръ, и я пришелъ уже въ отчаяніе, думая что прогулка наша будетъ неудачна; но подъѣзжая къ Круглицѣ, мы услышали громкія, веселыя пѣсни крестьянъ, и увидѣли въ деревнѣ пеструю, оживленную картину. Мы вышли изъ экипажа, усѣлись въ тѣни на деревянной скамьѣ, и разсматривали веселыя группы, окружавшія насъ,—Въ хороводѣ ходили молодые парни въ красныхъ рубахахъ, повязанныхъ пестрымъ поясомъ, въ синихъ растегнутыхъ кафтанахъ, и красныя дѣвушки, въ праздничныхъ сарафанахъ....

Въ срединѣ хоровода плясалъ парень, размахивая платкомъ и отбрасывая назадъ голову. Быстрыя, удалыя его движенія были такъ смѣшны, ловки, неожиданны, что все, глядя на него, помирали со смѣха и въ кружкѣ зрителей раздавались поминутно слова: «лихо, лихо, парень!» а между-тѣмъ веселый хороводъ оглушалъ воздухъ своимъ громкимъ, усерднымъ, но несовсѣмъ стройнымъ пѣніемъ.

Немного дальше едва-едва колыхались качели, подъ тяжестью двадцати, если не больше, особъ, сидящихъ, стоящихъ и висящихъ на нихъ. Тутъ раздавались тоже пѣсни, только заунывнѣе хороводныхъ, и прерываемыя смѣхомъ и разговорами. Трезвые мужики ходили по улицѣ, любясь пестрымъ собраніемъ, а веселые сидѣли на крыльцѣ одной избы, распѣвая пѣсни, несовсѣмъ твердымъ голосомъ.

Многіе крестьяне съ радушіемъ, которое встрѣчается

только въ Россіи, классической странѣ гостепріимства, звали насъ неотступно къ себѣ въ избу покушать рыбничка, яишенки, выпить пива. Я рѣшился наконецъ войти къ одному изъ нихъ.

Въ избѣ было множество гостей, но все они, при моемъ появленіи, отошли отъ стола, съ котораго пироги, щи, каша, медъ, ватрушки, молоко, пиво и сусло не снимались во весь день. Каждого гостя, сосѣда или дальняго, богатаго или нищаго, принимали съ радушіемъ, угощали съ поклонами и сажали въ передній уголъ, подъ образа....

— Надя ни минуты не сидѣла на одномъ мѣстѣ; длинныя ленты ея круглой шляпки развивались въ воздухѣ, когда рѣзвуха перебѣгала отъ насъ къ хороводу, отъ хоровода къ качелямъ, прыгала, смѣялась и хлопала въ ладоши.—Однако Семенъ Захаровичъ напомнилъ, что ему пора бы и домой, гдѣ ожидаютъ его занятія. Мы съ Надеей повѣсили голову; тогда онъ предложилъ оставить намъ коляску, а самому отправиться въ дрожкахъ съ нянюшкой и Володей, котораго начинало уже клонить ко сну. Сначала Наталья Николаевна не соглашалась отпустить безъ себя сына, но мужъ началъ ее уговаривать, увѣряя, что она безъ страха можетъ поручить ему ребенка. Надя, почти со слезами, приступила къ ней съ тою же просьбою, и наконецъ она согласилась. Уѣзжая, Семенъ Захаровичъ упрашивалъ насъ нагуляться до-сыта и переждать нестерпимый жаръ. Мы такъ и сдѣлали. Любуясь веселіемъ Нади, разговаривая между собой, мы не замѣчали, какъ проходило время.

Къ намъ подошелъ слѣпой старикъ, прося милостыни. Наталья Николаевна и я, какъ будто сговорившись, позвали къ себѣ въ одинъ голосъ Надю и поручили ея маленькой, нѣжной ручкѣ наше подаваніе. Обрадованная этимъ, дѣвочка

робко подошла къ слѣпому, отдала ему деньги, и долго, долго смотрѣла ему въ лицо....

— Ты ничего не видишь? спросила она его наконецъ своимъ милымъ дѣтскимъ голоскомъ, въ которомъ звучало сердечное состраданіе.

— Ничего! отвѣчалъ старикъ, вздыхая и опираясь на свой посохъ....

— Бѣдный! какъ тебѣ скучно! сказала дѣвочка, склоняя задумчиво прекрасную головку свою.

— Не горюй о немъ, барышня отвѣчалъ ей на это мужикъ, прислушившійся къ ея словамъ: ты дала ему столько денегъ, что онъ долго будетъ сытъ.

— Сытъ! возразила Надя со вздохомъ: но за деньги онъ не купитъ себѣ глазъ! Это замѣчаніе было сказано съ такимъ горячимъ чувствомъ, что мы невольно переглянулись съ Натальей Николаевной. Въ толпѣ же мужиковъ и бабъ, окружающихъ Надю и слѣпаго, раздавался добродушный смѣхъ, возбужденный наивностью дѣвочки.

Мужикъ, смѣясь вовсе горло, вмѣшался опять въ разговоръ:

— А что бы тебѣ попытаться, дядя Сидоръ, на Покровской ярмаркѣ купить себѣ глаза! сказалъ онъ слѣпому.

— Нѣтъ, бѣдный старикъ, замѣтила Надя, обращаясь ласково къ слѣпому, который улыбался съ тихой грустью словамъ ребенка: — не слушай его! ты нигдѣ не купишь себѣ глазъ. Но приходи въ городъ, я дамъ тебѣ хлѣба, а мама дастъ тебѣ денегъ. Старикъ, крестясь, молился за Надю, стоящую въ задумчивости возлѣ него....

— Еслибъ я могла, сказала она опять обращаясь къ стари-

ку: я дала бы тебѣ, хоть на одинъ день, мои глаза; да ты самъ знаешь, что это невозможно!.... и горячая слеза скатилась на розовую щечку ребенка.

— Вы видите, сказала мнѣ Наталья Николаевна, съ безпокойствомъ: вы видите, какъ живо и горячо чувствуетъ она теперь? что же будетъ позже?

Я не отвѣчалъ, но въ душѣ своей повторилъ я вопросъ бѣдной матери: «что будетъ позже?» и не зналъ къмъ больше любоваться, прелестнымъ ли ребенкомъ, задумчиво и съ состраданіемъ устремляющимъ свой дѣтскій взоръ на сѣдую голову старика, или кроткою матерью, которая душой своей постигала младенческую душу дочери, любовью своею угадывала нѣжныя чувства ребенка....

— Пора намъ домой, сказала она мнѣ, вставая съ своего мѣста.

Я ничего не смѣлъ возразить, и велѣлъ подать экипажъ.

Надя помѣстилась между мной и матерью, мужики сняли шляпы на прощанье, лошади тронулись, и быстро помчали насъ по дорогѣ къ городу. Долго еще долетали до насъ громкія пѣсни крестьянъ; наконецъ онѣ замолкли; насъ окружила тишина, глубокая тишина.... Надя заснула, прислонивъ голову къ плечу матери.

— Пусти лошадей шагомъ, сказалъ я кучеру.

— Зачѣмъ? спросила меня Наталья Николаевна.

Долго не могъ я отвѣчать. Какое-то неясное, сладостное, тревожное чувство наполняло мою душу. Глаза мои устремлялись невольно, съ выраженіемъ глубокаго, сердечнаго уваженія на прекрасное и кроткое лицо молодой женщины. Любуясь ею, я вспомнилъ тяжкія страданія, перенесенныя этимъ благороднымъ сердцемъ, вспомнилъ высокія чувства

самоотверженія и преданности, которыя одушевляли ее въ настоящемъ ея положеніи!...

— Завтра я уѣзжаю, сказалъ наконецъ съ усиленіемъ, и Богъ знаетъ когда увижусь съ вами и съ семействомъ вашимъ!... Не думалъ я провести здѣсь такъ много отрадныхъ, пріятныхъ часовъ!»

— И мы будемъ вспоминать вашъ пріѣздъ и вашу дружбу, отвѣчала она мнѣ съ своею сердечною и спокойною привѣтливостью, и протянула мнѣ руку.

— Будьте счастливы!... прошептала я, стараясь скрыть свое волненіе и почтительно цѣлуя ея руку.

Мы подъѣхали къ дому моихъ новыхъ друзей. Хозяинъ вышелъ къ намъ навстрѣчу на крыльцо, вынулъ изъ коляски спящую Надю и внесъ ее въ комнаты. Наталья Николаевна пошла прямо въ дѣтскую, провѣдать сына и уложить дочь; потомъ вернулась къ намъ, и сѣла возлѣ насъ у открытаго окна.... Ночь была чудная,.... въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія;... мы болтали долго, не рѣшаясь разстаться, не рѣшаясь покинуть нашихъ мѣстъ....

ПЯТЫЙ ДЕНЬ.

ОТЪѢЗДЪ.

«Прощай тѣсная комната, прощай словоохотливая Панфиловна, прощай и ты уѣздный городъ», говорилъ я, просыпаясь на другой день и стараясь увѣрить себя, что я

радуюсь моему отъѣзду. — Но въ сердцѣ своемъ говорилъ другое: «Прощай, мой добрый, честный Семень Захаровичъ и маленькій гостепріимный домъ, въ которомъ нашелъ я такъ много радушія и ласки; прощай прекрасная, благородная женщина, посвятившая жизнь свою исполненію святаго долга; прощай и ты моя черноглазая, прелестная Надя, милое, восхитительное существо, созданное на радость и украшеніе міра!...

Весь день провелъ я въ семействѣ уѣзднаго судьи, и наконецъ собрался въ путь.

Дружески разстались со мной Семень Захаровичъ и жена его, но горько плакала маленькая Надя, обнимая меня своими рученками и говоря, что не отпуститъ своего друга, потому-что полюбила его больше всѣхъ на свѣтѣ, послѣ отца и матери. Напрасно старались мы ее успокоить, напрасно обѣщавъ я прислать ей большую, нарядную куклу изъ Петербурга, и скоро опять пріѣхать къ ней, она не переставала плакать, прижимая къ груди моей свою маленькую, прелестную головку.—Я поцѣловалъ ее и сѣлъ въ дорожную коляску....

Скоро уѣздный городъ скрылся изъ вида. Первый разъ въ жизни почувствовалъ я что-то похожее на грусть одиночества; но въ душѣ своей увозилъ я свѣтлыя воспоминанія. Передъ глазами моими носился прекрасный женскій образъ и одушевленное личико обворожительнаго ребенка, ея взоръ полный состраданія, устремленный на слѣпаго старика, ея горячія слезы при разлукѣ со мной....

«Прощай Надя! прощай родная моя! говорилъ я, и повторялъ мысленно вчерашній вопросъ ея озабоченной матери: «что-то будетъ позже?»

Когда-нибудь расскажу вамъ, читатель, что было позже

съ моей Надей; гдѣ, когда и какъ я встрѣтился снова съ этимъ милымъ созданиемъ, а теперь прощусь съ вами, и скажу вамъ въ заключеніе моего разсказа:

«Куда бы судьба васъ ни помѣстила, какъ бы ни казалась вамъ скучна и безотраднa жизнь окружающихъ васъ людей, не отчаявайтесь отыскать въ ней свѣтлую сторону, не произносите надъ ней легкомысленнаго приговора!... «вездѣ найдете вы уголокъ, озаренный лучемъ поэзіи, вездѣ найдете вы людей счастливыхъ, и нѣтъ ни одной страны въ Божіемъ мірѣ, гдѣ бы не обитали *любовь и добродѣтель.*»

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОСТОРОЖНОСТЬ ЛУЧШЕ ПОСПѢШНОСТИ.

Амедея Ашара.

1852.

I.

ПРОЛОГЪ ВЪ УЛИЦѢ ПРЕДМѢСТЯ СЕНЬ-ДЕНИ.

Въ одно утро, около пяти часовъ, въ послѣдніе дни марта мѣсяца 1850 г., молодой человекъ пріятной наружности шелъ поспѣшно по троттуару улицы Шоссе-д'Антенъ. Пальто изъ толстаго сукна закутывало его до шеи; руки его были спрятаны въ карманы, а подбородокъ въ смятыя складки бѣлаго галстука; онъ бѣжалъ, не обращая вниманія на грязь, ложившуюся пятнами на блестящій лоскъ его бальныхъ сапоговъ и лоснящееся сукно его чорнаго пальто.

Въ небольшемъ разстояніи отъ этого молодаго человѣка, по тому же троттуару, шелъ, но гораздо тише, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, высокій, сильный, съ просѣдью. На немъ было также пальто, бѣлый галстухъ и черныя панталоны, и подобно своему сосѣду, онъ ступалъ по грязи, какъ человѣкъ, у котораго не было довольно времени стараться избѣгать ее.

Дойдя до угла улицы Шоссе-д'Антенъ и бульвара, молодой человѣкъ сѣлъ въ кабриолетъ, стоявшій передъ кофейною Фoa, и сунулъ въ руку извозчика пятифранковую монету.

— Скорѣй сказалъ онъ, въ улицу Сенъ-Дени, № 95.

Извозникъ ударомъ кнута разбудилъ свою спавшую лошадь, и кабриолетъ покатился вдоль длинной линіи бульваровъ.

Мужчина пожилыхъ лѣтъ, повидимому слѣдившій за молодымъ человѣкомъ, достигнувъ, въ свою очередь, угла улицы, Шоссе-д'Антенъ, сѣлъ въ другой кабриолетъ, и вынулъ изъ кармана луи.

— Въ галопъ! мой милый, сказалъ онъ кучеру: двадцать франковъ тебѣ на водку, если догонишь товарища, который ѣдетъ тамъ.

— Это недолго! отвѣчалъ нумерованный автомедонъ: кукушка, запряженная клячей!

— Клячей или нѣтъ, не теряй времени.

— Будьте спокойны, господинъ, мы знаемъ свое дѣло, и потерянное время мигомъ наверстаемъ.

Лошадь, подъ ударами кнута, настигла въ началѣ Лафитской улицы преслѣдуемый кабриолетъ.

— Вотъ! сударь, замѣтилъ извозникъ, натягивая вожжи; каково прокатили?

— Прекрасно; теперь слѣдуй за своей кукушкой, и ступай куда бы она ни повернула!

— Слушаемъ-съ

Бульваръ представлялъ въ это время то живописное и любопытное зрѣлище, которое слишкомъ хорошо знакомо парижскимъ цыганамъ, если честные граждане недовольно его знаютъ. Заря занималась со стороны Бастиліи, и дрожащія лучи свѣта, скользя по мокрымъ крышамъ, блистали въ окнахъ. Тамъ и сямъ, нѣсколько газовыхъ рожковъ, расточавшихъ муниципальное освѣщеніе, сверкали на разныхъ разстояніяхъ; по пустыни-

ному и молчаливому асфальту прохаживались два или три городовые сержанта. На грязной мостовой видны были одни отряды подметальщиковъ, фантастически одѣтыхъ въ лохмотья, подобно гротескамъ Калло; неподвижныя кареты ожидали передъ Золотымъ-Домомъ, англійской кофейной и отелемъ Жокейскаго-клуба, когда утонченные денди парижской цивилизаціи окончатъ свой ужинъ или ландскнехтъ, эти двѣ отрады ихъ сердца.

Красноватый свѣтъ отъ свѣчей освѣщаль ночныя убѣжища, гдѣ нѣсколько запоздалыхъ собесѣдниковъ докуривали свои послѣднія сигары и опоражнивали свои послѣдніе стаканы; за окнами слышались легкіе порывы смѣха и веселый звонъ хрусталя. На улицѣ слышался глухой кашель. Одни стояли опершись на лопаты, думая, что они уже слишкомъ много работаютъ, даже ничего не дѣлая; другіе разговаривали, гоня грязь къ стоку. Патруль пробирался вдоль стѣнъ.

Парижъ еще спалъ; блѣдная и холодная заря медленно освобождалась отъ туманнаго савана, въ который окутываютъ большой городъ причудливыя ночи марта мѣсяца. Ни малѣйшаго шума, кромѣ отдаленнаго раската каретъ въ лабиринтъ улицъ, а на звонкой мостовой медленныхъ и тяжелыхъ шаговъ каменьщиковъ, утромъ призванныхъ къ работѣ. Маленькій тонкій дождикъ, или скорѣе водяной паръ падалъ съ неба, покрытаго большими облаками.

Доѣхавъ до Сенъ-Денискихъ воротъ, оба кабриолета повернули за уголъ предмѣстья, и поѣхали по шоссе во всю рысь. Первый остановился у подъѣзда № 95, и схавшій въ немъ молодой человѣкъ, соскочивъ на троттуаръ, скрылся въ узкой и темной аллеѣ. Слѣдовавшій за нимъ господинъ слѣлалъ тоже, и оба они стали взбираться, на разстояніи одного этажа, по спирали лѣстницы, имѣвшей не менѣе ста двадцати двухъ ступеней высоты.

Старшій изъ этихъ двухъ лицъ, въ своемъ быстромъ шествіи, достигнувъ площадки въ пятомъ этажѣ, замѣтилъ полуразтворенную дверь прямо передъ собою, толкнулъ ее и вошелъ въ комнату, довольно бѣдно меблированную, но чистую и опрятную.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на удачу, онъ остановился посреди комнаты, какъ человекъ, осматривающій мѣстность.

Еслибы, какъ слишкомъ часто дѣлаютъ мелодраматическіе герои, нашъ любопытный передалъ свои мысли въ-слухъ, мы бы услышали слѣдующій монологъ:

«Гдѣ я? и зачѣмъ пришелъ сюда этотъ сумасшедшій, за которымъ я гоняюсь съ Шоссе-д'Антенъ? Заставить меня лѣзть въ пятый этажъ въ то время, какъ я лежалъ бы такъ хорошо въ своей постелѣ.... Никогда не прощу ему этого. Домъ совсѣмъ некрасивъ, лѣстница прекрутая и неровная, а употребленіе газа, кажется, неизвѣстно въ этихъ мѣстахъ. Посмотримъ немного.... тамъ двѣ двери; здѣсь третья. Тамъ спать безъ сомнѣнія. Не послушать ли сквозь замочную скважину? Послушаемъ. Это звучное храпѣніе показываетъ достаточно, что тутъ живутъ; но кто? Въ этомъ то и вопросъ!... Въ ожиданіи, пока случай мнѣ этого не откроетъ, будемъ продолжать нашъ осмотръ....»

«Напротивъ—окно; а далѣе, видъ, пріятно составленный изъ крышъ, трубъ и флюгеровъ.... Хорошо! столъ, буфетъ, большое кресло, шесть стульевъ, все изъ стараго орѣха, но лоснящася... ни пылинки; а тамъ на полкѣ, три горшка, съ цвѣтами. На стѣнѣ четыре или пять раскрашенныхъ картинокъ, съ военными сюжетами. Не живетъ ли тутъ какой-нибудь старый служака?... Я окруженъ таинственностію, я, который ее ненавижу!... Чтò, если кликнуть? Кто-нибудь да явится, безъ сомнѣнія!... Да, но кто? Куда онъ дѣвался, этотъ проказникъ, заставляющій меня бѣгать въ часы, извѣстные только Ловеласамъ? А! дверь отворяется... Вотъ онъ!...»

Это былъ, дѣйствительно, молодой человекъ, пріѣхавшій въ кабріолетѣ; онъ тихонько отворилъ дверь и вошелъ въ комнату на цыпочкахъ. Но какая перемена: пальто, бѣлый галстухъ, черныя панталоны и бальные сапоги уступили мѣсто старому платью, ковидимому перешедшему къ третьему или четвертому владѣльцу.

Молодой человекъ притворилъ благоразумно дверь, обернулся и увидѣлъ передъ собою господина, обѣими руками опирающагося на свою трость, съ бровями немного нахмуренными, но съ улыбкой на губахъ, господина, слѣдившаго за нимъ безъ его вѣдома.

— Боже! кого я вижу? вскричалъ онъ.

— Ты видишь своего отца, отвѣчалъ господинъ.

— Вы! здѣсь?

— Да вѣдь и ты здѣсь?

— Конечно, но....

Тутъ молодой человекъ остановился, и бросивъ украдкой взглядъ на двѣ противоположныя ему двери, какъ-будто опасаясь появленія оттуда привидѣнія или, чтò еще хуже, предателя.

— Очень хорошо! сказалъ отецъ: это *но* и молчаніе достаточно мнѣ показываютъ, что я разыгрываю здѣсь роль мелодраматическаго героя въ прологѣ. Ты краснѣешь и говоришь, словно влюбленный на Театрѣ-Гимназіи, а я имѣю совершенно видъ благороднаго отца, создавшаго любезнымъ воображеніемъ водевиллиста. Это не по моему вкусу.

— Но, батюшка, вскричалъ молодой человекъ: почему вы думали встрѣтить меня здѣсь?

— Ты мнѣ дѣлаешь вопросы, мой любезный Людовикъ? Это оригинально. Хорошо, я согласенъ тебѣ отвѣчать. Но сначала придвинь мнѣ это кресло; мнѣ будетъ удобнѣе въ немъ разговаривать.

— Да, но...

— Но чтò?

— Не лучше ли намъ выйти отсюда!

— Оставь меня въ покоѣ! Теперь такая погода, что жаль выгнать со двора собаку. Намъ очень хорошо здѣсь, хотя немного и высоко, мы останемся.

Людовикъ вздохнулъ и подвинулъ указанное кресло.

— Прекрасно! началъ отецъ, опускаясь въ него: теперь, возьми для себя стулъ и садись.

Сынъ молча повиновался.

— И такъ, ты меня спрашиваешь, какимъ-образомъ я узналъ что тебя встрѣчу въ улицѣ предмѣстья Сенъ-Дени, № 95, въ пятомъ этажѣ, надъ антресолями, ибо здѣсь есть антресоли? Ты вѣдь меня объ этомъ спрашивалъ?

— Да, батюшка.

— Я узналъ это, послѣдовавъ за тобою. Развѣ кабріолеты развѣзжаютъ не для всѣхъ?

— А вы видѣли....

— Думаешь ли ты, что отцу даны глаза для того, чтобы ничего не видѣть? Ты мой единственный сынъ, и я сдѣлался невольно дипломатомъ; понимаешь ли ты? Сегодня утромъ, вмѣсто того, чтобы весело ужинать съ пріятелями, ты воспользовался мгновениемъ, когда на тебя не обращали вниманія, и исчезъ. Я наблюдалъ за тобою во все время моего бала. Гмъ! говорилъ я себѣ: Людовикъ не танцуетъ, Людовикъ не смѣется! Людовикъ не разговариваетъ! Вотъ весьма грустные симптомы! Я знаю, что теперь мода казаться важнымъ въ восемнадцать лѣтъ и мизантропомъ въ двадцать-пять, но мнѣ думалось, что ты перецеголилъ моду. Я рассчитывалъ еще на ужинъ, но ты явился къ нему съ челомъ, отягощеннымъ скукою, словно какое трагическое лицо. Одинъ молодой человекъ заговорилъ о своихъ любовныхъ похожденияхъ, и вотъ ты вздыхаешь, будто Вертеръ. Диагностика, какъ говорятъ въ медицинѣ, показала мнѣ въ этотъ разъ характеристическою. Я не спускалъ съ тебя глазъ, я удвоилъ бдительность, и вотъ почему, когда ты вздумалъ оставить отель, я пустился вслѣдъ за тобою, покинувъ своихъ гостей за ужиномъ, который, я надѣюсь, расположить ихъ къ снисходительности. Теперь, хочешь ли ты, любезный сынъ чтобы я тебѣ сказалъ это? твое поведеніе мнѣ кажется неслишкомъ чисто. Прошелъ мѣсяць послѣ моего возвращенія, и я едва тебя вижу часъ или два въ день, утромъ за завтракомъ, вечеромъ за обѣдомъ; мой сынъ уходитъ съ зарей; мои друзья никогда его не видятъ, и никто его не встрѣчаетъ. Когда я освѣдомляюсь о тебѣ, никто не знаетъ, что съ тобой дѣлается, и меня спрашиваютъ, не отправился ли ты въ Перу. Когда я иногда тебя спрашиваю, что ты дѣлаешь со своимъ временемъ, ты мнѣ отвѣчаешь, что слушаешь курсъ ботаники, курсъ арабскаго языка, курсъ философіи, курсъ политической экономіи; курсъ китайскаго языка. Цѣлую кучу курсовъ! болѣе курсовъ, чѣмъ есть профессоровъ. «Славно, говорилъ я себѣ, какъ мой сынъ занимается; въ одно прекрасное утро чудныя вещи услышу я на его счетъ!»

— Батюшка!

— Между нами, я думаю это прекрасное утро настало. Ну, мой любезный Людовикъ, посмотримъ, какую глупостью зани-

маешься ты здѣсь? Я тебѣ не дѣлаю обиды предполагая, что ты имѣешь несомнѣнно хорошія намѣренія....

— О!...

— Хорошо, твое негодованіе меня успокоиваетъ; но какъ я не могу себѣ представить, что ты надѣлъ старый коричневый сюртукъ, протертый на спинѣ и лоснящійся на локтяхъ, и страшныя панталоны орѣховаго цвѣта, происшедшія на свѣтъ въ Тамплѣ, для того, чтобы изучать химію или философію, я принужденъ тебя спросить категорически, что привело тебя сюда и что ты здѣсь дѣлаешь? Я кончилъ; твоя очередь говорить.

— Батюшка....

— Да, я твой отецъ, это извѣстно, и доказывается метрическими книгами; но это еще не есть причина, чтобы ты вѣчно молчалъ. Хочешь ли, я тебѣ помогу? Есть у тебя долги.

— Нѣтъ.

— Не занимаешься ли ты изученіемъ коммерческихъ предприятий, которыя такъ много занимаютъ всѣхъ.

— Сохрани меня Боже!

— И ты хорошо дѣлаешь! Не думаешь ли ты стать политическимъ человекомъ, и не считаешь ли для того необходимымъ прочесть книги цѣлой бібліотеки?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Наконецъ, сталъ ли ты ученымъ энтомологомъ, механикомъ? Не ищешь ли ты философскаго камня?

— Э! батюшка, я не сумасшедшій!

— Если ты не сумасшедшій, то говори; я тебя слушаю.

Людовикъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на двѣ двери, все еще запертыя, раскрылъ ротъ, какъ-будто хотѣлъ качать говорить, и ничего не сказалъ.

— Но я жду! сказалъ отецъ, стуча своею тростью по плитамъ пола.

— Ради Бога тише, прошепталъ молодой человекъ.

— Не все ли равно, говорю я громко или тихо?

— Но мы не одни въ этой квартирѣ, отвѣчалъ Людовикъ съ усиленіемъ.

— А, мы не одни, это уже открытіе.

— И я не хотѣлъ бы мѣшать покою добрыхъ людей, которые тутъ живутъ.

— Тамъ? сказалъ отецъ, указывая на двѣ двери концемъ своей трости.

— Да, батюшка.

— А чѣмъ занимаются эти добрые люди?

— Они ремесленники.

— Какіе ремесленники? Нынѣ столько ремесленниковъ:

— О! это хорошіе люди!

— Эти хорошіе люди ремесленники; эти ремесленники хорошіе люди; мы долго можемъ такимъ образомъ бесѣдовать, насколько не объясняя вопроса; но вотъ вещица, которая, я думаю поможетъ намъ разрѣшить его.

Отецъ всталъ, и подоидя къ одному изъ стульевъ, взялъ осторожно, между большимъ и указательнымъ пальцемъ, хорошенькій, маленькій чепчикъ, только что накануне сшитый.

При этомъ видѣ, Людовикъ покраснѣлъ до ушей.

— Премиленькій чепчикъ, сказалъ отецъ, поворачивая его на своемъ пальцѣ: ты мнѣ позволишь предположить, что онъ принадлежитъ кому-нибудь, и это кто-нибудь молоденькая дѣвушка?... Подъ этими розовыми лентами кроется любвишка!

— Не любвишка, сказалъ сынъ, вставая; но любовь глубокая, серьезная, искренняя.

— Къ чему не сказать прямо вѣчная!

— Да, батюшка вѣчная!

— Вотъ мы и начинаемъ понимать другъ-друга. Ты влюбленъ, и принимаешь легкій огонекъ за пламя волкана.

— Ахъ, еслибы вы знали ту, которую я люблю.

— Не кончай; это бесполезно, я знаю заранѣе все, что ты мнѣ намѣренъ сказать. Она имѣетъ всѣ качества, всѣ достоинства, всѣ добродѣтели, всѣ прелести; гораздо даже болѣе, это не женщина, это существо сверхъестественное. Такъ изъ-стари говорится. Но у этого прекраснаго существа есть конечно имя?

— Та, которую я люблю, называется Целиною.

— О! какое имя!

— Но продолжай. У Целины есть какое нибудь-ремесло, безъ сомнѣнія, семейство? Хорошо быть совершенствомъ отъ рожденія, но нехудо имѣть также ремесло и семью.

— Целина цвѣточница.

— Хорошо!

— Ея отецъ столяръ, а мать занимается хозяйствомъ.

— Превосходно! и изъ всего этого, мнѣ кажется предосудительно одно только твое присутствіе здѣсь, среди лицъ, безъ сомнѣнія, тебѣ мало извѣстныхъ.

— Какъ ни мало прошло времени съ-тѣхъ-поръ, какъ я ихъ знаю, но оно дало мнѣ возможность оцѣнить ихъ терпѣніе, твердость, честность, ревность къ работѣ....

— Прекрасно, у насъ есть образцовыя фермы, ты выдумываешь образцовыя семейства; это лучше.

— Вы смѣтаетесь, батюшка; но не вы ли сами научили меня уважать честныхъ людей? «Какое бы ни было ихъ состояніе, говорили вы мнѣ, блестящее или скромное, ихъ надо уважать.» Я примѣняю къ практикѣ ваши слова.

— Очень хорошо! Но научая тебя уважать честныхъ людей, развѣ я тебѣ говорилъ что должно любить ихъ дочерей.

— Развѣ мы властны надъ своимъ сердцемъ?

— Мы всегда властны дѣлать или не дѣлать глупостей! Послушай, мой любезный Людовикъ, я шучу, но все-таки дѣло болѣе важности, нежели ты думаешь, и я надѣюсь, что я прихожу въ-время чтобы помѣшать тебѣ сдѣлать такую глупость, или дурной поступокъ!

— Что вы хотите сказать?

— Ты меня поймешь. Это семейство, говоришь ты, честное и одаренное всѣми добродѣтелями, которыми драматурги съ такою любезностію надѣляютъ всякаго, кто только не носитъ фрака; я вѣрю тебѣ на слово, но согласись, что ты какъ-то странно уважаешь эту честность?

— Какъ такъ?

— Войдя въ это семейство работниковъ, объявилъ ли ты о своемъ имени, богатствѣ, положеніи въ свѣтѣ? За тебя мнѣ отвѣчаетъ твое платье. Думаешь ли ты, что это переодѣванье очень честно, и если эти добрые люди узнаютъ, что ты ихъ обманулъ, то не будутъ ли они въ-правѣ обвинить тебя?

— Да, я согласенъ: употребленная мною хитрость, можетъ-быть, достойна оужденія; но какая моя цѣль въ этомъ? Хотите ли вы знать ее?

— Что же ты мнѣ хочешь сказать, чего бы я не зналъ? Ты жертва комическихъ оперъ. Ты хотѣлъ быть любимъ для самого-себя! Средство не ново, но оно смѣшно. Хорошо ли ты обдумалъ свое намѣреніе, приходя сюда?

— Что сказать вамъ, батюшка? Я люблю; это слово заключаетъ все. Оно объясняетъ мое поведеніе, и если не оправдываетъ его, то извиняетъ. Меня влечетъ къ Целинѣ не одна красота ея, но особенно ея грація, ея наивность, ея сердечная чистота, ея веселый и прелестный нравъ! Я люблю ее.

— Или ты думаешь, что любишь ее!

— Я очень хорошо знаю, что ее иногда можно обвинить въ недостаткѣ хорошихъ манеръ, правильныхъ выраженій; да, это не свѣтская женщина; но если она родилась, какъ лѣсная фіалка, случайно, безъ воздѣлыванія, то менѣе ли у нея отъ того прелести и благоуханія? Когда она стоитъ тамъ у окна, и напѣвая какой-нибудь народный романсъ, вяжетъ свои букеты изъ газа, шелку и бархату, искренность ея улыбки, розовая свѣжесть ея щекъ, ея птичья веселость, ея молодость, ея беззаботность, все мнѣ напоминаетъ Женевьеву!...

— Я жду отъ тебя разсужденій, а ты попадаешь въ лиризмъ. Тебѣ недостаетъ только отвѣчать мнѣ стихами. Оставимъ въ покоѣ Женевьеву, Андре и Жоржъ-Занда, которымъ нечего дѣлать съ твоимъ происшествіемъ, и отвѣчай прямо на мой вопросъ. Имѣешь ли ты серьезное намѣреніе жениться на Целинѣ? Да, или нѣтъ?

— Да.

— Ты принадлежишь къ новой школѣ, мое бѣдное дитя!

— Я принадлежу къ школѣ, которая не имѣетъ предразсудковъ.

— И я также не имѣю предразсудковъ; но если бы романы, составлявшіе твою пищу, позволили тебѣ немного разсуждать, ты скоро понялъ-бы, что женщина, которая не имѣетъ нашихъ идей и привычекъ, не говоритъ на нашемъ языкѣ, не принадлежитъ къ нашему свѣту, можетъ, имѣя превосходныя качества, сдѣлать насъ совершенно несчастными. Скажемъ напрямки: дѣвица Целина, и это не моя вина, не твоей касты, не твоего сословія.

— Но, батюшка....

— Ахъ! мой другъ, избавь меня отъ подобныхъ глупостей! Все, что ты мнѣ хочешь сказать, я читалъ двадцать разъ, и не стоить труда мнѣ повторять это. Повѣрь моей старой опытности: соединясь съ дѣвицею Целиною, ты думаешь жениться на гризеткѣ, и ты женишься на посмѣшицѣ.... Гораздо болѣе, ты женишься на несчастіи.

Людовикъ ничего не отвѣчалъ, но его физиономія обличала его сердечныя движенія; если онъ и сожалѣлъ, что его застигли въ романтическомъ похожденіи, то видно было, что онъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи.

— Послушай меня, продолжалъ отецъ важнымъ голосомъ: все это меня огорчаетъ болѣе, чѣмъ ты думаешь. Ты совершеннолѣтень; ты можешь распорядиться состояніемъ, которое тебѣ оставила твоя бѣдная мать; слѣдовательно, ты можешь совершенно поступать по своей волѣ.... Но думаешь ли ты, что у меня есть другой интересъ, кромѣ твоего счастья? И не составляешь ли ты мою самую дорогую, я хотѣлъ сказать, мою единственную привязанность?

Разстроганный сынъ поцѣловалъ руку своего отца.

— Я думалъ предложить тебѣ другой союзъ....

— Другой союзъ? повторилъ сынъ, поднимая голову.

— Помнишь ли ты свою кузину, Марію?

— Это хорошенькое дитя, которое я не видалъ уже семь или восемь лѣтъ?

— Она теперь взрослая молодая дѣвушка; душа самая чистая въ самомъ прекрасномъ тѣлѣ. Ты знаешь, она сирота, и я ее назначилъ тебѣ.

Людовикъ покачалъ головою.

— Теперь уже поздно, батюшка, сказалъ онъ.

— Мы увидимъ! отвѣчалъ дипломатъ.

Въ эту минуту послышался легкій шумъ въ сосѣдней комнатѣ. Людовикъ поспѣшно вскочилъ и бросилъ умоляющій взглядъ на своего отца.

— Я тебя понимаю, сказалъ послѣдній. Ты боишься, чтобы мое присутствіе здѣсь, въ такое время, не открыло этимъ добрымъ людямъ, кто такой я и кто такой ты. Я удалюсь; но подумай хорошенько, ты стоишь на дорогѣ, которая ведетъ къ самымъ опаснымъ глупостямъ. Твои глаза мнѣ говорятъ, что

твое сердце болѣе несвободно; я обращаюсь къ твоему разсудку.... Подумай о своей будущности, подумай о своемъ семействѣ, и не разрушай счастья всей своей жизни изъ пустаго каприза. Я тебя оставляю и возвращаюсь въ отель, но помни, что я тебя жду.

Дипломатъ вышелъ изъ комнаты.

Когда затихъ шумъ его шаговъ на лѣстницѣ, Людовикъ упалъ въ кресло, закрывъ лицо руками.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: это невозможно! Я люблю Целину, я женюсь на Целинѣ!

III.

СЕМЕЙСТВО ПЛЮШЕ.

Можетъ-быть, пѣкоторые найдутъ, что г. маркизъ де-ла-Сейллерей (это было имя отца Людовика) употреблялъ отцовскую власть не съ достаточною твердостью, въ то время, какъ бесѣдовалъ съ сыномъ въ улицѣ предмѣстья Сень-Дени. Такая умѣренность происходила отъ одного особеннаго обстоятельства, которое надо объяснить.

Г. де-ла-Сейллерей принадлежалъ къ школѣ медлителей. Онъ много надѣялся на время и на помощь, доставляемую случаемъ.

«Умѣть выжидать, обыкновенно говаривалъ онъ, значитъ успѣвать».

Отправляясь въ Германію, куда призывала его смерть родственницы, оставившей по себѣ наслѣдницею единственную дочь свою, сироту семнадцати лѣтъ, г. де-ла-Сейллерей поручилъ сына своему старому другу, отставному моряку.хлопоты по устройству дѣлъ богатаго наслѣдства, запутаннаго долгами и тяжбами, удержали г. де-ла-Сейллерей въ Германіи долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. По возвращеніи во Францію,

первою его заботою было освѣдомиться у стараго друга о характерѣ своего сына и самому изучить его. Результатъ этого двойнаго изслѣдованія несовсѣмъ былъ для него] приятенъ но маркизъ довольно пожилъ и видалъ слишкомъ много разныхъ случаевъ, чтобы испугаться этого результата. Его безпокоило единственно то, что въ характерѣ Людовика онъ замѣтилъ почти совершенное отсутствіе недостатковъ.

— Никакихъ недостатковъ! говорилъ онъ про-себя, дурной признакъ! Лишь бы въ немъ не было пороковъ!

Войдя въ свой кабинетъ, послѣ поѣздки въ предмѣстье Сень-Дени, г. де-ла-Сейллерей нашелъ тамъ своего друга, моряка, ожидавшаго его.

— Я весьма радъ видѣть васъ, сказалъ онъ: мнѣ надо съ вами поговорить.

— Поговоримъ.

— Но, сначала расскажите мнѣ хорошенько все.

— Что все?

— Что дѣлалъ мой сынъ въ послѣднее время моего отсутствія?

— Почему могу я знать это? Вѣроятно, онъ дѣлалъ то, что дѣлали и мои сыновья!

— А что дѣлали сыновья ваши?

— Не знаю. Думаете ли вы, что я забочусь о томъ, что дѣлаютъ молодые люди двадцати-пяти лѣтъ? Я вамъ сказалъ: я взялъ на себя временную опеку надъ Людовикомъ, съ условіемъ бросить ему узду на шею; я сдержалъ слово, и онъ еще бѣгаетъ.

— Я думаю!

— Впрочемъ, что могутъ дѣлать молодые люди, если не тратить немного болѣе денегъ, чѣмъ нужно, ужинать поздно, ѣздить по лѣсу и танцовать на балѣ? И мы тоже дѣлали.

— Я не прочь отъ этого, но мой сынъ — жалкій человѣкъ!

— Вы меня пугаете!... Что же онъ дѣлаетъ?

— Онъ влюбленъ!

— Ахъ! Боже! — И въ кого?

Тутъ г. де-ла-Сейллерей рассказалъ своему старому другу, капитану Гароффе, странную интригу, въ которую вмѣшался сынъ его Людовикъ съ невинностію новичка и безразсудностію мотылька.

— Но, вѣдь это глупо! вскричалъ старый морякъ.

— Я это хорошо знаю, и это-то меня пугаетъ. Глупость, которая беретъ начало въ самыхъ лучшихъ качествахъ сердца....

— Мой другъ, нельзя терять времени; надо посадить вашего сына на корабль и послать его на край свѣта.

— Думаете ли вы, что на пути отъ Рио-Жанейро до Таити онъ не найдетъ болѣе или менѣе вѣтренныхъ цвѣточницъ. Много я выиграю, когда въ одно прекрасное утро пакетботъ привезетъ мнѣ извѣстіе изъ Индѣйскаго моря, что мой сынъ женился на мѣднокрасной Виргиніи, на Урикѣ цвѣта краснаго дерева!

— Справедливо; но что же теперь вы думаете дѣлать?

— Выжидать.... Вы видѣли ловлю китовъ, мой старый товарищъ?

— Двадцать разъ; но какое отношеніе между китомъ и вашимъ сыномъ?

— Весьма большое. Когда въ кита попадаютъ острогой, то распускаютъ веревку и даютъ ему возможность плыть такъ скоро, какъ онъ хочетъ.

— Конечно. Если натянуть канатъ, то китъ увлечетъ за собою все, острогу, шлюпку и матросовъ.

— Такъ вотъ! мой сынъ раненъ въ сердце.... я ему даю свободу дѣйствовать. Мы увидимъ, когда онъ утомится.

Обратимся теперь назадъ, и объяснимъ, какимъ образомъ Людовикъ познакомился съ семействомъ Плюшѣ.

Характера по природѣ восторженнаго, немного меланхолическаго и тихаго, Людовикъ раздѣлялъ свое время между чтеніемъ и мечтаніемъ. Когда онъ не читалъ стиховъ, или какого-нибудь романа въ оберткѣ цвѣта свѣжаго масла, то бродилъ по полямъ. Въ-мѣсто-того, чтобы искать въ свѣтѣ честную молодую дѣвушку, которой бы онъ могъ ввѣрить свое сердце и свою будущность, онъ гонялся за своимъ идеаломъ. Найти женщину, которая бы стала хорошею матерью семейства и составила счастье своего мужа, дѣло нелегкое, и много умныхъ людей не успѣваютъ въ этомъ. Людовикъ думалъ поступить лучше. Онъ воздвигнулъ въ своемъ воображеніи идеалъ абсолютный, и украсилъ его всѣми совершенствами, какія только поэты расто-

чаютъ своимъ идоламъ. Его идеалъ назывался то Офелією, то Элоизою, одинъ день Клариссою, а другой Дездемоною. Сколько очаровательныхъ привраковъ протеслось въ его воображеніи, когда онъ прохаживался, при солнечномъ закатѣ, вдоль опушки лѣса, напоенъ неваго тѣнями и отголосками. Онъ призывалъ тогда госпожу Морсауфъ и Матильду, Жюльетту и Виргинію, Эдмею и Беатриче, Валентину и Памелу. Легкія интриги, заводимыя безъ труда на прогулкѣ по Булоньскому-лѣсу или асфальту бульвара, ему чрезвычайно не нравились, и онъ не только не подражалъ примѣру своихъ друзей, но то, что зналъ объ ихъ подвигахъ въ этомъ родѣ, привлекало его еще болѣе къ его любимому мечтанію. Ему нужна была мечта.

Въ одинъ день, онъ ее нашелъ; и эта химера, цвѣточница по ремеслу, называлась Целиною Плюшѣ.

Гуляя по бульвару, Людовикъ часто встрѣчалъ молодую модистку, варядную и хорошенькую, мелькавшую мимо него съ картономъ или ящичкомъ въ рукѣ, такъ легко и граціозно, какъ зеленючка, прыгающая по тонкому песку ручейковъ. Онъ провожалъ ее взглядомъ, иногда слѣдовалъ за нею, и когда она исчезала за угломъ улицы, онъ вздыхалъ и уходилъ въ задумчивости.

Интрига была, какъ видно, ни слишкомъ живая, ни слишкомъ романтическая, но для такого характера, какой былъ у Людовика, достаточно было малѣйшаго случая, чтобы обратить эту встрѣчу въ событіе, и изъ событія сдѣлать романъ.

Случай представился въ одно воскресенье.

Въ этотъ день, Людовикъ, повинувшись своей фантазіи, отправился въ Сенъ-Мандѣ, и остановился въ одномъ трактирѣ. Пріятная погода заставила хозяина заведенія разставить столы въ саду. Пришло нѣсколько музыкантовъ, и общество пустилось танцовать.

Съ первыхъ шаговъ, сдѣланныхъ Людовикомъ въ саду, онъ встрѣтилъ глаза хорошенькой модистки. Она была въ лучшемъ своемъ кисейномъ платьѣ, въ хорошенкомъ чепчикѣ, и танцевала отъ души.

— Опять она! Какой случай! подумалъ Людовикъ.

Случай, надо признаться, нисколько не былъ чуденъ; но когда умъ направленъ къ романтическому, песчинки становятся

скалами, и работница, идущая на сѣнокосъ съ вилой, превращается въ Дульцинею.

Модистка продолжала танцовать, не обращая вниманія на г. де-ла-Сейллерея, котораго она не знала. Если она его замѣтила, то это потому, что стояла лицомъ къ двери, въ которую онъ вошелъ. Балъ, музыка и ея танцоръ занимали ее вполне. Если Людовикъ находилъ удовольствіе встрѣчать ее на улицѣ, то тутъ онъ еще съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ она прыгала съ быстротою бѣлки. По окончаніи кадрили, модистка поклонилась своему кавалеру и подбѣжала къ столу, за которымъ мастеровой, въ праздничномъ нарядѣ, попивая вино, разговаривалъ съ инвалидомъ.

— Ты веселишься? сказалъ ей мастеровой, получивъ отъ нея поцѣлуй.

— Да, папа.

— Хорошо, веселись.

— Конечно, а вы?

— Я, я болтаю съ этимъ господиномъ, который рассказываетъ мнѣ о своихъ кампаніяхъ; мы остановились на Березинѣ.

— Мѣстечко, гдѣ было жарко, мамзель, сказалъ инвалидъ, кланяясь модисткѣ: льдины повсюду, въ рѣкѣ и на усахъ.

— Какъ это смѣшно! сказала молодая дѣвушка: но гдѣ же мама?

— Мама Плюшѣ!... А, вотъ она тамъ съ нашею сосѣдкою.... Онѣ вдвоемъ работаютъ языкомъ за четверыхъ!

— О! начинается ригурнель. Прощай, папа!

И легче птицы, мадемоазель Плюшѣ побѣжала танцовать.

Общество на балѣ было смѣшанное, и оно очень удивилось бы, узнавъ, что сынъ настоящаго маркиза, и притомъ миліонщика, пришелъ мечтать въ садъ Питу, подъ вывѣской *Африканскаго егеря*.

Въ самый разгаръ вальса, вихремъ носившаго посѣтителей съ швеями, купеческій сидѣлецъ, корчившій изъ себя важнаго человека схватилъ безъ церемоніи Целину за талию и поцѣловалъ ее въ шею. Целина вскрикнула и хотѣла отъ него освободиться.

Но трактирный Донъ-Жуанъ, воодушевленный бутылкою бѣлаго вина, не пускалъ ее.

Людовикъ находился недалеко отъ Целины. Онъ бросается на забѣжку, и отталкиваетъ его. Зрители смѣются. Сидѣлецъ, разсерженный кидается на своего противника.

— Берегитесь, вскричала Целина, видя, что побѣжденный подходитъ къ ея защитнику.

— Не беспокойтесь; я съ нимъ справлюсь отвѣчалъ Людовикъ.

На шумъ пришли жандармы, и чтобы возстановить порядокъ, схватили обоихъ непріятелей.

— Взять ихъ! сказалъ присутствовавшій тутъ бригадиръ.

Что случилось бы съ поэзією и мечтами Людовика, еслибы съ высоты онъ внезапно попалъ въ жалкую дѣйствительность сибирки? этого никто не можетъ знать! Но Целина была тутъ, она вступилась.

— Братъ виновныхъ, сказала она, вы можете, но оставьте невинныхъ!

— Э! матушка! всѣ буяны были бы невинны отъ отца до сына.... еслибы ихъ слушали!

— Но, я вамъ говорю, что онъ защищалъ меня отъ этого грубіяна, который хотѣлъ поцѣловать меня насильно.

— Это правда! сказалъ одинъ драгунъ, вышиною въ пять футовъ шесть дюймовъ, безъ каски.

— А! онъ хотѣлъ васъ поцаловать? возразилъ жандармъ, и приказалъ отпустить Людовика.

Въ эту минуту Людовикъ почувствовалъ свою руку какъ бы въ тискахъ; онъ обернулся и увидѣлъ честное лицо Жерома Плюшѣ, пришедшаго благодарить его за свою дочь.

— Вы защитили Целину; это поступокъ храбраго человека; и если вамъ понадобится когда-либо добрая пара рукъ, рассчитывайте на Жерома Плюшѣ,

— А я, прибавилъ нѣжный голосъ Целины, повѣрьте, никогда не забуду, что вы сдѣлали для незнакомой вамъ женщины.

Мадамъ Плюшѣ, болѣе откровенная, бросилась на шею къ молодому человѣку.

— Ахъ! сказала она: вы герой, я думала видѣть въ васъ принца Родольфа. Вы также храбры, какъ онъ, и я думаю, онъ походилъ на васъ.

Добродушіе и искренность этихъ простыхъ работниковъ, хорошенькое личико ихъ дочери, подѣйствовали на чувствительное сердце Людовика; онъ увидѣлъ въ своемъ воображеніи, постоянно восторженномъ, первую главу романа, и уступилъ удовольствію перевернуть первые листки его.

Когда настало время идти домой, не было болѣе ни кареты, ни омнибуса. Рѣшились возвратиться въ Парижъ пѣшкомъ. Ночь была тихая и лунная.

Людовикъ пошелъ вмѣстѣ съ семействомъ Плюшэ, съ которымъ оказанная имъ защита Целинѣ поставила его на совершенно дружескую ногу. Пѣсенки и болтовня смѣнялись своимъ чередомъ. Посматривая на Целину, и въ каменистыхъ мѣстахъ подавая ей иногда руку, Людовикъ принялъ съ радостію мысль которую всякій другой поспѣшно отвергнулъ бы; мелькнувъ въ его умѣ, эта мысль вскорѣ пустила въ немъ глубокіе корни.

«Что если я получу къ ней доступъ, думалъ онъ, въ своей жадлѣ приключеній; если я заставляю ее полюбить себя; по крайней-мѣрѣ, тогда я буду увѣренъ, что соблазнъ богатства и титла не будетъ ничего значить въ чувствѣ, которое я пробужу въ этомъ молодомъ сердцѣ. Целина свѣжа, какъ майская роза; она пользуется всеѣмъ преимуществомъ своего возраста и хорошаго здоровья; она щебечетъ подобно ласточкѣ на краю крыши; улыбка ея другъ; малѣйшія ея мысли ясны, какъ чистая вода; можетъ-быть, счастье у меня подъ рукою».

Людовикъ въ этомъ мѣстѣ своего размышленія, романческаго плода луннаго свѣта, былъ прерванъ госпожою Плюшэ, одаренной въ высшей степени любопытствомъ.

— Вы изъ Парижа? спросила она его внезапно.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Людовикъ.

И онъ почти не солгалъ; Людовикъ родился въ замкѣ, въ окрестностяхъ Сень-Жермена.

— Такъ вы изъ провинціи? продолжала любопытная.

— Да, отвѣчалъ Людовикъ.

Здѣсь ложь начала вмѣшиваться въ разговоръ. Еще нѣсколько словъ, и она вполне овладѣла имъ.

— Бѣдный молодой человѣкъ! продолжала мадамъ Плюшэ, непостигавшая, какъ можно было родиться не въ Парижѣ: конечно, ваши родители послали васъ въ Парижъ.

— Да, мои родители и желаніе сыскать себѣ занятіе. Надо работать, чтобы имѣть чѣмъ жить!

— Это обычай честныхъ людей, но я знаю, нѣкоторые и безъ него обходятся, сказалъ папа Плюшэ!

— О! этотъ молодой человѣкъ смотритъ всеѣмъ не негодяемъ, сказала тихонько Целина.

— Это видно! храбрый молодой человѣтъ, надѣляющій дерзкихъ такими знатными пинками.

— Но, скажите мнѣ, начала снова мадамъ Плюшэ, упорствовавшая въ допросѣ: чѣмъ же вы занимаетесь?

Людовикъ съ минуту не зналъ, что отвѣчать.

— Я? спросилъ онъ, потомъ.

— Кто же другой.

Людовикъ провелъ рукой по лбу.

— Я занимаюсь на конторѣ одного управляющаго, сказалъ онъ наконецъ.

— Выгодно это занятіе?

— Да, довольно выгодное.

— А сколько вы выручаете?

— Около двухъ сотъ франковъ въ мѣсяцъ.

— Это прекрасно! немного болѣе шести франковъ въ день.

— Столько, сколько получаютъ позолотчики фарфора, искусные обойщики и столяры, сказалъ Жеромъ Плюшэ.

— Но я скоро получу прибавку, возразилъ Людовикъ, увлекаясь своею выдумкою.

— А тратите вы все, что получаете?

— Когда живешь въ гостинницѣ....

— Какъ! вы живете въ гостинницѣ?

— Поневолѣ, когда не имѣешь особой квартиры.

— Но, молодой человѣкъ, васъ должны на славу обкрадывать въ этой гостинницѣ? А кто смотритъ за вашимъ бѣльемъ, за вашими вещами?

— Прислужница.

— Это чистый грабежъ.

— Да, достается таки платкамъ и рубашкамъ.

— Это ужасъ! Но, для чего вы не помѣститесь на хлѣбахъ въ какомъ-нибудь честномъ семействѣ?

— Надо прежде отыскать его.

- Такъ отъ чего вы не ищите.
- Я никого не знаю.
- Послушайте, хотите, я вамъ сдѣлаю предложеніе?
- Дѣлайте, дѣлайте.
- Согласны вы переѣхать къ намъ!
- Если позволить г. Плюшѣ.
- Тутъ нѣтъ вопроса объ его позволеніи, когда мнѣ такъ угодно. Переѣзжайте, что-ли?
- Но сначала, вскричалъ г. Плюшѣ, должно знать, живутъ ли они въ нашемъ сосѣдствѣ.
- Это справедливо; гдѣ живетъ этотъ управляющій, у котораго вы занимаетесь?
- Въ предмѣстьѣ Поассоньеръ, отвѣчалъ смѣло Людовикъ, вспомнивъ, что онъ встрѣчалъ Целину между бульваромъ Бонь-Нуviel и Сенъ-Денискими воротами.
- Вотъ и прекрасно, мы, значитъ, сосѣди.
- А!
- И какъ нарочно у насъ есть, въ улицѣ предмѣстья Сенъ-Дени, незанятая комната; мебель въ ней вся орѣховая.
- Вся орѣховая! повторилъ Людовикъ.
- Вы можете поселиться въ ней завтра, если хотите.
- Не желаю лучшаго.
- Такъ вы согласны?
- Согласенъ!
- Кстати, такъ какъ вы теперь нашъ жилецъ, скажите мнѣ, пожалуста, какъ васъ зовутъ?
- Меня зовутъ Людовикъ Дурандъ, отвѣчалъ онъ.
- И прибавилъ про себя:
- «Есть столько Дурандовъ, что все-равно, однимъ болѣе или менѣе»!
- Разговаривая такимъ-образомъ, общество дошло до Сенъ-Денискихъ воротъ; тутъ новые друзья расстались, обѣщая увидѣться завтра.
- Вернувшись въ отель своего отца, Людовикъ былъ веселъ до безумія. Благодаря свободѣ, предоставленной ему капитаномъ, которому онъ былъ ввѣренъ г. де-ла-Сейллереемъ, переѣздъ Людовика на новую квартиру не былъ продолжителенъ; всю кладь составилъ одинъ чемоданъ. Впрочемъ, никто въ отелѣ

не замѣтилъ новой и странной жизни, которую онъ сталъ вести. Капитанъ корабля, еслибы прожилъ сто лѣтъ, то и тогда не вообразилъ бы, что молодой человѣкъ, имѣвшій въ распоряженіи своего сердца всѣ будуары Шоссе-д'Антенъ, могъ заключить его въ каморкѣ предмѣстья Сенъ-Дени!

Изъ комнаты, назначенной Людовику у супруговъ Плюшѣ, выходило окно на крышу и представляло видъ, составлявшійся изъ замѣчательной коллекціи флюгеровъ и трубъ. Перспектива терялась въ горизонтѣ черепицъ и аспидныхъ досокъ. Мебель, стоявшая много, много тридцать экую, состояла изъ постели, коммода, четырехъ стульевъ и маленькаго зеркальца, повѣшеннаго на стѣнѣ.

— Вы будете здѣсь жить какъ принцъ, сказала ему госпожа Плюшѣ, показывая комнату. Немного высоко, но воздухъ чистый; есть за окномъ полочка, куда можно будетъ ставить горшокъ съ резедою и гвоздикомъ.... Напротивъ живетъ артистъ, играющій на фортепіано самыя новыя піесы, контрдансы, которые хоть кого заставятъ плясать. Немного далѣе, тамъ, гдѣ вы видите зеленую клѣтку съ канарейкою, живетъ дѣвица, которая поетъ романсы, раздирающіе сердце. Она должна дебютировать въ Амбигю. Любите ли вы искусства?

— О! вскричалъ Людовикъ съ выраженіемъ восхищенія.

— Я въ восторгѣ отъ нихъ.... особенно отъ мелодрамъ. Мнѣ пріятно плакать горькими слезами. Иногда подумаешь, что если-бы я училась, то могла бы быть актрисою!... но я не получила воспитанія. О! Мелингъ, вотъ такъ актеръ! Вы его помните въ *Лазарь Пастухъ*, когда онъ кричитъ: *стражи, не спать!* Я не могу сидѣть на мѣстѣ, вспоминая объ этомъ. Мелодрама! ничего нѣтъ лучше. Мать, обнимающая свою дочь, сердитый отецъ, измѣнникъ, ужасный измѣнникъ, который всѣхъ преслѣдуетъ; бѣдная невинная дѣвушка, влюбленная какъ весна и неимѣющая возможности выдти замужъ за любимаго человѣка; принцессы въ золотыхъ платьяхъ, и люди, которыхъ сажаютъ въ темницу; исторіи о маленькихъ покинутыхъ дѣтяхъ, заставляющія всѣхъ отъ первыхъ ложъ до галлерей, отъ галлерей до партера, проливать слезы, и г-Джемма, въ театрѣ Сенъ-Мартенскихъ-воротъ, съ своимъ громовымъ голосомъ, и г. Бутенъ, который разсмѣшитъ голодна.

го могильщика, и мадамъ Гюйонъ, превосходная женщина, которая трогаетъ васъ донельзя, когда говоритъ: *Дитя мое! дитя мое!*» А потомъ, страшныя сцены. Все это очень забавно! Отъ чего, я не мадамъ Кларисса Мирой, а жена Жерома Плюшэ?

Голосъ мужа прервалъ добрую женщину, посреди ея сердечнаго изліянія.

— Эй, жена, кричалъ голосъ: пора завтракать, а то говядина переварится.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчала она.

Потомъ, пожавъ плечами, прибавила:

— Вотъ этотъ такъ не любитъ литературы! лишь бы были у него доски для работъ, да сытное кушанье, и онъ счастливъ.

— Посмотрите, какой случай, сказалъ тогда Людовикъ, удерживая мадамъ Плюшэ: мой патронъ именно служить въ Амбигю: такъ какъ вы любите мелодраму, то я вамъ достану ложу на представленіе новой піесы.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, достанете ложу! на ту піесу, гдѣ плачутъ такъ, что подумаешь, дождь идетъ въ залѣ!... Стоитъ за это васъ поцаловать!

И мадамъ Плюшэ поцаловала Людовика въ обѣ щеки.

Семейство, въ которое вошелъ сынъ г. маркиза де-ла-Сейл-лерей, состояло изъ четырехъ лицъ, трехъ уже намъ извѣстныхъ, и четвертаго, г. Артура, племянника мадамъ Плюшэ и по званію *парижскаго шалуна* (*гамена*).

Г. Артуръ былъ не такой парижскій гамень, какого мы привыкли видѣть на театрахъ, но настоящій, какого мы видимъ на улицахъ.

Этотъ негодяй, обычный посѣтитель бульварныхъ театровъ, занимался въ часы досуга ремесломъ брилліантщика; но забота прочесть утромъ афиши, собрать новости въ разговорахъ передъ дверьми Цирка съ хористами театровъ *Petit-Lazari* или *Folies Dramatiques*, пробѣжать журналы, чтобы знать время дебютовъ и возвращенія знаменитыхъ актеровъ, слѣдовать за полками, проходящими по улицѣ съ музыкой, присутствовать при смотрахъ, и тысяча другихъ неменѣе полезныхъ занятій, оставляли ему такъ мало свободнаго времени, что Артуръ почти никогда не ходилъ въ мастерскую.

Но онъ, напримѣръ, не пропускалъ зайти два или три раза въ недѣлю на площадь, гдѣ выставляютъ найденныя мертвыя тѣла, и постоянно занималъ первое мѣсто у заставы Святаго Якова въ дни казни. Драмы ассизнаго суда не имѣли болѣе ревностнаго слушателя; лучше *Газеты Трибуналовъ*, онъ зналъ имена и прежнюю жизнь важныхъ преступниковъ, призванныхъ въ судъ. Въ Венсеннѣ не раздавался пушечный выстрѣлъ безъ того, чтобы онъ не принялъ большаго участія во всѣхъ воинскихъ маневрахъ. Г. Артуръ не имѣлъ соперника въ игрѣ въ пробку и въ миломъ искусствѣ подражать крику животныхъ. Онъ могъ пробить тревогу пальцами по стеклу и мастерски трубилъ въ кулаки. Съ перваго взгляда, онъ узнавалъ въ толпѣ г. Фредерика Леметра, и въ театрѣ показывалъ своимъ товарищамъ бѣлыя перчатки г. Деннери и сѣдые волосы г. Мишеля Массона. При случаѣ, онъ декламировалъ тирады изъ мелодрамъ и пѣлъ охриплымъ голосомъ водевильныя куплеты. Сколько знаменитыхъ покойниковъ проводилъ онъ на кладбище Отца-Лашеза, и сколько выслушалъ надгробныхъ рѣчей! Онъ былъ скептикъ, лгунъ, лентяй, объѣдала, иногда остроумный, болѣею частію буянъ, дерзкій, любопытный.

Доходъ Артура составляли су, которыя онъ ловко выпрашивалъ у мадамъ Плюшэ, или выручалъ, открывая дверцы каретъ у подъѣзда театровъ, и торгуя контрмарками, на бульварахъ, то у Сень-Мартенскихъ-воротъ, то у *Variétés*, или, наконецъ: выигрывалъ въ любимую свою игру въ пробку.

Г. Артуръ былъ любимцемъ госпожи Плюшэ и нѣсколько надоѣдалъ господину Плюшэ. Онъ ласкалъ всѣ слабыя струны первой, рассказывая ей интриги видѣнныхъ имъ драмъ, и доставляя ей самыя свѣжіе фельетоны; возбуждалъ гнѣвъ послѣдняго дерзостію своихъ поступковъ, противныхъ честной и трудолюбивой природѣ мастераго. Такимъ-образомъ, Артуръ былъ постоянною причиною внутреннихъ раздоровъ между двумя супругами; раздоры кончались, сказать мимоходомъ, тѣмъ, что Жеромъ Плюшэ, слишкомъ добрый или слишкомъ слабый, удалялся, не желая разсердиться не на шутку.

Чтобы окончить портретъ этого семейства, мы скажемъ, что господинъ Плюшэ по ремеслу столяръ, былъ такимъ, какимъ

казался, то есть чрезвычайно честнымъ, откровеннымъ, веселаго нрава; онъ любилъ одно свое семейство, и ничего не желалъ, кромѣ работы.

Целина, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, была характера живаго и веселаго, съ ребяческимъ умомъ и простодушнымъ сердцемъ, при всемъ томъ одаренная большимъ количествомъ здраваго смысла.

Что касается госпожи Плюшѣ, то, конечно она была добрая женщина, но преисполненная глупости и тщеславія. Она питалась одними грезами; справедливая и разсудительная мысль никогда не проникала въ ея мозгъ, сбитый съ толку мелодрамой и фельетономъ. Она судила о свѣтѣ по приключеніямъ Флеръ-де-Мари и монологамъ г. Сенъ-Ернеста на театрѣ Амбигю, въ котораго она слѣпо вѣрила. Возобновляя глупости Катоса и Маделоны, она думала, что въ жилахъ ея текла знаменитая кровь, и мечтала для себя и своей дочери о какомъ-то чудномъ приключеніи, которое должно было возратить имъ потерянное ими состояніе. Однимъ-словомъ, она вѣрила серьезно въ необыкновенныхъ людей, переодѣтыхъ въ работниковъ.

Впрочемъ, несмотря на свои недостатки, госпожа Плюшѣ любила дочь и мужа, и готова была разорваться на части, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми.

Таково было семейство, въ которое игра воображенія ввела господина Людовика де-ла-Сейллерея, единственнаго сына господина маркиза де-ла-Сейллерея, бывшаго пера Франціи и посланника.

III.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ПЯТОМЪ ЭТАЖѢ.

Едва прошло двѣ недѣли съ-тѣхъ-поръ, какъ Людовикъ поселился въ пятомъ этажѣ предмѣстья Сенъ-Дени, какъ господинъ де-ла-Сейллерей открылъ тайну этого романическаго су-

ществованія; но можно сказать, что его успѣхи въ любовной кампаніи, съ такою вѣтреностію предпринятой, были до сего времени отрицательные. Характеръ Целины не былъ склоненъ къ мечтательности, и нѣмецкая сентиментальность не нравилась ея сердцу, бившемуся отъ веселыхъ пѣсней.

Целина, несмотря на робкія нападенія на свое сердце, упорно видѣла въ Людовикѣ лишь простаго клерка и добраго малаго, и ничего болѣе. Но это противодѣйствіе, важность котораго оставалась незамѣтною для молодой дѣвушки, раздражало фантастическую страсть Людовика, и побуждало его не оставлять плана.

Онъ походилъ на командующаго арміею, который осадилъ крѣпость, и не соглашается отступить прежде, чѣмъ гарнизонъ пробѣдетъ къ сдачѣ.

Любовь Людовика была тѣмъ опаснѣе, чѣмъ менѣе была она искренна; онъ любилъ въ Целинѣ не столько женщину, сколько типъ своего созданія; онъ смотрѣлъ на нее, какъ поэтъ смотритъ на свою драму, скульпторъ на свою статую, живописецъ на свою картину; онъ пристращался къ своему творенію съ упрямствомъ немного слабаго характера и очень добраго сердца. Все это превосходно понималъ г. де-ла-Сейллерей, его отецъ, и рѣшился, ни за-что не приниматься необдуманно.

Въ одно утро, спустя нѣсколько дней послѣ переданнаго нами разговора между маркизомъ и его сыномъ, Людовикъ, возвратясь къ завтраку, засталъ Жерома съ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ. Этотъ молодой человѣкъ, двадцати-шести или двадцати-семи лѣтъ, былъ хорошо сложенъ и имѣлъ открытое лицо, располагавшее въ его пользу. Онъ былъ въ одеждѣ опрятнаго и достаточнаго ремесленника.

Целина, съ разгорѣвшимися щеками и болѣе обыкновеннаго блестящими глазами, готовила въ углу цвѣты. Но ея нетвердая рука дурно оканчивала начатую розу. Мадамъ Плюшѣ, съ немного пасмурнымъ лицомъ, накрывала на столъ.

Жеромъ и молодой работникъ сидѣли другъ подлѣ друга; но, если они разговаривали вмѣстѣ, то взоры послѣдняго обращены были въ-сторону Целины.

— Господа, сказалъ Жеромъ, вставая: я долженъ васъ познакомить другъ съ другомъ; вы достойны взаимнаго уваженія.

Людвикъ поклонился незнакомцу немного холодно. Онъ приписывалъ волненіе Целины его присутствію.

— Жакъ Клико, продолжалъ Жеромъ, ударяя по плечу молодого работника: мой пріятель Жакъ, обойщикъ, не распутникъ, не буйнъ, сынъ моего стараго товарища, котораго я любилъ какъ брата.

Жакъ поклонился, но холодно, подобно Людовику.

— Господинъ Людвикъ, служить у одного управляющаго, продолжалъ Жеромъ, и въ настоящее время мой жилецъ.

— Вашъ жилецъ! повторилъ Жакъ.

Онъ посмотрѣлъ на Людовика, посмотрѣлъ на Целину, и нахмурилъ брови.

— Ну да! нашъ жилецъ! Развѣ это не нравится г. Клико? сказала мадамъ Плюшэ, ворча.

— А какое ему до этого дѣло? вскричалъ Жеромъ. Въмѣсто того, чтобы ворчать, ты лучше бы давала завтракать.... я голоденъ! И ты, конечно, также, дружище Жакъ?...

— Еще бы, когда съ дороги!

— Я помогу мама! сказала Целина, вставъ быстро со стула.

Эта услужливость не понравилась Людовику, въ свою очередь нахмурившему брови.

Жакъ наклонился на ухо къ Жерому:

— Кажется, сказалъ онъ тихонько: мадамъ Плюшэ не измѣнилась соврѣмени моего отъѣзда.

— Она? Никогда!... Немного честолюбивая, немного тщеславная, немного сварливая, немного-то, немного се, неслишкомъ пріятная въ ежедневной жизни, впрочемъ добрая женщина.

— О чемъ вы шепчетесь тамъ? сказала мадамъ Плюшэ. Говорите громко, а если ничего не умѣете сказать хорошаго, то лучше молчите.

— Ты будешь теперь сердиться, что мы разговариваемъ между-собою о семейныхъ дѣлахъ?

— А! да, о семейныхъ дѣлахъ, о которыхъ намъ такъ ма-

ло сообщилъ г. Клико, и которыя принудили его такъ внезапно уѣхать.

— Славное дѣло! Умирающая тетка призвала Жака, чтобы отказать ему свое имущество.

— Только-то?

— Только, отвѣчалъ Жакъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— И эта старая тетка, которая вамъ оставляетъ все свое имущество, умерла она?

— Нѣтъ еще.

— Много надо ей времени!... Шестая недѣля при послѣднемъ издыханіи, и все еще жива!

— Еслибы кто услышалъ тебя, жена, то подумалъ бы, что у тебя дурное сердце, сказалъ Жеромъ. Если она еще живетъ, эта бѣдная старуха, тѣмъ лучше!

— Тѣмъ неменѣе, это странно; работникъ оставляетъ свою работу и уѣзжаетъ съ быстротою ракеты. Тетка, о которой никогда не говорили, является какъ нарочно въ разговоръ, чтобы умереть, и въ самую минуту смерти, кракъ! оживаетъ.... Это странно!

— Вотъ, ты станешь теперь думать, что тутъ кроются какія-нибудь тайны.

— А кто знаетъ!

— Послушай, жена, ты слишкомъ часто ходишь въ Амбию. Привычка видѣть драмы, напичканныя химерами, лишаетъ тебя разсудка; ты видишь ихъ повсюду.

Съ самаго начала разговора, Жакъ оставилъ нести всю тяжесть его Жерому, а самъ приблизился къ Целинѣ.

— Сохранились ли, сказалъ онъ ей, смотря на нее въ оба глаза: каварейки, которыхъ я вамъ подарилъ въ день вашего рожденія?

— Увы! нѣтъ! Мой кузенъ Артуръ не затворилъ дверцу клѣтки и онѣ вылетѣли.

— А розаны?

— О! они тамъ! Я каждое утро сама ихъ поливаю; это показываетъ, что я всякій день думала о васъ. А вы?

— Я, я, ношу всегда вашъ образъ въ сердцѣ.

Людвикъ пожиралъ глазами молодую чету; игра ихъ физи-

ономіи довольно открывала то, что можно было подозревать еще болѣе, и уже змѣя ревности заползала въ его сердце.

— А что дѣлаетъ Артуръ? сказалъ вдругъ г. Плюшѣ.

— Артуръ? Онъ не такъ здоровъ, отвѣчала мадамъ Плюшѣ.

— Что у него?

— Мигрень.

— Мигрень? А вотъ я его вымечу Мигрень въ десять часовъ, это слишкомъ поздно.... Эй! Артуръ! прокричалъ Жеромъ, стуча въ дверь сосѣдняго кабинета.

— Что такое? отвѣчалъ изнутри голосъ.

— То, что ты долженъ вставать, и попровориѣ, лѣнтяй!

— Уже!

— Какъ уже! Солнце давно встало.

— Да оно такъ рано ложится.

— Ты вздумалъ разсуждать!

— Нѣтъ, я только слѣмалъ астрономическое замѣчаніе.

— Хорошо! тебѣ прощаютъ его, а теперь одѣвайся скорѣй.

— И завтракъ сейчасъ будетъ поданъ, прибавила мадамъ Плюшѣ менѣе строгимъ тономъ.

Голосъ умолкъ, но минуту спустя Артуръ принялся ворчать:

— Одѣваться, раздѣваться, переодѣваться, дѣлать все одно и тоже... о какая жизнь.... Миѣ ужъ наскучило.

— Пстой! я тебѣ доставлю развлеченіе, прервалъ его Плюшѣ, схвативъ палку.

— Вы очень добры, благодарю.

— Такъ, проворнѣе.... я тебѣ даю пять минутъ.

Послышалось зѣваніе и шумъ отъ двухъ ногъ, спущенныхъ на полъ.

— Какой мальчуганъ! сказалъ папа Плюшѣ.

— Но, сказалъ Людовикъ, размышленія котораго были прерваны этимъ разговоромъ: почему вы не попробуете обращаться съ нимъ кротко?

— Съ нимъ обращаться кротко! Видно, что вы его не знаете.

И разгорячившійся папа Плюшѣ вскричалъ:

— Ребенкомъ, онъ воровалъ варенья у сосѣда и вишни у торговки, и лгалъ на пропалую! Въ школьномъ возрастѣ, онъ

сталъ привязывать кострюли къ хвосту собакъ и дразнилъ языкомъ школьнаго учителя. Книги его были вѣчно въ клочкахъ, а платье въ лохмотьяхъ. Должно-быть, онъ выучился читать, разсматривая афиши; по-крайней-мѣрѣ, я никогда не видѣлъ его, чтобы онъ перелистывалъ тетради. Но если надо было достать жуковъ или шары, стоило только обратиться къ его карманамъ. Они были всегда ими наполнены. Лучшее время дня буянъ проводилъ на улицѣ. Сколько стибрилъ онъ орѣховъ и яблоковъ изъ всѣхъ лавокъ своего околка! Позже, когда настала пора вступить ему въ ученіе, онъ распѣвалъ пѣсни, бросалъ камнями въ прохожихъ. Сколько разъ онъ портилъ мостовую и опрокидывалъ omnibusы! Я хотѣлъ выучить его хорошему ремеслу; а онъ, вмѣсто того, чтобы стараться стать честнымъ человѣкомъ и хоршимъ работникомъ, выучился курить трубку, да бездѣльничать. Сегодня, онъ ссорится съ городовымъ сержантомъ, завтра онъ дерется съ какимъ-нибудь негодяемъ: и не ждите отъ него ничего путнаго. А спросите, что играютъ на театрѣ Бобино или Пети-Лазари, и онъ вамъ скажетъ названія всѣхъ пьесъ и имена всѣхъ актеровъ. Ахъ! еслибы онъ не былъ сыномъ моего бѣднаго брата, давно бы ему не бывать въ этомъ домѣ; но жена моя тутъ, и когда я браню его: «Что дѣлать? говоритъ она миѣ, это (gamin) мальчикъ!»

Какъ только папа Жеромъ сказалъ эти слова, Артуръ вышелъ изъ своей комнаты.

— Благодарю! дялюшка, сказалъ онъ: портретъ, можетъ-быть, похожъ, но онъ нисколько не лестенъ.

— А! ты здѣсь! ты таки довольно замѣшкался!

— Когда нѣтъ камердинера!

Папа Жеромъ схватилъ Артура за руку, и тряся ее, сказалъ:

— Мы теперь, съ твоего позволенія, разчитаемся съ тобою.

— Но если я не дамъ своего позволенія.

— Мы все-таки разчитаемся; ты знаешь, что у меня есть подъ рукой средство заставить тебя говорить.

— А! дяленька, разчитываться такъ рано, это не водится!

— Такъ это будетъ водиться. Что ты дѣлалъ эти три дня?

— Кто это можетъ знать?

— Берегись! палка моя возвратитъ тебѣ память.

— Ахъ! фи! какое обращеніе!

— Во-первыхъ, ты не былъ въ мастерской въ понедѣльникъ.

— Я думаю, что нѣтъ! Въ понедѣльникъ! Чтобы отпраздновать эпилогъ воскресенья какъ слѣдуетъ, я провелъ этотъ день въ Бельвилѣ, съ двумя друзьями и циплячимъ Фрикасе. Фрикасе было весьма порядочное.

— А во вторникъ?

— Во вторникъ? я былъ на свадьбѣ.

— Онятъ въ трактирѣ.

— Нѣтъ! въ Сентъ-Эсташѣ. Я присутствовалъ при свадебномъ богослуженіи. Одинъ изъ представителей Горы женился на дочери одного негодянта въ Монмартрской улицѣ.

— Для чего ходилъ ты на эту свадьбу?

— Какъ для чего? Я ходилъ смотрѣть свадьбу моего друга.

— И ты потерялъ свое время!

— Я открывалъ и запиралъ дверцы у тысячи каретъ, одного называя *гражданиномъ*, а другаго величая *графомъ*, смотря по мнѣніямъ, и такимъ-образомъ выручилъ тридцать су.

— И тебѣ нестыдно выручать такимъ-образомъ деньги?

— Нестыдно! когда я хочу купить должность нотариуса!

— Разбойникъ! А въ среду что ты дѣлалъ?

— О! въ этотъ день другое дѣло? я исполнилъ священный долгъ.

— Ты?

— Да, я былъ на погребеніи.

— Кого же ты хоронилъ!

— Маршала Франціи, стараго война, который служилъ во время Наполеона; за то славная для него была музыка! Это было превосходно: кавалерія, пѣхота, пушки и кирасиры, и его лошадь въ чепракѣ, и барабанный бой, и музыка, жандармы, гвардія въ полной формѣ, генералы въ шарфахъ, повсюду офицеры, эскадроны и баталіоны.

— Развѣ тебя кто приглашалъ на эти похороны?

— Я прочелъ въ журналѣ: «Всѣ тѣ, которые не получили билетовъ, благоволятъ это объявленіе считать за приглашеніе».

— Что-же?...

— Я прочелъ объявленіе, и считалъ себя приглашеннымъ. Жеромъ схватилъ Артура за ухо.

— Послушай, негодяй, сказалъ онъ ему: если ты возобновишь свои проказы, если ты уйдешь изъ мастерской, ты видишь эту палку; я срѣзалъ ее съ дуба въ Сень-Манде; она крѣпка, но я сломаю ее о твои плечи.

— И вы хорошо сдѣлаете, сказалъ Жакъ.

— Ты ли это, Жакъ, говоришь. Завтракалъ ли ты, Жако? вскричалъ сорванецъ, когда дядя пустилъ его.

И въ умѣ своемъ прибавилъ:

— А! ты вмѣшиваешься; постой, мы тебѣ отплатимъ.

— Бѣдный малютка! говорила мадамъ Плюшэ, собирая на столъ: какъ съ нимъ обращаются, и все за то, что онъ немного погулялъ!

Въ ту минуту, какъ садиться за столъ, Артуръ подошелъ къ Жаку и спросилъ его съ глупымъ видомъ:

— Хорошо ли ты путешествовалъ?

— Очень хорошо.

— И давно ты воротился?

— Только сегодня утромъ.

— Какъ только сегодня утромъ.... Это странно!

— Отчего? прервалъ Жакъ, немного покраснѣвъ.

— Отъ того, что.... мнѣ казалось, что ты воротился раньше.... Но я ошибся, вотъ и все.

Жакъ ничего не отвѣчалъ, но Артуръ толкнулъ локтемъ мадамъ Плюшэ.

— Тетушка, сказалъ онъ ей ухомъ: отъ насъ скрываются, я вамъ расскажу послѣ.

Когда сѣли за столъ, Жеромъ взялъ стаканъ, и наполнивъ его, поднялъ вверхъ.

— За здоровье жениха Целины! сказалъ онъ.

И опросталъ его за одинъ разъ.

Людовикъ весь покраснѣлъ.

— О комъ говоришь ты? спросила мадамъ Плюшэ.

— Я говорю о Жакѣ.

Людовикъ весь поблѣднѣлъ.

— О немъ! повторила мадамъ Плюшэ.

— Ну да! развѣ ты не знаешь, что они любятъ другъ-друга? Посмотри на нихъ! Они не смѣютъ поднять носа.

— Прекрасное хозяйство! Ничего съ одной стороны, ничего съ другой!

— Потому-то они другъ-другу и партія! Притомъ, развѣ ты ни за что считаешь молодость, прилежаніе къ работѣ, привычку къ порядку, добрый нравъ и хорошее здоровье? Вотъ приданое этихъ молодыхъ людей!

— Да! да! пойдутъ дѣти, тогда увидишь!

— Вотъ бѣда! Целина родилась, у меня не было милліоновъ въ банкѣ, и однако она выросла и выучилась хорошему ремеслу, и еще веселится жизнью! не правда ли, дочь моя?

— О! да, батюшка, отвѣтила Целина, поцаловавъ его.

— Все это прекрасно, возразила мадамъ Плюшэ: но не помѣшаетъ мнѣ сказать, что я желаю для своей дочери участи Целесты Фрамень, для которой она окончила сегодня утромъ гирлянду изъ розановъ.

— Целесты Фрамень! дочери сосѣдней торговки фруктами?

— Именно!

— Что-же съ ней случилось?

— Всему околотку это извѣстно; она выходитъ замужъ за богатаго Англичанина, милорда, какъ говорятъ?

— И ты вѣришь этому?

— Какъ, вѣрю ли я этому? Спросите Артура.

— Славное ручательство!

— Я видѣлъ Англичанина, отвѣтилъ съ важностію Артуръ: у него, говорятъ, болѣе пятидесяти тысячъ ливровъ дохода, ливровъ, стоящихъ каждый двадцать пять франковъ нашею мелкою монетою.

— Такъ онъ горбатъ?

— Нѣтъ.

— Хромой?

— Нѣтъ.

— Слѣпой, колѣка, безрукій!

— Нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Онъ красивый блондинъ.

— Прекрасно! Подъ конецъ узнаютъ, что твой Англичанинъ торговецъ, который потерпѣлъ несчастіе въ провинціи, и взду-

маль поправить свое состояніе на яблокахъ матушки Фрамень.

— Развѣ это такъ удивительно, что богатый человѣкъ влюбляется въ честную, хорошенькую и воспитанную дѣвушку и женится на ней? Это случается каждый день. И въ Тинветонской улицѣ, гдѣ я жила, это чуть со мной не случилось!

— Ну, опять начнется исторія объ иностранномъ гостѣ! Знаю, знаю! Ты, Целина, ступай, отнеси свою гирлянду сосѣдкѣ Фрамень, и не забывай, что работницѣ нуженъ работникъ, лишь бы онъ былъ честенъ и прилеженъ, какъ Жакъ.

Целина поцаловала Жерома, ничего не отвѣтивъ, но по ея лицу было видно, что она раздѣляла мнѣніе отца.

Когда Целина ушла, Людовикъ всталъ; онъ задыхался.

— Вы уходите? сказалъ папа Жеромъ: и не опорожнивъ бутылки!

— У меня есть спѣшное дѣло, и теперь уже поздно.

— Такъ не стѣсняйте себя; дѣла прежде всего.

Людовикъ взялъ шляпу.

— А обѣщанная ложа въ Амбигю? спросила мадамъ Плюшэ.

— Вы скоро ее получите.

— Какъ вы милы!

— И я самъ принесу вамъ билетъ, прибавилъ Людовикъ, схватившій на лету предлогъ возвратиться.

— Очень хорошо! прибавилъ Жеромъ. Если будетъ четыре мѣста, то два для Целины и ея жениха и два для мадамъ Плюшэ и васъ, вы будете ея кавалеромъ.

Людовикъ наклонился; но эти послѣднія слова окончательно родили въ немъ рѣшимость.

— Во что бы то ни стало, сказалъ онъ про себя, надо объясниться съ нею сегодня.

Но для этого надлежало найти случай, а госпожа Плюшэ не оставляла ни на минуту своей дочери. Послѣдовать же за Целиной на улицу и говорить съ нею на тротуарѣ, объ этомъ нечего было и думать. Для разговора, который искалъ Людовикъ, необходимы была тишина комнаты, свиданіе одинъ на одинъ и два стула.

Ему случилось иногда, когда онъ возвращался домой послѣ

полудня, подь предлогомъ, что его работа была окончена, читать вслухъ госпожѣ Плюшѣ и ея дочери. Мадамъ Плюшѣ имѣла всегда въ запасѣ цѣлую кучу фельетоновъ, и Людовикъ читалъ ихъ одинъ за другимъ, переходя отъ историческаго романа къ нравоописательному, отъ мушкетеровъ къ денди и отъ знатныхъ дамъ къ гризеткамъ; но одни глаза его ходили по книгѣ, а мысль летала въ другомъ мѣстѣ. На этомъ обыкновеніи онъ основалъ свой планъ.

Черезъ два часа, онъ возвратился, принеся мадамъ Плюшѣ билетъ на ложу Амбигю.

— Вы очаровательный человѣкъ! вскричала мадамъ Плюшѣ. Вотъ-то я поплачу сегодня!

— И я также! сказала, смѣясь Целина: надо приготовить наши носовые платки.

— Вы останетесь съ нами? спросила мадамъ Плюше, разбирая связку фельетоновъ.

— Охотно, если вы позволите; я ничѣмъ незанятъ.

— Какъ это кстати! Я буду строчить юнку, дочь моя додѣлаетъ свой букетъ незабудокъ, а вы прочтете намъ продолженіе того романа, который вы мнѣ принесли въ воскресенье.

— *Два сердца или Гризетка и Маркизь?*

— Тотъ самый! Какъ это прекрасно! Есть мгновеніе, когда маркизь встрѣчаетъ противника... оно бросаетъ васъ въ дрожь.

— Позвольте, я отыщу скорѣе мѣсто, гдѣ я остановился.

— Это на главѣ V, подь названіемъ: *Маркизь снимаетъ съ себя маску.*

Людовикъ открылъ главу V и искусно скрылъ ее; потомъ, показывалъ видъ, что ищетъ:

— Странно, сказалъ онъ, я ее не вижу.

— Она была еще вчера.

— Да, но вы снесли вчера пакетъ въ кабинетъ для чтенія.

— Правда.

— Она какъ-нибудь замѣшалась въ пакетѣ.

— Такъ я сбѣгаю къ книгопродавцу....

— Позвольте ужъ я схожу, мадамъ Плюшѣ? сказалъ Людовикъ, послѣ того, какъ мадамъ Плюшѣ набросила себѣ на плеча шаль.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надо забѣжать на минутку къ мадамъ Фраментъ; подождите меня.

Эта минутка—разстояніе, отдѣляющее № 95 улицы предмѣстья Сень-Дени отъ бульвара, гдѣ находился кабинетъ для чтенія, четыре или пять сосѣдокъ, размѣщенныхъ вдоль тротуара, собраніе и передача новостей и приключенія во-время прогулки, все это составляло въ общемъ итогѣ часъ или два, на которые рассчитывалъ Людовикъ, чтобы переговорить на свободѣ съ Целиною.

Какъ только дверь затворилась за госпожею Плюшѣ, онъ взялъ стулъ и сѣлъ возлѣ цвѣточницы. Сердце у него сильно билось.

Онъ каплянулъ, вздохнулъ, поднялъ и опустилъ глаза, перемѣнилъ три или четыре раза положеніе, открылъ и закрылъ ротъ, топнулъ ногою, и ничего не нашель, что сказать.

— Съ чего начать? думалъ онъ, какъ все вълюбленные репертуара г. Скриба.

Целина, занятая своимъ букетомъ, нисколько ему не помогала.

Людовикъ сдѣлалъ послѣднее усиліе.

— Интересуетъ ли васъ сколько-нибудь романъ, который мы читаемъ вмѣстѣ съ вами? спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— О! ствѣчала молодая дѣвушка, сдѣлавъ презрительную гримаску, онъ меня забавляетъ, какъ какая-нибудь пѣсня. Тутъ только, вмѣсто пѣнія, простой рассказъ.

— И вотъ все впечатлѣніе, которое онъ на васъ производитъ?

— Чего же болѣе вы хотите?

— Чтобы онъ трогалъ васъ, волновалъ!

— О! еслибы все, что въ немъ сказано, было справедливо, или по-крайней-мѣрѣ, правдоподобно, я бы, безъ сомнѣнія, это чувствовала; но глупости, выдумки, событія, никогда неслучающіяся; что ни слово, то ложь, а словъ пропасть!...

— Я васъ не понимаю! Глупости, выдумки, говорите вы?

— Конечно.

— Въ чемъ дѣло однако? Въ томъ, что благородный человѣкъ любитъ молодую работницу.

— Ну что же?

— Что вы видите въ этомъ удивительнаго?

— Я? я нахожу это вздорнымъ!

— О!

— Конечно. Вы хотите, чтобы человѣкъ, привыкшій видѣть каждый день самыхъ прекрасныхъ, самыхъ изящныхъ женщинъ, такихъ, однимъ-словомъ, какъ тѣ, къ которымъ я пишу мои цвѣты, вздумалъ, ни за что, ни про что, влюбиться въ бѣдную дѣвушку безъ воспитанія, знающую едва читать и писать, какъ я, на примѣръ?

— Какъ вы! Но онъ не былъ бы такъ виновенъ.

— Перестаньте.

— Вещи, болѣе странныя, случаются ежедневно.

— Въ фельетонахъ, съ продолженіемъ въ будущемъ номерѣ. Глава первая: Маркизь встрѣчаетъ молоденькую модистку и внезапно влюбляется въ нее; вторая глава: онъ переодѣвается, чтобы получить доступъ къ ней и объяснить ей свое пламя; третья глава: онъ находитъ ее столь очаровательною и столь добродѣтельною, что рѣшается на ней жениться; четвертая глава.... Такимъ образомъ составляется тридцать послѣдовательныхъ фельетоновъ, съ отчаніемъ посрединѣ, тысячью повсюду прекрасныхъ фразъ, и свадьбою на концѣ. И вы вѣрите всѣмъ этимъ глупостямъ?

— Почему же нѣтъ?

— И вы тоже, какъ моя бѣдная матушка. Она повсюду видитъ важныхъ людей; скажите ей, что перъ или лордъ женился на швеѣ, и она повѣритъ. Вы слышали, что она говорила сегодня утромъ объ англійскомъ милордѣ?

— Что же? Развѣ онъ не женится на вашей подругѣ Целестѣ Фрамень?

— Конечно, онъ на ней женится! Но между нами, это такой милордъ, какъ вы посланникъ. Я видѣла этого милорда; театральнѣйшій Англичанинъ, съ руками слесаря, руками, которыя держали болѣе желѣза, чѣмъ золота.

— Если обманываютъ мадмоазель Целесту, то слѣдуетъ ли изъ этого, что все одинаково ложно въ томъ разсказѣ?

— Все, или почти все.

— Вы ошибаетесь.

— Тра-дери-дери! отвѣтила цвѣточница на распѣвъ.

Людовикъ топнулъ ногою.

— А я самъ, сказалъ онъ: видѣлъ примѣръ противнаго.

— Въ Китаѣ, или во снѣ?

— Нѣтъ, въ Парижѣ.

— Ахъ! Боже мой!

— Я говорю о такомъ молодомъ человѣкѣ, какъ я, и такой молодой мастерицѣ, какъ вы, хорошенькой, доброй, умной и такой очаровательною, что ее нельзя было не полюбить.

— Г. Людовикъ, вы говорите, какъ фельетонъ.

— Нѣтъ, я вамъ рассказываю то, что я знаю.

— И этотъ молодой человѣкъ вашъ другъ?... Не правда ли?

— Мой лучшій другъ.

— Онъ маркизь, конечно?

— Несовсѣмъ... но графъ.

— Графъ! и очень богатый?

— Да, очень богатый.

— Я была въ этомъ увѣрена. А молодая мастерица, чѣмъ занималась она?

— Если я вамъ скажу, вы мнѣ не повѣрите.

— Говорите, все-равно.

— Она была цвѣточница.

— Какъ я.

— Графъ не могъ не влюбиться; онъ поселился въ ея семействѣ, съ намѣреніемъ изучить ея характеръ.

— Не это ли я вамъ говорила только-что сейчасъ? И онъ нашелъ ее очаровательною.

— Самую прелестною въ свѣтѣ! Съ каждымъ утромъ, онъ ее любилъ болѣе и болѣе.

— Это въ порядкѣ вещей.

— О! вы все смѣтаете.

— Я? нисколько. Я вспоминаю и подсказываю вамъ, хотя это и излишне; въ вашемъ разсказѣ столько жара, убѣжденія!...

— Не естественно ли это? Дѣло идетъ о моемъ лучшемъ другѣ!

— Посмотримъ продолженіе. Вы говорили, кажется, что онъ любилъ цвѣточницу до безумія?

— Въ одно прекрасное утро, когда они были наединѣ, какъ

мы теперь, онъ открылъ ей свою любовь, и предложилъ ей свое сердце, свою руку, свое богатство....

— Онъ упалъ къ ея ногамъ.

— Какъ я падаю къ вашимъ, Целина, и говорю вамъ: Хотите быть моею женою?

Целина встала. Она сердилась и смѣялась вмѣстѣ. Людовикъ былъ у ея ногъ и покрывалъ ея руки поцалуями.

— Вы съума сошли? спросила она его.

— Нѣтъ, нѣтъ, Целина, я васъ люблю!

— Довольно; ваша шутка, можетъ-быть, очень хороша, но она мнѣ не нравится.

— Какъ! вы думаете....

Целина пожала плечами.

— Я думаю то, что я знаю, и это уже слишкомъ.

— Выслушайте меня....

— Но, г. Людовикъ, за кого вы меня принимаете? Я никакъ глупа, чтобы повѣрить, будто молодой человекъ, который накануне работалъ на конторкѣ, сталъ сегодня графомъ-миллионеромъ. Я не волшебница, чтобы совершать подобныя чудеса.

— Однако, я вамъ клянусь....

— Опять! сказала Целина, топнувъ ногою.

Потомъ она остановилась передъ Людвигомъ, все еще стоявшимъ на колѣняхъ:

— Встаньте, г. Людовикъ, сказала она: могутъ войти, и что подумаютъ когда найдутъ васъ въ этой театральной позѣ влюбленнаго. Я право расхожусь....

— Ахъ! мадамъ!

Воскличаніе Людовика было прервано громкимъ хохотомъ. Желаніе, удерживаемое Целиною, наконецъ пересилило, и цвѣточница, не внемля мольбамъ Людовика, убѣжала, съ хохотомъ, какъ сумасшедшая.

IV.

ЛИСИЦА ВЪ БЛУЗѢ.

Оставшись одинъ, Людовикъ всталъ поспѣшно и сдѣлалъ нѣсколько оборотовъ по комнатѣ; онъ былъ озадаченъ, уничтоженъ. Потомъ онъ бросился къ комнатѣ, въ которой заперлась Целина.

— Целина! Целина! кричалъ онъ, стуча въ дверь.

Целина продолжала смѣяться.

— Я васъ прошу, выслушайте меня.

Целина ничего не отвѣчала.

— Одно лишь слово.

— Одно слово, не вѣрю, это будетъ цѣлая рѣчь! сказала она за дверью.

Людовикъ схватился за свою голову обѣими руками. Эта неудача не только не потушила его страсти, но раздражила ее; прежде всего, надо было разувѣрить цвѣточницу и доказать ей, что все слышанное ею было выраженіе одной истины.

— Постой! сказалъ онъ себѣ: она не хочетъ меня слушать, такъ я напишу ей. Вотъ корзинка, въ которую она прячетъ свои цвѣты; я положу туда свое письмо, и она прочтетъ его.

Людовикъ немедленно пошелъ въ свою комнату.

Едва онъ вышелъ, какъ, отворивъ тихонько дверь, вошелъ Артуръ.

Сорванецъ шелъ на цыпочкахъ, наклонившись въ ту сторону, куда ушелъ Людовикъ.

— Г. графъ, сказалъ онъ, имѣю честь вамъ кланяться.

Потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ принялъ позу актера на краю сцены.

— Итакъ, сказалъ онъ въ полголоса: г. Людовикъ дворянинъ въ кожѣ конторщика. Вотъ завязка драмы! И послѣ этого, мой дяюшка скажетъ, что дурно дѣлаетъ тотъ, кто подслушиваетъ! Къ чему пошелъ бы я въ мастерскую? Я бы досталъ тридцать су! славная выручка! Тогда какъ здѣсь я от-

крыль тайну, заключающую пьесу въ пять актовъ; что я говорю? заключающую пропасть пьесъ во сто су. Разсмотримъ хорошенько, чтобы извлечь изъ этого положенія г. Анисъ-Буржуа. Съ одной стороны сынъ дворянина, который имѣетъ милліоны и переодѣвается бѣднякомъ; богатый и съ титуломъ, какъ принцъ, онъ влюбляется въ цвѣточницу, имѣющую честь быть моею кузиною; съ другой стороны, эта кузина готова сдѣлать глупость; несчастный обойщикъ строитъ куры Целинѣ и воюетъ противъ меня. Худо онъ это дѣлаетъ! Драматическое искусство и мой интересъ требуютъ, чтобы я принялъ сторону г. графа. Съ этой стороны можно ожидать внезапной развязки и денегъ. Я предложу мое сотрудничество этому дворянину, который, мнѣ кажется, неслишкомъ силенъ въ дѣлѣ оболъщенія. Какъ онъ дурно сыгралъ эту сцену! Ни искры увлеченія! ни смѣлости! ни огня! Ахъ! если бы онъ видѣлъ г. Лакрессоньера въ *пѣснь Марго!* Впрочемъ, нельзя винить этихъ молодыхъ людей: они не знаютъ подобныхъ образцовъ. Они ходятъ въ оперу и не бываютъ въ *la Gaité!* Какое воспитаніе! Счастіе, что я тутъ. Итакъ надо вытѣснить обойщика и женить г. Людовика на моей кузинѣ. Я беру на себя эту развязку.

Въ ту минуту, какъ господинъ Артуръ окончилъ этотъ прекрасный монологъ, Людовикъ вышелъ изъ своей комнаты съ письмомъ въ рукѣ.

Артуръ ловко выхватилъ письмо.

— Боже! вскричалъ Людовикъ.

— Это я, отвѣчалъ проказникъ.

— Но....

— Позвольте прервать васъ и избавить тѣмъ отъ лишнихъ вопросовъ. Я былъ тутъ, когда вы разговаривали съ моею кузиною.

— Ахъ!

— И я все слышалъ, г. графъ.

При этомъ послѣднемъ словѣ, графъ вздрогнулъ.

— Вы видите, что я все знаю, продолжалъ Артуръ.

— Такъ какъ вамъ извѣстна моя тайна; я надѣюсь, вы не обнаружите ее?

— Но воспользуюсь, съ вашего позволенія.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Весьма простую вещь. Вы любите Целину и предлагаете ей свою руку?

— Безъ сомнѣнія.

— Такъ я предлагаю вамъ себя въ союзники, въ помощники, драматическимъ слогомъ говоря, въ сотрудики.

— Я васъ не понимаю.

— Ничто не можетъ быть яснѣе этого. Оставьте меня держать карты, и вамъ выпадетъ червонное сердце. Согласны?

— Я не знаю, долженъ ли я....

— Надо однако знать это. Послушайте, молодой человекъ; вы напрасно колеблетесь; лучше имѣть меня другомъ, чѣмъ непріателемъ. Я столько видѣлъ комедій, что съумѣю распутать эту интригу. Я ослѣплю мадамъ Плюшэ, завлеку отца, спроважу Жака, перепутаю и распутаю, и въ сумятицѣ, вамъ выйдетъ первый выигрышъ, то есть, сердце и рука моей кузины; согласны?

— И вы успѣете?

— Положитесь на меня, я знаю свой репертуаръ.

— Хорошо! Но это письмо?

— Вамъ нуженъ былъ факторъ, я буду имъ.

— Вы беретесь передать его?

— Вашъ интересъ не есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ и мой? Я за все отвѣчаю.... Теперь, ступайте и дайте мнѣ обдумать этотъ водевиль.

Овладевъ полемъ битвы, Артуръ сталъ прохаживаться большими шагами по комнатѣ, подобно автору, ищущему завязки драмы, или полководцу, составляющему стратегическій планъ. Целина ушла изъ дому.

— Уфъ! сказала вдругъ мадамъ Плюшэ, войдя въ комнату: какъ я бѣжала! Но сколько ни искала, а фельетона не нашла.

Она бросила шаль на стулъ и обернулась.

— А это ты! сказала она, увидавъ Артура: а г. Людовикъ?

— Улетѣлъ, исчезъ, г. Людовикъ! отвѣчалъ Артуръ.

— Онъ меня не дождалъ? Очень вѣжливо!

— Кстатѣ ли тутъ вѣжливость! О, тетушка, или лучше сказать, мать: посмотрите на меня!

— Изволь, я смотрю на тебя; что же послѣ?

— Смотрите лучше, прямо въ лицо! Что вы читаете въ моихъ глазахъ?

Артуръ стоялъ передъ госпожею Плюше, съ сложенными на крестъ руками, въ позѣ театральнаго героя:

— Я читаю въ твоихъ глазахъ, что тебѣ хочется что-то сказать.

— И вы не ошибаетесь. Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ насъ; возьмите стулъ и слушайте меня.

Это драматическое вступленіе заинтересовало мадамъ Плюше.

— Ты говоришь, какъ въ первомъ актѣ, сказала она, садясь.

— Слушайте меня, говорю вамъ.

— Я слушаю.

Артуръ кашлянулъ, провелъ рукою по волосамъ, поправилъ свой жилетъ, положилъ ногу на ногу и началъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Съ того времени, какъ родилась и выросла прекрасная дочь ваша, скажите мадамъ Плюше, о чемъ мечтаете вы что составляетъ любимую мысль вашего уединенія, тайное желаніе вашей души?

— Боже мой! почему я знаю! отвѣчала мадамъ Плюше, совершенно озадаченная этимъ приступомъ.

— Такъ надо вамъ сказать, мадамъ Плюше, что вы желали для Целины, для очаровательной Целины, столь же прекрасной, какъ вы въ восемнадцать лѣтъ, счастливаго замужества.

— Да, это правда! Какъ ты это отгадалъ?

— Развѣ я не все отгадываю? возразилъ проказникъ съ важностію. Хорошо! Это наивное желаніе матери вы можете исполнить!

— Что? вскричала простодушная женщина.

— Я вамъ говорю, что вы можете исполнить ваше желаніе.

— Да, говори хорошенько, что такое?

— То, мадамъ Плюше, что въ этихъ самыхъ стѣнахъ вашей наслѣдственной квартиры живетъ шестой мѣсяць молодой человѣкъ, богатый, какъ портфель банка, и благородный, какъ готскій альманахъ.

— Г. Людовикъ?

— Г. Людовикъ, котораго мы, свѣтскіе люди называемъ графомъ де-ла-Сейллереемъ!

Мадамъ Плюше привскочила на своемъ стулѣ.

— Графъ! вскричала она!

— Настоящій! у меня есть доказательство.

— Какое доказательство.

— Сейчасъ!... Теперь, почтеннѣйшая тетюшка, что вы скажете, если узнаете, что этотъ графъ влюбленъ въ вашу дочь, мою кузину Целину?

— Я тебя раздалю, негодный мальчикъ!

— Такъ поцалуйте меня, онъ влюбленъ. Тетка и племянникъ поцаловались отъ всего сердца.

— Такъ, сказала она: у меня будетъ зятемъ графъ?

— Погодите, мадамъ Плюше, вашъ восторгъ слишкомъ торопится; есть препятствія. Мой дядя не хочетъ ли выдать Целину замужъ за Жака?

— Онъ откажется, когда узнаетъ, какого зятя послала намъ судьба.

— Никогда! Онъ нарушитъ свое слово! Какъ вы мало знаете господина Плюше. Человѣкъ, который нравственностію своею заслуживаетъ монтионовскую премію, человѣкъ, который никогда не понималъ поэзіи лѣни!

— Правда, онъ не возьметъ своего слова назадъ, возразила печально мадамъ Плюше.

— Такъ надо, чтобы отказала Целина.

— Счастливая мысль!

— Онѣ у меня всегда рождаются.

— Но какъ это сдѣлать.

— Это уже мое дѣло. Къ-чему же я и парижскій гаменъ, и къ-чему-нибудь да служить самое бездѣлье!

Артуръ рассказалъ теткѣ, какъ онъ открылъ тайну г. де-ла-Сейллерея и овладѣлъ его довѣренностію.

— А теперь, прибавилъ онъ: вотъ то доказательство, которое вы просили.

Артуръ вынулъ изъ своего кармана письмо Людовика къ Целинѣ.

— Ты его распечаталъ! вскричала мадамъ Плюше.

— О! г. де-ла-Сейллерей не имѣеть секретовъ отъ меня. Я прочелъ, читайте!

Мадамъ Плюшѣ принялась разсматривать письмо.

— Скорѣе, мама Плюшѣ, сказалъ Артуръ: извѣстно, что за-ключаютъ подобныя посланія.

— Зачѣмъ ты перевертываешь листъ!

— Тутъ *post-scriptum*, возразилъ Артуръ: въ немъ заключает-ся весь интересъ.

Мадамъ Плюшѣ прочла громкимъ голосомъ:

«Мадемоазель, если, послѣ долгаго размышленія, ваше сердце тронется моею любовію, столь глубокою, какъ море, неизмѣн-ною, какъ лазурь неба....»

— Гмъ! какой слогъ! прервалъ Артуръ: лучше и въ театрѣ не говорятъ!

«..... какъ лазурь неба, повторила мадамъ Плюшѣ, выставьте на окно ваши любимыя цвѣты: я пойму тогда, что мнѣ позво-лено надѣяться принадлежать вамъ, и вы меня увидите у ногъ вашихъ.»

«Людвикъ де ла-Сейллерей.»

— Подписано!..., вскричала весело мадамъ Плюшѣ, которая, несмотря на довѣренность, внушаемую ей племянникомъ до то-го неполнѣ ему вѣрила.

— Мы, дворяне, мы всегда подписываемъ, возразилъ съ тор-жествующимъ видомъ Артуръ, и перевернулъ письмо между пальцами.

— Избранный г. Людвигомъ способъ, сказалъ онъ, немного старъ, мы видѣли эти телеграфы въ двадцати драмахъ, и хо-рошіе писатели болѣе не употребляютъ ихъ. Но такъ-какъ это его желаніе, то мы имъ воспользуемся.

Пока всѣ эти событія происходили въ каморкѣ супруговъ Плюшѣ, маркизъ де-ла-Сейллерей, немного озабоченный, но по-лагаясь на свою ловкость и случай, вызвалъ къ себѣ изъ Гер-маніи свою племянницу Марію.

Марія была прекрасная, восемнадцати-лѣтняя, превосходно воспитанная дѣвушка. Она имѣла веселое, открытое, очарова-тельное личико, выражавшее умъ и рѣшимость характера, и лучшіе глаза въ свѣтѣ, полные огня и кротости.

Первый ея вопросъ былъ объ ея кузенѣ.

— А Людвикъ? сказала она.

Маркизъ покачалъ головою.

— О! твой кузенъ, отвѣтилъ онъ: сочиняетъ романъ.

— Для какого журнала? спросила Марія съ наивнымъ любо-пытствомъ.

— Онъ самъ для себя журналъ, любезное дитя. Еслибы я имѣлъ желаніе пародировать слова знаменитаго Афинянина, я сказалъ бы тебѣ, что твой кузенъ есть фельетонъ на двухъ но-гахъ и безъ перьевъ.

— Что хотите вы сказать?

— Ты узнаешь это послѣ: пока достаточно тебѣ знать, что недовольный обыкновенными печалями жизни, мой сынъ ищетъ заботъ и непріятностей, которыя можетъ доставить молодому человѣку слѣное и страстное почитаніе фантазіи.

— Фантазіи? повторила Марія, какъ эхо.

— Ты только-что вышла изъ твоего монастыря и потому не знаешь этой богини новѣйшаго происхожденія; но не теряй терпѣнія, и ты увидишь ее на дѣлѣ во Франціи. Фантазія, это сумасшедшая въ домѣ, нарушитель покоя въ частной жизни, для нея наши двадцатилѣтніе умники пренебрегаютъ и жер-твуютъ стариннымъ здравымъ смысломъ и стариннымъ разу-момъ. Раззоряются — фантазія! Вступаютъ въ несообразный бракъ—фантазія! Бросаютъ свою будущность на вѣтеръ капри-за—фантазія! Прерываютъ всякую связь съ преданіями семей-ства, рожденія, воспитанія; все обманываютъ, до самыхъ на-деждъ, связанныхъ съ вашимъ именемъ; забываютъ должное къ самому себѣ уваженіе.... фантазія!

— Боже мой! дядюшка, вы меня пугаете!

— Успокойся! Людвикъ не дошелъ еще до этого; но я не могу скрыть отъ тебя, что онъ одинъ изъ самыхъ убѣжден-ныхъ поборниковъ фантазіи, а добрая вѣра въ подобномъ дѣлѣ весьма опасна. Всей моей опытности и всей моей преданности едва будетъ достаточно, чтобы охранить его отъ него самого.

— Когда я увижу его?

— Нетакъ скоро, мое любезное дитя!

— Какъ! мой кузенъ, этотъ маленькій, добрый Людвикъ, съ которымъ я такъ давно играла...

— Этотъ маленькій Людвикъ сталъ молодымъ человѣкомъ,

который мѣшаетъ исполненію всѣхъ составленныхъ мною предположеній.

— Какихъ предположеній, дядюшка?

— Я тебѣ повѣрю ихъ въ свое время, и можетъ-быть, ты мнѣ поможешь ихъ исполнить. Я надѣюсь на тебя.

— Если я могу что сдѣлать для счастья Людовика, товарища моего дѣтства, располагайте мною.... Но его не видать....

— О! ты его увидишь.... немного позже только, и можетъ-быть, въ другомъ мѣстѣ.

Марія взглянула съ любопытствомъ на своего дялю.

— Ты горишь нетерпѣніемъ разспросить меня, продолжалъ, смѣясь, г. де-ла-Сейллерей: но дай мнѣ время на размышленіе. Задуманный мною планъ, который долженъ возвратитъ намъ твоего кузена, еще не созрѣлъ въ моемъ умѣ. Но твое содѣйствіе мнѣ необходимо, и когда я рѣшусь, ты все узнаешь.

Въ эту минуту пришелъ слуга увѣдомитъ г. де-ла-Сейллерея, что сынъ его проситъ позволенія войти къ нему.

— Позволенія говорить! съ мной сказалъ маркизь: ступай, мое дитя, оставь меня одного съ Людовикомъ; его фантазія переходитъ кризисъ.

Марія дала поцаловать свой лобъ маркизу и вышла.

— Вы были не одни, батюшка, сказалъ Людовикъ.

— Ба! я былъ, вмѣстѣ съ твоею кузиною.

— И вы меня не предупредили! Здѣсь эта милая, маленькая Марія, которую я такъ любилъ! Вы ее позовете?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Какъ! послѣ такой продолжительной разлуки!

— Именно потому-то я и не тороплюсь. Эта милая, маленькая Марія, какъ ты говоришь, стала большою, прекрасною дѣвушкою, у которой прелестные глаза и сердце.

— Что же?

— Я тебѣ предназначалъ все это, ты знаешь; Марія, съ своей стороны, подозрѣваетъ также немного; но такъ-какъ твоя двадцатилѣтняя мудрость разстроила планы моей пятидесятилѣтней опытности, то я не хочу и не долженъ подвергать твою кузину униженію отказа.

— Въ признаніи, которое я намѣренъ ей сдѣлать, нѣтъ ни-

чего, что можетъ обидѣть ея сердце; я люблю, и она пойметъ мою любовь.

— Женщины, мой другъ, никогда не понимаютъ, что ихъ не любятъ. Вотъ все, что она пойметъ; и для этого не стоитъ возобновлять знакомства.

— И вы говорите, что она хороша собою?

— Очень хороша; я не знаю, какое-то выраженіе нѣжности и мечтательности придаетъ ея лицу чудное очарованіе. И кромѣ-того, она умна, прелестна и жива, съ отбѣнкомъ томности. Она нравится безъ усилія, и стоитъ увидѣть ее, что-бы полюбить.

— Но, батюшка, имѣть въ семействѣ такую кузину и препятствовать мнѣ узнать ее, это жестоко.

— Оставь меня въ покоѣ! Развѣ на Марія не лежитъ пятно отъ рожденія? Не имѣетъ ли она неизгладимаго несчастія, быть рожденною отъ благородныхъ и богатыхъ родителей, и не соединяетъ ли съ этимъ первымъ бѣдствіемъ другое, меньшее— быть хорошо воспитанною? Еслибы Марія была гризеткою, я бы тебѣ представилъ ее немедленно.

Отвѣтъ этотъ озадачилъ немного кузена, а г. де-ла-Сейллерея, убравъ нѣсколько бумагъ на столъ, холодно сказалъ:

— Ты хотѣлъ мнѣ что-то сказать?

— Да, батюшка, отвѣчалъ Людовикъ.

— Насчетъ мадемоазель Целины, безъ-сомнѣнія!

— Именно.

— Хорошо! я готовъ тебя слушать.

— Участь моя, вѣроятно, рѣшится сегодня вечеромъ.

Маркизь нахмурилъ слегка брови.

— А! сегодня вечеромъ? повторилъ онъ.

Людовикъ рассказалъ тогда своему отцу, что онъ сдѣлалъ и какой случай побудилъ его ускорить развязку.

— Послѣ того, какъ я открылся, прибавилъ онъ: если мадемоазель Целина приметъ мою руку, я связанъ честнымъ словомъ.

— То-есть, ты женишься на ней.

— Я спрошу вашего согласія, и смѣю надѣяться, когда вы увидите, что мое счастье связано съ этимъ супружествомъ, вы мнѣ не откажете въ вашемъ позволеніи.

Оборотъ, который приняло приключеніе, не приходился по вкусу г. де-ла-Сейллерея; послѣ письма Людовика становилось ему трудно вести его къ предположенной имъ цѣли; но маркиза, въ выслушанномъ имъ разказѣ, поразило одно обстоятельство. У Людовика былъ соперникъ, котораго онъ опасался, боясь, что Целина отдастъ ему предпочтеніе. Для человѣка, знающаго, какое мѣсто занимаютъ песчинки въ важныхъ событіяхъ исторіи, этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы оживить надежду все разстроить.

— Ты знаешь, сказалъ онъ Людовику: мое мнѣніе на-счетъ этой шалости школьника, о которой ты говоришь съ важностію государственнаго человѣка. Несмотря на все сожалѣніе, которое она мнѣ причиняетъ, я не воспользуюсь моею властію, чтобы помѣшать твоему желанію. Но при развязкѣ, ты, однако, позволишь мнѣ вступить. Возвратись къ мадамъ Плюшѣ, какъ ты это обѣщала, и когда дѣло подвинется впередъ, мы тогда посмотримъ.

Эта снисходительность тревожила Людовика болѣе, чѣмъ гнѣвъ и угроза. Она, можетъ-быть, скрывала непоколебимое рѣшеніе или, по-крайней-мѣрѣ, планы, которые Людовикъ не могъ предвидѣть, тѣмъ болѣе уничтожить.

И такъ онъ возвратился скучный въ предмѣстье Сенъ-Дени. Но цвѣтовъ еще не было на окнѣ.

Людовикъ вздохнулъ и сталъ ждать.

Пока онъ прогуливался по тротуару, его союзникъ, Артуръ, назначенный случаемъ въ трудную должность посредника, ускорилъ развязку, которая должна была произвести разрывъ между Жакомъ и Целиною.

— Моя прекрасная тетушка, говорилъ онъ: я всегда слышалъ, что опытные писатели ускоряютъ послѣднія сцены, чтобы не дать ослабнуть интересу. Пусть только придетъ Жакъ, и г. Бушарди, ученый авторъ *Звонаря* останется мною доволенъ.

Жакъ дѣйствительно пришелъ. Артуръ, сидя спокойно на стулѣ подлѣ окна, насвистывалъ арію *парижскихъ цыганъ*. Целина, въ лучшемъ своемъ нарядѣ, пришивала бантъ изъ лентъ къ своему чепчику. Мадамъ Плюшѣ ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Волненіе бросало ее въ лихорадку.

— А! ты здѣсь! сказалъ Жеромъ, взглянувъ на Артура. Былъ ты въ мастерской?

— Нѣтъ! отвѣчалъ смѣло Артуръ.

Жеромъ замахнулся на него своею геркулесовскою рукою.

— Ты хочешь, чтобы я тебѣ переломалъ ребра? сказалъ онъ.

— Напротивъ, не хочу этого, сказалъ Артуръ съ спокойнымъ видомъ.

Это хладнокровіе озадачило Жерома.

— Вы слышите? вскричалъ онъ, посмотрѣвъ на жену и Целину: онъ говоритъ о своей лѣности, какъ другой о своей работѣ. Но когда-нибудь мое терпѣніе лопнетъ, и хорошее наказаніе....

— И онъ его заслуживаетъ! сказалъ Жакъ.

— Вотъ однако, какъ награждаютъ здѣсь откровенность! прервалъ Артуръ: какой примѣръ!

— Это не откровенность! это дерзость! сказалъ Жеромъ.

— Такъ вы думаете, что мнѣ трудно было бы солгать и вышутаться, какъ это дѣлаютъ другіе. Но, нѣтъ, я презираю обманъ, потому говорю правду, и съ перваго слова хотятъ мнѣ переломать ребра. Благодарю; ты благоразумнѣе, Жакъ!

— Я? спросилъ работникъ.

— Да, ты! Ты умѣешь устроить свои дѣлишки съ такимъ искусствомъ, что я всегда имѣлъ выгодное о тебѣ мнѣніе.

— Чтò ты хочешь сказать?

— Это очень ясно! есть люди, которые утромъ дѣлаютъ одно, а вечеромъ другое. Эти добрыя души пользуются всѣми преимуществами добродѣтели и всѣми выгодами порока. Какъ говорятъ, они собираютъ доходъ изъ разныхъ рукъ.

Говоря такъ, Артуръ качался на стулѣ и смотрѣлъ на Жака, который не могъ удержаться, чтобы не покраснѣть.

— Объясни, чтò ты хочешь сказать, сказалъ Жеромъ.

— О! это нетрудно! возразилъ Артуръ: я имѣю простодушіе быть откровеннымъ; это недостатокъ, отъ котораго я исправлюсь, и какъ другіе, научусь куралесить въ-тихомолку. Дайте мнѣ время, и въ два мѣсяца я составлю себѣ репутацію скромника.... такого, напримѣръ, какъ г. Жакъ.

При имени Жака, Целина подняла голову; мама Плюшэ живѣ стала перебирать посуду.

— Ты мнѣ будешь давать уроки, продолжалъ Артуръ, устремивъ глаза на Жака: и выучишь меня прогуливаться въ Бельвилѣ съ дѣвцами, когда будутъ думать, что я въ деревнѣ у тетки.

Въ этотъ разъ, намекъ былъ прямой. Взоры всѣхъ обратились на Жака. Мадамъ Плюшэ, сама удивленная неоконченностию нападенія, уронила чумичку.

— Жакъ, ты слышалъ, сказалъ папа Плюшэ. Что ты на это отвѣтишь?

— Что хотите вы, чтобы онъ отвѣчалъ? вскричалъ Артуръ. Спросите только у него, знаетъ ли онъ гостиницу *Двухъ Раковинъ*.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать, возразилъ Жакъ.

— А! ты не понимаешь! Хорошо! я освѣжу твою память, и мой рассказъ будетъ такъ вѣренъ, какъ-будто онъ былъ взятъ изъ *Монитѣра*. Я желалъ бы видѣть того, кто найдетъ, что я ошибся на одну запятую.

— Мы увидимъ, сказалъ Жеромъ: говори только, и если ты не соврешь, то это будетъ чудо.

— Я начинаю, продолжалъ Артуръ, и чудо совершается. Тому назадъ три дня, я бродилъ около Бельвиля, гдѣ назначилъ свиданіе одному капиталисту, по предмету спекуляціи въ летучихъ змѣяхъ. Тогда какъ я защищалъ свой интересъ, проѣзжаетъ городская карета. Я смотрю и узнаю Жака, сидящаго подлѣ молодой дѣвушки, очень хорошенькой. Знай нашихъ! Мы ѣдимъ на двухъ лошадяхъ! Какимъ-образомъ, говорю я себѣ, гражданинъ Жакъ, который отправился въ Этампъ, находится въ Бельвилѣ. Тутъ кроется волшебство! Не унесъ ли уже Робертъ-Гуденъ друга моего Жака? И я протиралъ себѣ глаза, желая хорошенько убѣдиться, что я не спалъ. Карета останавливается у дверей *Двухъ Раковинъ*, хорошей гостиницы, въ которой останавливаются зажиточные торговцы. На окнахъ есть занавѣсы, а надъ дверьми превосходная вывѣска. Г. Жакъ выходитъ изъ кареты, подаетъ руку своей сосѣдкѣ и входитъ въ гостиницу. Что вижу я тогда? Дѣвица имѣла видъ....

— О! змѣя! вскричалъ Жакъ.

— Ошибся я? возразилъ Артуръ сладкимъ голосомъ: положимъ, что это была обыкновенная толстота, и не будемъ болѣе говорить о ней. Надо было видѣть также, какъ г. Жакъ ухаживалъ за этою дѣвушкою! Какъ онъ ее поддерживалъ, заботился, чтобы у ней шаль не упала съ плечъ, и какъ онъ проворно потребовалъ комнату и завтракъ! О! Г. Жакъ умѣетъ жить, и обдѣлываетъ свои дѣла на славу!

Целина не сводила глазъ съ Жака въ-продолженіе всего разсказа. Замѣшательство ремесленника было очевидно и не скрылось отъ нея. Она опустила свои руки на колѣна.

— Жакъ! Жакъ! сказала она ему: правда ли это?

Мадамъ Плюшэ нашла минуту благоприятною для своего вмѣшательства.

— Это ужасно, отвратительно! вскричала она съ гнѣвомъ: обманывать мою бѣдную дочь! О! мужчины! И вотъ кого избралъ г. Плюшэ своимъ зятемъ! И послѣ этихъ прогулокъ, вы смѣете показываться сюда!

— Объяснись, Жакъ, сказалъ, въ свою очередь, Жеромъ Плюшэ: если ты сдѣлалъ какую глупость, откровенное признаніе, можетъ-быть, заслужитъ тебѣ прощеніе.

— Никогда! прервала мать!

— Жакъ, вы молчите! возразила Целина.

— Ахъ! мадемоазель, еслибы вы знали.... прошепталъ несчастный обойщикъ.

— Безъ фразъ; одно только слово: Правда ли это? прервала мадамъ Плюшэ.

— Да, это правда; я былъ въ Бельвилѣ; но....

— Онъ сознается! прервала мать, съ трудомъ скрывая свою радость подъ видомъ притворнаго негодованія.

Целина закрыла лицо руками.

— Мадемоазель! вскричалъ Жакъ съ выраженіемъ истинной скорби.

— Это бесполезно, г. Жакъ, вы меня обманули, все кончено между нами.

Сильно взволнованная Целина бросилась въ объятія своей матери и заплакала.

— Но защитите меня! возразилъ Жакъ, обращаясь къ Жерому.... Вы меня знаете!

— Да, я тебя знаю; но что ты хочешь, чтобы я для тебя сдѣлалъ? Былъ ты въ Бельвилѣ?

— Да.

— Былъ ты съ дѣвушкою?

— Да.

— Развѣ я лгу когда-нибудь? сказалъ Артуръ съ важностію судьи, произносящаго приговоръ.

— Но я невиненъ! вскричалъ Жакъ.

Целина подняла голову.

— Такъ объяснись, сказалъ Жеромъ.

Жакъ съ минуту колебался.

— Нѣтъ! нѣтъ! наконецъ вскричалъ онъ: я не могу!

— Вотъ прекрасная невинность, которая страшится оправданія! сказала мадамъ Плюшэ.

Жакъ хотѣлъ подойти къ своей невѣстѣ.

— Не слушай его! вскричала мать, закрывая дочь своимъ тѣломъ: помни, Целина, что тутъ затронута честь нашего пола.

— Прощайте! сказала Целина слабымъ голосомъ.

Жакъ остановился; на его лицѣ видны были слѣды сильной борьбы, происходившей въ сердцѣ; потомъ, какъ человекъ, принявшій твердое рѣшеніе, онъ пожалъ руку отца Плюшэ и пошелъ къ двери.

— Вы узнаете въ-послѣдствіи, что вы меня несправедливо осудили! сказалъ онъ.

И онъ вышелъ.

V.

БѢЛОЕ ПЛАТЬЕ.

Минутное молчаніе послѣдовало за выходомъ Жака.

— Добрый путь! сказалъ тогда Артуръ, бросивъ въ воздухъ свою фуражку.

— Ты напрасно смѣешься, возразилъ г. Плюшэ: въ голосѣ Жака было что-то такое, что меня тронуло.

— Это отъ того, что онъ говоритъ, какъ влюбленный въ *Клодию*. Честное слово! для столяра, дядюшка, душа у васъ слишкомъ нѣжна. И что за несчастіе потерять обойщика!

— Славнаго малаго! хорошаго мужа!

— Если это только васъ беспокоитъ, дядюшка, то не сердитесь: найдутся мужья для Целины; я беру это на себя.

— Ты!

— Да хоть бы и я?

— Какой-нибудь подобный тебѣ негодяй!

— Ну, если бы у моей кузены былъ мужъ, такой какъ я, она не была бы слишкомъ несчастлива. Но, успокойтесь, дядюшка, рѣчь идетъ не обо мнѣ, ни о моихъ друзьяхъ.

— Слава Богу!

Не обращая вниманія на замѣчаніе Жерома, Артуръ обернулся къ Целинѣ, и принявъ позу и взволнованный голосъ театральнаго влюбленнаго, вскричалъ:

— Какъ, любезная кузина, вы жертвуете своею молодостію и своею красотою для заставнаго Донъ-Жуана, для Ловласа изъ переулка. Тогда какъ онъ замышлялъ невѣрность, вы сохраняли постоянство съ чистотою юной души, неиспытанной еще обмана. И однако, для этого неблагодарнаго, насмѣхавшагося надъ самою нѣжною любовію, вы отвергали предложенія человека, умѣющаго цѣнить сокровища нѣжности, сокрытыя въ вашемъ сердцѣ! Чтобы принадлежать тому, кто вами пренебрегалъ, вы не признавали самой сильной и вмѣстѣ самой искренней страсти! Ахъ! дочь искушенія, доколѣ останетесь вы нечувствительны къ законному пламени души, жаждущей принадлежать вамъ?

Целина, озадаченная этою рѣчью, подняла голову, понимая только вполвину.

Но краснорѣчіе Артура не истощилось; онъ чувствовалъ вдохновеніе, и не думалъ останавливаться на столь славной дорогѣ.

— А вы, мой дядюшка, продолжалъ онъ: вы, которые упорствовали въ своемъ желаніи выдать ее замужъ за простаго обойщика, вы, которые только-что спрашивали, кто будетъ ея мужемъ, знайте, что есть у нея тотъ, кто ее любитъ, и на са-

момъ этомъ мѣстѣ предлагалъ ей свою руку. Онъ молодъ, богатъ, благороденъ; это парижскій принцъ Рудольфъ, и если вы желаете его видѣть, достаточно одного слова, одного жеста. Подобно магику, мнѣ стѣнитъ только поставить эту вазу съ цвѣтами на окно и сказать: «Явись!», и явится сей мужъ.

Артуръ съ словами соединилъ и дѣло; ваза съ цвѣтами, которая должна была служить Людовику сигналомъ призыва, была снята съ каминна и поставлена за окно.

Мадамъ Плюшэ шептала:

— Какъ онъ говоритъ, Боже мой!... какъ онъ говоритъ!... Думаешь, что сидишь въ Амбигю!

Увѣренность Артура, чрезвычайная важность, съ которою онъ говорилъ, удивляли немного Жерома, хранившаго молчаніе.

— Смотрите, сказалъ Артуръ, протянувъ руку въ направленіи къ двери: слова мои исполняются; слышите шаги по лѣстницѣ? Поднимаются, спѣшатъ, приходятъ; это онъ, это будущій мужъ! Онъ открываетъ дверь; вотъ онъ!

Людовикъ, въ поныхахъ, дѣйствительно показался на порогѣ. При видѣ собраннаго семейства, онъ остановился.

— Войдите, войдите, крикнулъ ему Артуръ.

И взявъ его за руку, онъ прибавилъ:

— Позвольте, дялюшка, представить вамъ г. графа Людовика де-ла-Сейлмерея.

И Артуръ подвелъ Людовика, съ полу-серьознымъ, полу-комическимъ видомъ, къ г. Плюшэ.

Съ минуту, удивленный, что видитъ графа въ лицѣ своего жильца, Жеромъ хранилъ молчаніе. Мадамъ Плюшэ пожирала глазами Людовика. Передъ нею стоялъ ея живой сонъ; ея химера осуществилась. Романъ начинался въ ея жизни.

— Какъ! сказалъ Артуръ: вы не бросаетесь на шею своему зятю?

Слова эти вывели г. Плюшэ изъ недоумѣнія.

— Извините, сказалъ онъ, обращаясь къ Людовику: правда ли, что вы г. графъ де-ла-Сейлмерей?

— Правда, отвѣчалъ Людовикъ.

— Такъ, вы насъ обманули?

— Милостивый государь!...

— Да, обманули! Когда мы вамъ протянули руку честно, доб-

росовѣстно; когда мы васъ приняли къ себѣ, въ наше семейство, вы солгали! Вы сдѣлали дурной поступокъ, одна мысль о которомъ заставила бы меня покраснѣть. Но съ какою цѣлю, вы, благородный и богатый, приходите ко мнѣ, простому работнику? Замышляли ли вы то, въ чемъ стыдно признаться.

— Ахъ! одно желаніе узнать мадемоазель Целину и получить ея руку!...

— Правда? Такъ для этого было средство, простѣе и достойнѣе честнаго человѣка. Я ся отецъ, и вы могли обратиться ко мнѣ. Смотрите, не прибѣгайте ко лжи....

— Клянусь вамъ, что таково было мое намѣреніе, и такимъ оно остается.

Выраженіе истины въ словахъ Людовика смягчило гнѣвъ г. Плюшэ.

— Я вамъ вѣрю, сказалъ онъ: и мнѣ такъ пріятно вамъ вѣрить, какъ было бы тяжело думать, что молодой человѣкъ, котораго я такъ радушно принялъ, который ѣлъ за моимъ столомъ и спалъ подъ моею кровлею, былъ безчестный. Но одного намѣренія недостаточно! Остается еще его исполнить.

— Мое присутствіе не доказываетъ ли вамъ самое дорогое желаніе моего сердца? И если вы согласны на это супружество....

— Развѣ достаточно вамъ одного моего согласія? возразилъ Жеромъ. У васъ есть отецъ. Принесите его одобреніе, и тогда я повѣрю искренности вашего предложенія. Дочь моя простая работница; но она никогда не вступитъ въ семейство насильно или хитростію, безъ согласія отца и матери. Ступайте, и не возвращайтесь, если вы не получите согласія.

Удивленный твердостію, съ какою сказаны были эти слова, Людовикъ взялъ свою шляпу и поклонился ремесленнику; но на порогѣ, онъ былъ остановленъ приходомъ новаго лица, о которомъ никто не думалъ, кромѣ Артура.

— Батюшка! вскричалъ Людовикъ.

— Хорошо! развязка! пробормоталъ Артуръ, восхищенный своимъ дѣломъ.

То былъ дѣйствительно маркизъ де-ла-Сейлмерей. Предувѣдомленный письмомъ Артура, онъ поспѣшно оставилъ свой

отель, съ тѣмъ, чтобы самому убѣдиться въ томъ, что происходило въ пятомъ этажѣ г. Плюшэ, гдѣ, писалъ Артуръ, любовный кризисъ г. Людовика достигалъ своей развязки.

При входѣ маркиза, мадамъ Плюшэ уронила чумичку, которую не переставала вертѣть между пальцами, и наклонясь къ Артуру, сказала на ухо, съ утрашеннымъ видомъ:

— Прощай зять! Отецъ разсердится!

— Ба! отвѣчалъ тихонько племянникъ: если разсердится, такъ разсердится; надо ускорить развязку.

— Милостивый государь, сказалъ маркизь, обращаясь къ г. Плюшэ: я стоялъ на площадкѣ, и послѣднія слова ваши объяснили мнѣ, въ чемъ заключается дѣло. Мой сынъ, я знаю, любитъ вашу дочь, и вы, какъ честный человѣкъ, не соглашаетесь ему отдать руки ея, прежде чѣмъ онъ не получитъ отъ меня согласія.

— Конечно? отвѣтилъ Жеромъ.

— Такъ я вамъ даю это согласіе!

— Вы! вскричалъ невольно Людовикъ.

— Да, я. Это удивляетъ тебя? Развѣ ты не совершеннолѣтній? Не говорилъ ли ты мнѣ о своемъ намѣреніи жениться? Не властенъ ли ты располагать своею будущностію? Для чего буду я противиться твоимъ предположеніямъ?

Минутное молчаніе послѣдовало за этимъ объявленіемъ, котораго впрочемъ никто не ожидалъ, ни мадамъ Плюшэ, ни Жеромъ, ни Целина, ни Артуръ, ни Людовикъ въ особенности. Взоры всѣхъ были устремлены на маркиза де-ла-Сейллерея, стоявшаго посреди комнаты.

— Превосходный человѣкъ! пробормотала мадамъ Плюшэ: Я не знаю, что удерживаетъ меня броситься ему на шею!

Маркизь слегка улыбнулся.

— Такъ вы довольны? прибавилъ онъ, обращаясь къ Жерому.

— Но, г. маркизь, сказалъ тогда честный работникъ: конечно, вы намъ дѣлаете много чести; но, можетъ-быть, вы не обдумали....

— Ну! сказалъ Артуръ теткѣ: дялюшка все испортитъ. Въ-сто того, чтобы разчувствоваться, онъ вздумалъ разсуждать.

— Объяснитесь, сказалъ маркизь.

— Я не знаю, все ли вамъ сказалъ г. Людовикъ, продолжалъ Жеромъ: но мой долгъ васъ предупредить, что мы бѣдные люди и не имѣемъ никакихъ надеждъ. Можетъ-быть, вы воображаете, что у моей дочери есть какой-нибудь талантъ? Увы! нѣтъ, г. маркизь! Исключая шитья, вышиванья и ремесла цвѣточницы, она ничего не знаетъ. Я неслишкомъ увѣренъ, не смысла много самъ, чтобы она могла написать три строки безъ ошибки. Мадамъ Плюшэ говоритъ, что можетъ, но и она знаетъ не болѣе меня. Все приданое Целины состоитъ въ ея добромъ нравѣ и честности.... Какую роль будетъ она играть въ томъ свѣтѣ, въ который вы ее введете? Вашъ сынъ говоритъ, что онъ ее любитъ такою, какъ она есть; но мы не дѣти, и наша обязанность думать за нашихъ дѣтей. Откровенно сказать, г. маркизь, я боюсь будущности.

Маркизь взялъ руку Жерома и пожалъ ее.

— Вы честный человѣкъ, сказалъ онъ разстроганнымъ голосомъ: но что сказано, то сказано; тѣмъ неменѣе, свое согласіе я даю съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ, г. маркизь?

— Что вы, со всѣмъ семействомъ, проведете одинъ мѣсяцъ въ моемъ замкѣ.

— Въ вашемъ замкѣ! вскричала мадамъ Плюшэ, для которой это слово открывало горизонтъ чудесъ.

— Да, въ моемъ замкѣ: онъ находится въ четырехъ или пяти льѣ отъ Парижа, между Версалемъ и Сень-Жерменомъ. Наши молодые люди будутъ имѣть тамъ возможность лучше узнать другъ-друга, и если ихъ характеры сойдутся, мы отпразднуемъ свадьбу въ деревнѣ. Согласны?

— Согласны ли! я думаю! отвѣтила мадамъ Плюшэ.

— Такъ собирайтесь; завтра утромъ я заѣду за всѣми вами.

— О! мы будемъ готовы! сказала жена.

— Но моя работа! сказалъ мужъ.

— Такъ какъ я васъ приглашаю, то вы спросите отпускъ въ мастерской. Неправда ли?

— Пусть будетъ такъ, какъ вы желаете.... Но все-таки, не смотря на мое къ вамъ уваженіе, мнѣ кажется, что это напрасно.

— Если это напрасно, то у насъ будетъ довольно времени убѣдиться въ этомъ.

Когда г. де-ла-Сейллерей оставилъ домъ въ предмѣстьи Сентъ-Дени, чувства, волновавшія участниковъ этой сцены, были весьма различны. Жеромъ былъ удивленъ и отчасти опечаленъ; Целина какъ бы озадачена; ея неопредѣленная мысль не знала на чемъ остановиться; мадамъ Плюшэ дрожала отъ радости и не могла стоять на мѣстѣ. Что касается г. Артура, то онъ смиренно принималъ тщеславный видъ автора, получившаго большой успѣхъ.

— Что, мой молодой другъ, сказалъ онъ, ударивъ фамильярно по плечу Людовика: не былъ ли я правъ, приглашая васъ вѣрить мнѣ ваши интересы? Повѣрьте мнѣ, въ любви, какъ въ политикѣ, надо ускорять развязку.... Одолжите же мнѣ, пожалуйста, сотню франковъ, для возобновленія моего гардероба; я немного неглижировалъ собою все это время, и вступая въ свѣтъ, я хочу привести въ порядокъ свой туалетъ.

Послѣднія слова были сказаны тихимъ голосомъ; Людовикъ улыбнулся и далъ ему денегъ.

Несмотря на поздній часъ вечера, мадамъ Плюшэ, подъ различными предлогами, обѣгала весь кварталъ, чтобы распространить между своими знакомыми вѣсть о блестящемъ бракосочетаніи—такъ говорила она,—въ которое вступала ея дочь съ богатымъ господиномъ.

Торговка плодами выпучила глаза, а молочница развѣсила уши. Извѣстіе пронеслось изъ устъ въ уста, и изъ лавки въ лавку. Важность его увеличивалась въ прямомъ отношеніи къ разстоянію и времени, и въ семь часовъ, въ улицѣ Англенской, Целина выходила замужъ за сына бывшаго герцога и пера, десять разъ милліонера; на слѣдующій день, въ Малой Конюшенной, она вступала въ бракъ съ принцемъ.

Мадамъ Плюшэ провела полночи въ различныхъ сборахъ, и не насталъ еще день, а она уже одѣвалась въ дорогу. Она надѣла самое лучшее платье и самый пышный чепчикъ. Цѣлый околдокъ собрался смотрѣть, какъ семейство садилось въ карету. Невѣрующіе, оказавшіе мало довѣрія разсказу тщеславной и торжествующей матери, поклонились ей въ минуту отъѣзда, и мадамъ Плюшэ, не помня себя отъ радости, сидя прямо на

подушкахъ, высоко держа голову, съ разгорѣвшимися щеками и распущенными на вѣтеръ лентами своего чепца, оставила, между двумя рядами любопытныхъ, грязную мостовую, гдѣ она такъ часто ходила съ корзиною въ одной рукѣ, зонтикомъ въ другой, кускомъ хлѣба подъ мышкою и въ деревянныхъ башмакахъ.

Замокъ, въ который г. де-ла-Сейллерей пригласилъ семейство Плюшэ, былъ окруженъ чудною мѣстностью, на скатѣ холма, покрытаго лѣсомъ, откуда видъ простирался на лужайки, пересѣкаемыя группами деревьевъ. Жилой домъ былъ обширенъ, изященъ и окруженъ садами, превосходно разбитыми; къ нему примыкали два павильона, соединенные оранжереями съ флигелями замка. Паркъ лежалъ на холмахъ, позади зданій, и заключалъ обширное пространство земли, обнесенное стѣнами.

Мадамъ Плюшэ едва переводила дыханіе, поднимаясь на подъѣздъ; Целина смотрѣла во всѣ стороны съ любопытнымъ и наивнымъ видомъ, любовалась богатствомъ и изящностію мебели, пышностію обоей, разнообразіемъ картинъ, изобиліемъ цвѣтовъ, вкусомъ украшеній, и выражала свое восхищеніе на каждомъ шагу.

Показавъ гостямъ своимъ новое ихъ жилище, г. де-ла-Сейллерей остановился въ залѣ, окна которой выходили въ садъ.

— Ваша комната тамъ, направо, сказалъ онъ мадамъ Плюшэ: комната моего сына и моя тамъ, налево; такимъ-образомъ мы будемъ жить всѣ вмѣстѣ, и каждый отдѣльно. Въ деревнѣ, вы знаете, дѣлаютъ, что хотятъ; утромъ завтракаютъ въ одиннадцать часовъ, вечеромъ, обѣдаютъ въ шесть; колоколъ замка даетъ знать о наступленіи вождельнаго времени. Въ десять пьютъ чай. Тамъ есть билліардная зала; егеря принесутъ г. Жерому и г. Артуру ружья и удочки, если они любятъ охоту и рыбную ловлю. У васъ будутъ лошади и экипажи для прогулки. Встаютъ какъ кому угодно.

— Хорошо! я буду вставать поздно! сказалъ г. Артуръ.

— И ложатся спать, когда вздумаютъ, продолжалъ маркизъ.

— Это настоящая сказка! прибавилъ Артуръ.

— Теперь, я васъ оставляю и ухожу заниматься, сказалъ маркизъ: вы у себя дома, не стѣсняйтесь.

Какъ только вышелъ маркизъ, мадамъ Плюшэ испустила сильный вздохъ благополучія.

— Ахъ! сказала она съ умиленнымъ видомъ: я родилась для того, чтобы сидѣть въ этихъ просторныхъ креслахъ.... Здѣсь я дышу свободно, я перерождаюсь.... Безспорно, въ моихъ жилахъ течетъ кровь герцогини. Эти зеркала, эти люстры, эти ковры, эти канделябры, мнѣ кажется, все эти вещи меня ожидали. Ахъ! дочь моя, какъ ты счастлива! Ты видишь сонъ, который будетъ продолжаться всю твою жизнь.... Мой сонъ начинается немного поздно. Неправда ли, какъ ты счастлива?

— Да, маменька, отвѣчала Целина, съ видомъ, который, казалось, говорилъ: я не знаю.

— Все это прекрасно, сказалъ тогда Жеромъ: но что буду я дѣлать съ утра до вечера?

— Ты будешь охотиться, отвѣтила ему жена.

— Да! я не съумѣю и ружья зарядить.

— Лови рыбу.

— Благодарю; это слишкомъ утомительно.

— Такъ ты будешь гулять.

— Гулять хорошо въ воскресенье; но остальные дни недѣли?

— Ты будешь отдыхать.

Съ этимъ словомъ, мадамъ Плюшэ встала и пошла любоваться въ зеркалъ ослѣпительнымъ эффектомъ своего чепчика, представлявшаго фантастическое соединеніе радужныхъ цвѣтовъ. Жеромъ сѣлъ въ уголъ и вздохнулъ. Мысль гулять въ седьмой день, отдыхая всю недѣлю, никогда не представлялась его уму.

Что касается до Артура, то онъ смотрѣлъ на свое новое положеніе, какъ человѣкъ, котораго частое посѣщеніе театровъ приготовило ко всему неожиданному.

— Дядюшка, сказалъ онъ, вмѣшавшись въ разговоръ: если вы согласны, я васъ выучу искусству ничего не дѣлать; я имъ занимаюсь уже двадцать лѣтъ, и въ немъ считаю себя довольно сильнымъ. Старайтесь мнѣ подражать, и въ мѣсяцъ вы узнаете, что для порядочнаго человѣка надо неменѣе двѣнадцати часовъ въ день, чтобы убивать время.

Жеромъ пожалъ плечами и ничего не отвѣчалъ.

Спустя нѣсколько дней, въ одно утро, г. Артуръ, совершенно преобразованный, съ тросточкою въ рукѣ, стеклышкомъ въ глазу, въ лаковыхъ сапогахъ и съ регалиею во рту, которую онъ курилъ съ видомъ господина, скучающаго на Итальянскомъ-бульварѣ, остановилъ на крыльцѣ замка слугу маркиза.

— Послушай, любезный, какъ тебя зовутъ? Шампань или Лафлеръ, Маскариль или Фронтенъ? сказалъ онъ небрежно.

— Меня зовутъ, сударь, Исидоромъ, отвѣтилъ слуга.

— Исидоромъ, говоришь ты; это слишкомъ обыкновенно, но пусть такъ. Вотъ луи, будь откровененъ и отвѣчай. Знаешь ли ты здѣсь хорошенькую дѣвушку?...

— О! сударь, я знаю ихъ нѣсколько; есть Жаннета, Сюзета, Елиза, дочь толстяка Пьерра....

— Э! не прерывай меня; я говорю тебѣ о молодой дѣвушкѣ въ бѣломъ платьѣ.

— Платье ничего не значитъ, сударь.

— Честное слово, я думаю, что этотъ негодяй смѣется надо мной! Будешь ли ты молчать, чортъ возми?

— Вы мнѣ приказали отвѣчать, сударь, и я отвѣчалъ.

— Теперь, слушай, это еще легче. Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ живетъ, безъ сомнѣнія, здѣсь въ окрестности. Я видѣлъ ее еще вчера въ саду, и сегодня утромъ близъ оранжереи.

— Это весьма возможно, сударь.

— Это несомнѣнно.... Знаешь ли ты, есть у фермера г. маркиза дочери?

— Не могу знать!

— А!

— Да потому-что у него одни сыновья!

— Глупецъ!

— Это, можетъ-быть, его служанка, большаго роста, сухая, какъ щепка.

— Убирайся вонъ съ твоею служанкою.

— Сейчасъ иду, сударь.

— Э! вернись и отвѣчай мнѣ.

— Весьма охотно, сударь, за ту же цѣну.

Артуръ посмотрѣлъ на Исидора, и вынувъ изъ жилета второй лун, подалъ ему.

— Если это животное не представляетъ типа рѣдкой глупости, проворчалъ онъ: то это самый страшный плутъ!

— Да, сударь, отвѣтилъ Исидоръ съ глупымъ видомъ.

— Слушай.... Если у фермера нѣтъ дочерей, то, можетъ-быть, управитель г. де-ла-Сейллерея имѣетъ ихъ?

— О! да, у него четыре дочери.

— И хорошенькія?

— Чудныя!

— Та, та! одна изъ нихъ не носитъ ли обыкновенно бѣлаго платья?

— Да, сударь, старшая.... премиленькая дѣвушка!

— А который ей годъ? Двадцатый?

— О! нѣтъ!

— Такъ шестнадцатый?

— Восьмой! сударь, восьмой!

— Смѣешься что ли ты надо мною?

— Боже сохрани! Вы изволили приказать мнѣ быть откровеннымъ; я это и дѣлаю. Есть еще пятилѣтняя, трехлѣтняя и двухлѣтняя.

— Такимъ-образомъ, ты не знаешь никакой другой дѣвушки въ замкѣ?

— Я не говорю этого, сударь. Есть мадемоазель Целина!

— Моя кузина!

— Потомъ, есть еще кухарка Готонъ и штопальница Бабе.

— Двѣ страшныя старухи!

— Онѣ дѣвицы, сударь.

Артуръ топнулъ ногою и прервалъ разговоръ.

— Негоднѣй выманить у меня сорокъ франковъ, сказалъ онъ; надо будетъ занять сто у моего кузена.

Кузенъ, это былъ Людовикъ. Артуръ полагалъ, что между родными, кошелекъ долженъ быть общимъ.

Людовикъ какъ-разъ въ эту минуту спускался по лѣстницѣ въ садъ; Артуръ его окликнулъ.

— Другъ мой, сказалъ онъ ему, взявъ молодаго графа подъ руку: со мной случилось странное происшествіе.

Людовикъ, уже свыкнувшійся съ манерами Артура, слегка улыбнулся.

— Ну, что! сказалъ онъ.

— Послушайте, что я вамъ скажу! Представьте себѣ, что три дня сряду я встрѣчаю въ аллеяхъ сада, въ паркѣ, близъ источника, фею, незнакомую женщину, какъ поэтъ Фернандъ въ Фавориткѣ.

— А! и вы также? вскричалъ Людовикъ.

— Такъ и вы ее видѣли!

— Вчера вечеромъ, близъ фонтана подъ липами.

— Въ бѣломъ платьѣ?

— Въ бѣломъ платьѣ.

— Это такъ! Вы съ ней не говорили?

— Нѣтъ.

— Такъ я знаю болѣе вашего.

— Будто?

— Да, мой любезнѣйшій, прибавилъ Артуръ, охорашиваясь: не даромъ же видѣлъ я наставниковъ въ искусствѣ обольщенія, первыхъ сюжетовъ Гимназіи и Водевилья. Мое происшествіе принадлежитъ роману. Въ одинъ вечеръ, я стоялъ подлѣ бассейна и смотрѣлъ на красныхъ рыбокъ (я всегда любилъ этихъ красивыхъ животныхъ), какъ вдругъ вижу, словно призракъ, крадется что-то бѣлое, за плетнемъ, обвитымъ плющемъ. Наступала ночь. Кто, подобно мнѣ, видѣлъ чудеса цирка, гдѣ я занималъ роль, тотъ неслишкомъ вѣритъ въ привидѣнія. Я побѣжалъ

къ плетню.... и ничего не нашелъ. Въ слѣдующій день, я прогуливался въ паркѣ, когда услышалъ невдалекѣ пѣніе.

— Очаровательный голосъ!

— Да, очаровательный. Я въ этомъ не знатокъ. Поднимаю голову и вижу, молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, собираетъ цвѣты на берегу ручья. Я подхожу на ципочкахъ, но она замѣчаетъ меня и убѣгаетъ.

— А вы?

— О! я бѣгу за нею; но какъ догнать ее, въ этомъ безконечномъ паркѣ, перерѣзанномъ вдоль и поперекъ тропинками. Я ушибся только о пень.

— И все тутъ?

— Какъ все! когда я вамъ говорю, что я съ ней разговаривалъ!

— Когда же?

— Въ эту ночь.

— А!

— Вы удивляетесь! Эти встрѣчи, преслѣдованія, исчезанія, все это бродило у меня въ головѣ. Я лишился сна. Итакъ, вчера вечеромъ, я гулялъ около оранжереи, когда услышалъ позади себя легкій шумъ шаговъ; я обернулся.... Это было опять мое бѣлое платье. Она открыла дверь въ оранжерею и вошла въ нее съ легкостью кошки. Я послѣдовалъ за нею потихоньку. Былъ великолѣпный лунный свѣтъ. «Хорошо! сказалъ я про-себя: въ этотъ разъ она не уйдетъ.» Пока я ее подстерегалъ, она составляла букетъ и напѣвала пѣсенку, всѣ слова которой кончались на *и* или на *а*.

— Безъ сомнѣнія, итальянскую.

— Вѣроятно. Увидавъ ее на концѣ оранжереи, я неожиданно подошелъ къ ней. Легкій крикъ испуганной птицы вырвался изъ груди ея. «Хорошо! думаю я, теперь или никогда должно дѣйствовать какъ въ Амбигю.» Я бросился на колѣна, и протянувъ къ ней руки вскричалъ: кто бы ты ни была, душа моя вздыхаетъ по твоей, какъ цвѣтокъ по росѣ! я тебя люблю!» На этомъ мѣстѣ тирады, которую я слышалъ въ какой-то мело-

драмѣ, она прервала меня сильнымъ смѣхомъ. Я всталъ. Бѣлое платье открыла дверь, скрытую между стеклами и убѣжала. Вотъ единственный разговоръ, который мы имѣли вмѣстѣ.

— А теперь, что вы намѣрены дѣлать?

— О! будьте спокойны! между бѣлымъ платьемъ и мною думель на смерть. Я получу отъ него удовлетвореніе, хотя бы мнѣ пришлось провести въ засадѣ двадцать дней и двадцать ночей! Развѣ деревенская фея можетъ имѣть преимущество надъ парижскимъ гаменомъ?

— И вы говорите, что она хороша собою?

— Я думаю! Она похожа на портретъ Виргиніи, который виситъ въ комнатѣ моей кухни; но выраженіе лица ея болѣе оживлено. Вы никого не знаете здѣсь, кто бы имѣлъ сходство съ этимъ портретомъ?

— Никого.

— Однако вѣдь это не призракъ же! Призраки не поютъ итальянскихъ арій.

Между-тѣмъ, какъ два молодые человека, два кузена, какъ говорила мадамъ Плюшэ, обмѣнивались своими предположеніями насчетъ таинственной обитательницы замка, слуга, разговаривавшій съ Артуромъ, былъ въ кабинетѣ маркиза.

— Ты говоришь, Исидоръ, что онъ тебя много расспрашивалъ? сказалъ маркизь.

— Сколько могъ и всѣми способами; онъ мнѣ даже далъ эти два лун.

— И ты хорошо сдѣлалъ, что взялъ ихъ, удержи ихъ у себя.

— Покорно благодарю, г. маркизь; впрочемъ, вы можете быть увѣрены, что я ничего не сказалъ.

— Я это знаю; но пускай г. Артуръ расспрашиваетъ себя и бѣгаетъ; не въ этомъ дѣло; былъ ты вчера въ Парижѣ. Какое привезъ оттуда извѣстіе?

— Превосходное, г. маркизь.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Я развѣдывалъ и узналъ, что у мадемоазель Плюшэ есть возлюбленный, женихъ, какъ говорятъ въ околдѣ.

Тутъ Исидоръ рассказалъ г. де-ла-Сейллерею то, что уже извѣстно объ отношеніяхъ Жака и Целины.

66 ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ, ОСТОРОЖ. ЛУЧШЕ ПОСПЫШНОСТИ.

Незамѣтная улыбка пробѣжала по лицу маркиза.

— Что за человекъ этотъ Жакъ? спросилъ онъ, леговко потирая руку объ руку.

— Обойщикъ, довольно красивый и очень честный мальчикъ. Ему, можетъ-быть, двадцать-седьмой или двадцать-восьмой годъ. Я видѣлъ его въ мебельномъ магазинѣ, куда я вошелъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто хотѣлъ приторговаться къ одному креслу. Лицо у него весьма пріятное, но немного печальное оно выражаетъ прямой и добрый характеръ.

— Не носятъ ли слухи, что онъ собирается жениться, послѣ отъѣзда Целины?

— Нѣтъ еще, но одна прачка, которую я заставилъ разговариваться, сказала мнѣ, что ея сосѣдка, мелочная разнощица, думаетъ за него посватать свою меньшую сестру.

Маркизь взялъ перо, и написавъ нѣсколько словъ, сложилъ записку и запечаталъ.

— Возьми это письмо, сказалъ онъ Исидору, и отнеси его немедленно. Ты скажешь моему обойщику, чтобы онъ тотчасъ исполнилъ мое приказаніе. Ступай... Наконецъ! вскричалъ онъ, и я могу также сказать: «Я нашелъ!»

(Продолженіе будетъ).

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ГАЛВАНИЗМЪ И ПРАКТИЧЕСКІЯ ЕГО ПРИЛОЖЕНІЯ.

СТАТЬЯ 4-Я *.

Электромагнитныя машины и электромагнитные часы.

Въ первой статьѣ, говоря о дѣйствіи гальваническаго тока на мягкое желѣзо, мы привели нѣсколько примѣровъ необыкновенной силы магнетизма, которую приобрѣтаютъ куски желѣза, обмотанные проволочными спиралями, подъ вліяніемъ тока, пробѣгающаго по этимъ проволокамъ.

Мысль поработить своей власти новую силу, и тѣмъ приобрѣсти новаго исполнителя нашей воли, сильно заняла многіе умы Стараго и Новаго-Свѣта, и почти во всѣхъ государствахъ были произведены попытки устроить машины, въ которыхъ бы работалъ гальанизъмъ. Распространившееся мнѣніе объ удивительной скорости появленія и исчезанія магнитной силы, и отсут-

* См. первая три статьи въ С. О. МЗ V, VII, VIII.

ствие всякой опасности при ея употребленіи, подамо слишкомъ скоро надежду на осуществленіе мысли, которую съ самаго начала считали легко исполнимою.

Профессоръ Генри, въ Америкѣ, изъ первыхъ устроилъ въ 1831 г. машину, приходившую въ движеніе отъ дѣйствія тока (приборы этого рода называются электромагнитными); движеніе это было попеременно, т. е., взадъ и впередъ, подобно тому, какъ ходитъ поршень въ паровой машинѣ. Полоска мягкаго желѣза, длиною до 7 дюймовъ, съ загнутыми въ одну сторону подъ прямымъ угломъ концами, была обмотана проволокою, — каждая половина отдѣльною спиралью, оканчивавшеюся двумя свободными концами, загнутыми въ ту же сторону; эта полоска имѣла въ серединѣ ось, которую клали на горизонтальныя подставки, подобно тому, какъ коромысло въ паровой машинѣ; а подъ каждой парой загнутыхъ концовъ проволоки находились двѣ ртутныя чашечки, имѣвшія сообщеніе съ концами батареи. Въ разстояніи одного дюйма, подъ загнутыми концами были поставлены два стальные магнита, одноименными полюсами (напр. сѣверными) вверхъ; проволоки, о которыхъ мы сейчасть упоминали, были расположены такимъ-образомъ, что если наклоняли одинъ конецъ коромысла къ магниту, стоящему подъ нимъ, — тогда токъ, проходя по половинѣ полоски, сообщалъ наклоненному концу въ нашемъ случаѣ сѣверный магнетизмъ, слѣдовательно отдаленный конецъ принималъ южный магнетизмъ; понятно, что наклоненный конецъ отталкивается отъ полюса стоящаго подъ нимъ магнита, а поднятый, напротивъ-того, притягивается. — Вслѣдствіе этого произойдетъ то, что опустившійся конецъ подыметъ, а поднявшійся опустится; но отъ этого движенія пара концовъ, которую мы погрузили въ ртуть, выдетъ изъ чашечекъ, — а другая пара, въ свою очередь, погрузится — въ ртуть, подъ ней стоящую — и токъ пойдетъ по направленію обратному прежнему, а такъ-какъ отъ направленія тока зависитъ расположеніе магнитныхъ полюсовъ, то понятно, что въ полоскѣ сѣверный конецъ перевернется на южный, и обратно. По этой причинѣ, опускавшійся южный конецъ, слѣвавшись сѣвернымъ, станетъ отталкиваться и такимъ-образомъ коромысло придетъ въ горизонтальное положеніе, а потомъ отъ приобрѣтеннаго толчка будетъ наклоняться; тогда

онъ опустится въ ртуть прежняя пара проволокъ, и снова коромысло откачнется назадъ. Такимъ-образомъ оно станетъ качаться взадъ и впередъ, пока въ батарее существуетъ токъ. Модель, устроенная Генри, дѣйствовала цѣлый часъ съ равномерною скоростью, и дѣлала 78 качавій въ минуту.

Въ 1834 году, италіанскій учоный Сальваторъ-даль-Негро устроилъ качающуюся электромагнитную машину, подобную прибору Генри. Онъ сдѣлалъ подковообразный электромагнитъ, (о подобныхъ мы упоминали въ предъидущихъ статьяхъ), который своими полюсами былъ обращенъ вверхъ; надъ этими полюсами, на горизонтальной оси была повѣшена намагниченная стальная полоска, такимъ-образомъ, что одинъ ея конецъ или полюсъ приходился въ серединѣ между полюсами электромагнита. Когда чрезъ подкову былъ пропускаемъ токъ, тогда одинъ изъ ея полюсовъ отталкивалъ, а другой притягивалъ къ себѣ свободный конецъ висящаго стального магнита. Когда этотъ конецъ доходилъ до притягивавшаго его полюса, тогда переменялось направленіе тока въ электромагнитѣ, стальной магнитъ отталкивался назадъ и притягивался къ другому полюсу. Такимъ-образомъ стальной магнитъ качался подобно маятнику, и это движеніе посредствомъ рукоятки легко было переменить въ круговое. Модель, устроенная Даль-Негро, могла подымать въ минуту $1\frac{1}{2}$ нашего фунта на высоту одного фута; или, какъ говорится, полезное дѣйствіе ея равнялось $1\frac{1}{2}$ фунто-футамъ въ минуту.

Якоби, сынъ академикъ зѣмной Академіи Наукъ, будучи еще въ Кенягбергѣ, придумалъ машину, приходившую въ вращательное движеніе прямо отъ дѣйствія электромагнитовъ другъ на друга, безъ всякихъ рукоятокъ и другихъ механическихъ приводовъ. Устройство такого рода конечно предпочтительнѣе попеременнаго, потому-что въ этомъ послѣднемъ, какъ видно изъ описанія машины Генри и Даль-Негро, магнитъ или электромагнитъ долженъ переменять направленіе своего движенія въ тотъ самый моментъ, когда скорость его была наибольшая; въ электромагнитныхъ же вращательныхъ машинахъ, магнитъ, какъ мы сейчасть увидимъ, въ подобныхъ же обстоятельствахъ продолжаетъ свое движеніе въ ту же сторону, и получаетъ новый толчокъ, увеличивающій его скорость.

Въ машинѣ Якоби на неподвижномъ вертикальномъ кругѣ укрѣплено четное число электромагнитовъ перпендикулярно къ плоскости круга; полюсы ихъ расположены попеременно, сѣверные и южные. Точно такой же кругъ, съ такимъ же числомъ магнитовъ, насаженный на горизонтальной оси, расположенъ такъ, что его ось упирается въ центръ неподвижнаго круга, и магниты обоихъ обращены другъ къ другу. Такъ-какъ всѣ магниты находятся въ равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, то будутъ такія положенія двухъ круговъ, что каждый электромагнитъ одного круга прямо противостоитъ соответствующему электромагниту другаго.

Для того, чтобъ легче понять способъ движенія безъ чертежа, вообразимъ только два противуположные электромагнита, одинъ неподвижный, другой подвижной, оба одноименные. Въ этомъ случаѣ очевидно движенія не будетъ, очевидно для того, кто ясно представляетъ себѣ положеніе двухъ круговъ; но какъ-скоро подвижной электромагнитъ будетъ отведенъ нѣсколько въ сторону, то начнется отталкиваніе его въ эту сторону отъ неподвижнаго электромагнита и притяженіе къ слѣдующему, за нимъ стоящему. Какъ-скоро электромагнитъ подвижной достигнетъ и нѣсколько отъ пріобрѣтенной скорости перейдетъ новый электромагнитъ, то — посредствомъ особеннаго устройства части прибора, соответствующей клапану паровой машины, — токъ мѣняетъ направленіе, полюсъ подвижнаго электромагнита мѣняется, т. е. становится одноименнымъ съ тѣмъ, къ которому онъ подошелъ, и отъ этого продолжается отталкиваніе въ ту же сторону, и такъ далѣе. Что мы сказали про одинъ электромагнитъ, то дѣлается и со всѣми прочими; слѣдовательно происходитъ непрерывное круговое движеніе, пока существуетъ въ батарее токъ. Часть прибора, переменяющая въ электромагнитныхъ машинахъ направленіе тока, называется мутаторомъ, или коммутаторомъ.

Около этого же времени, т. е. 1835 г., Ричи (Ritchie) устроилъ свою машину, которая состояла изъ неподвижной электромагнитной подковы и подвижнаго якоря. Этотъ подвижной якорь, котораго ось проходила вдоль подковы между двумя вѣтвями, былъ также обмотанъ проволокой, и въ немъ переменялись полюсы; магнетизмъ же подковы оставался все время безъ перемены.

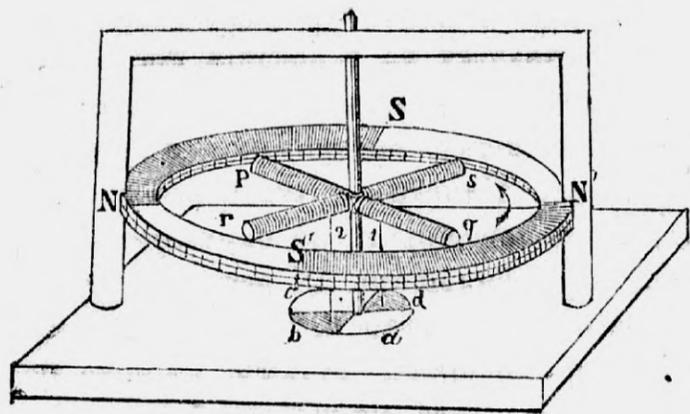
ны.—Когда якорь находился въ такомъ положеніи, что его полюсы приходились почти надъ полюсами подковы, тогда каждая пара близъ-стоящихъ полюсовъ была одноименна и отъ того они отталкивались. Отъ толчка каждый полюсъ описывалъ четверть окружности, тогда начиналось притяженіе до полукружности; когда полюсы якоря противостоятъ полюсамъ подковы, тогда токъ прерывается и движеніе не продолжалось-бы, еслибъ они отъ пріобрѣтенной скорости не переходили бы нѣсколько дальше;—тогда токъ снова проходитъ, но по противоположному направленію, такъ-что полюсы, которые передъ этимъ были различны, становятся одинакими и движеніе отъ дѣйствія отталкиванія продолжается. Въ Нидерландахъ Стратингъ и Бекеръ устроили повозку на основаніи способа Ричи.

Ботто, въ Туринѣ, дѣлалъ въ 1836 г. попытку устроить большую двигательную машину, которая почти та же, что описанная нами машина Якоби. Диаметръ круга былъ 5 футовъ; 12 электромагнитовъ, расположенныхъ по окружности, притягивались 8-ю подковами, переменявшими 12 разъ въ-теченіе одного оборота свои полюсы. При батарее, въ которой поверхность цинка равнялась 11 квадр. нашимъ футамъ, машина подымала въ 4 секунды вѣсъ 19½ фунтовъ на высоту 5 футовъ; полезное дѣйствіе, значить, равно 24 фунто—футамъ въ секунду, т. е., машина могла поднять 24 фунта (нашихъ) на высоту одного фута въ секунду. Эта сила очень мала, если принять въ разсужденіе огромность употребленной батареи.

Въ одномъ изъ Соединенныхъ-Штатовъ, именно въ штатѣ Вермонтѣ, въ деревнѣ Рутлэндѣ, кузнецъ Девенпортъ (Davenport), человекъ предприимчивый и со способностями сталъ заниматься этимъ дѣломъ. Но такъ какъ-въ научномъ отношеніи онъ былъ весьма слабъ, то труды его производились ощущею и результаты свои онъ выражалъ иногда непонятнымъ образомъ. Напримѣръ: онъ построилъ огромную машину въ видѣ звѣзды, состоящей изъ 234 полосъ, каждая въ 4 фута длиною; эта звѣзда была подвижная, и полосы эти притягивались къ такому же числу неподвижныхъ электромагнитовъ. По выраженію Девенпорта эта машина имѣла силу двухъ тоннъ, что вовсе непонятно, потому-что кромѣ двигаемой тяжести, надо сказать, съ какою скоростью она движется.

Въ 1838 г. Девенпортъ устроилъ машину изъ двухъ электро-

магнитныхъ цилиндровъ, сложенныхъ накрестъ, и двухъ подковныхъ магнитовъ. Изобрѣтатель былъ высокаго мнѣнія объ этой машинѣ, и полагалъ, что она превосходитъ силою паровыя; впрочемъ не онъ одинъ такъ думалъ. Въ то время много было шуму послучаю этого изобрѣтенія, и многіе полагали, что оно предоставитъ неисчислимыя выгоды, по той причинѣ будто-бы содержаніе ея ничего не будетъ стоить. Мы скорѣ увидимъ, въ какой степени справедливы были эти надежды, а между-тѣмъ предлагаемъ описаніе этой любопытной, во-всякомъ-случаѣ, машины, о которой рассказывали столько чудесъ. (Фиг. 1)

Въ горизонтальномъ кругѣ вѣданы два дугообразные стальные магнита, или два электромагнита NS и N'S'; на вертикальной оси, преходящей чрезъ центръ круга, укрѣплены накрестъ два куска мягкаго желѣза pq и rs. Проволока, которой начало обозначено цифрою 1, намотана, начиная отъ средины креста на часть электромагн. q до конца, потомъ назадъ къ срединѣ и далѣе до конца p, оттуда назадъ къ срединѣ и на другой цилиндръ, который обматывается такимъ же образомъ; окончаніе проволоки означено цифрою 2; такимъ-образомъ каждый цилиндръ мягкаго желѣза обмотанъ проволокою въ два ряда, но разумѣется, что число рядовъ можетъ быть увеличено по произволу. Концы, означенные цифрами 1 и 2, опускаются внизъ и доходятъ до горизонтальнаго кружка abcd, состоящаго изъ 4-хъ металлическихъ секторовъ и четырехъ костяныхъ узенькихъ полосокъ, отдѣляющихъ по направленію радиусовъ эти секторы другъ отъ друга; секторы b и d имѣютъ соединеніе между собою, также секторы a и c. Проволока 1 лежитъ

на секторѣ a, * проволока 2 лежитъ на секторѣ b; батарея соединена однимъ концомъ съ a, другимъ съ b; такъ-что токъ входитъ въ a, потомъ идетъ по проволокѣ 1 и всѣмъ четыре-ремъ электромагнитамъ; наконецъ чрезъ проволоку 2 и секторъ b возвращается. Проволоки такъ расположены, что q принимаетъ магнетизмъ южный, s — сѣверный; p — южный, и r — сѣверный; слѣдовательно движеніе будетъ происходить по направленію стрѣлки, начерченной на фигурѣ до противустоянія 4-хъ полюсовъ подвижныхъ электромагнитовъ 4-мъ же полюсамъ неподвижныхъ. Въ моментъ противустоянія проволоки 1 и 2 придутся на костяныхъ полоскахъ, разграничивающихъ секторы; въ этомъ положеніи токъ не проходитъ и электромагниты другъ на друга не дѣйствуютъ. Такихъ положеній во-время полного оборота — 4, и эти точки называются мертвыми. Отъ полученной скорости крестъ проходитъ мертвыя точки, и оба конца проволоки переходятъ на слѣдующіе секторы; тогда токъ будетъ входитъ уже не въ проволоку 1, а въ проволоку 2, слѣдовательно полюсы въ подвижныхъ цилиндрахъ перемѣнятся, и притяженіе перемѣнится въ отталкиваніе, такъ-что q перейдетъ до S, а p отъ N до S'; понятно, что движеніе будетъ непрерывное, пока существуетъ токъ. Нижній кружокъ abcd называется коммутаторомъ. — Сколько намъ извѣстно, этотъ приборъ никогда не былъ дѣланъ въ большемъ видѣ.

Въ этой машинѣ отстраненъ одинъ важный недостатокъ, который существовалъ въ первой машинѣ Якоби; именно въ этой послѣдней, во-время противустоянія электромагнитовъ, притяженіе сильно дѣйствуетъ на ось, потому-что всѣ электромагниты притягиваются въ одну сторону, а здѣсь они притягиваются въ противоположныхъ направленіяхъ, и потому не происходитъ никакого давленія на ось.

Калланъ, соотечественникъ Девенпорта, обѣщалъ на словахъ еще болѣе, чѣмъ Девенпортъ. Онъ писалъ: «Я придумалъ устройство машины съ 40 электромагнитами, и полагаю, что при батарее въ 6 квадр. футъ (т. е. съ поверхностью цинковыхъ пластинокъ, въ сложности равной 6 кв. ф.) повозка съ 13-ю центнерами достигнетъ скорости 7—8 англ. миль въ часъ. Основываясь на опытахъ, я вычислилъ, что электромагнитная машина такой силы, какую имѣетъ лучшій паровозъ на нашихъ желѣзныхъ доро-

* Граверъ эту проволоку опустилъ на секторѣ d, ес надо удлинить, чтобы она лежала на a.

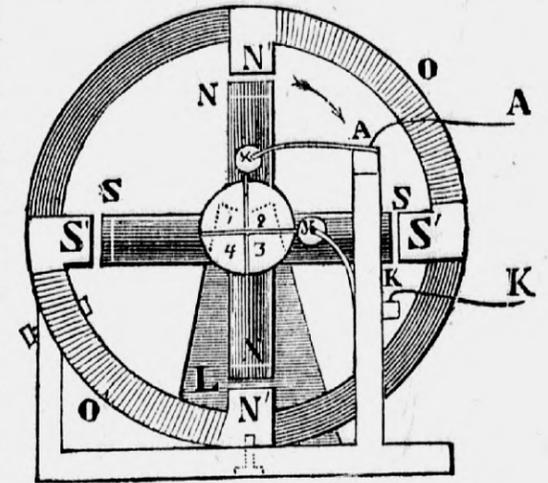
гахъ, можетъ быть устроена за 250 ф. стерл.; вѣсъ такой машины не болѣе 2-хъ тоннъ; годовой ремонтъ 300 ф. стерл. Если мое вычисленіе вѣрно, то электромагнетизмъ стоить по болѣе мѣрѣ $\frac{1}{4}$ цѣны пара». Потомъ Калманъ полагалъ даже устроить машину, которая съ $\frac{1}{4}$ фута поверхности цинка имѣла-бы лошадиную силу; но съ того времени, какъ онъ сдѣлалъ такіа блестящія обѣщанія прошло 15 лѣтъ, и его молчаніе доказываетъ, что онъ сильно ошибся въ своихъ расчетахъ и напрасно возбудилъ всеобщія надежды. Впрочемъ какъ бы то ни было, самому автору въ этомъ случаѣ было гораздо непріятнѣе, чѣмъ публикѣ.

Въ 1838 или 1839 году, Голландецъ Форсельманъ-де-Херъ построилъ вращающуюся машину, отличную отъ Якобисовой и Девенпортовой. Мы не хотимъ помѣщать здѣсь чертежъ этой машины, но надѣемся, что нѣсколько словъ дадутъ достаточно ясное о ней понятіе. Представимъ себѣ цилиндръ, на поверхности котораго лежатъ, вдоль оси, нѣсколько цилиндрическихъ электромагнитовъ; такой цилиндръ, насаженный на ось въ машинѣ Форсельмана, помѣщается внутри другаго цилиндра, въ которомъ укрѣплены также вдоль оси столько же электромагнитовъ. Оба эти цилиндра наружнымъ видомъ похожи на валы, на которые наматываются веревки сѣтей, вытаскиваемыхъ на берегъ рыбаками. Этого рода расположеніе тѣмъ хорошо, что здѣсь магниты притягиваются всеми своими точками, а не одними полюсами.

Намъ удалось видѣть такого рода машину, которая отличалась отъ сейчасъ описанной тѣмъ, что въ ней не существовало мертвыхъ точекъ, и коммутаторъ былъ другаго устройства. Мертвыхъ точекъ приборъ не имѣлъ потому, что на внутреннемъ подвижномъ цилиндрѣ было 6 электромагнитовъ, на вѣншемъ же 8, такъ-что когда двѣ пары противостоятъ другъ-другу, остальные 10 электромагнитовъ находятся въ разныхъ фазахъ своего движенія. Слѣдствіемъ такого устройства была чрезвычайная равномерность движенія машины, даже если скорость ея была значительно уменьшена работою. Эта машина представляетъ большія преимущества предъ другими, о которыхъ мы до-сихъ-поръ говорили.

Якоби, занимаясь здѣсь въ Петербургѣ усовершенствованіями электромагнитныхъ машинъ, принялъ устройство Девенпорта,

но крестъ установилъ въ вертикальной плоскости на горизонтальной оси, и измѣнилъ устройство коммутатора, Фиг. 2. представляетъ машину Якоби. (Фиг. 2) NN, SS два электромагнита, лежащіе накрестъ; O, O' два дугообразные электромагнита; коммутаторъ посаженъ на той же горизонтальной оси и раздѣленъ на 4 сектора: 1, 2, 3 и 4. На ободѣ его лежатъ два колеса x и которыя посредствомъ пружинокъ AA KK, которыя ихъ прижимаютъ къ коммутатору, сообщаются съ концами батареи. Подставка L служитъ для поддерживанія одного конца оси прибора (другая подставка для другаго конца, которая закрывала бы всю нижнюю часть чертежа, не представлена).

Мы здѣсь скажемъ нѣсколько словъ о коммутаторѣ Якоби, а о движеніи всей машины не считаемъ нужнымъ упоминать, потому-что кто прочелъ описаніе машины Девенпорта, безъ всякаго труда увидитъ, что здѣсь происходитъ то же самое. Коммутаторъ состоитъ изъ металлическаго толстаго кружка, раздѣленнаго на 4 сектора; 1 и 3 части соединены между-собою внутренней проволокой, 2 и 4 также; но каждая изъ нихъ отдѣлена отъ своей сосѣдней пластинками дерева, кости или какаго-нибудь другаго вещества, не проводящаго гальванической токъ*. Проволоки, которыми обмотанъ крестъ, вдѣланы концами въ секторъ 1 и 2, что все-равно, какъ будто бы въ 3 и 4, потому-что они въ соединеніи.

Для того, чтобы электромагниты принимали сильный магнетизмъ, ихъ обвиваютъ очень длинными проволоками, и въ то время какъ токъ перемѣняется въ подвижной системѣ, въ неподвижной расположеніе магнетизмовъ остается постояннымъ. Подобная модель, въ которой діаметръ креста не болѣе двухъ вершковъ и проволоки навиты въ два ряда, приходитъ въ движеніе отъ одной пары Даніеля; отъ трехъ паръ она приобретаетъ та-

* Пластинки эти не должны выдаваться надъ окружностью, какъ то сдѣлано по ошибкѣ на чертежѣ.

кую скорость, что нельзя различить составныя части креста. Если увеличимъ число паръ до 12, то быстрота вращенія увеличивается до того, что части машины дрожатъ и отъ этого сотрясенія происходитъ тонъ, который ясно слышенъ во все время движенія. Но большая скорость не означаетъ еще большой силы, и, въ-самомъ-дѣлѣ, эту модель можно безопасно остановить однимъ пальцемъ во-время самаго скорого ея движенія.

Авторъ имѣлъ однажды въ распоряженіи машину, которой крестъ былъ въ діаметрѣ съ небольшимъ 4 вершка. Число оборотовъ на подвижной и неподвижной частяхъ было весьма значительное. Отъ 8 элементовъ Даніеля машина, будучи свободна, дѣлала 6 оборотовъ въ секунду. Какъ-скоро была привѣшена тяжесть въ 10 фунтовъ, крестъ дѣлалъ только одинъ оборотъ въ секунду. Эта модель могла подымать отъ дѣйствія 8 ми элементовъ $5\frac{1}{2}$ фунтовъ на высоту 1 аршина въ-теченіе одной минуты. Если напомнить что части машины, притягивая мягкое желѣзо, могли отъ этой батарееи поддерживать нѣсколько десятковъ фунтовъ, то примѣръ силы, которую мы привели покажется очень неудовлетворительнымъ.

Одна изъ причинъ несовершенства электромагнитныхъ машинъ такого вида заключается въ томъ, что взаимное притяженіе двухъ магнитовъ быстро уменьшается съ увеличеніемъ разстоянія между ними. Механикъ Крамеръ въ Пруссіи, далъ въ числахъ поразительные примѣры этого уменьшенія; онъ для своихъ опытовъ бралъ магниты различной силы, начиная съ такого, который подымалъ нѣсколько менѣе 3-хъ фунтовъ, до такого, который поддерживалъ 22 нашихъ фунта. Чтобы увеличивать разстояніе между магнитомъ и якоремъ, онъ употреблялъ листы почтовой бумаги, которой 46 листовъ, будучи сложены и сжаты, составляли 1 ливію толщины. Одинъ магнитъ, который притягивалъ свой якорь съ силою 22 фунтовъ, когдабылъ подложенъ, какъ сказано, одинъ листъ почтовой бумаги, могъ поддерживать только $12\frac{1}{2}$ фунт., причемъ замѣтимъ что бумага не уменьшала нисколько магнитнаго дѣйствія, которое проникаетъ всякое тѣло (вещество) не ослабѣвая; мы не включаемъ въ это число желѣзо, которое относится особеннымъ-образомъ къ магнетизму. Когда разстояніе было увеличено до $\frac{1}{2}$ ливіи, поддерживаемая тяжесть была менѣе $1\frac{1}{2}$ фунта; наконецъ при увеличеніи разстоянія до 1 ливіи магнитъ могъ держать только $\frac{2}{3}$ фунта.

Теперь легко себѣ представить, что если машина составлена даже изъ весьма сильныхъ электромагнитовъ, то чувствительное притяженіе ихъ начинается только на весьма незначительномъ разстояніи, слѣдовательно продолжается недолго и ни въ какомъ положеніи не равно полной притягательной силѣ магнитовъ, потому-что они другъ къ другу не могутъ подойти ближе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ или на $\frac{1}{3}$ ливіи.

Разсматривая внимательно опыты Крамера, мы выводимъ замѣчаніе, что у слабыхъ магнитовъ сила притяженія убываетъ быстрее, чѣмъ у сильнѣйшихъ.

Напримѣръ магнитъ силою въ $3\frac{3}{4}$ фунта на разстояніи $\frac{1}{10}$ ливіи имѣетъ $\frac{1}{12}$ всей силы. Онъ же на разстояніи $\frac{1}{3}$ ливіи имѣетъ $\frac{1}{30}$ всей силы. Два магнита, притягивающіеся съ силою 8 фунтовъ на разстояніи $\frac{1}{10}$ ливіи имѣютъ $\frac{1}{4}$ всей силы. Они же на разстояніи $\frac{1}{3}$ ливіи имѣютъ $\frac{1}{8}$ всей силы. Магнитъ силою въ 22 фунта на разстояніи $\frac{1}{10}$ ливіи имѣетъ $\frac{10}{37}$ всей силы. Онъ же на разстояніи $\frac{1}{3}$ имѣетъ $\frac{10}{74}$, т. е. почти $\frac{1}{7}$ всей силы.

Электромагнитъ, слѣванный въ Лондонѣ Хіортомъ (Hjorth), поддерживавшій около 120 пудовъ, имѣлъ почти $\frac{1}{3}$ своей силы въ разстояніи $\frac{1}{8}$ дюйма; слѣдовательно сила его относительно гораздо болѣе предъидущихъ, изъ которыхъ самый большой въ такомъ разстояніи имѣлъ бы не болѣе $\frac{1}{100}$ своей силы; значитъ, въ этомъ отношеніи большія машины относительно лучше меньшихъ, но есть причины, которыя будутъ въ своемъ мѣстѣ приведены, и по которымъ вообще малыя машины этого рода дѣйствуютъ относительно сильнѣе большихъ.

Чтобы получить большую силу посредствомъ машинъ этого рода, нѣтъ другаго средства, какъ соединить множество маленькихъ крестовъ. Такимъ-образомъ поступилъ г. Якоби въ 1838 г., поставивъ систему маленькихъ машинъ на шлюнкѣ длиною 28 футъ, шириною $7\frac{1}{2}$, а глубиною въ $2\frac{3}{4}$ фута. Для приведенія этой лодки въ движеніе, онъ составилъ батарею въ 320 цинково-мѣдныхъ паръ, но лодка пошла со скоростью менѣе 2 версты въ часъ, такъ что не могла подняться на Невѣ противъ теченія.

Въ слѣдующемъ 1839 году, оставивъ ту же машину, г. Якоби устроилъ платино-цинковую батарею въ 64 пары, въ которыхъ каждая пластинка платины имѣла 36 квадратныхъ дюймовъ поверхности; тогда скорость движенія увеличилась почти вдвое, и

шлюпка ходила, то по теченію, то противъ теченія, почти цѣлый день съ 12 или 14 пассажирами.

Около этого же времени академики Ленцъ и Якоби соединенными трудами опредѣлили законы намагничиванія желѣза помощью токовъ, весьма замѣчательные какъ по простотѣ своей, такъ и по пользѣ научной и практической.

Результаты ихъ опытовъ можно заключить въ слѣдующихъ правилахъ:

1. Магнетизмъ, припимаемый мягкимъ желѣзомъ подъ вліяніемъ тока, тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе токъ, проходящій по спирали, окружающей этотъ кусокъ; онъ усиливается почти во столько же разъ во сколько увеличивается токъ.

2. Толщина проволоки не имѣетъ никакого вліянія на магнетизмъ, но сопротивленіе току, т. е. ослабленіе его, зависитъ отъ этого, какъ мы объяснили въ первой статьѣ.

3. Также ширина спирали не имѣетъ вліянія на силу приобретаемаго магнетизма; подъ шириной спирали мы понимаемъ діаметръ цилиндра, на который навивается проволока.

4. Чѣмъ болѣе оборотовъ проволоки въ спирали, тѣмъ болѣе развивается магнитной силы и это увеличеніе пропорціонально числу оборотовъ, такъ что цилиндръ, обвитый 100 оборотами, втрое слабѣе относительно цилиндра, обвитаго 300 оборотами при той же силѣ тока.

5. Магнетизмъ почти пропорціоналенъ діаметрамъ желѣзныхъ цилиндровъ.

Читателю, вѣроятно, тотчасъ приходитъ мысль, что такимъ образомъ при той же батарее можно увеличивать силу въ кускѣ желѣза до безконечности; но мы спѣшимъ сказать, что такое предположеніе ошибочно, потому-что, хотя дѣйствительно магнитная сила возрастаетъ съ увеличеніемъ числа оборотовъ, но отъ этого также увеличивается сопротивленіе, т. е. уменьшается токъ. Слѣдовательно, можетъ случиться, что большее число оборотовъ будетъ болѣе вредить, чѣмъ приносить пользу, потому-что тогда сопротивленіе увеличится болѣе, чѣмъ магнетизмъ.

Здѣсь полезны будутъ замѣчанія Паррота, нашего академика, и Паттерсона въ Нью-Йоркѣ. Парротъ опредѣлялъ опытами, что изъ двухъ цилиндровъ одного вѣса, изъ которыхъ одинъ сплошной, а другой рустой, сильнѣйшій магнетизмъ принимаетъ пус-

той цилиндръ; Паттерсонъ же употребляетъ вмѣсто сплошнаго куска пучки пластинокъ мягкаго желѣза, которые, по его словамъ, гораздо скорѣе приобретають и теряють магнетизмъ, чѣмъ слѣданные изъ цѣльнаго куска. Паттерсонъ говоритъ что въ Нью-Йоркѣ устроена одна машина изъ такихъ пластинокъ, которая приводитъ въ движеніе типографскій прессъ одного еженедѣльнаго журнала.

Въ 1840 году можно было читать результаты практическихъ трудовъ Вагнера, касательно приложенія электромагнетизма какъ движущей силы. Вагнеръ въ-продолженіе 5-ти лѣтъ занимался этимъ предметомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, основательно изучилъ гальванизмъ, и построилъ элементы, дѣйствовавшіе въ-теченіе извѣстнаго времени равномерно, но какіе именно, намъ неизвѣстно.

Послѣ этого онъ приступилъ къ устройству маленькихъ электромагнитныхъ вращательныхъ приборовъ, основанныхъ на различныхъ началахъ.

Сюда принадлежитъ одинъ, котораго вращающаяся система имѣла только 5 дюймовъ въ діаметрѣ, и которая лѣтомъ 1838 г. была поставлена на маленькую повозку, имѣвшую до 40 фунтовъ собственнаго вѣсу. Она въ-продолженіе 3 часовъ каталась по окружности, имѣвшей 7 футовъ въ діаметрѣ, съ другою повозкой нагруженной 60 фунтами, съ неперемѣняющеюся скоростью 7 верстъ въ часъ.

Слѣдствія его трудовъ не были выражены окончательно; только по продолжительному съ-тѣхъ-поръ молчанію видно, что они неудовлетворительны.

Не справедливо было бы здѣсь умолчать о машинѣ В. Кайданова, описанной имъ въ его «Разсужденіи о взаимныхъ отношеніяхъ гальванизма и магнетизма», потому-что хотя она и не была выполнена на дѣлѣ, однако изъ одного описанія видно ея превосходство надъ прочими машинами этого рода.

Она состоитъ изъ 16 электромагнитовъ, расположенныхъ по направленію радіусовъ: въ той же плоскости находится большой неподвижной дугообразный электромагнитъ, занимающій полуокружность, такъ что въ-слѣдствіе этого устройства всегда два радіуса звѣзды діаметрально противоположныя находятся близь полюсовъ дугообразнаго электромагнита. Коммутаторы устроены такимъ образомъ, что въ этой машинѣ дѣйству-

ютъ всегда два магнита подвижной системы, а именно тѣ, которые находятся ближе всего къ полюсамъ большаго электромагнита. Такъ какъ наибильнѣйшее притяженіе происходитъ не на самомъ концѣ большаго электромагнита, а въ нѣкоторомъ разстояніи по направленію къ срединѣ, то когда одинъ изъ электромагнитовъ подвижной системы кончитъ свой путь и отъ прерванія тока въ немъ пропадетъ магнетизмъ, тогда слѣдующій радиусъ будетъ уже близокъ къ полюсу большаго постоянно намагниченнаго магнита, и такъ какъ онъ усильнѣ намагнитится еще далеко не доходя этой точки, то онъ станетъ притягиваться съ значительною силой. Слѣдовательно, все движеніе будетъ состоять изъ непрерывныхъ сильныхъ толчковъ, причемъ каждый электромагнитъ во-время полнаго оборота только два раза переменяетъ свой магнетизмъ. Число электромагнитовъ можетъ быть не 16, а болѣе, смотря по величинѣ прибора; напр. если діаметръ звѣзды равенъ 1 футу, то мы можемъ помѣстить по направленію радиусовъ 26 электромагнитовъ, которые по окружности будутъ отстоять только на $1\frac{1}{2}$ дюйма другъ отъ друга, слѣдовательно, во-время полнаго оборота будетъ 26 сильныхъ притяженій.

Никто не выполнилъ проекта этой машины въ свое время, теперь, вѣроятно, она уступила бы въ силѣ приборамъ, изобрѣтеннымъ послѣ нея.

Мы говорили уже объ одной причинѣ, по которой результаты движенія машинъ такъ разнятся отъ результатовъ притяженія; но эта причина не есть единственная, другая, неменѣе важная, есть образованіе индуктированныхъ токовъ.

Въ первой статьѣ упомянуто было, что въ моментъ замыканія и прерванія главнаго тока являются въ проволоку посторонніе, такъ-называемые индуктированные токи, въ первомъ случаѣ того же направленія, во второмъ противнаго; слѣдовательно во время прерванія тока, что бываетъ въ положеніи близкаго притяженія, магнетизмъ усиливается индукціей, но зато во-время замыканія, что случается при началѣ отталкиванія, токъ ослабляется индукціей.

Эти токи не производили бы еще большаго вреда, еслибыкромя нихъ не существовали другіе, образующіеся во-время движенія подвижныхъ желѣзныхъ членовъ, мимо неподвижныхъ, постоянно намагниченныхъ.

Вліяніе индуктированныхъ токовъ очень легко доказывается опытомъ, такъ напр. Якоби пропустилъ токъ чрезъ электромагнитную машину, но удерживалъ ее отъ движенія; стрѣлка гальванометра отклонилась на 60° ; когда же пустили машину въ ходъ, тогда сила тока уменьшилась до 47° .

Можно бы думать, что движеніе вращательной машины, по способу своего образованія, будетъ ускоряться до бесконечности, но кромѣ приводимыхъ причинъ, есть еще одна, недопускающая этого обстоятельства. Причина эта заключается въ томъ, что магнетизмъ требуетъ нѣкотораго времени для своего появленія. Въ машинѣ Девенпорта или Якоби каждый цилиндръ во-время полнаго оборота 4 раза мѣняетъ свои полюсы; въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ, гдѣ машина дѣлала 6 оборотовъ въ секунду, перемена токовъ, а слѣдовательно и полюсовъ была 24 раза въ одну секунду; значить, для появленія и пропадаванія магнетизма нужна была $\frac{1}{24}$ доля секунды. Можетъ быть $\frac{1}{100}$ доля секунды недостаточна для образованія магнетизма, въ такомъ случаѣ скорость не можетъ на нашей модели превзойти 25 оборотовъ въ секунду. Такъ напр. механикъ Штѣреръ наблюдалъ наибольшую скорость 16 оборотовъ въ секунду на приборѣ, состоявшемъ изъ 6 полосокъ, слѣдовательно 96 перемены полюсовъ.

Замѣтимъ также, что большія полосы требуютъ болѣе времени для своего намагничиванія, и это вѣроятная причина, почему большія машины относительно слабѣе малыхъ, о чемъ мы уже упоминали.

Есть еще доказательство существованія индуктированныхъ токовъ еще болѣе убѣдительное, чѣмъ приведенное недавно нами; именно если пропустимъ чрезъ неподвижную часть электромагнитной машины токъ, а потомъ станемъ обращать просто рукою или посредствомъ какого-нибудь механизма подвижную часть, чрезъ которую не проходитъ токъ, то мы замѣтимъ, что на коммутаторѣ являются искры, которыя тѣмъ ярче, чѣмъ болѣе скорость обращенія.

Подобное явленіе существуетъ во всякой электромагнитной машинѣ, и чѣмъ съ болѣею силою оно обнаруживается, тѣмъ

менѣе соотвѣтствуетъ своей цѣли тотъ приборъ, на которомъ мы наблюдаемъ это явленіе.

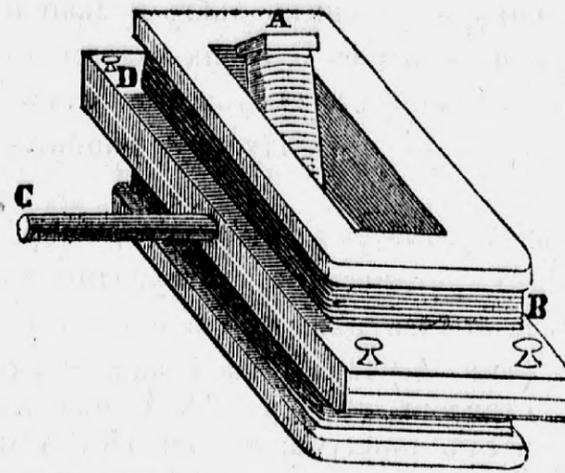
Берлинскій механикъ Штѣреръ въ 1843 году, изыскивая средства получить сильныя токи, происходящія единственно отъ вращенія магнита, устроилъ приборъ, который есть ничто иное по виду какъ мультипликаторъ (см. статью 1) въ большомъ видѣ. Намъ извѣстно, что пропуская токъ по мультипликатору, мы тѣмъ отклоняемъ стрѣлку; здѣсь же происходитъ обратное, именно, если будемъ быстро вращать магнитную стрѣлку, то въ окружающей проволоки пробѣгаетъ индуктированный токъ.

Его мультипликаторъ состоялъ изъ 90 оборотовъ толстой мѣдной проволоки; вмѣсто маленькой стрѣлки, онъ посадилъ на ось сильный магнитъ длиною 6 дюйм., толщиною $\frac{3}{8}$ дюйма и шириною въ $1\frac{1}{8}$ дюйма. Несмотря на то, что магнитъ обращался съ большою скоростью, токи, происшедшіе отъ этого, были относительно слабы; весьма естественно что Штѣреру пришла мысль обратить свою модель въ двигательную машину.

Когда онъ пропустилъ черезъ спираль токъ отъ 2-хъ элементовъ Бунзена (поверхность угля въ каждомъ элементѣ была около 20 квадратныхъ дюймовъ), то магнитъ сталъ перпендикулярно оборотамъ; когда же его наклоняли такъ, что онъ принималъ положеніе вдоль оборотовъ, то слышно было въ рукѣ значительное сопротивленіе, потому—что магнитъ отталкивался съ силою, которая равна была $\frac{2}{3}$ нашего фунта. Штѣреръ придѣлалъ къ своему прибору коммутаторъ, измѣнявшій направленіе тока въ спирали въ тотъ моментъ, когда магнитъ становился перпендикулярно оборотамъ; въ-слѣдствіе переменны тока онъ продолжалъ свое движеніе, и опять становился вертикально, описавъ полуокружность; въ этомъ положеніи токъ снова перемѣнялъ направленіе, и магнитъ снова дѣлалъ полуоборотъ.

Когда машина была готова и пущена въ ходъ, то магнитъ въ-сомъ $2\frac{1}{2}$ фунта сталъ вертѣться съ такою ужасною быстротою, что весь аппаратъ грозилъ разлетѣться въ дребезги.

Желая еще усилить дѣйствіе машины, Штѣреръ, вмѣсто стали пѣго магнита, взялъ кусокъ мягкаго желѣза А такой же величины

(фиг. 3.) и намоталъ на него 132 оборота проволоки; на деревянную рамку BD были навиты двѣ спирали, каждая въ 80 оборотовъ толстой проволоки. С ось магнита. Коммутаторы были устроены такимъ образомъ что въ магнитѣ токъ шелъ постоянно по одному и тому же направленію, а въ спирали измѣнялся въ моменты, когда магнитъ былъ перпендикуларенъ оборотамъ.

Слѣдующая табличка показываетъ скорость обращенія этой модели отъ различнаго числа элементовъ.

Отъ 1-го элемента она дѣлала	8 оборотовъ въ секунду
— 2 — — —	18 — — —
— 3 — — —	26 — — —
— 4 — — —	32 — — —
— 5 — — —	40 — — —

Слѣдовательно, число оборотовъ пропорціонально числу элементовъ. Когда привѣшивали тяжесть на ось магнита, скорость его нѣсколько уменьшалась.

Слѣдующія цифры показываютъ силу машины отъ различнаго числа элементовъ.

Отъ 1 элем. машина подним.	2 фунта въ 4 сек. на $1\frac{1}{20}$ фута
— 2 — — —	$3\frac{3}{5}$ — — $3\frac{1}{20}$ —
— 3 — — —	$5\frac{7}{10}$ — — $2\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{20}$ —
— 4 — — —	$6\frac{4}{5}$ — — 2 — $1\frac{1}{20}$ —
— 5 — — —	$6\frac{5}{5}$ — — $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{20}$ —

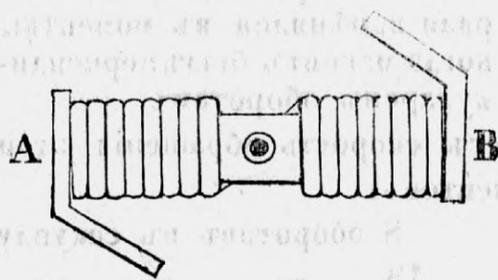
Чтобы легче было сравнивать эти силы, мы приведемъ ихъ къ одной единицѣ.

Такъ сила машины отъ 1 элемента = 31 фунтофуту въ минуту, т. е. приборъ могъ поднять въ 1 минуту 31 фунтъ на высоту 1-го фута.

Сила машины отъ 2-хъ элем.	70 фунтофутамъ
— — — 3 —	= 140 —
— — — 4 —	= 210 —
— — — 5 —	= 272 —

Итакъ маленькая модель, въ которой магнитъ былъ только 6 дюймовъ длины, отъ дѣйствія 5 элементовъ Бунзена поднималъ почти 7 пудъ на высоту 1 фута въ минуту. Результатъ весьма счастливый, особенно въ сравненіи съ предыдущими попытками.

Продолжая заниматься тѣмъ же предметомъ, Штѣреръ, скоро замѣтилъ, что отталкиваніе магнита усиливается, если увеличить поверхность его полюсовъ. Именно онъ нашелъ что магнитъ

(фиг. 4.) такого вида, какъ представленъ на чертежѣ 4, оказываетъ наилучшее дѣйствіе. А и В это толстыя желѣзныя пластинки.

Послѣ этихъ опытовъ Штѣреръ, взявъ полосу болѣе $\frac{1}{4}$ аршина длины и немного менѣе

вершка толщины; число оборотовъ мультипликатора было увеличено. Скорость обращенія этой модели была менѣе чѣмъ предыдущей. Сила отъ 7 парной батареи возрасла до 1150 фунтофутовъ въ минуту; сила отталкиванія, при горизонтальномъ положеніи магнита, доходила до 5 фунтовъ.

Наконецъ когда эта машина была подвержена дѣйствию 20 элементовъ, то сила ея равнялась 4600 фунтофутамъ въ минуту, или почти 2 пудофутамъ въ секунду, т. е. средней человѣческой силѣ.

Эти результаты должны намъ показаться блестящими послѣ предыдущихъ попытокъ, въ которыхъ модели едва двигались.

Однако, несмотря на то, выводъ изъ опытовъ Штѣрера тотъ, что сила электромагнитная никакъ не можетъ соперничать съ паровою.

Въ маломъ видѣ Штѣреръ употреблялъ съ пользою свой приборъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужна небольшая сила, напримеръ для приведенія въ движеніе токарнаго станка; такъ-какъ издержки для содержанія такой маленькой машины очень незначительны, то и можно было въ этомъ случаѣ удобство предпочесть выгоду.

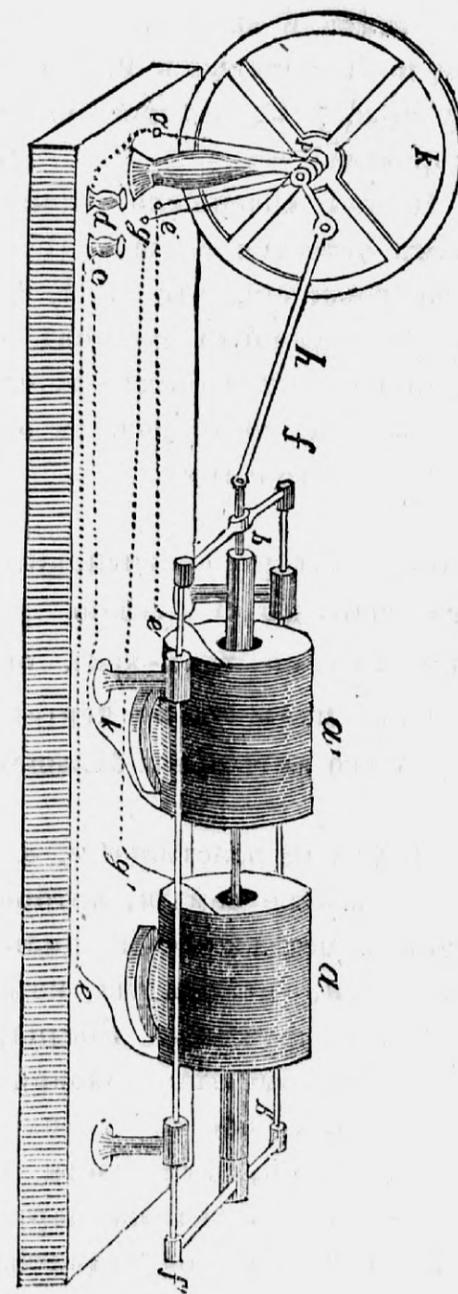
Теперь мы переходимъ къ самымъ новѣйшимъ трудамъ, именно къ работамъ Педжа (Page), профессора химіи въ Вашингтонѣ. Его машины основываются на томъ фактѣ, что проволоочная

спираль, чрезъ которую пропускаютъ токъ, сама имѣетъ свой ства магнита, т. е. одинъ конецъ ея соответствуетъ сѣверному полюсу, а другой южному полюсу магнита.—Слѣдовательно, если цилиндръ этотъ будетъ внутри пустой, то онъ притягиваетъ въ себя желѣзо.

Педжъ нашелъ, что вертикально поставленная проволоочная спираль, состоящая изъ нѣсколькихъ сотъ оборотовъ, при дѣйствіи батареи Грове въ 6 элементовъ втягиваетъ въ себя кусокъ желѣза до 3 фунтовъ вѣсомъ, и удерживаетъ его въ вертикальномъ положеніи. На основаніи этого опыта Педжъ задѣялся устроить машину съ большою силой при небольшомъ объемѣ.

Чертежъ 5 представляетъ (фиг. 5.) приборъ, слѣданный имъ въ 1845 году, послѣ продолжительныхъ и дорогихъ опытовъ; цилиндры *a*, *a'*, приделанные крѣпко къ доскѣ, обвиты проволокою въ огромномъ числѣ оборотовъ; проволока, обвивающая цилиндръ *a'*, начинается въ точкѣ, обозначенной чрезъ *e'*, другой конецъ ея находится въ *k*, концы проволоки цилиндра *a* суть *l* * и *g'*. Вдоль по оси обѣихъ спиралей выточенъ цилиндрическій каналъ, въ которомъ могутъ двигаться цилиндры мягкаго желѣза *b* и *b'*, насаженные на общій мѣднѣй пруть, и равные длиной своей спиральмъ *a*, *a'*; этотъ пруть крѣпко соединенъ съ рамкою *ff'*. Эта рамка можетъ свободно ходить въ четырехъ подставкахъ, изъ которыхъ на чертежѣ изображены только три, двѣ на одной сторонѣ цилиндровъ и одна на другой.

Рамка *ff'* соединена на шарнирахъ съ мотылемъ *h*, идущимъ къ рукояткѣ маховаго колеса *k'*.

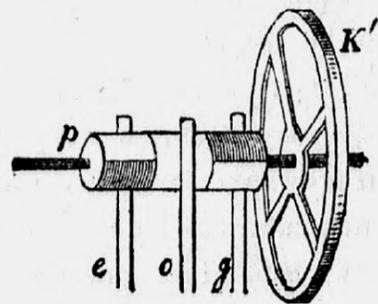

* Вместо *l* на чертежѣ выставлено *e*

Движеніе происходитъ вотъ въ какомъ порядкѣ; когда рама ff' , а съ нею и цилиндры b и b' , подвинута, сколько возможно вправо, тогда b входитъ въ a' , а b' весь выходитъ изъ a ; въ это время токъ проходитъ только черезъ цилиндръ a , который начинаетъ втягивать въ себя b , следовательно двигаетъ всю раму влѣво. — Когда b' войдетъ въ a , тогда токъ въ a прерывается коммутаторомъ, и появляется въ a' , следовательно этотъ цилиндръ начинаетъ втягивать въ себя b , т. е. двигаетъ раму назадъ до-тѣхъ-поръ, пока b' не выдетъ совершенно изъ a , и тамъ опять повторяется прежнее. Такимъ-образомъ рама движется взадъ и впередъ, а это движеніе, какъ въ токарномъ станкѣ и въ паровыхъ машинахъ, передается рукояткою h тяжелому колесу k' , которое своею массою дѣлаетъ движеніе равномернымъ.

Чтобы совершенно понять ходъ этой любопытной машины, намъ остается сказать нѣсколько словъ о ея коммутаторѣ. Мы уже говорили, что e' , k , l , g' концы двухъ спиралей; пара соответствующихъ концовъ k и l соединены съ зажимомъ c , каждый изъ остальныхъ, т. е. e' и g' , проведены въ e и g , другой зажимъ d соединенъ съ o ; всѣ эти соединенія изображены на чертежѣ точками.

Коммутаторъ, означенный (Фиг. 6.) на чертежѣ 5 буквою p , очень простъ, но такъ-какъ онъ тамъ весьма малъ, то на чертежѣ 6 можно его видѣть въ большемъ видѣ.

Мѣдныя пластинки e , o , g , прижимающіяся къ коммутатору, суть жѣ же самыя, которыя означены этими буквами на 5 чертежѣ; металлическій цилиндръ p по длинѣ своей раздѣленъ на 3 части, на каждую изъ которыхъ налегаетъ по одной изъ этихъ пружинъ. Средняя часть вся металлическая, боковыя же имѣютъ половину поверхности металлическую, половину изъ кости, т. е. вещества непроводящаго гальванической токъ, эта часть означена штрихами. Въ положеніи, представленномъ на чертежѣ 5, пластинка g лежитъ на кости, а пружинка e на металлѣ, и такъ-какъ 3 части, о которыхъ мы

говорили, не отдѣляются другъ отъ друга костью, то следовательно токъ, войдя въ d (черт. 5) по пластинкѣ o (черт. 5 и 6), и чрезъ коммутаторъ переходитъ въ e (черт. 5 и 6), откуда въ e' (черт. 5), и обходитъ цилиндръ a' , цилиндръ же a въ это время не дѣйствуетъ.

Когда же колесо k' , а слѣд. и коммутаторъ, дѣлаетъ полуоборотъ, тогда g (черт. 5) сойдетъ съ кости на металлъ, а e съ металла на кость, слѣдов. токъ пройдетъ чрезъ gg' на цилиндръ a ; при слѣдующемъ полуоборотѣ токъ опять будетъ проходить чрезъ a' , и такъ далѣе попеременно, причемъ токъ постоянно проходитъ по одному направленію.

Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ этой машины передъ прочими, исключая прибора Штѣрера, есть то, что члены машины могутъ двигаться съ силою нѣкоторое значительное разстояніе, наприч. въ модели, которую мы сейчасъ описали, длина хода была 3 дюйма, между-тѣмъ, еслибы мы устроили машину, основанную на взаимномъ притяженіи магнитовъ, то ходъ якоря трудно было-бы въ подобныхъ обстоятельствахъ сдѣлать длиннѣе $\frac{3}{4}$ дюйма или цѣлаго дюйма, какъ это въ новѣйшее время устраиваетъ французскій механикъ Фроманъ.

Замѣтимъ здѣсь что притяженіе въ машинѣ Педжа не по всей длинѣ хода равномерна, но есть моментъ, когда притяженіе имѣетъ наибольшую силу. Это бываетъ ни на срединѣ, ни на концахъ спирали, а между ними, иногда въ томъ положеніи цилиндра, когда онъ погруженъ около $\frac{2}{3}$ своей длины въ спираль, если только онъ ей равенъ, иногда же выше или ниже; это измѣняется, смотря по размѣрамъ употребляемаго желѣза и спиралей, но равновѣсіе желѣза бываетъ всегда въ томъ положеніи, когда середина желѣзнаго цилиндра совпадаетъ съ среднюю проволокаго.

Другое преимущество предъ извѣстнымъ родомъ электромагнитныхъ машинъ состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ мягкое желѣзо, не вдругъ теряя магнетизмъ, вредитъ общему движенію потому-что какой-нибудь магнитъ, пройдя точку, къ которой онъ притягивался, и не потерявъ своего магнетизма, задерживается на ходу, притягиваясь назадъ; здѣсь же, когда конченъ ходъ цилиндра пропадаетъ токъ въ спирали, а желѣзо, хотя бы

въ немъ и оставался магнитизмъ, не можетъ притянуться къ спиралю, въ которой нѣтъ тока.

Третье преимущество, о которомъ мы упомянемъ, заключается въ слабости дѣйствія индуктированныхъ токовъ. Они не оказываютъ здѣсь такого вреднаго влiянiя, какъ въ другихъ приборахъ, потому-что являются въ проволоку во-время возможно большаго разстоянiя цилиндра отъ точки наибольшаго дѣйствiя.

Ходъ цилиндровъ можно, если угодно, сдѣлать еще длиннѣе, для этого стѣитъ только вмѣсто двухъ спиралей употребить четыре или болѣе на одной прямой линiи.

Повторяемъ, что это сравненiе не относится до машинъ Штерера и мы не можемъ сказать à-propos, которая изъ нихъ предпочтительнѣе; теперь дѣло заключается только въ томъ, довольно ли велика сила притяженiя спиралью мягкаго желѣза.

Педжъ приводитъ для примѣра, что полоса этого металла, длиною 10 нашихъ дюймовъ, втягивалась въ спираль съ силою $2\frac{1}{3}$ нашихъ фунта отъ 5 элементовъ Грове.

Для другаго примѣра приведемъ силу подковы, у которой каждое колѣно было длиною въ 10 дюймовъ; Педжъ укрѣпилъ ее на подвижной рамѣ, уравновѣсилъ посредствомъ противовѣса, и подъ каждое колѣно подставилъ по спирали длиною въ 3 дюйма. Когда спирали были сообщены съ батареею, то подкова была втянута съ среднею силою около 2 фунтовъ до самой дуги; близъ этой верхушки сила была только 18 золотниковъ, въ мѣстѣ наибольшаго дѣйствiя сила равнялась $3\frac{9}{10}$ фунта. При этомъ опытѣ сколько можно повѣтъ, были тѣже 5 элементовъ Грове.

Вмѣсто того, чтобы двигаться желѣзу, можно заставить двигаться спираль, но только это не такъ удобно дѣлать, потому-что спираль тяжелѣе желѣзныхъ цилиндровъ.

Чертежъ 7 представляетъ сверху машину Педжа, въ которой употреблены подковообразныя магниты, означенныя буквами ВВ; эти магниты между-собою соединены мѣдною проволокою 6 дюйм. длиною, а толщины такой же, какъ и магниты, потому-то на этомъ чертежѣ невидно, гдѣ кончается одна подкова и начинается другая; въ точкахъ С, С дуги подковъ соединены съ подвижною рамкою, которая приводитъ въ движенiе, посредствомъ мотыля С' маховое колесо F, какъ и въ предыдущей машинѣ. Здѣсь поставлены 4 цилиндра D, D на одной линiи, т. е.

вдвое болѣе чѣмъ въ предыдущемъ приборѣ, и тѣмъ увеличена длина хода вдвое, т. е. до 6 дюймовъ.

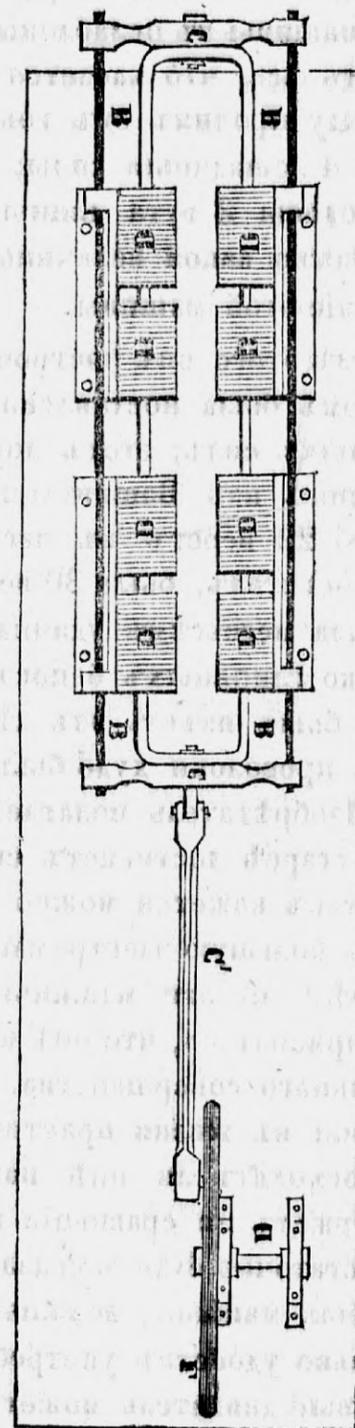
На чертежѣ не представленъ (фиг. 7)* ни коммутаторъ ни соединенiя, потому-что какъ они, такъ и способъ движенiя совершенно въ томъ же родѣ, какъ и въ модели, передъ этимъ описанной. Только цилиндры здѣсь не дѣйствуютъ всѣ вдругъ, но одинъ за другимъ; именно, сперва первая пара, по одному цилиндру на каждое колѣно, потомъ другая пара, такъ-что во-время хода каждой подковы будетъ два момента наибольшей силы, потому и дѣйствiе машины сдѣлается равномернѣе.

Послѣ этой модели Педжъ устроилъ такую которой ходъ имѣлъ длину одного фута; въ ней на прямой линiи были расположены 4 пары цилиндровъ.

Дюжарденъ (Dujardin) въ Лиллѣ, 1846 г. совѣтовалъ въ машинахъ Педжа замѣнять цилиндры пучками полосокъ мягкаго желѣза, т. е. тоже самое, что сдѣлалъ Паттерсонъ въ машинахъ другаго начала. Дюжарденъ говоритъ, что отъ этого сила машины примѣтнымъ образомъ увеличивается.

Въ прошедшемъ 1851 году Педжъ представилъ донесенiе морскому министру объ успѣхахъ своихъ изысканiй; онъ дѣлалъ опыты надъ электромагнитными свойствами разныхъ сортовъ мягкаго желѣза, стали различной закалки и чугуна, также онъ

* Въ чертежѣ по ошибкѣ рѣшика буква D во всѣхъ цилиндрахъ поставлена на выворотъ; у колеса буква D совсѣмъ не нужна.

испытывалъ различные роды коммутаторовъ, дѣйствіе индуктированныхъ токовъ, старался опредѣлять отношеніе уменьшенія силы машины къ ослабленію тока въ баттарей, однимъ словомъ, изучилъ все, что касается до усовершенствованія его машинъ.

Между прочимъ онъ говоритъ что устроилъ машину, которая имѣла 4 лошадиныя силы; составныя ея части были двѣ желѣзныя полосы 3 фута длины и $\frac{1}{2}$ фута толщины каждая, но цамъ неизвѣстно какой величины была баттарей для приведенія въ движеніе этой машины.

Послѣ этого онъ построилъ электромагнитный локомотивъ, на которомъ была поставлена электромагнитная машина въ 8 лошадиныхъ силъ; этотъ локомотивъ катался въ апрѣлѣ 1851 г. по дорогѣ изъ Вашингтона въ Бладенсбургъ, съ среднею скоростью 22 версты въ часъ, наибольшая же скорость, которой онъ достигалъ, была 30 версты. Педжъ говоритъ, что эта поѣздка была несомнѣнно удачна, потому-что въ дорогѣ разбилось нѣсколько глиняныхъ банокъ въ баттарей, и кромѣ-того онъ долженъ былъ изъять изъ дѣйствія нѣсколько спиралей, въ которыхъ проволоки худо были покрыты непроводящими веществами. Изобрѣтатель полагаетъ, что дѣйствіе этой машины при той же баттарей достигнетъ силы 24 лошадей.

И такъ кажется можно не сомнѣваться насчетъ возможности имѣть большую электромагнитную силу въ распоряженіи, и если смотрѣть на эти машины съ научной точки возрѣнія, то должно признаться, что онѣ въ весьма короткое время достигли значительнаго совершенства. Но такъ какъ они могутъ быть приложены въ жизни практической, то возникаетъ другой вопросъ превосходятъ ли онѣ паровыя машины своими качествами и выдержатъ ли сравненіе въ экономическомъ отношеніи.

Достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ, для показанія, что паровыя машины должны уступить электромагнитнымъ, относительно удобствъ употребленія.

Новый двигатель можетъ-быть приведенъ въ движеніе въ гораздо кратчайшее время, чѣмъ машина паровая, потому-что зарядить баттарей легче, чѣмъ вскипятить воду въ котлѣ.

Во-время дѣйствія электромагнитной машины, почти не зачѣмъ приставлять къ ней человека, развѣ только для того, чтобы переменить банки, которыя случайно разобьются; тогда какъ

при паровой онъ обязанъ безпрерывно подкладывать топливо.

Когда дѣйствіе машины прекращено на время для какой-нибудь надобности, то въ баттарей не происходитъ траты матеріаловъ, потому-что токъ прерванъ, а въ паровыхъ машинахъ должно топливомъ поддерживать температуру воды, чтобы упругость пара не уменьшалась отъ охлажденія.

Наконецъ, при употребленіи электромагнитныхъ машинъ ж пзнъ людей не подвержена никакой опасности, которая происходила бы отъ качествъ машины, на паровыхъ же нерѣдко случаются взрывы.

На второй вопросъ, т. е. электромагнитныя машины выгоднѣе ли паровыхъ, не такъ легко отвѣтить какъ на первый, однако мы приведемъ здѣсь главнѣйшее изъ того, что извѣстно по этому предмету, и читатель увидитъ, въ какой степени удовлетворительно рѣшена задача.

Штѣреръ говоритъ про свои машины, что они не могутъ соперничествовать съ паровыми.

Педжъ считаетъ, что издержки на содержаніе его двигателя менѣе издержекъ на *дорогія* паровыя машины.

Аристидъ Дюмонъ представилъ въ парижскую академію въ прошломъ году выводы изъ своихъ опытовъ надъ приложеніемъ электромагнитизма; онъ говоритъ, что хотя электромагнитная сила не можетъ сравниться съ паровой, какъ въ отношеніи величины силы, такъ и относительно дешевизны, однако она можетъ быть полезна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужны небольшія силы и гдѣ важнѣе легкость имѣть силу въ распоряженіи во всякое время, чѣмъ абсолютная ея величина.

Въ мартѣ нынѣшняго 1852 года, въ журналѣ, издаваемомъ отъ парижской академіи наукъ (*Comptes rendus*) напечатана статья г. Дю-Монсея о машинахъ, основанныхъ на притяженіи спиралей, гдѣ онъ между-прочимъ, говоритъ, что не должно надѣяться получать большія силы отъ этого рода притяженія.

Вилліамъ Петри (*William Petrie*) * принимаетъ среднимъ числомъ, изъ многихъ прямыхъ и не прямыхъ опытовъ, что одинъ золотникъ ** цинку, растворяясь въ баттарей Грове, произво

* Ueber das electrodynamische Aequivalent. Dingler's Polytechnisches journal. T. 19. 1851.

** Для удобства читателей англійскія мѣры переведены здѣсь на русскія.

дуть силу, которая можетъ поднять около 550 пудовъ на 1 футъ высоты; что касается до времени, въ которое должна быть поднята эта тяжесть, то оно равно времени, въ-теченіе котораго растворяется цинкъ.

Лучшія электромагнитныя машины изъ тѣхъ, которые Петри имѣлъ въ своемъ распоряженіи доставляли только $\frac{1}{32}$ часть этой силы.

Хотя эта малая дробь доказываетъ значительное несовершенство электромагнитныхъ машинъ, однако если мы сравнимъ этотъ способъ движенія съ паровыми, то увидимъ, что и паровыя далеки отъ совершенства. Вычисляя по даннымъ, которыя приводитъ Петри, мы находимъ что одинъ золотникъ каменнаго угля при сожженіи долженъ имѣть силу около 2750 пудофутовъ, въ лучшихъ же машинахъ это количество угля производитъ только около $\frac{1}{10}$ доли всего дѣйствія.

Машины многихъ локомотивовъ оказываютъ $\frac{1}{100}$ того дѣйствія, какое должно быть, судя по количеству топлива.

Хорошая лошадь можетъ поднять въ день 666,000 пудовъ на 1 футъ высоты, а сѣдуетъ въ это время около 27 фунтовъ пищи, слѣдовательно каждый золотникъ пищи поднимаетъ около 260 пудъ.

Зная химическій составъ пищи, можемъ вычислить, что золотникъ долженъ поднять 1000 пудъ, значить, лошадь употребляетъ на работу только $\frac{1}{4}$ своей пищи или силы.

Итакъ повторяемъ что одинъ золотникъ цинку въ батарее Грове долженъ производить полезное дѣйствіе 550 пудофутовъ, а дѣйствительно производитъ около 17 пудофутовъ, по опытамъ Петри.

Одинъ золотникъ каменнаго угля долженъ производить 2750 пудофутовъ, а производитъ отъ 27 до 257 пудофутовъ.

Сравнимъ самое невыгодное дѣйствіе пара и самое выгодное дѣйствіе электромагнитизма т. е. 27 и 17 пудофутовъ; эти числа относятся между собою почти какъ $1\frac{5}{8}$ и 1. Цѣну каменнаго угля положимъ въ 30 разъ менѣе цѣны цинка (въ-самомъ дѣлѣ онъ еще дешевле), значить, для полученія той же силы обоими способами, цинку надо на сумму въ 48 разъ большую чѣмъ угля. Если же прибавить еще, что въ паровыхъ машинахъ уголь сгараетъ на счетъ кислорода воздуха, а здѣсь цинкъ окисляясь, соединяется съ сѣрной кислотой, которая также сто-

ить денегъ, то издержки на батарею почти удвоятся; наконецъ, стоимость селитряной или азотной кислоты, которая истребляется во время существованія тока, превышаетъ стоимость цинка и сѣрной кислоты вмѣстѣ.

Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что цѣнность содержанія электромагнитныхъ машинъ всегда будетъ превышать издержки на самую невыгодную паровую машину, даже если устройство ихъ будетъ усовершенствовано до того, что они будутъ доставлять силы въ 30 разъ болѣе, чѣмъ теперешнія, т. е. почти столько, сколько слѣдуетъ по вычисленію Петри.

Какой же результатъ мы можемъ вывести изъ всѣхъ этихъ показаній? Намъ кажется, что всего справедливѣе будетъ не произносить рѣшительнаго приговора электромагнитнымъ машинамъ, и ждать, пока новые опыты подтвердятъ или опровергнутъ данныя, на которыхъ основаны наши вычисленія, и которыя получены при посредствѣ нѣкоторыхъ предположеній, еще *недоказанныхъ*.

Въ-заключеніе приводимъ слова знаменитаго Либиха, изложившаго нѣсколько мыслей по этому предмету, въ своихъ «Письмахъ о химіи.» «Пусть тѣ» — говоритъ онъ — «которые предприняли разрѣшить задачу объ электромагнитныхъ машинахъ, не теряютъ бодрости; хотя бы мы научились только избѣгать опасностей отъ паровыхъ машинъ, то это одно стоитъ уже того, чтобы не жалѣть издержекъ.»

Представивши дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ оно теперь остановилось, мы переходимъ къ дальнѣйшимъ приложеніямъ гальванизма.

Удивительная сила электромагнитовъ ни на минуту не была оставляема изобрѣтателями въ покоѣ. Одни стараются заставить ее двигать огромныя тяжести, другіе употребляютъ ее для останавлыванія поѣздовъ по желѣзной дорогѣ, иные же предлагаютъ электромагниты какъ вспомогательное средство для поднятія паровозовъ на наклонныя плоскости.

Амбергеръ, Никлессъ и Кассаль взяли привилегію въ Лондонѣ на нѣкоторыя полезныя и любопытныя приложенія.

Извѣстно, что локомотивъ только тогда можетъ приводить въ движеніе цѣлый рядъ вагоновъ, когда треніе между его колесами и рельсами достаточно для того, чтобы колеса отъ дѣй-

ствія паровой машины не вертѣлись на одномъ и томъ же мѣстѣ; для этого необходимо, чтобы тяжесть локомотива была соразмѣрна съ тяжестію числа вагоновъ.

Обыкновенно принимаютъ, что треніе составляетъ десятую часть той тяжести, отъ которой оно происходитъ, т. е. когда вѣсъ локомотива, приходящійся на ось ведущихъ колесъ будетъ въ 1000 пудъ, то треніе колесъ равно 100 пудамъ. Это должно такъ понять, что если къ локомотиву привязать веревку, провести ее горизонтально чрезъ блокъ, который былъ бы укрѣпленъ передъ локомотивомъ, и на эту веревку привѣсить тяжесть во 100 пудъ, то она бы уравновѣшивалась съ локомотивомъ, небольшая прибавка привела бы его въ движеніе.

Когда поѣздъ очень великъ, то на локомотивъ кладутъ тяжести, которыя увеличиваютъ треніе между колесами и рельсами; невыгода здѣсь состоитъ въ томъ что, на эту прибавку надо изтратить известное количество пара, и кромѣ-того, слишкомъ нагруженный локомотивъ портится самъ и вредитъ рельсамъ.

Гг. Амбергеръ, Никлесь и Кассаль придумали способъ, по которому можно увеличить треніе, нисколько не обременяя тѣмъ оси паровоза, т. е. не увеличивая его тяжести, для этого они намагничивали чугунныя колеса, пропуская гальваническій токъ чрезъ проволоку, навитую на рамкѣ, прикрѣпленную къ паровозу такимъ-образомъ, что колесо движется въ рамкѣ, не касаясь ея.

Они дѣлали опытъ, употребивъ болѣе 800 футъ проволоки и батарею Бунзена въ 16 паръ, причемъ притяженіе колесъ къ рельсамъ было такъ велико, что замѣнило тяжесть въ 275 пудовъ; оно, по свойству гальваническаго тока, могло быть мгновенно произведено и уничтожено, смотря по мѣрѣ надобности. Быстрое движеніе колесъ не препятствовало намагничиванію спицъ, изъ которыхъ каждая по очереди дѣлалась электромагнитомъ, именно въ тотъ моментъ, когда ободъ, на которомъ она оканчивалась, касался рельсъ желѣзной дороги; спицы, находившіеся въ этотъ моментъ направо и налево, также намагничивались, но слабѣе.

Электромагнитное притяженіе всегда происходитъ въ точкѣ касанія колеса съ дорогой, значитъ, оно всегда перпендикулярно къ ней, хотя бы поверхность ея была наклонна; это обстоя-

тельство очень важно, потому-что при сходѣ паровоза даже на весьма небольшую наклонность, тяжесть сильно тянетъ назадъ, такъ-какъ она дѣйствуетъ вертикально, слѣдовательно, мимо точки касанія колеса съ дорогою. Итакъ, электромагнитное притяженіе полезно при вхождѣ паровозовъ на наклонности.

Третья польза отъ этого притяженія заключается въ останавливаніи поѣзда, что часто бываетъ необходимо при несчастныхъ встрѣчахъ и другихъ случаяхъ. Обыкновенно прибѣгали въ подобныхъ обстоятельствахъ къ самому обыкновенному средству, которое необходимо при спускѣ экипажей съ крутизны, т. е. тормозили колеса, но легко себѣ представить, что ободы колесъ стираются отъ этого и становятся многоугольными. Триумвиратъ почтенныхъ изобрѣтателей предлагаетъ для такой надобности опять таки электромагниты, но которые бы, въ этомъ случаѣ, притягивали къ рельсамъ не ободъ колеса, а весь локомотивъ.

Наконецъ, переходимъ къ послѣднему приложенію гальванизма изъ числа тѣхъ, которые мы предположили описать; дѣло идетъ объ устройствѣ какого угодно числа часовъ, которые бы ходили совершенно согласно съ нормальными. Этой цѣли возможно достигнуть только съ помощью гальванизма, всѣ другія средства недостаточны.

Витетонъ, съ трудами котораго мы познакомились въ статьѣ о телеграфахъ, кажется, первый предложилъ такого рода часы; они весьма похожи на его телеграфъ (см. статью 2); стоить вмѣсто буквъ на циферблатѣ поставить часовыя дѣленія и придѣлать къ нему секунды, минуты и часовыя стрѣлки, соединенныя между-собою системою зубчатыхъ колесъ, какъ обыкновенно.

Въ его телеграфѣ токъ прерывался отъ движенія кружка, здѣсь точно также, но тамъ это дѣлалось рукою, а здѣсь изобрѣтатель заставляетъ часовой механизмъ исполнять эту обязанность слѣдующимъ образомъ. На оси грегемова крючка * находится маленькій кружокъ, окружность котораго раздѣлена на 30 частей, отдѣляющихся одна отъ другой такой же величины полосками слоновой кости (значитъ на немъ всего 60 частей); на этотъ кружокъ слегка прижимается мѣдная пружинка, отдѣлен-

* Этотъ крючекъ тотъ самый, на оси котораго виситъ маятникъ, и который стучитъ о зубчатое колесо во-время качанія маятника.

ная костью отъ всѣхъ металлическихъ частей часовъ. Мѣдная проволока соединяетъ свободный конецъ пружины съ концомъ спирали, обвивающей электромагнитъ при слѣдующихъ часахъ, а другой конецъ этой спирали соединенъ съ осью нашего кружка.

Такъ какъ этотъ кружокъ дѣлаетъ одинъ оборотъ въ минуту, то въ теченіе этого времени 30 разъ токъ будетъ прерыватъ и столько же разъ возстановленъ; отъ этого на слѣдующихъ приборахъ стрѣлка укажетъ всѣ 60 секундъ на окружности циферблата.

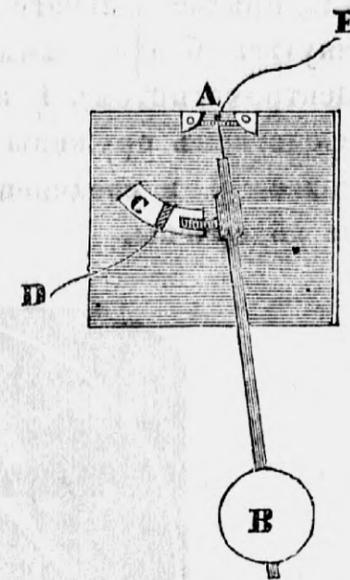
Эти часы были бы прекрасны, еслибъ только устранить значительное давленіе, производимое на ось раздѣленнаго кружка.

Всѣ гальваническіе часы можно раздѣлить на два рода; первый, въ которомъ нормальные обыкновенные часы передаютъ свое движеніе другимъ, второй, когда они движутся не помощью гирь, а дѣйствіемъ тока. Первая система предпочтительнѣе другой, потому-что хотя вторая и проще, но часы, по ней устроенные, не могутъ ходить очень вѣрно, если въ нихъ маятникъ не будетъ устроенъ какъ въ нормальныхъ, т. е. такъ чтобъ температура не имѣла на него вліянія.

Часы Витстона принадлежатъ къ первой системѣ; мы нашли что недостатокъ ихъ есть большое треніе оси. Гарнье устроилъ часы такимъ-образомъ, что маятникъ во-время движенія ничѣмъ не затрудняется, и нормальные часы съ гирей прерываютъ токъ не маятникомъ, но посредствомъ прибавочной системы колесъ, соединенныхъ съ зубчатыми колесами, приводящими въ движеніе стрѣлки; послѣднее изъ этихъ прибавочныхъ колесъ послѣ равномерныхъ промежутковъ времени приподнимаетъ и рождаетъ рычагъ, который и производитъ чрезъ каждыя 5 секундъ прерываніе и соединеніе гальванического тока.

Бенъ также устроилъ часы, хотя несовершенно избавленные отъ недостатка Витстоновыхъ, однако маятникъ въ нихъ движется легче, т. е. маятникъ нормальныхъ часовъ; что же касается до часовъ, расположенныхъ на линіи, т. е. собственно гальваническихъ, то хотя ихъ механическое устройство нѣсколько отличается отъ Витстоновыхъ, но мы не считаемъ его лучшимъ, поэтому здѣсь полного чертежа не приводимъ, а помѣщаемъ только фигуру маятника главныхъ часовъ.

Фиг. 8. Токъ можетъ (фиг. 8.) изъ баттарей входить чрезъ А въ маятникъ, который во-время качанія скользитъ выдающеюся слѣва частью по костяной пластинкѣ С; въ срединѣ ея вдѣлана металлическая полоска, находящаяся въ соединеніи съ баттареею D; когда маятникъ качается, то одинъ разъ во-время каждаго размаха онъ, касаясь этой полоски, тѣмъ дѣлаетъ соединеніе для тока.

Но мы полагаемъ, что легко избѣгнуть всякаго лишняго тренія, кромѣ-того, которое бываетъ въ обыкновенныхъ часахъ. Для этого нужно одну половину крючка, на оси котораго виситъ маятникъ, сдѣлать костяною а другую металлическую, одинъ конецъ баттарей соединить съ осью этого крючка, другой же съ осью колеса, находящагося подъ крючкомъ. Такъ-какъ зубчатое колесо касается то правой, то лѣвой половины крючка, то будетъ попеременно прерываніе и возстановленіе тока.

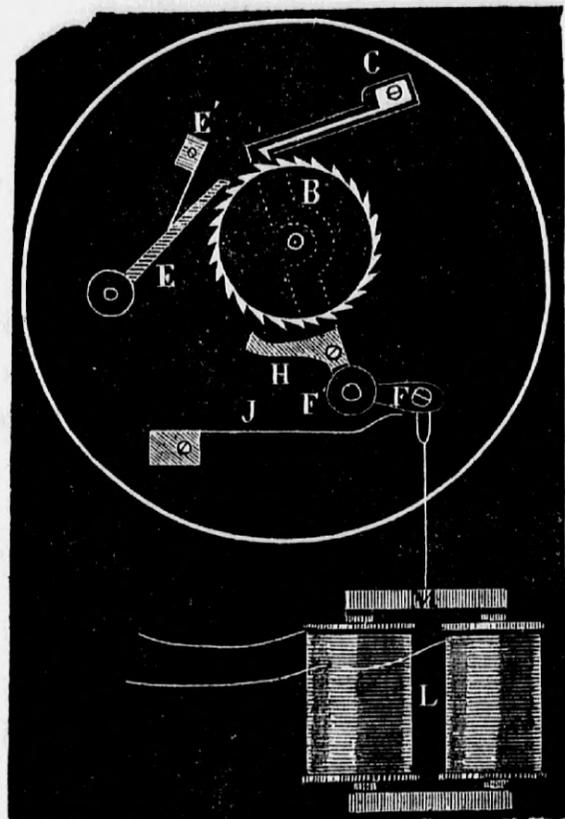
Это устройство должно быть на нормальныхъ часахъ, а собственно гальваническіе часы могутъ быть устроены уже по какой угодно системѣ.

Мы упомянули выше о способѣ прерывать токъ на нормальныхъ часахъ Гарнье, теперь опишемъ приборы, на которые передается это исчезаніе и появленіе тока; эти часы замѣчательны особенною надежностью своего механизма, хотя, собственно, главнѣйшая часть въ немъ есть видоизмѣненіе крючка Витстона или обыкновеннаго крючка.

Крючокъ этотъ въ видѣ ломанаго рычага СВF'F (Черт. 9.) можетъ качаться около оси F'; выдающаяся часть H принадлежитъ къ этому же крючку.

Когда въ нормальныхъ часахъ происходитъ соединеніе тока, тогда L дѣлается электромагнитомъ, притягиваетъ якорь M, который тянетъ плечо крючка F внизъ. слѣдовательно, крючокъ C движется направо, и поворачиваетъ зубчатое колесо B на одинъ зубецъ; тогда H попадаетъ между зубцами снизу, и съ помощью

крючка *E*, придавливаемого пружиной *E'*, и не позволяет колесу *B* подвигнуться болѣе, чѣмъ на одинъ зубецъ. Притяженіе якоря *M* электромагнитомъ *L* и, во-время прерванія тока, поднятіе его посредствомъ пружины *J* производятъ непрерывное движеніе колеса *B* и соединенныхъ съ нимъ стрѣлокъ, которыя здѣсь не начерчены.

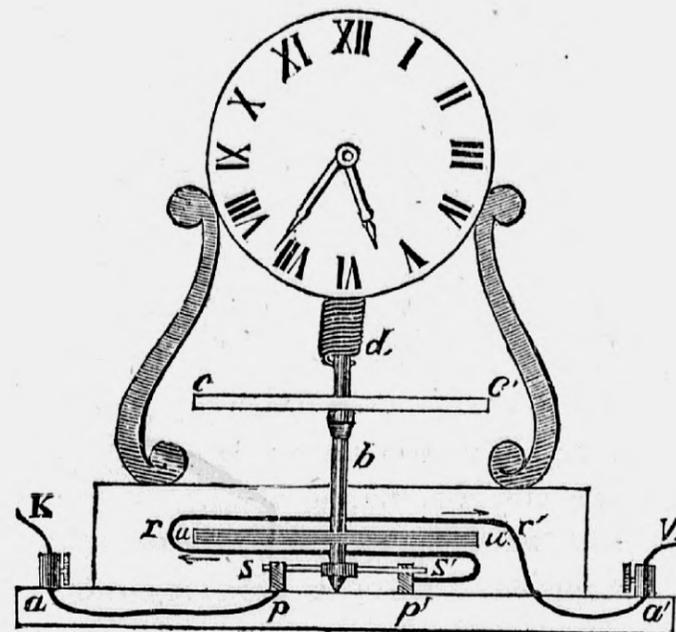

Гарье для приведенія въ движеніе такихъ часовъ устроилъ очень небольшую батарею изъ 2 листочковъ жолтой мѣди, въ 24 кв. мм. каждая, и двухъ же пластинокъ цинку по 20 кв. мм. каждая. Онѣ были установлены въ сосудѣ, промежутки между ними засыпаны пескомъ и смочены нашатыремъ. Эта батарея была достаточна по причинѣ чувствительности электромагнитовъ, и дѣйствовала съ 17-го сентября до 1-го декабря 1847 года.

Изъ втораго разряда часовъ, мы приведемъ здѣсь часы Вира (Weage) (черт. 10), замѣчательные по своей простотѣ.

Магнитная стрѣлка *и* находится на вертикальной оси *b*; проволока *rr'*, которая въ приборѣ дѣлаетъ нѣсколько десятковъ

и даже сотъ оборотовъ, для простоты представлена въ видѣ одного оборота. На оси *b*, вверху подъ стрѣлкою, вдѣлана золотая (фиг. 10.)

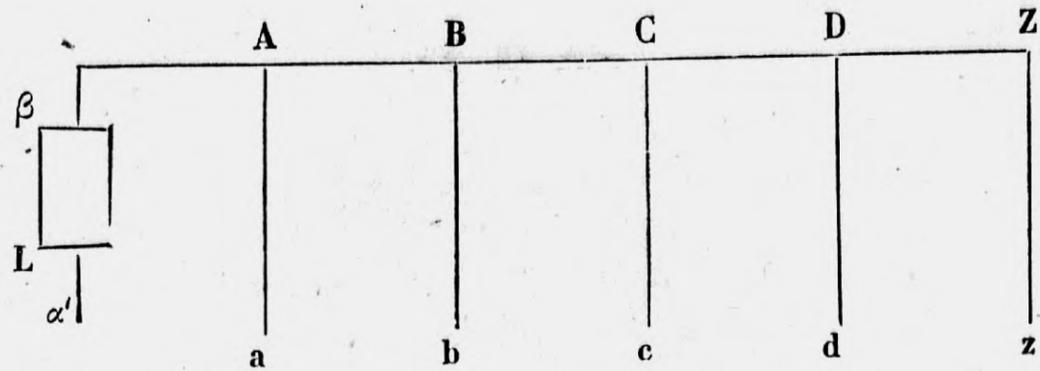

тая пластинка *ss'*, которая дѣйствіемъ спиральной пружины *d* прижимается къ золотымъ же или платиновымъ столбикамъ *pp*.

Положимъ, что токъ отъ батареи входитъ въ *k*, онъ идетъ чрезъ *ap*, пластинку *ss'* и проволоку *rr'* къ *a'И*, откуда снова идетъ въ батарею; стрѣлка *и* отклоняется, а вмѣстѣ съ нею пластинка *ss'* и *ss'*, слѣдовательно, токъ прерывается, и стрѣлка дѣйствіемъ пружины *d* возвращается въ прежнее положеніе. Какъ скоро золотая пластинка *s, s'* коснется до *p, p'*, тогда снова происходитъ прежнее, и т. д.

Батарея, которую употребляетъ Виръ состоитъ изъ одной мѣдной или платнированной серебряной пластинки и изъ двухъ такихъ же амальгмированныхъ цинковыхъ, проткнутыхъ во многихъ мѣстахъ; они ставятся на полдюйма отъ мѣдной и пространство между ними наполняется губкой, поры которой засыпаны пескомъ, и которая смачивается растворомъ хлористаго калия.

Въ-заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какимъ-бы образомъ могла быть расположена система часовъ въ городѣ.

Положимъ что α, β баттарей на главномъ пунктѣ, β A B C D Z главная проволока, Aa, Bb, Cc, и проч. побочныя проволоки, идущія отъ главной къ часамъ, расположеннымъ въ домахъ; при α' , a, b, c, d, z зарыты въ землю металлическіе листы.

Токъ, идя изъ баттарей α, β , раздѣляется при A на двѣ части пропорціонально проводимости, (т. е. въ ту часть, гдѣ больше сопротивленіе, отдѣляется мѣньшая часть тока); часть, отдѣлившаяся въ Aa, возвращается чрезъ землю въ баттарейю; токъ, оставшійся въ главной проволоцѣ, снова раздѣляется при B и т. д.

Положимъ, что мы желаемъ, чтобы въ линіи было 1000 часовъ; въ-такомъ-случаѣ нужно разсчитать сопротивленіе проволоцъ такимъ-образомъ, чтобы въ первую вѣтвь отдѣлилась $\frac{1}{1000}$ часть тока, тогда далѣе по главной проволоцѣ пойдетъ $\frac{999}{1000}$ первоначальнаго тока; на слѣдующемъ развѣтвленіи нужно чтобы отдѣлилась $\frac{1}{999}$ отъ этой величины, на третьемъ $\frac{1}{998}$ и т. д.

Если предположимъ, что проволока AZ будетъ толщиною 1 линію, а длиною 80 верстъ (т. е. часы находятся въ 40 саженьяхъ одни отъ другихъ), то въ такомъ случаѣ сопротивленіе Aa должно бы быть равно 80000 верстъ, чтобы въ него отдѣлилась $\frac{1}{1000}$ часть тока; но такъ-какъ линія AZ имѣетъ вѣтви, чрезъ которыя токъ возвращается назадъ, то слѣдовательно сопротивленіе этимъ обстоятельствомъ уменьшается, и именно вдвое, по вычисленію Крамера, такъ что равно 40000 верстамъ

мѣдной проволоки толщиною въ 1 линію, или 40 верстамъ тонкой проволоки изъ новаго серебра. Но это стоило бы чрезвычайныхъ суммъ, и баттарей, потребная для приведенія часовъ въ движеніе, состояла бы неменѣе какъ изъ 8000 элементовъ Даниеля.

Но если число часовъ уменьшимъ до 100, то по вычисленію выйдетъ, что сопротивленіе первой вѣтви должно быть = 400 верстамъ толстой или 200 саженьямъ тонкой проволоки; если увеличимъ толщину главной проволоки въ два съ небольшимъ раза, т. е. поперечное сѣченіе въ пять разъ, то вмѣсто 200 сажень понадобится только 40 сажень тонкой проволоки, величина очень умѣренная. Изъ этого видно, что выгоднѣе провести 10 главныхъ проволоцъ, чѣмъ одну въ 10 разъ длиннѣйшую.

Еслибы нужно было привести въ движеніе 4000 часовъ, то изъ середины города слѣдовало бы провести 40 проволоцъ въ разныя стороны; къ каждой проволоцѣ принадлежало бы по 100 часовъ. Одна баттарей до 120 элементовъ, съ поверхностью до 2 кв. футъ каждый, была бы достаточна; всѣ проволоки на среднемъ пунктѣ должны быть соединены въ одну и касаться одного конца баттарей, другой конецъ баттарей долженъ быть соединенъ съ нормальными часами, отъ которыхъ идетъ проволока въ землю; также каждая изъ 40 главныхъ проволоцъ должна оканчиваться мѣднымъ листомъ, зарытымъ въ землю. Кромѣ того побочныя проволоки можно, вмѣсто зарыванія въ землю, возвращать къ главному току. При такомъ устройствѣ, если лопнетъ или будетъ разорвана одна изъ главныхъ проволоцъ, то останутся только 100 часовъ.

Мы считаемъ не лишнимъ ставить на такихъ линіяхъ громовые отводы, подобныя какъ при телеграфическихъ линіяхъ.

Съ 1849 года въ Лейпцигѣ ходятъ гальваническіе часы, устроенныя Штѣреромъ. Цѣна каждыхъ часовъ отъ 13 до 20 рублей, годовое содержаніе ихъ простирается до 2-хъ рублей.

Этою статьею мы оканчиваемъ обзоръ приложеній гальванической силы, оставляя другимъ, болѣе насъ свѣдущимъ въ медицинѣ, описаніе леченія гальваническимъ токомъ. Однако, несмотря на довольно значительный объемъ статей, предметъ далеко не исчерпанъ; гальваногрѣя, гальванопластика, извлеченіе изъ рудъ металловъ и другія изобрѣтенія ежегодно улучшаются и быстро движутся къ совершенству.

Нельзя опредѣлить, гдѣ остановятся эти приложенія, потому-что хотя намъ извѣстны многія свойства гальванической силы, но никто не можетъ ручаться, что ихъ не откроется еще столько, потому-что наука еще очень молода. По всей вѣроятности, гальванизму предстоитъ будущность неменѣ блестящая, какъ и настоящее, и всѣ эти открытія, совершенствующіяся со-дня-на-день, и слѣдовательно, живущія своего рода жизнью, будутъ служить вѣчнымъ памятникомъ и славою Вольтѣ и его послѣдователямъ.

Ф. ПЕТРУШЕВСКІЙ.

ПОПРАВКИ.

Въ статьяхъ «о Гальванизмъ и практическихъ его приложеніяхъ» вкра-лось нѣсколько ошибокъ, какъ въ чертежахъ такъ и въ текстѣ; помѣщаемъ здѣсь главнѣйшія изъ нихъ.

Напечатано.

Должно быть.

Въ статьѣ 2, стран. 25, въ чертежѣ 8, при электромагнитной подковѣ поставлено R

должно поставить K

Въ той же статьѣ, стран. 26, строка 18 напечатано пружинка G

пружинка P

Въ той же статьѣ стран. 32, въ фиг. 11, противъ E поставлены два черныхъ столбика,

слѣдуетъ быть только одному

Въ той же статьѣ, строка 35, фиг. 12, на рычагѣ CD въ срединѣ вырѣзано у
Ниже этого чертежа, на строкѣ 10 сказано:

надо поставить q

Винтъ принадлежитъ подставкѣ G
Еще три строки ниже, вмѣсто: по- томъ чрезъ R до оси K

Винтъ принадлежитъ подставкѣ T
потомъ чрезъ r до оси k

Въ статьѣ 3, стран. 17, положеніе фигуры 4 должно быть обратное, т. е. проволоками къверху.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1706 года.

79. ЗАПИСКИ РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА Оренбургской губерніи, С. А—ва. Москва, въ типографіи Степановой, 1852 г., стр. 444, въ 8-ю д. л.

Древняя Германія была въ высшей степени поэтическая страна, страна страстныхъ охотниковъ. Яковъ Гриммъ, извѣстный нѣмецкій археологъ, собралъ около 205 охотничьихъ техническихъ криковъ. Мезеръ говоритъ, что онъ зналъ еще болѣе—750. Охотничій языкъ, какимъ сохранился онъ въ этихъ крикахъ и пѣсняхъ, необыкновенно разнообразенъ и поэтиченъ. Охотники узнаютъ по слѣду не только родъ, но даже полъ, возрастъ, плодовитость животныхъ, съ такою точностью, которая для насъ удивительна. У нихъ было семьдесятъ два признака для различенія слѣдовъ оленя, и многіе изъ этихъ признаковъ имѣли особенное имя. Въ этомъ отношеніи языкъ нѣмецкихъ охотниковъ и пастуховъ есть языкъ поэтической, потому-что въ немъ бездна словъ, которыя можно назвать образами. Гористыя страны Тироля, Швейцаріи, Пфальца и Швабіи болѣе богаты такими выраженіями. Выразительная рѣчь до такой степени цѣнилась охотниками, что по языку, по умнымъ, благороднымъ и точнымъ выраженіямъ, хозяинъ узнаетъ своего сотоварища, видитъ, что онъ говоритъ съ подобнымъ себѣ

охотникомъ. Охотники представили всю поэтическую и веселую сторону ихъ образа жизни въ правильныхъ формулахъ, то убедительныхъ, то шуточныхъ, глубокой и серьезный смыслъ коихъ скрывается подъ тонкимъ юморомъ.

— Добрый охотникъ, что ты сегодня почувалъ? Отвѣтъ. Олень и кабана, чего лучшаго могу желать я?

— Добрый охотникъ, скажи мнѣ: какое лучшее время для тебя? Отв. Снѣгъ и оттепель — это самое лучшее время.

— Скажи, мой добрый охотникъ: что долженъ дѣлать охотникъ рано утромъ, когда онъ поднимается? Отв. Онъ долженъ молиться Богу, жить по заповѣдямъ Божиимъ, — и исполнять свое дѣло.

— Добрый охотникъ, скажи мнѣ: почему охотникъ называется мастеромъ охотникомъ? Отв. Охотникъ ловкій и мѣткій въ своихъ выстрѣлахъ, въ знакъ благорасположенія, получаетъ названіе мастера.

— Скажи мнѣ, мой добрый охотникъ: гдѣ ты оставилъ свою прекрасную и милую даму? Отв. Я оставилъ ее подъ величественнымъ деревомъ, подъ зелеными листьями, и скоро присоединюсь къ ней. Да здравствуетъ молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, которая каждый день желаетъ мнѣ счастья и благополучія! Каждый день, вмѣстѣ съ росой, я вижу ее на одномъ и томъ же мѣстѣ; и если я буду раненъ, она будетъ меня лечить. Желая охотнику, — говоритъ она, — счастья и здоровья; дай Богъ найти ему хорошаго оленя.

— Скажи мнѣ, добрый охотникъ: что волкъ говоритъ оленю зимой? Отв. Ну, ну, сухое и худое дитя, ты попадешь въ мою пасть, и я унесу тебя въ дикій лѣсъ.

— Добрый охотникъ, скажи мнѣ пожалуйста: что заставляетъ благороднаго оленя идти съ равнины въ лѣсъ? Отв. Свѣтъ дня и ясность зари.

— Добрый охотникъ, скажи мнѣ: что сдѣлалъ благородный олень, вышедшій изъ лѣса на равнину? Отв. Онъ потопталъ овесъ и рожь, а крестьяне бѣсятся.

— Добрый охотничій слуга, исполняй свою обязанность, и я дамъ тебѣ твое право охотника; будь дѣятели и проворенъ, и ты будешь моимъ любимымъ слугою. На поги, отсталые и лѣнвые, вы хотите еще спать. Ты, благоразумный охотникъ,

приготовляй оружіе, дѣлай работу своего отца; ты, самолюбивый охотникъ, ты поведешь мою свору въ лѣсъ; а ты, молодой пикеръ, что ты почувалъ? Отв. Счастье и здоровье будутъ нашимъ удѣломъ; я чую оленя и кабана; они прошли предо мною, но лучше бы ихъ поймать.

— Добрый охотникъ, скажи мнѣ, не сердясь, гдѣ они теперь бѣгають? Отв. Они бѣгають по долинамъ и по дорогамъ; тѣмъ лучше для дичи; бѣда благородному оленю. Слышишь ли ты отвѣтъ моей собаки; они охотятся по горамъ и долинамъ. Они на добромъ пути; я слышу звукъ ихъ рога; они убили благороднаго оленя. Да будетъ благословеніе Божіе надъ нами; пусть благородный олень ляжетъ на бокъ, пусть рогъ ихъ возвѣститъ намъ взятіе оленя, и мы будемъ бѣгать съ громкими криками: успешная была охота!

— Ей, ей, виночерпій и поваръ! приготовляйте скорѣе хорошій супъ и бочку вина, чтобы, позавтракавши, идти на охоту.

— Скажи мнѣ, милый охотникъ: когда находишь ты первый слѣдъ благороднаго оленя? Отв. Когда благородный олень покидаетъ тѣло своей матери, бѣжитъ въ лѣсъ и по дерну.

— Скажи мнѣ, милый охотникъ: какой самый высокій слѣдъ? Отв. Высокій слѣдъ бываетъ тогда, когда благородный олень распустилъ свои рога, и когда онъ хлещетъ ими по вѣтвямъ, когда онъ разбрасываетъ листья своими рогами.

— Скажи мнѣ, вѣжливо и учтиво, какое самое гордое, самое высокое и самое благородное изъ животныхъ.

— Я скажу тебѣ: благородный олень самое гордое, бѣлка самое высокое, а заяцъ самое благородное: его можно узнать по слѣду.

— Добрый охотникъ, скажи мнѣ скорѣе: что платятъ охотнику? Отв. Я скажу тебѣ сейчасъ; погода прекрасна, все охотники веселы и довольны; погода свѣтла и ясна, все охотники пьютъ доброе вино: оттого я остаюсь съ ними сегодня и всегда.

— Скажи мнѣ, добрый охотникъ: что предшествуетъ въ лѣсу благородному оленю? Отв. Ему предшествуетъ его горячее дыханье.

— Скажи мнѣ, что дѣлалъ благородный олень въ этой свѣтлой, струящейся водѣ? Отв. Онъ освѣжился, онъ ободрилъ свое юное сердце.

—Ей, ей, рыцари и дамы, и вы все, прекрасныя барышни, пойдете посмотреть благороднаго оленя. Ей, ей, рыцари и дамы, графы и бароны, пажи и вы все добрые товарищи, пойдете вмѣстѣ со мною въ лѣсъ. — Стойте, стойте, свѣжіе и легкіе, какъ благородный олень; стойте свѣжіе и довольные, какъ охотники. Стойте ключникъ и поварь.

Смотрите, какъ онъ бѣгаетъ. Охотники, это благородный олень, я ручаюсь. Онъ бѣгаетъ, онъ колеблется, бѣдное дитя не думаетъ уже болѣе о матери; онъ бѣжитъ за дорогами и пастбищами, да сохранитъ Богъ мою милую подругу! Благородный олень переплываетъ рѣку и перебѣгаетъ долину; какъ люблю я алыя губки моей подруги. Смотрите, благородный олень слѣдаль поворотъ; я хотѣлъ бы держать за руку мою милую подругу. Благородный олень бѣгаетъ за дорогами. Благородный олень бѣжитъ по вереску. Благородный олень бѣжитъ по росѣ; какъ я люблю смотреть на мою милую подругу...

Охотники пьютъ послѣ того какъ достигнутъ оленя. Охотникъ, скажи мнѣ, добрый охотникъ; отъ чего долженъ беречься охотникъ. От. Отъ разговоровъ и болтанья; это гибель охотника....

Нельзя лучше и поэтичнѣе выразить типъ страстнаго, гордаго и благороднаго охотника, типъ, который постоянно бываетъ одинаковъ съ сотворенія міра до настоящихъ временъ. Прочтите «Записки ружейнаго охотника» — повсюду образъ охотника одинъ и тотъ же....

Мнѣ ужасно нравятся страстныя личности, къ чему бы ни была обращена эта страсть — къ полезному или пріятному. Страстные садоводы, страстные охотники, страстные ученые, страстные артисты — все это личности въ высшей степени привлекательныя, живыя, энергичныя, нѣсколько одностороннія, нѣсколько эксцентричныя, но глубоко-человѣческія....

Таковъ, напримѣръ, авторъ разбираемой нами книги. Это типъ настоящаго, истиннаго охотника. Онъ помнитъ хронологически, по годамъ, мѣсяцамъ, числамъ и часамъ все достопамятныя факты своей разнообразной охотничьей жизни; у него своя охотничья эра, охотничій, необыкновенно поэтичскій языкъ; онъ не простой истребитель дичи, и терпѣть не можетъ охотниковъ — промышленниковъ; онъ любитъ благородную охоту, *лест-*

ную, какъ онъ выражается; онъ не нападетъ на беззащитную и неприготовленную къ тому птицу; напротивъ, онъ дѣлаетъ ей благородный вызовъ; онъ избираетъ оружіемъ свой умъ, свою ловкость, и предоставляетъ ей крылья, инстинктъ, чувство само-сохраненія, и тогда начинается по всемъ установленнымъ правиламъ состязаніе между нимъ и птицою; этого мало, онъ не любитъ охоты, гдѣ надобно содѣйствіе постороннихъ людей, иногда вовсе не охотниковъ, не любитъ ни гончихъ, ни борзыхъ собакъ, и слѣдовательно, не любитъ несовой охоты. Даже самое зрѣніе и слухъ у него какъ-то иначе устроены, чѣмъ у другихъ: онъ услаждаетъ свои уши такими свистами и криками птицъ, которые для всякаго другаго покажутся невыносимыми, а глаза его такъ зорки, какъ никогда не могутъ быть у неохотника....

Этого, кажется, довольно для того, чтобы оцѣнить достоинство его книги — твореніе познается по автору. Но изъ сочиненія его мы узнаемъ также, что онъ не только охотникъ, но и натуралистъ-орнитологъ, даже художникъ. Языкъ его чрезвычайно выразительный, и многія слова его могутъ войти съ пользою въ академическій словарь; слогъ — оригинальный, чистый и вполне русскій. Однимъ-словомъ — это глубоко-образованный охотникъ — писатель. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣкоторыя мѣста изъ его сочиненія, именно пролетъ и прилетъ дичи.

«Самое дорогое, поэтическое время для ружейнаго охотника — весна: пролетъ и прилетъ птицы! Цѣлую зиму поглядывалъ онъ, съ замирающимъ сердцемъ, на висящія въ покоѣ ружья, особенно на любимое ружье. Не одинъ разъ, безъ всякой надобности, были вымыты стволы, перечищены и перемазаны замки. Наконецъ, проходитъ долгая, скучная, бурная зима. Февраль навалилъ сугробы снѣга; съ утоптанной тропинки шагу нельзя ступить въ сторону. Правда, рано утромъ, и то уже въ исходѣ марта, можно и безъ лыжъ ходить по насту, который иногда бываетъ такъ крѣпокъ, что скачи куда угодно, хоть на тройкѣ; можно подкрасться, какъ-нибудь изъ-за деревьевъ, къ начинающему глухо токовать краснобровому косачу; можно печально наткнуться и взбудить чернохостаго русака, съ ремнемъ пестрой, крымской мерлушки по спицѣ, или чисто-бѣ-

лаго, какъ снѣгъ, бѣляка: онъ еще не началъ сѣрѣть, хотя уже волось лѣзеть; можно на пищикъ подозвать рябчика,—кусочъ свѣжей неперемежлой дичины можетъ попасть къ вамъ на столъ....

Но ненадежны мартовскіе утрешники, невѣренъ путь по насту, особенно въ красный день. Какъ-скоро обогрѣетъ хорошенько солнце—снѣжная кора распустится, *разкровьтѣтъ*, какъ говоритъ народъ, и не поднимаетъ ноги человѣка; съ каждымъ шагомъ будетъ онъ вязнуть по поясъ въ снѣжную громаду. Бѣда отойти далеко отъ дороги—измучаешься: на одной веретѣ пробынешь не одинъ часъ. Охотиться же на лыжахъ очень утомительно: надобно имѣть много ловкости, даже умѣнья и большую привычку управлять лыжами по неровной мѣстности.

Прибавились значительно дни. Ярче, ярче стали солнечные лучи, и сильно пригрѣваютъ въ полдень. Потемнѣла полосами бѣлая пелена снѣга и почернѣли дороги. Вода показалась на улицахъ. Уже мартъ на исходѣ и апрѣль на дворѣ. Для страстнаго охотника, какимъ былъ я съ молодости, и какіе, вѣроятно, никогда не переведутся на Руси, уже наступило время тревоги и ожиданія. Если весна неслишкомъ поздняя; то перелетная птица начинаетъ понемногу показываться. Грачи, губители высокихъ старыхъ деревьевъ, красоты садовъ и парковъ, прилетѣли первые и заняли свои обыкновенныя лѣтнія квартиры, самыя лучшія березовыя и осиновыя рощи, поблизости къ селенію лежащія— для удобнаго доставанія хлѣбнаго корма. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старыя гнѣзда новымъ матеріаломъ, ломая для того крѣпкими, бѣловатыми носами верхніе побѣги древесныхъ вѣтвей. Далеко слышенъ ихъ громкій, докучный крикъ, когда ввечеру, послѣ дневныхъ трудовъ, разсѣдуются они всѣмъ стадомъ, всегда попарно, и какъ будто начинаютъ говорить между собою. Пора начинать ежедневныя, утренніе и послѣобѣденныя обходы гумень, овинновъ и прудовъ съ поснѣвшими осоками, обсыянными кругомъ желтою мякиной. Тамъ прежде всего окажутся *кликтухи* или собственно *дикіе голуби*. Сначала они появляются въ весьма маломъ количествѣ: пара, двѣ, много три; ихъ можно встрѣтить въ стаѣ галокъ, или русскихъ голубей, подбирающихъ зерна по гуменнымъ дорожкамъ. Съ послѣдними, съ перваго взгляда, ихъ

не различишь; вся разница состоитъ въ томъ, что дикій голубь поменьше, постатнѣе русскаго; весь чисто-сизый, и ножки у него не красныя, а блѣдно-бланжеваго цвѣта. Едва ли нужно объяснить, что слово «русской», придаваемое птицѣ, значитъ: дворовый, домашній. Но если вы увидите издали голубей, сидящихъ на гуменномъ заборѣ, или деревѣ—это безъ сомнѣнія *кликтухи*, то есть дикіе голуби; подойдя ближе, вы удостовѣритесь въ томъ. Голуби съ прилета, какъ и вся птица, бываютъ чисты перомъ и жирны тѣломъ, — обстоятельство трудное для объясненія, ибо путь прилетной птицы длиненъ, а кормъ скуденъ. Въ-послѣдствіи *кликтухи* потеряютъ цѣнность для охотника; застрѣлить же дикаго голубя посреди зимы — дорогая добыча.

Но воздухъ становится теплѣе и влажнѣе. Апрѣль беретъ свое: вездѣ лужи, вездѣ бѣгутъ мутныя ручьи; зачернѣли проталины, какъ грязныя пятна на бѣлой скатерти. Обтаяли кругомъ родники, поточины, свѣжія навозныя кучи и удобренная ими мельничная плотина. Около первыхъ надобно стеречь появленіе малыхъ дроздовъ, большихъ дроздовъ — рябинникововъ, а около послѣднихъ—чибисовъ или инголицъ, жаворопковъ, удотовъ и скворцовъ. Уже материкъ рѣки, мало замерзающій выше пруда и зимою, прошелъ до самыхъ послѣднихъ гривъ камыша. Холодно, неприязненно снѣжетъ глубина; но пора осматривать рѣку: какъ разъ появятся *нырки* и *крохали*. Скоро все это будетъ презрѣно и забыто, но въ началѣ все драгоцѣнно.... таковъ человѣкъ не въ одной ружейной охотѣ!...

Наконецъ наступаетъ совершенная ростопись, югозападный, теплый вѣтеръ такъ и сѣдаетъ снѣгъ, насыщенный дождемъ. Много оттаяло земли, особенно по высокимъ мѣстамъ, на полдневномъ солнечномъ пригрѣвѣ. Картина перемѣнилась: уже на черной скатерти полей кое-гдѣ виднѣются бѣлыя пятна и полосы снѣжныхъ сучковъ, да лежитъ гребнемъ, съ темной навозной верхушкой, крѣпко уѣзженная зимняя дорога. Поснѣбли отъ воды, надулись овраги, разыграли и сошли. Переполнилась ими рѣка, подняла въ пруду ледъ, вышла изъ береговъ и разлилась по низменнымъ мѣстамъ: наступила водопись или водопись. Паръ поднимается отъ земли: земля отходитъ, говоритъ крестьянинъ. На небѣ сѣро, въ воздухѣ сыро и туманно. Имен-

но въ такое-то сумрачное время наступает валовой, повсемѣстный пролетъ и даже прилетъ птицы, не только по ночамъ, зорямъ, утреннимъ и вечернимъ, но и въ-продолженіе цѣлаго дня. И прежде взрѣлка, понемногу, показывались гуси и лебеди, больше по парочкѣ, и высоко пронеслись въ сѣрыхъ облакахъ: теперь они летятъ огромными вереницами. Журавли появляются позднѣе, плыва въ небесахъ раздвинутыми, тупыми треугольниками, какъ-будто корабли, построенные къ бою. Всѣ породы утокъ стаями, одна за другою, летятъ безпрестанно, въ день, особенно ясный, высоко; но во дни ненастные и туманные, предпочтительно по зорямъ, летятъ низко, такъ, что ночью, не видя ихъ, по свисту крыльевъ можно различить многія изъ породъ утиныхъ. Нырки, черны и свіязь чаще всѣхъ машутъ крыльями и быстрѣе разсѣкаютъ воздухъ; шумъ отъ ихъ полета сливается въ одинъ дребезжащій, пронзительный свистъ. За ними слѣдуютъ: широконоски, чирки, шилохвосты и другія; наконецъ сѣрыя и кряковныя, полетъ которыхъ какъ-то неторопливъ, хотя силенъ и сиоръ. Стаи степныхъ куликовъ (кроншнеповъ) и болотныхъ (неттичалей), называемыхъ въ Оренбургской губерніи веретенниками, и всѣ разнообразныя породы мелкихъ куликовъ и курахтановъ, каждая съ своимъ особеннымъ полетомъ, съ своимъ пискомъ и свистомъ, наполняютъ воздухъ разнородными, неопредѣленными и въ другое время неслыханными звуками. Надобно замѣтить, что пролетающая птица не кричитъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а прилетающая и занимающая мѣста, хотя бы и временно, сейчасъ начинаетъ свой природный, обычный крикъ и свистъ. Пролетная птица торопится безъ памяти, снѣшитъ безъ оглядки къ своей цѣли, къ мѣстамъ обѣтованнымъ, гдѣ надобно ей прийтись за дѣло: вить гнѣзда и выводить дѣтей; а прилетная летитъ ниже, медленнѣе, выматриваетъ привольныя мѣста, какъ-будто переговаривается между собою на своемъ языкѣ, и вдругъ, словно по общему согласію, опускается на землю. Тутъ начинаются такъ называемыя у охотниковъ «высыпки», слово весьма знаменательное, употребляемое только для выраженія внезапнаго появленія, во множествѣ, лучшей породы дичи: вальдшнеповъ, дупельшнеповъ, бекасовъ и гаршнеповъ. Вчера проходили вы по болоту, или по размокшему берегу пруда, или по лужамъ

на прошлогоднихъ ржанницахъ и яровищахъ, гдѣ паслу вытаскивали ноги изъ разбухшаго чернозема, проходили съ хорошей собакой, и ничего не видали; но рано по-утру, на другой день, находите и болота, и берега разливовъ, и полевья лужи, усыпанныя дупелями, бекасами и гаршнепами; на лужахъ, въ поляхъ, бываетъ иногда соединеніе всѣхъ породъ дичи, степной, болотной, водяной и даже лѣсной. Итакъ слово «высыпка» вполне выражаетъ дѣло.

Въ это же время, на оттаявшихъ хлѣбныхъ поляхъ, залежахъ и степяхъ появляются дрофы, стрепета и кречетки или степныя пеголицы. Озимыя куры или сивки (опѣ же и ржанки) огромными стаями начинаютъ виться подъ облаками, такъ высоко, что не всегда разглядишь ихъ простыми глазами; но зато очень хорошо услышишь ихъ безпрестанный пискъ, состоящій изъ двухъ короткихъ нотъ: одна повыше, другая пониже. Множество пѣвцовъ дѣлаетъ этотъ крикъ непрерывнымъ и сливающимся въ одинъ однообразный мотивъ, усладительный для уха охотника.

Навертѣвшись и награвшись досыта на солнышкѣ, въ вышинѣ, они съ шумомъ опускаются на озими, и проворно разбѣгаются по десятинамъ, отыскивая себѣ кормъ.

Степные кулики (кроншнепы) присоединяются къ полевой птицѣ нѣсколько позднѣе и не такими большими стаями, въ какія собираются при отлетѣ. Они бродятъ по грязи, около лужъ, на вспаханныхъ поляхъ, гдѣ иногда вязнуть по брюхо, несмотря на долгія свои ноги, и гдѣ длинными кривыми носами, запуская ихъ по самую голову, достаютъ они себѣ изъ размокшей земли хлѣбныя зерна и всякаго рода червей и козявокъ.—Вальдшнепы прилетѣли уже давно. Никто не видывалъ какъ, когда, въ какомъ количествѣ прилетаютъ они; но при появленіи первыхъ проталинъ, въ мелкомъ лѣсу, на опушкахъ большаго лѣса, въ паркахъ и садахъ, въ малинникѣ, крыжовникѣ и другихъ ягодныхъ кустарникахъ, особенно въ кустахъ болотныхъ, около родниковъ, немедленно появляются вальдшнепы, иногда поодиночкѣ, иногда вдругъ большими высыпками.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болотъ мало, или они бываютъ залиты полою водою и стоятъ сплошными лужами, какъ большія озера,—дупели, бекасы и гаршнепы очень любятъ держаться боль-

шими высыпками на широкоразлившихся весенних потокахъ съ горъ, которые, разбѣгаясь по отлогимъ долинамъ или ровнымъ скатамъ, едва перебираются по травѣ, отъ чего луговина размокаетъ какъ болото. Это бываетъ нѣсколько позднѣе перваго появленія трехъ породъ благородной дичи, и продолжается педолѣе четырехъ или пяти дней. Высыпки, какъ появляются, такъ и пропадаютъ, внезапно. Мнѣ случалось попадать на нихъ почти уже съ разстрѣлянными зарядами. Съѣздивъ поспѣшно домой и надѣлавъ новыхъ зарядовъ, возвращался я, черезъ нѣсколько часовъ, на обѣтованное мѣсто — все пусто! ни одной птички! ни пера! какъ говорятъ охотники.

Накопецъ полая вода сливается, сохнутъ поля и луга, входятъ въ берега рѣки, уменьшается птица. Уже нѣтъ большихъ стай: пролетная—пролетѣла, прилетная разбирается парами и держится предпочтительно около тѣхъ мѣстъ, гдѣ замышляетъ вить гнѣзда. *Одна холостая птица шатается гдѣ ни попадо.* Жилые бекасы и дупели занимаютъ свои прежнія, а иногда и новыя болота, и сейчасъ начинаютъ токовать. Заблелъ дикій барашекъ (бекасъ), кружась въ голубой вышнѣ весенняго воздуха, падая изъ-подъ небесъ крутыми дугами къ низу, и быстро поднимаясь вверхъ.... весенняя стрѣльба съ прилета кончилась!....»

Но довольно!. . Читатели сами могутъ продолжать далѣе.

80. ЧЕТЫРЕ ИСТОРИЧЕСКІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ Публичныя лекціи, читанныя ordinarily профессоромъ Грановскимъ, въ 1851 г. Москва. Въ Унив. тип. 1852. 93 стр. въ 8-ю л. л.

«Еще недавно, говоритъ г. Грановскій, поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами безъ ихъ посредства могутъ исполнять свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ человеческого тѣла теперь сталъ пенужень. Такое возрѣніе на исторію возможно только при самомъ легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ. Но тотъ, для кого она является не мертвою буквою, кто привыкъ прислушиваться къ ея таинственному росту, видитъ въ великихъ людяхъ избранниковъ Провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что лежитъ въ потребностяхъ

данной эпохи, въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ даннаго времени, даннаго народа. Народъ есть нѣчто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны для обнаруженія себя претвориться въ мысль и волю одного одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ, лица. Такія лица облачаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ невидныя стремленія и желанія своихъ соотечественниковъ или современниковъ. Но съ приведеннымъ мною прежде мнѣніемъ соединяется другое, столь же неосновательное, по которому великіе люди являются чѣмъ-то случайнымъ, чѣмъ-то такимъ, безъ чего можно обойтись. Замѣтимъ по этому поводу, что великая роль случая допускается только въ эпохи умственного и нравственного ослабленія, когда человѣкъ перестаетъ вѣрить въ законное движеніе событій, когда онъ теряетъ изъ виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человечества. Конечно не всегда явно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явленій, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходятъ вѣка, а онъ остается кровавой и скорбною загадкою, и мы не знаемъ, зачѣмъ приходилъ онъ, зачѣмъ возмутилъ народы. Толки, имъ вызванныя, до такой степени противоположны между собою, что нельзя даже съ точностію опредѣлить вліянія, имъ обнаруженнаго. Но развѣ то, что намъ непонятно сегодня, должно остаться непонятнымъ и завтрашнему дню? Развѣ каждое новое событіе не проливаетъ свѣта на событія, повидному, давно уже совершившіяся и замкнутыя? Смыслъ отдѣльныхъ явленій иногда раскрывается только по прошествіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Наука въ такихъ случаяхъ не въ состояніи опередить самой жизни, и должна терпѣливо ждать новыхъ фактовъ, безъ которыхъ былъ бы неполонъ кругъ извѣстнаго развитія. Историческое значеніе Сократа оцѣнено должнымъ образомъ только въ XIX столѣтіи, на разстояніи двадцати-двухъ вѣковъ отъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ афинскимъ народомъ. При изученіи каждаго великаго человѣка, мы должны обратить вниманіе на личность его, на почву, на которой онъ выросъ, на время, въ которое онъ дѣйствовалъ. Изъ этого тройнаго элемента слагается его жизнь и дѣятельность. Задача трудная, рѣшеніе которой пре-

доставлено, если можно такъ выразиться, особенной исторической психологiи, имѣющей цѣлью устранить временныя и мѣстныя вліянія, видоизмѣняющія частныя свойства лица. При внимательномъ созерцаніи великихъ личностей, онѣ являются намъ откровеніями цѣлаго народа и цѣлой эпохи. Для чего бы онѣ ни были призваны на землю, для блага ли, для зла ли, во всякомъ случаѣ, онѣ стоятъ не отдѣльно, независимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, на которой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ....»

Мы выписали эти строки съ намѣреніемъ познакомить читателя со взглядомъ г. Грановскаго на историческія личности, взглядомъ глубокимъ, вѣрнымъ и внушающимъ къ себѣ сочувствіе. Имя г. Грановскаго довольно извѣстно всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, какъ имя человека, преданнаго наукѣ и отличившаго себя замѣчательными трудами; въ нихъ не только видна одна ученость, но видѣнъ и замѣчательный историко-художественный талантъ. Г. Грановскій у насъ можетъ назваться представителемъ новаго европейскаго направленія въ исторіи, которая вышла изъ круга обыкновенной прозы, и заняла средину между прозою и поэзіею: въ исторію вошелъ элементъ художественный. Художественное выраженіе идеи въ событіяхъ вѣка составляетъ современное требованіе исторической науки. Этимъ и отличается г. Грановскій, особенно въ сочиненіи, которое лежитъ передъ нами. Четыре характеристики—Тамерлана, Александра Македонскаго, Людовика IX и Беконна Веруламскаго—представляютъ образецъ историческихъ характеристикъ. По нимъ должно учиться новое поколѣніе. Г. Грановскій умѣетъ въ самомъ сжатомъ разсказѣ высказать множество фактовъ и въ нихъ выставить передъ вами самый живою образъ историческаго лица, которое отпечатлѣвается въ вашемъ воображеніи и никогда не изгладится. Къ этому еще присоедините строгій и мѣткій историческій взглядъ, которымъ отличается г. Грановскій. Лицо Тамерлана (Тимуръ-Ленга) представляетъ олицетвореніе одной матеріальной силы, ищущей жизни только въ самой себѣ, не одушевленной никакой идеей, не стремящейся ни къ какой явно-сознанной разумной цѣли, и потому силы грубой и безплодной. Такія лица являлись въ историческомъ мірѣ и, слѣдовательно, принадлежатъ исторіи. Тамерланъ

ничѣмъ не отличается ни отъ Атиллы, ни отъ Чингисъ-Хана; ихъ отличаютъ только различныя названія тѣхъ полей сраженія, на которыхъ они бились, и тѣхъ народовъ, которыхъ стремились подавить своею силою. Ихъ портреты могутъ быть и несходны, но выраженіе въ лицахъ непремѣнно одно и то же, и мы сомнѣваемся, могъ ли бы самъ г. Грановскій прибавить что-нибудь новое, если бы вздумалъ написать характеристики Атиллы и Чингисъ-Хана: въ характеристикѣ Тамерлана уже сказано все, что можно сказать объ олицетворенной матеріальной силѣ. «Внѣшняя сила, говоритъ г. Грановскій принадлежитъ къ числу великихъ дѣятелей всеобщей исторіи; но дѣятельность ея ограничивается исполненіемъ. Тамъ, гдѣ она несоединена съ плодотворными идеями, ея произведенія непрочно и бесполезны. Персы не даромъ называютъ Тимура ненасытнымъ, вѣчно стремящимся и никогда не достигающимъ.» Всѣ такія лица съ шумомъ вступали на свое поприще, обливали его кровью, и въ величій умирали, надолго оставляя въ народахъ страшное о себѣ воспоминаніе, какъ объ опустошительной чумѣ. Возможно ли въ настоящее время явленіе такихъ внушающихъ трепетъ личностей? Вотъ что на это говоритъ г. Грановскій:

«Если бы поднялась снова такая личность, какъ Чингисъ или Тамерланъ, и позвала народъ свой къ извѣданной уже дѣятельности, усилія ея неминуемо должны сокрушиться о новыя историческія условія. Куда повелъ бы теперь свое ополченіе честолюбивый вождь степныхъ племенъ? На югъ, къ Индіи, постоянной цѣли восточныхъ завоевателей? Но тамъ образовалась стѣна, болѣе крѣпкая, чѣмъ Гималайскій хребетъ. Тамъ встрѣтитъ онъ не прежнихъ, способныхъ только къ страдательному мужеству Индѣйцевъ, а твердые сипайскіе полки подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Двинется ли онъ другимъ, знакомымъ уже путемъ къ западу? Но его ждетъ здѣсь крѣпкое христіанское образованное государство, пережившее съ честью долгій періодъ своего историческаго искуса. Напоръ монгольской нестрашенъ болѣе Россіи, еще недавно одолѣвшей завоевателя болѣе грознаго, чѣмъ великіе ханы. Бывшіе владетели наши, въ свою очередь, должны испытать русское вліяніе. Но Россія платитъ имъ не гнетомъ за гнетъ. Христіанское государство вноситъ въ юрты дикарей истинную вѣру и не-

разлучныя съ нею образованность и гражданственность. Нашему отечеству предстоит облагородить и употребить въ пользу челоѣчества силы, которыя до-сихъ-поръ дѣйствовали только разрушительно....»

Совсѣмъ другое намъ представляется въ личности Александра Македонскаго,—это личность единственная въ исторіи, потому-что она соединена съ опредѣленной идеей, выразившейся въ опредѣленный историческій моментъ. Какой же этотъ моментъ? Тотъ, когда древне-греческая жизнь достигла всесторонняго разложенія; когда исключительная идея народности должна была уступить мѣсто идеѣ общечелоѣческой, первымъ провозвѣстникомъ которой былъ Сократъ. Но Сократъ пострадалъ за нее; она восторжествовала не въ его лицѣ, а въ лицѣ другаго челоѣка, Грека только по образованію, а не по рожденію, юнаго, пылкаго, одареннаго гениемъ и поставленнаго на такое поприще, на которомъ онъ могъ дѣйствовать и матерьяльною силою, но дѣйствовать уже съ опредѣленною цѣлью, во имя общечелоѣческихъ интересовъ. Этотъ герой и былъ Александръ Македонскій. Много о немъ говорили европейскіе историки, много его восхваляли и недостойно унижали, но никто такъ безпристрастно и такъ высоко не представилъ его прекраснаго образа, какъ г. Грановскій. Это вполне мастерская характеристика; изъ нея вы легко поймете, отчего и теперь помнятъ его имя всѣ тѣ народы, по землѣ которыхъ проходилъ Александръ. Объ Искандерѣ вы слышите безпрестанныя преданія въ устахъ Араба и Перса. Онъ уже съ давнихъ временъ сдѣлался народнымъ героемъ Востока. Мы знаемъ исторію Александра по греческимъ историкамъ, а на Востокѣ есть своя исторія Искандера, исторія, представляющая героя въ поэтическомъ блескѣ, но нельзя сказать, что исторія совершенно ложная, потому-что во многомъ сходна съ описаніями греческихъ историковъ. Многие истолкователи корана утверждаютъ, что похвальное слово Мухаммеда *Зу-ль-карнейну* (владѣтелю двухъ роговъ т. е. двухъ странъ свѣта) относится къ Искандеру *. Высокія стремленія Александра, мало понятныя его современ-

* Другіе приписываютъ это названіе *Самару*, основателю города Самарканда на пенелницѣ древней *Согды*.

ности, выразились въ поэтическихъ сказаніяхъ Востока: «онъ покорилъ міръ, проходя по всѣмъ странамъ, отыскивая источникъ живой воды, иногда проникая въ мѣста, гдѣ господствовалъ вѣчный мракъ; ему сопутствовалъ его министръ, какое-то мистическое лицо, *Хызръ*. Искандеръ соорудилъ великую стѣну на *Кафъ* (Кавказъ?), чтобы предупредить нападеніе *Яджуджа* и *Маджуджа* (Гога и Магога)». Много ходитъ объ Искандерѣ различныхъ рассказовъ, и всѣ они выражаютъ любовь къ челоѣку, который стремился дѣлать себѣ друзей изъ враговъ, выражаютъ его сочувствіе къ общимъ интересамъ, мудрость и умѣренность. Не даромъ же это лицо слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ живетъ въ воображеніи восточныхъ жителей, которые получили о немъ извѣстіе отъ своихъ предковъ, побѣжденныхъ Александромъ. Изъ любви къ нему, они даже измѣнили дѣйствительный фактъ, приписывая ему персидское происхожденіе. Здѣсь мы думаемъ воспользоваться случаемъ представить краткую исторію Александра Македонскаго по персидскимъ источникамъ, съ которыми еще весьма немногіе знакомы. Эта исторія, хотя и не безъ вымысловъ, представляетъ много любопытнаго о томъ историческомъ лицѣ, которое стремится разгадать наука:

«Въ царствованіе персидскаго царя *Дараба* (данный водою *), греческій или румійскій царь *Филикусъ* завладѣлъ нѣкоторыми персидскими провинціями; но пользоваться ими могъ недолго: *Дарабъ* вооружился, разбилъ Грековъ и заключилъ миръ съ *Филикусомъ*, который отдалъ за него свою дочь *Нахидъ*. Супружество не было счастливо: персидскій царь нашелъ недостатки въ своей юной супругѣ, и скоро ее отослалъ къ отцу. *Нахидъ* была беременна, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ родила сына, назвавъ его *Искандеромъ*. Между-тѣмъ у обоихъ царей—

* *Дарабъ* былъ сынъ царя *Бахмена* и *Хумае*; онъ родился уже послѣ смерти отца, когда царствомъ правила его мать; она, боясь лишиться власти, скрыла новорожденнаго, закупорила въ ящикъ и бросила въ рѣку. Теченіе рѣки прибило ящикъ къ берегу, гдѣ его нашелъ какой-то простой челоѣкъ, мывшій бѣлье. Незадолго до этого бѣднякъ лишился своего маленькаго сына, и потому съ радостію взялъ къ себѣ найденнаго, одѣтаго въ богатое платье, осыпанное драгоценными камнями. Мальчикъ былъ названъ *Дарабомъ*, что значитъ *данный водою*. Въ послѣдствіи, подобно *Киру*, онъ возвратилъ себѣ престолъ.

греческаго и персидскаго— снова начались раздоры, среди которыхъ вѣсть объ Искандерѣ и его матери не могла достигнуть до ушей Дараба. Филикусъ, не имѣя дѣтей мужескаго пола, усыновилъ Искандера, назначивъ ему и свой престолъ; престолъ же персидскій послѣ Дараба достался его сыну, двадцатилѣтнему *Дара*. Юный персидскій принцъ, Искандеръ, росъ при римскомъ дворѣ, какъ говоритъ Фердаусій, привлекая къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ своими способностями, умомъ и проникательностью. При Филикусѣ Греція платила дань Персіи; но съ его смертию это кончилось. Дара отправилъ къ Искандеру посла съ грознымъ письмомъ. Искандеръ учтиво принялъ посла, и далъ ему такой отвѣтъ: Скажи своему падишаху, что пришла пора Персамъ платить дань Греціи. При этомъ же онъ высказалъ свое право на престолъ *Кейанидовъ*, царствовавшей династїи. Скоро за тѣмъ греческія войска показались на берегахъ Ефрата, гдѣ Искандеръ сдѣлался побѣдителемъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ себя вести, что очаровалъ всѣхъ Персіянъ, внушилъ въ ихъ сердца къ себѣ любовь и довѣріе, вслѣдствіе чего отряды Дара единогласно признали его права на персидскій престолъ. Дара долженъ былъ бѣжать, и намѣревался обратиться къ одному индѣйскому царю Пуру, весьма сильному и осторожному. Но Искандеръ преградилъ ему всѣ дороги, и предложилъ остаться въ Персіи, гдѣ онъ могъ себѣ избрать любое мѣсто жительства; протянулъ ему братскую руку и предлагалъ сотрудничество въ славѣ Персіи. Дара былъ гордъ и отказался, еще надѣясь на небольшое число своихъ приверженцевъ. Среди нихъ явились и измѣнники; двое изъ его сатраповъ, когда-то имъ обиженные, сговорились умертвить несчастнаго, думая тѣмъ и отомстить за себя и угодить Искандеру. Но они ошиблись: Искандеръ, узнавъ о бѣдствїи своего брата, выказалъ непритворную горестъ, горько плакалъ надъ его трупомъ, и приказалъ на самой его могилѣ предать смерти гнусныхъ убійцъ. Послѣ покоренія Персіи Искандеръ дѣлалъ еще три похода; изъ нихъ особенно интересенъ, по описаніямъ, походъ противъ Пура. Здѣсь на сцену является *фейлюсуфъ Ариступъ*, который былъ царскимъ министромъ. Онъ вывелъ изъ затрудненія Искандера, который не могъ придумать, какъ вести битву со страшными индѣйскими слонами: ихъ было у Пура до двухъ

тысячъ, всѣ одѣтые въ колючія попоны, имѣя на себя множество вооруженныхъ охотниковъ, огражденных щитами. Ариступъ построилъ какія-то машины на колесахъ, наполнилъ ихъ горючимъ веществомъ, которое легко вспыхивало отъ вставленнаго фитиля, и при взрывѣ производило гибельныя дѣйствія; сваружи онѣ были утыканы пиками. Такими машинами Искандеру удалось восторжествовать надъ противникомъ. Ариступъ же составилъ планъ управленія покоренными землями; всѣ онѣ были раздѣлены по областямъ между туземными князьями, которые всѣ вмѣстѣ составляли совѣтъ и были обязаны сообщать разрѣшать важнѣйшіе государственные вопросы, подъ предѣлительствомъ одного старшаго князя, подчиненнаго, впрочемъ, намѣстнику царя. Эта система известна подъ именемъ *мулюне Таваихрѣ* (соединенные цари). Однажды на дорогѣ Искандеръ заболѣлъ и остановился въ полѣ для отдыха. Одинъ изъ его приближенныхъ снялъ съ себя латы, на которыхъ и расположился больной царь. Чтобы защититься отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, приказано было держать надъ уснувшим царемъ большой золотой щитъ. Искандеръ, проспавшись, увидалъ подъ собою желѣзо, а надъ собою золото, и вообразилъ, что его минуты сочтены. Въ завѣщанїи къ своей женѣ, онъ, между прочимъ, сказалъ: «если ты, по обычаю предковъ, для успокоенія моего духа, пожелаешь раздавать милостыню, то такъ какъ въ моей имперїи бѣдныхъ нѣтъ, раздай ее тѣмъ, которые не испытали никакого горя въ жизни».

Въ такія поэтическія краски облекся на Востокѣ образъ Александра Македонскаго; и можно сказать, что Востокъ оцѣнилъ его вѣрнѣе Запада. «Пробѣгая мыслию вѣка, говоритъ г. Грановскій, лежащіе за нами, мы не найдемъ лица, котораго историческая дѣятельность, по объему и вліянію, могла бы сравниться съ Александровой. Онъ стоитъ посредникомъ и примирителемъ между Западомъ и Востокомъ. Онъ открылъ цѣлымъ народамъ пути, по которымъ до него ходили только немногіе смѣлые путешественники. Въ этомъ отношенїи у него нѣтъ другаго соперника, кромѣ Колумба....

....Востокъ глубоко принялъ въ себя вліяніе Даріева побѣдителя. Окаменѣлыя формы его жизни пришли въ движеніе, лежавшія праздно въ глубинѣ народнаго сознанія и неясныя са-

нимъ-себѣ идеи, составлявшія отстой прежняго, остановившагося развитія, поднялись наружу отъ прикосновенія европейской мысли, и сообщили этой мысли небывалое богатство и полноту. Безъ Александра не было бы настоящей образованности...» Личность и значеніе Александра Македонскаго представлены г. Грановскимъ такъ ярко и осязательно, что читатель вполне удовлетворяется.

То же самое мы должны сказать и о двухъ другихъ характеристикахъ, — Людовика IX и Бекона. Здѣсь лицо Людовика IX представляетъ намъ нравственный идеалъ средневѣковой доблести, въ которой соединились цѣломудріе, благочестіе, смиреніе и мужество. Людовикъ стремился поддержать разлагавшійся старый порядокъ вещей, средневѣковыя формы жизни, но въ то же время почти безсознательно закладывалъ зданіе новой гражданственности. «Собственнымъ чувствомъ права, говоритъ г. Грановскій, и введеніемъ въ судъ юристовъ, проникнутыхъ идеями римскаго законодательства, онъ убилъ феодальную неправду. Святостію жизни и нравственною чистотою, онъ осуществилъ самый возвышенный изъ нравственныхъ идеаловъ средняго вѣка, но чрезъ это самое укрѣпилъ монархію, полное развитіе которой было несовмѣстно съ сохраненіемъ средневѣковыхъ учрежденій, потому-что за ними каждое сословіе укрывало свои корыстныя и исключительныя притязанія. Народъ привыкъ видѣть въ королѣ верховнаго, чуждаго всякаго пристрастія судью. Въ великія эпохи своей исторіи, во дни блестящихъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній, французскіе короли называли себя недаромъ сынами св. Людовика. Его дѣломъ было нравственное значеніе французской монархіи... Думая поддержать феодальное государство, онъ влагалъ ему несродныя ему начала и готовилъ великую монархію Людовика XIV. Онъ не докончилъ своего личнаго дѣла и не видалъ его завершенія, подобно тѣмъ средневѣковымъ зодчимъ, которые завѣщали новому времени недостроенныя, полныя чудной и таинственной красоты, готическіе соборы»....

Личность Бекона, принадлежащая XVI столѣтію также достойна полнаго вниманія; она представляетъ грустное явленіе, — соединеніе гениальнаго ума съ порочными житейскими наклонностями. Здѣсь передъ вами человѣкъ раздвоивается. Человѣкъ,

глубоко уважавшій науку, а слѣдственно истину и права, въ жизни дѣйствуетъ совершенно противъ нихъ; онъ жилъ несообразно съ тѣмъ, что думалъ и говорилъ. Въ его книгахъ мы встрѣчаемъ всеобъемлющій, независимый взглядъ гениальнаго ума; никто изъ его современниковъ не взглянулъ съ такою ясностію и отчетливостію на цѣлое научное движеніе, которое совершалось кругомъ его; онъ вступилъ, какъ законодатель, въ область, гдѣ до него господствовало безначаліе, подвелъ итоги всему сдѣланному, и указалъ на цѣли дальнѣйшей дѣятельности. Но въ его жизни мы встрѣчаемъ справедливое обвиненіе въ лихоимствѣ, за которое онъ былъ судимъ, и, благодаря его научнымъ заслугамъ, довольно милостиво. Такія разнообразныя личности намъ представилъ г. Грановскій, и повторимъ еще разъ, мастерски представилъ. Мы не можемъ описать того удовольствія, какое мы чувствовали при чтеніи его краснорѣчивыхъ страницъ. Въ нихъ лица такъ ярко и вѣрно очерчиваются, что, кажется, видишь ихъ художественные портреты, написанные извѣстнымъ живописцемъ. Да, въ этомъ случаѣ г. Грановскій мастеръ своего дѣла.

81. БОЛЬШАЯ БАРИНЯ. Сочиненіе В. Вонлярлярскаго. Москва въ Университетской типогр. 1852. 2 части, 1—160 стр. 2—177, въ 8 д. л.

Имя г. Вонлярлярскаго недавно сдѣлалось извѣстнымъ въ нашей беллетристической литературѣ. Его повѣсти, напечатанныя въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ, обращаютъ на себя вниманіе легкостью и занимательностью разсказа. Это ихъ главное достоинство. Впрочемъ о большей части нашихъ современныхъ повѣстей и даже романовъ можно сказать то же самое, и ничего больше: они читаются легко и пріятно, отличаются простотою и естественностью; въ авторѣ видится наблюдательность и изобрѣтательность; но странное дѣло, впечатлѣніе отъ нихъ всегда остается самое слабое, какое-то неопредѣленное, а иногда и совсѣмъ не остается никакого. Отъ чего бы это могло быть? Мы не разъ себя спрашивали; не разъ задумывались объ этомъ предметѣ, и почти всегда останавливались на одномъ отвѣтѣ: наши беллетристы любятъ выставять лица *исключительныя*. Подъ этимъ словомъ я не разумѣю, что всѣ эти лица небывалыя, неестественныя; нѣтъ, въ нихъ есть

психологическая естественность, они очень возможны, но дѣло въ томъ, что приходится по одному на пятьдесятъ тысячъ чело- вѣкъ, слѣдственно, въ нихъ слишкомъ мало общности и слиш- комъ много исключительныхъ частныхъ; лица не восходятъ до идеаловъ, а потому и самыя произведенія не могутъ на насъ сильно дѣйствовать. Другое дѣло въ біографіи какого-нибудь известнаго намъ лица; тамъ мы интересуемся только одной личностью; но въ повѣсти неизвѣстная мелкая личность можетъ насъ занимать (если она хорошо описана) очень недолго, какъ Петръ Авдѣвичъ занималъ графиню Наталью Александровну (въ Большой Барынь); можетъ-быть, эта личность насъ займетъ во все продолженіе разказа, но вотъ разказъ кончился, мы от- кладываемъ книгу, и скоро забываемъ самое имя описанной лич- ности, какъ забыла графиня Наталья Александровна имя Петра Авдѣвича. Съ другой стороны, во всѣхъ такихъ разказахъ нѣтъ общей основной мысли, которая бы оправдала исключи- тельности, выражаясь въ нихъ, какъ въ необходимой формѣ. Такія сочиненія можно прочесть съ удовольствіемъ только одинъ разъ, какъ потребность легкаго чтенія, — говорю съ удовольстві- емъ, потому-что они отличаются тѣми достоинствами, о кото- рыхъ я уже сказалъ. Лучше что-нибудь хорошее, чѣмъ совѣмъ ничего. Къ разряду сказанныхъ повѣстей относится и «Большая Барыня». Нѣтъ нужды разказывать ея содержаніе, потому-что здѣсь главное достоинство, какъ мы сказали, не въ содержаніи. Это не романъ, гдѣ критика должна вникнуть во все развитіе содержанія, во все его подробности, чтобы объяснить себѣ идею и жизнь идеаловъ. Здѣсь мы только замѣтимъ, что конецъ этой повѣсти останется совершенно непонятнымъ для тѣхъ изъ русскихъ читателей, которые не понимаютъ по-французски. Не потому, чтобы сочиненіе было безъ нужды испещрено француз- скими словами, нѣтъ, языкъ здѣсь отличается чистотою и лег- костью, но потому, что авторъ не позаботился перевести ко- роткаго разговора графини Натальи Александровны съ однимъ свѣтскимъ молодымъ чело-вѣкомъ, тогда, какъ этотъ разговоръ дѣлаетъ переломъ во всѣхъ мечтаніяхъ бѣднаго Петра Авдѣ- вича, удивляетъ его благородную гордость, и заставляетъ его оставить съ отчаяніемъ въ сердцѣ тотъ Петербургъ, куда онъ еще недавно вѣзжалъ съ великолѣпными ожиданіями. Вотъ этотъ разговоръ, съ нашимъ переводомъ:

«Въ свою очередь и молодому чело-вѣку нужно же было спро- сить у хозяйки что-нибудь, онъ и спросилъ у нея, взглянувъ искоса на штаб-ротмистра (Петра Авдѣвича).

«D'où vous tombe ce prodige?» (Откуда къ вамъ свалилось та- кое чудо?)

— «Cela? c'est un de mes pauvres voisins de campagne, brave homme du reste, que je voudrais marier (это одинъ изъ моихъ деревенскихъ сосѣдей; впрочемъ добрый малый; мнѣ хотѣлось бы его женить.)

«Avec qui donc, par exemple? (На комъ же, напримѣръ).

— Peu importe (Все равно, на комъ-нибудь), отвѣчала смѣясь графиня.

Положимъ, что Петръ Авдѣвичъ кое-какъ могъ понять этотъ бѣглый разговоръ, но не всякій же изъ русскихъ читателей въ состояніи понять его, а не понявъ, не пойметъ и мгновенной переменѣны въ Петрѣ Авдѣвичѣ, и всего дальнѣйшаго продолженія повѣсти. Зачѣмъ же имѣть въ виду самый ограниченный кругъ читателей; какъ-будто незнающіе французскаго языка уже не имѣютъ права читать ваши повѣсти; нѣтъ, они читаютъ очень внимательно, и судятъ очень здраво, и по справедливо- сти упрекаютъ тѣхъ изъ нашихъ писателей, которые имъ дѣла- ютъ непонятнымъ ихъ родной языкъ; слѣдовательно, они также могутъ упрекнуть и васъ...

Другое замѣчаніе сдѣлаемъ на двусмысленныя слова Натальи Александровны, которая, заговоривъ съ Петромъ Авдѣвичемъ о женитьбѣ, пригласила его къ себѣ въ Петербургъ, объя- вивъ, что скоро кончится ея трауръ и она будетъ свободна. Конечно эти слова всякій бы понялъ такъ, какъ ихъ понялъ Петръ Авдѣвичъ, но едва ли сама Наталья Александровна мо- гла такъ выразиться, не замѣтивъ двусмысленности своихъ словъ, особенно глядя на восторженный порывъ своего дере- венскаго сосѣда. А въ этихъ словахъ заключается новая завязка, которая намъ кажется мало-естественною. При всемъ томъ, повторимъ еще разъ, что повѣсть г. Вонлярскаго можно прочесть съ удовольствіемъ, и встрѣтить тамъ нѣсколько пре- красныхъ частныхъ. Объ общемъ же впечатлѣніи не можемъ сказать ничего.

82 РѢЧИ, говоренныя при приѣмѣ и выпускѣ воспитанницъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, покойнымъ протоіереемъ, законоучителемъ *Іоанномъ Недешевымъ*. Спб. въ типог. Эд. Веймара. 1852 г. стр. 38. въ 12 д. л.

Прекрасныя рѣчи, клонящіяся къ наставленію, какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ дѣвицъ, равно ихъ родителей и наставниковъ. Какъ истинный и добрый пастырь, авторъ съ теплымъ чувствомъ принимаетъ въ свою паству дѣтей, и съ прекраснымъ, поучительнымъ напутствіемъ отпускаетъ взрослыхъ въ дорогу жизни. Всѣмъ, кто зналъ или слышалъ покойнаго законоучителя, вѣроятно, будетъ пріятно имѣть его рѣчи, исполненныя прекрасныхъ мыслей и христіанскаго чувства.

СМѢСЬ.

ВЗГЛЯДЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ КРИТИКОВЪ НА БАСНИ КРЫЛОВА.

Въ 1824 году, графъ Григорій Орловъ, желая, чтобы слава русскаго народнаго баснописца распространилась за предѣлы его отечества, напечаталъ въ Парижѣ французскій переводъ прозою оригинальныхъ басенъ Крылова. Пятьдесятъ-семь французскихъ писателей брали себѣ въ образецъ этотъ переводъ и старались переложить его въ стихи. Между ними встрѣчаются имена, болѣе или менѣе извѣстныя. Но всѣ эти переводныя басни нельзя назвать баснями Крылова; многія изъ нихъ были хорошо и легко сказаны, и только; оригинальность, народныя краски, народный характеръ и мѣстность не могли сохраниться у стихотворцевъ, незнавшихъ басенъ Крылова въ подлинникѣ; крыловскаго у нихъ оставалось содержаніе или мысль, да и тѣ иной разъ не передавались въ строгой точности. Въ этихъ переводахъ Крыловъ былъ обезображенъ, и Французы никакъ не могли получить точнаго понятія о нашемъ баснописцѣ. Въ послѣдней книжкѣ «Сына Отечества» мы уже говорили, что Русскіе сами взяли на себя трудъ знакомить иностранцевъ со своими писателями. Конечно ихъ попытки были

удачиѣ, но все еще не въ такой степени, чтобы иностранцы могли судить, какъ многозначителенъ Крыловъ въ русской литературѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, познакомившись съ Крыловымъ въ подлинникъ, и понимая, какъ трудно о немъ судить по переводамъ, рѣшились другимъ способомъ съ нимъ знакомить своихъ соотечественниковъ: они избрали критику. По нашему мнѣнію, это самый лучший способъ; бросая критическій взглядъ на произведеніе, мы легко можемъ указать на его оригинальность, выставить на видъ все его красоты, повѣрить его съ дѣйствительностью и такимъ-образомъ объяснить то, что можетъ потеряться въ переводѣ. Передъ нами теперь лежатъ два сочиненія объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ, напечатанныя, въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ, — Сень-Жюльена (Saint-Julien) и Бужо (Bougeault). Оба сочинителя знакомы съ русскою жизнью не по наслышкѣ, а по собственному наблюденію, и потому ихъ разсужденія могутъ возбудить вниманіе въ ихъ соотечественникахъ; конечно, они не безъ интереса и для насъ, но этотъ интересъ совсѣмъ другаго рода; они насъ не знакомятъ съ нашимъ Крыловымъ больше того, сколько мы его знаемъ, не откроютъ въ немъ ни одной новой для насъ черты, но тѣмъ не менѣе они въ насъ возбуждаютъ любопытство познакомиться со взглядомъ добросовѣстнаго Француза. Сочиненіе г. Сень-Жюльена напечатано въ пятнадцатомъ томѣ *Revue des deux mondes* (1-er Septembre. 5-e Livraison). Оно начинается общимъ обзоромъ русской литературы, касаясь времени донетровскаго, послѣ Петра, Елисаветинскаго, Екатерининскаго и текущаго столѣтія. Но этотъ обзоръ слишкомъ ограниченъ въ своихъ предѣлахъ; въ немъ наша литература разсматривается весьма поверхностно, и по большей части повторяются собственные наши мнѣнія о нашихъ писателяхъ, такъ-что для насъ здѣсь весьма немного интереса; Французъ еще, можетъ-быть, получить кое-какое понятіе о ходѣ и развитіи русской литературы. Слава Богу, мы уже давно отстали отъ привычки придавать своимъ писателямъ, вмѣсто громкихъ эпитетовъ, имена иностранныхъ писателей: мы наконецъ поняли, что наши писатели имѣютъ свои особенности, развивались при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, что они такъ-же могутъ гордиться своими собственными именами, и мы такъ-же можемъ гордиться ими, какъ въ другихъ земляхъ гордились и гордятся своими. У Французовъ еще существуетъ подобная привычка въ критикѣ: они навязываютъ иностраннымъ писателямъ имена своихъ писа-

телей, думая однимъ словомъ опредѣлить или охарактеризовать лицо и его значеніе. По нашему мнѣнію, это можетъ дать только сбивчивое понятіе о разбираемомъ писателѣ, и нисколько не выкажетъ ни его главнаго характера, ни его дѣятельности и вліянія на современность, что особенно важно въ каждомъ разборѣ. Такъ? Сень-Жюльенъ называетъ Ломоносова русскимъ (moscovite) * Малербомъ и вмѣстѣ Бальзакомъ, Державина русскимъ Жанъ-Батистомъ Руссо; любопытно знать, какъ Французъ, совершенно незнакомый съ нашей литературой, представитъ себѣ русскаго Бальзака и Руссо. Изъ всего этого обзора мы приведемъ нѣсколько строкъ, выражающихъ одну черту русскаго характера, удачно подмѣченную авторомъ. Онъ говоритъ о достопамятномъ для насъ 1812 годѣ: «Сильный крикъ тогда раздался по всему царству отъ края и до края; однимъ чувствомъ забились все сердца. И не нашлось ни одного писателя, который бы не отбросилъ пера, чтобы вооружиться шпагой, или который бы снова не взялъ шпаги, если когда-нибудь прежде ее оставилъ для пера. Поэтъ Жуковский вписался въ московскую милицію, написавъ поэму «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» (*Barde au camp des guerriers russes*); Батюшковъ, еще не излечившись отъ раны, которую получилъ въ Пруссіи, снова взялся за свое первое занятіе, и сдѣлалъ походы 1812, 13 и 14 г.

Мало найдется народовъ, которые бы, подобно Русскимъ, такъ легко переходили отъ жизни гражданской къ жизни военной. Этотъ народъ, отъ природы миролюбивый, ни въ какой жизни не измѣняетъ своихъ нравовъ: онъ находитъ что-то очаровательное въ лагерной жизни, находитъ, не знаю, какое-то удовольствіе въ военныхъ приключеніяхъ. Еще и теперь случается встрѣтить, что дѣти изъ богатыхъ и извѣстныхъ фамилій ищутъ случая отправиться на Кавказъ, гдѣ ихъ ожидаютъ столько трудовъ и опасностей....

Въ своемъ краткомъ обзорѣ г. Сень-Жюльенъ изъ всѣхъ нашихъ писателей больше и опредѣленнѣе характеризуетъ Озерова. «Этотъ поэтъ, говоритъ онъ, былъ одушевленъ могучимъ духомъ, и если его слогъ несовсѣмъ удовлетворяетъ русскую критику, если его иногда находятъ несвѣтымъ, если его упрекаютъ въ жесткости Княжнинскаго языка, то все же нельзя

* Французы не скоро отстаютъ отъ своихъ привычекъ, а пора бы имъ уже отстать называть насъ *Москвитянами*.

не согласиться, что тамъ, гдѣ Озеровъ отступаетъ отъ подражанія, его муза дѣлается самобытною и твердою. Чувствительность и душевное движеніе изливаются потокомъ изъ его души, а его картины удачно возраждаютъ отечественныя воспоминанія. Напр. въ его «Димитрій Донскомъ,» Русскій съ энтузіазмомъ видитъ воспроизведеніе одной изъ героическихъ эпохъ своей исторіи, когда Россія, съ знаменемъ Христа во главѣ, бросилась въ богатырскую битву съ монгольскими ордами, и побѣдила ихъ. Озеровъ прекрасно соединилъ съ изученіемъ классическихъ образцовъ Греціи, Италии и Франціи XVII вѣка, свободное внушеніе сердца и вдохновеніе народной музыки....» Конечно все это для насъ не ново, но оно показываетъ, что авторъ изучалъ образцы русской литературы, и мы ему скажемъ русское спасибо за его доброе и безпристрастное слово. Но не понимаемъ, почему онъ, назвавъ Жуковского подражателемъ Шиллера, назвалъ его и подражателемъ Байрона. Этого еще не можетъ доказать одинъ переводъ Шильонскаго узника. О Жуковскомъ, о Батюшковѣ и о Пушкинѣ, у него сказано очень немного и недостаточно, не только для насъ, но даже и для иностранцевъ. Впрочемъ весь этотъ обзоръ составляетъ какъ-бы приступъ къ подробному разбору басенъ Крылова. Нѣсколько страницъ онъ посвящаетъ его жизнеописанію, которое составилъ по русскимъ біографіямъ. Здѣсь же онъ прибавляетъ и отъ себя нѣсколько словъ: «Я видѣлъ Крылова, говоритъ онъ, въ одномъ салонѣ, куда собирались знаменитые писатели, всѣ друзья баснописца: Гнѣдичъ, его вѣрный товарищъ, Жуковский, Козловъ, князь Одоевскій и др.; тамъ мы не могли не дивиться умному и прекрасному лицу поэта, которое обвивали длинные сѣдые волосы, его пріятнымъ и одушевленнымъ глазамъ, и общему выраженію его чертъ, проникнутому добротою, и не знаю, какою-то тонкою острою, въ которой нельзя было не замѣтить ироніи....»

Приступая къ разбору басенъ Крылова, авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Между нашими старыми баснями найдется нѣсколько маленькихъ поемъ, которыя выражаютъ сатирическое направленіе въ самой легкой и живой формѣ. Басни Крылова скорѣй похожи на нихъ, чѣмъ на апологіи Лафонтена. Существенное отличіе Крылова—это мѣстная точность и вполнѣ русская фізіономія лицъ, которыхъ онъ выводитъ на сцену». И далѣе, при разборѣ басни «Три мужика», замѣчаетъ: «Если бы Россія, подобно Франціи, имѣла своихъ труверовъ, то конечно можно бы смѣло приписать одному изъ нихъ эту прекра-

сную поэмю, основа которой поразительно напоминаетъ басню *du Chevalier, du Marchand et du Vilain....*» Г. Сепъ-Жюльенъ особенно останавливается на тѣхъ басняхъ, гдѣ выставлены русскіе люди изъ простонародья: эти сцены, для насъ столь обыкновенныя, глазу иностранца представляютъ много занимательнаго и любопытнаго; въ нихъ онъ находитъ много народныхъ особенностей, видитъ другую жизнь, другіе нравы и обычаи. «Подъ перомъ Крылова, говоритъ авторъ, всѣ предметы дѣлаются русскими. Онъ всегда остается оригинальнымъ даже въ подражаніи; но когда онъ найдетъ предметы и содержаніе въ самомъ-себѣ, соединитъ ихъ въ своемъ воображеніи съ жизнію и нравами своего отечества, тогда вся вообще Россія отразится въ его произведеніяхъ: нравы, мысли, предразсудки, характеръ, фізіономія, языкъ, одежда, все тамъ найдется; всѣ лица выходятъ на сцену неподражаемо....» Такъ судить о нашемъ Крыловѣ Французъ, познакомившійся съ нимъ въ подлинникъ и видѣвшій Россію собственными глазами. Конечно, всѣ эти выводы еще не представляютъ особенной глубины и уже давно для насъ новы, но не для насъ они и пишутся; ихъ цѣль поставить иностранца на такую точку, съ которой смотримъ мы на своего баснописца. За это нельзя не сказать еще разъ спасибо добросовѣстному Французу. Онъ разсматриваетъ басни: *Два мужика, Три мужика, Тришкинъ кафтанъ, Крестьянинъ и Работникъ, Мужикъ и Лисица, Цвѣты, Василекъ, Прихожанинъ, Кукушка и Птухъ, Демьянова уха, Музыканты, Лжеецъ, Водолазы, Листы и Корни, Ворона и Курица, Волкъ въ овчарнѣ, Шука и Котъ*. Нѣкоторымъ изъ нихъ дѣлаетъ самый близкій прозаическій переводъ, который можетъ познакомить съ содержаніемъ и съ образомъ изложенія Крылова, хотя и самъ авторъ сознается, что этотъ переводъ не можетъ передать той живописности и того блеска русскихъ красокъ, которыми отличаются оригинальныя басни. Иногда авторъ обращается къ бѣглому описанію нѣкоторыхъ чертъ русской народности, которою повѣряетъ переводимыя басни, иногда истолковываетъ ихъ идею, значеніе и пр. Говоря о баснѣ *Листы и корни*, онъ находитъ нѣкоторое сходство между нею и баснею Лафонтена *les Membres et l'Estomac*, и отдаетъ предпочтеніе баснѣ Крылова. «Здѣсь, говоритъ онъ, заключается глубокая, полная прелести поэзія, она выражаетъ цѣлую картину, или лучше, родъ маленькой драмы, которая заставляетъ и улыбаться, и думать....» Итакъ изъ нашего краткаго разбора читатель можетъ видѣть безпристрастіе и здравомысліе фран-

пузсаго * критика. Теперь перейдемъ къ другому критику Крылова, г. Бужо. Его сочиненіе (*Kryloff ou le Lafontaine russe, sa vie et ses fables*) вышла въ Парижѣ отдѣльной книжечкой. Подобно г. Сенъ-Жюльену, онъ начинаетъ общимъ обзоромъ русской литературы. Коснувшись русскаго языка, онъ воздаетъ должную похвалу его богатству и звучности. «Однажды, говоритъ онъ, Тальма (извѣстный французскій актеръ время имперіи), услышавъ декламацию русскихъ стиховъ, вскричалъ, что съ такимъ языкомъ онъ произвелъ бы чудеса; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, для тѣхъ, которые слышали на петербургской сценѣ знаменитаго трагическаго актера Каратыгина, одного изъ прекрасныхъ европейскихъ драматическихъ талантовъ. Обзоръ нашей литературы у г. Бужо еще короче и поверхностнѣе, чѣмъ у г. Сенъ-Жюльена; и прибавимъ еще, обзоръ довольно безпорядочный: авторъ говоритъ о русскихъ писателяхъ не въ хронологическомъ порядкѣ. Сказавъ нѣсколько словъ о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, онъ переходитъ къ Гнѣдичу и Жуковскому; этотъ безпорядокъ мѣшаетъ вникнуть въ общій ходъ и развитіе русской литературы. Здѣсь мы поневолѣ даемъ предпочтеніе. Сенъ-Жюльену. Пушкинъ—русскій Ламартинъ и Байронъ, говоритъ Бужо. Отчего же такъ? спрашиваете вы. Оттого, по словамъ автора, что у Пушкина есть порывы истиннаго вдохновенія; его врожденный элементъ есть лирика, и тамъ-то особенно онъ великъ и прекрасенъ; подобно этимъ двумъ поэтамъ, онъ вноситъ лиризмъ повсюду, даже туда, гдѣ ему нѣтъ мѣста. Странно кажется, только по этому свойству поэзіи Пушкина называть его русскимъ Ламартиномъ и Байрономъ, особенно послѣднимъ. Иной иностранецъ въ-самомъ-дѣлѣ будетъ смотрѣть на нашего Пушкина, какъ смотритъ на Байрона, и весьма ошибется. Между ними, конечно, есть нѣкоторыя черты сходства, но сходство можно найти между Пушкинымъ и Данте, а что между ними общаго. Здѣсь кстати замѣтить одну ошибку Бужо, который называетъ стихотворца Василья Пушкина не дядею, а братомъ нашего поэта. Отъ общаго обзорѣнія авторъ переходитъ къ Крылову. «Изъ всѣхъ новѣйшихъ писателей, говоритъ онъ, Крыловъ особенно заслу-

* Здѣсь мы не указываемъ на нѣкоторыя, впрочемъ малозначительныя ошибки автора, потому-что никто изъ русскихъ не будетъ пользоваться этимъ сочиненіемъ съ цѣлью ознакомиться съ отечественною литературою. У насъ есть свои очерки, которые могутъ насъ ознакомить гораздо лучше и ближе.

живается изученіе по своему таланту и по своей народности. Его называли русскимъ Лафонтеномъ, и такой титулъ, принадлежащій ему по праву, показываетъ всю важность этого писателя, котораго критика должна подвергнуть глубокому изученію.» Замѣтимъ на это со своей стороны, что, можетъ-быть, сначала Крылова называли русскимъ Лафонтеномъ, но теперь, или уже давно, никто такъ его не называетъ. Для насъ ближе, понятнѣе и родственнѣе называть его просто дѣдушкою Крыловымъ. Положимъ, что Лафонтенъ и великій баснописецъ, но его имя, какъ эпитетъ, нисколько не придастъ славы нашему Крылову, который славенъ однимъ своимъ именемъ, и право не имѣетъ пужды ни въ какомъ другомъ. У него и у Лафонтена много общаго, но весьма много и особенностей; у него своя личность, свой взглядъ. Мы рѣшительно встаемъ противъ выраженія: *Lafontaine russe, titre, qui n'est pas usurpé*, и отъ души желаемъ, чтобы всѣхъ нашихъ писателей называли собственными именами, не путая съ другими, чужеземными. Подобно Сенъ-Жюльену, г. Бужо посвящаетъ нѣсколько страницъ біографіи Крылова; о ней мы не станемъ распространяться, потому-что въ ней заключается все давно намъ извѣстное. Выпишемъ только одно сужденіе, на нашъ взглядъ довольно дѣльное и достойное замѣчанія. «Басня, говоритъ Бужо, нравится не столько въ юности, сколько въ зрѣломъ возрастѣ. Юность не любитъ совѣтовъ, и кромѣ своихъ собственныхъ опытовъ не хочетъ внимать никакимъ другимъ; но часто она платитъ дорого за науку жизни; она стремится, наталкиваясь на всѣ углы дороги, и только послѣ нѣсколькихъ ушибовъ, научается ходить прямо. Отъ чего жъ бы не слушать ей голоса мудрыхъ, которые стараются ее предохранить отъ ошибокъ и паденій. Въ апологіи нѣтъ ничего скучнаго и педантическаго, это пріятный учитель, который учитъ съ улыбкой, и замѣтываетъ у природы сотни голо-совъ, для того, чтобы нѣжно начертить въ сердцахъ нравственныхъ изрѣченія. Вотъ отъ чего я совсѣмъ не одобряю парадоксальныхъ декламаций Руссо, когда онъ отъ воспитанія дѣтей устраниваетъ басни. Конечно негодится заставлять дѣтей выучивать ихъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ; но когда они достутъ до-тѣхъ-лѣтъ, что будутъ въ состояніи понимать смыслъ, тогда, я думаю, не найдется ученья полезнѣе, которое бы оставило въ сердцѣ совѣты болѣе разумные, нравственныя наставленія болѣе пріятныя и годныя къ дѣлу. Чувствительность, конечно превосходна, и я всегда одобряю, когда ее развиваютъ въ ребенкѣ; но если съ ней рядомъ не идетъ здравый смыслъ

то это для души тяжесть безъ облегченія. Здравый смыслъ— это практическій духъ въ дѣлѣ жизни, и ничто ему не въ состояніи научить въ такой тонкости и въ такой глубинѣ, какъ басня....» Теперь рассмотримъ, какъ же иноземный критикъ Крылова судитъ объ его басняхъ. «Нѣкоторые русскіе критики, говоритъ онъ, опираясь на то, что Крыловъ самъ выдумалъ большую часть содержаній своихъ басенъ, спѣшатъ его поставить выше Лафонтена, который, по ихъ словамъ, во всемъ подражалъ, все заимствовалъ у древнихъ. Не выказывая никакой несправедливости генію Крылова, мы позволимъ себѣ не принять этого сужденія за окончательное». Вотъ исходная точка критики г. Бужо; она почти вся заключается въ сравненіи обоихъ баснописцевъ. Здѣсь мы должны отдать справедливость французскому критику; онъ старается защитить Лафонтена, но въ то же время умѣетъ цѣнить достоинства Крылова. «Въ баснѣ, говоритъ онъ, по моему мнѣнію оригинальность содержанія— дѣло второстепенное и маловажное; здѣсь не требуется большой вообразительной силы, и я готовъ даже сказать, что для нея годенъ первый попавшійся сюжетъ. Для человѣка нѣтъ ничего естественнѣе метафоры и аллегоріи, и басня въ своемъ основаніи не что-другое, какъ аллегорія. Ла-моттъ составилъ себѣ славу также тѣмъ, что самъ выдумалъ всѣ свои басни, а до сихъ-поръ онъ не понизилъ Лафонтена ни на одну степень. Равнымъ-образомъ Виенне (Viennet) ковечно съ большимъ остроуміемъ извлекъ всѣ свои басни изъ своей головы, но по удивленію, какое онъ всегда выказывалъ передъ Лафонтеномъ, можно заключить, что онъ и не думалъ у него оспаривать пальму.

Неоцѣнимое достоинство Лафонтена составляютъ его слогъ, грація, наивное простодушіе, и наконецъ что-то такое неподражаемое въ языкѣ, который у него истинное сокровище, нѣжный и благоухающій цвѣтокъ. Ни въ чемъ другомъ французскій умъ не оставилъ такого живаго и глубокаго отпечатка.

Поставить что-нибудь выше Лафонтена, значитъ отважиться на слишкомъ смѣлое. Но все это не показываетъ, что я хочу сбавить цѣну Крылову, и поставить его на вторую степень; я повиную блестящія качества этого великаго писателя. Не сомнѣваюсь, едва ли возможно составить полное сравненіе между нимъ и Лафонтеномъ, по таланту: у каждаго изъ нихъ своя печать, своя степень личной оригинальности. Остроумный и осторожный, моралистъ глубокой, Крыловъ сдѣлалъ для басни въ Россіи то же, что Лафонтенъ во Франціи: ее онъ олицетворилъ въ ней. Онъ такъ хорошо умѣлъ усвоить языкъ и геній народа, что

сдѣлался писателемъ самымъ народнымъ, самымъ оригинальнымъ, и почти, я готовъ сказать, единственнымъ истинно-оригинальнымъ. Подражая нѣкоторымъ баснямъ Лафонтена, Крыловъ не хотѣлъ дѣлать обыкновенно простыхъ переводовъ: онъ, кажется, вполне понялъ, что во французскомъ баснописцѣ есть нѣкоторыя непереводимыя черты, которыя, передавая на другой языкъ, можно только обезобразить; и онъ поступилъ иначе: онъ себѣ усвоивалъ цѣлое содержаніе, но баснѣ давалъ отпечатокъ своего генія и характера своего народа. Критики, которые только по этому ставятъ Крылова выше Лафонтена, не дѣлаютъ различія между языками и народами; они, кажется, упрекаютъ французскаго баснописца въ томъ, что онъ не Русскій.» За этимъ г. Бужо сравниваетъ одну и ту же басню Лафонтена и Крылова—*Моръ змѣрей*, и упрекаетъ Крылова въ растянутости. «Да, говоритъ онъ, въ сравненіи съ Лафонтеновой эта басня покажется длинною. Русскій поэтъ хотѣлъ улучшить, прибавить новыя черты маленькой драмѣ, очерченной французскимъ писателемъ такъ умѣренно и деликатно; не знаю лучше ли это по русскому вкусу, но мнѣ кажется, что это во-вредъ изяществу и энергической живости.» Со своей стороны мы замѣтимъ, что по русскому вкусу нисколько не вредятъ изяществу живыя картины, ярко и мастерски очерченныя, которыя не нарушаютъ единства и гармоніи цѣлаго, и прекрасно выражаютъ общую идею поэта. Такая поэма, гдѣ нельзя найти ничего лишняго, не заслуживаетъ упрека въ длиннотѣ. Мы неупрекнемъ Лафонтена за его сжатость, въ которой дѣйствительно много живости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не скажемъ, что длиннота басни Крылова составляетъ его ошибку. И то и другое хорошо, если оправдывается цѣлью и характеромъ дѣйствительности. «Волъ, говоритъ г. Бужо, замѣнившій здѣсь Лафонтенова осла, мнѣ кажется, тоже не совсѣмъ удачное нововведеніе. Рогатое животное здѣсь не можетъ сравниться съ длинноухимъ, которое себѣ пріобрѣло пословичную извѣстность въ глупости. Лафонтенъ не могъ лучше избрать жертву для этихъ корыстныхъ судей». На это мы сдѣлаемъ свое замѣчаніе: у обоихъ баснописцевъ была своя цѣль и своя идея. Крыловъ въ лицѣ вола хотѣлъ выставить вовсе не то, что выставилъ Лафонтенъ въ лицѣ осла, слѣдственно, измѣненіе сдѣлано разсудительно и сообразно съ идеею. Далѣе г. Бужо выводитъ сравненіе между обоими баснописцами. Крыловъ уже слишкомъ любитъ подробности, онъ любитъ рисовать и въ басню вводитъ описаніе; въ этомъ случаѣ онъ жертвуетъ вкусу своего вѣка; онъ уже писа-

тель новѣйшій (онъ жертвуетъ не вкусу, но вводитъ въ басню подробности и описанія потому, что смотрѣлъ на басню какъ на поэму, въ которой не лишни ни картины, ни даже эпизоды, лишь бы все не вредило цѣлому); Лафонтенъ, напротивъ, умѣреннѣе, точнѣе; онъ очерчиваетъ одною чертою, по древнему приему. Крыловъ имѣетъ особенную склонность къ сатирѣ, Лафонтенъ—моралистъ нѣсколько снисходительнѣе, кротче; у него нѣтъ охоты искать намековъ или язвительныхъ словъ, тогда какъ Крыловъ прямо дѣлаетъ приложение. Конечно и у Лафонтена есть злоба, но она нѣсколько не вредитъ добродушію его характера. Если онъ насъ заставляетъ смѣяться причудамъ и несообразностямъ въ человѣкѣ, то мы смѣемся пріятнымъ и снисходительнымъ смѣхомъ. Крыловъ же подъ сельскою простотой остритъ свои стрѣлы, безжалостно мечетъ ихъ и оставляетъ въ ранѣ. Что сатира составляетъ истинную принадлежность его таланта, доказываютъ тѣ басни, въ которыхъ она выражается: онѣ по справедливости самыя лучшія, и болѣе всѣхъ другихъ представляютъ отпечатокъ народности.... Крыловъ заставилъ всѣхъ себя удивляться, какъ простаго мужика, такъ и образованнаго человѣка. Когда читаютъ какую-нибудь его басню русскимъ людямъ, то ихъ лица веселятъ, и удовольствіе блеститъ въ глазахъ у всѣхъ; вотъ гдѣ прекрасное торжество генія. Можно ли то же самое сказать о Лафонтенѣ. Мы должны признаться, что нѣтъ. Чтобы хорошо понимать Лафонтена и схватить всю тонкость его ума и слога, должно изучать его; простой человѣкъ, безъ всякаго наставленія, несовершенно его понимаетъ. Крыловъ въ своей землѣ понятенъ всѣмъ безъ исключенія: такъ онъ простъ, народенъ по выраженію и оборотамъ рѣчи; такъ онъ умѣлъ во всей глубинѣ отождествиться съ геніемъ своего народа. Такимъ-образомъ въ русскомъ баснописцѣ больше мѣстнаго характера; онъ лучше рисуетъ своихъ соотечественниковъ, и много теряетъ, когда оставляетъ свою родную землю для другой страны. Во французскомъ баснописцѣ болѣе общности; онъ лучше рисуетъ человѣка вообще; конечно онъ глубоко народенъ, но съ другой точки зрѣнія, онъ принадлежитъ вообще человѣчеству....» Далѣе авторъ, для подтвержденія своихъ мыслей, переводитъ извѣстное сужденіе Гоголя о Крыловѣ, и наконецъ знакомитъ читателей со многими подробностями жизни Крылова, обращаясь по временамъ и къ Лафонтену, для сравненія.

Въ концѣ книги г. Бужо, мы нашли его стихотворный переводъ двадцати басенъ Крылова. «Если я представляю здѣсь пе-

реводъ нѣсколькихъ басенъ Крылова, говоритъ онъ, то это не значитъ, что я хочу соперничать съ тѣмъ баснописцемъ, которому я всегда удивляюсь. Я очень хорошо понимаю, какіе могутъ быть недостатки при переводѣ такого рода. Какъ бы ни былъ хорошъ переводъ, но въ немъ всегда найдется несовершенство; въ этомъ случаѣ справедлива итальянская поговорка—traduttore traditore. Я, по-крайней-мѣрѣ, употребилъ всѣ свои усилія, чтобы въ переводѣ остаться какъ можно ближе къ оригиналу, и исключая нѣкоторыхъ идиотизмовъ, и непереводаемыхъ мѣстъ, я почти передавалъ фразу въ фразу, идею въ идею». Въ-самомъ-дѣлѣ этотъ переводъ удовлетворительнѣе всѣхъ, какіе мы читали, и судя по немъ, мы готовы сказать, не зная автора, что онъ не какъ-нибудь знаетъ русскій языкъ. Конечно въ переводѣ много потерялось Крыловскаго, но въ какомъ же переводѣ не теряются красоты оригинала. Въ примѣрѣ мы приведемъ *Тришкинъ кафтанъ*, который намъ понравился болѣе другихъ:

De Trichka le caftan au coude était percé.
 Vous croyez que notre homme est bien embarrassé;
 Point du tout: il coupe et retranche,
 Sur la longueur un quart de manche,
 L'ajoute à l'endroit déchiré:
 Voilà son caftan réparé!
 Il est vrai que la manche un peu trop haut remonte,
 Mais quoi? ce n'est pas une honte.
 Pourtant de mon Trichka l'on se moque et l'on rit.
 —« Parbleu! vous allez voir si je manque d'esprit,
 « Repond-il; le remède est trouvé dans ma tête:
 « Et mes manches seront bientôt
 « Aussi longues, qu'il le faut.
 « Oh! Trichka n'est pas une bête».
 Il se met à rogner les plis du vêtement
 Afin de rallonger ses manches,
 Et le rendosse tout content,
 Quoique le caftan maintenant
 Descende à peine jusqu'aux hanches....»

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г. Бужо только подражаетъ Кры-

лову и довольно удачно. какъ напр., въ баснѣ «Оселъ и Соловей».

Le Rossignol consent: son gosier enchanté
Commence à deployer ses ressources nombreuses:
Il prélude en cloquant, siffle, file des sons,
Sur mille tons divers module ses chansons;
Tantôt il adoucit ses cadences moelleuses,
Et l'on dirait un chalumeau
Qui soupire de loin sur les flancs du coteau;
*Tantôt ses rapides roulades
Vont rejaillissant en cascades
Comme les perles d'un ruisseau,
La nature écoutait, immobile et ravie.*

Г. Бужо приводитъ также нѣсколько Крыловскихъ французскихъ басенъ, составленныхъ разными французскими писателями. Изъ нихъ укажемъ только на одну — «Гуси» — (переводъ Руже де-Лиль) гдѣ встрѣчаемъ забавную вставку имени Карамзина:

Voyez, homme de bien, voyez comme nous traite
Ce rustre, ce manant! Des oisons tels que nous!
Nous, descendus tout droit de ces saintes volailles
Qu'on vit du Capitole affranchir les murailles;
Karamsine et d'Hosier sont d'accord sur ce point.

«Мы приходимъ отъ тѣхъ птицъ, которыя спасли Капитолій, о чемъ согласно говорятъ Карамзинъ и Озье». Къ-чему здѣсь явилось имя Карамзина? Къ-тому, вѣроятно, чтобъ оставить на баснѣ печать русской народности, или напомнить, что оригиналъ басни писанъ на русскомъ языкѣ. Но, кажется, худой расчетъ. Авторъ знаетъ Карамзина какъ историка, но вѣроятно не знаетъ, что онъ писалъ только русскую исторію.

Въ предъидущей книжкѣ С. О. мы говорили о французскомъ переводѣ нѣкоторыхъ басенъ Крылова г-жи Мордвиновой. Сравнивъ ихъ съ переводомъ Бужо, мы должны послѣднему во многомъ отдать предпочтеніе. Главное различіе между ними состоитъ въ томъ, что г-жа Мордвинова знаетъ лучше русскій языкъ, а г. Бужо — французскій, какъ и должно быть. Г-жа

Мордвинова, стараясь, какъ можно ближе передать мысль поэта, не всегда находила равносильныя выраженія, и потому обращалась къ перифразамъ, часто одно русское слово выражала нѣсколькими французскими, отъ чего мѣстами произошла растянутость, и басня Крылова уже лишилась своей сжатости и силы. Г. Бужо не всегда вникаетъ во всю глубину русской мысли, но зато часто отыскиваетъ въ своемъ родномъ языкѣ удачныя слова и выраженія, которыя хорошо замѣняютъ нѣкоторыя русскія, отъ чего его языкъ отличается силою и сжатостью. Для сравненія приведемъ переводную басню г. Бужо — «Музыканты»;

Un voisin à diner invita son voisin.
Mais notre homme avait son dessein:
Comme il aimait fort la musique,
Il voulait à son hôte, au milieu du festin,
Faire subir un choeur plus ou moins harmonique.
Les chanteurs bravement, et sur des tons divers,
Criaient à tort et à travers.
Ils assourdissaient les oreilles
Du convive étonné de semblables merveilles.
«Morbleu! s'écria-t-il, vous trouvez cela beau!
«Mon cher, votre choeur braille à rompre la cerveau»,
—«Il est vrai, répondit son hôte.
«Qu'ils ont la voix un peu trop haute
«Mais tous se conduisent si bien!
«Jamais ils ne sont pris de vin.»
Croyez moi, mes amis, choquez un peu le verre,
Mais connaissez mieux votre affaire.

Конечно послѣдніе стихи никакъ не могутъ сравниться съ Крыловскими:

«Они всмножечко дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ».

Переводъ г-жи Мордвиновой той же басни мы уже привели въ послѣдней книжкѣ С. Отечества.

ПЕРВОЕ КНИГОПЕЧАТАНІЕ.

(Окончаніе).

Лавки присяжныхъ книгопродавцевъ парижскаго университета въ XV столѣтія были наполнены читателями. Въмѣсто того, чтобы флегматически наслаждаться гаванскою сигарою или папирками изъ Фландріи и Англій, юноши того времени занимались тамъ учеными разговорами, предавались часто спорамъ, пополняя, такимъ-образомъ, свои знанія и ежедневныя занятія.

Шефферъ каждый вечеръ посѣщалъ лавку Рембольда, и постоянно находилъ тамъ многочисленное и прекрасное общество. Члены магистрата, доктора Сорбонны, духовные всѣхъ чиновъ и во всѣхъ костюмахъ, старые и молодые адвокаты, каждый наперерывъ старался высказать свое мнѣніе.

Между послѣдними замѣтилъ Шефферъ молодаго адвоката и вскорѣ тѣсно съ нимъ подружился. Правда, не любовь къ наукамъ исключительно привлекала Оффруа-де-Силогъ къ Рембольду; его пріятныя и скромныя рѣчи, разнообразныя познанія, какая-то особенность всей его личности давали ему преимущество, и часто, несмотря на молодость, первенствовалъ онъ среди веселыхъ или серьезныхъ споровъ, раздававшихся въ лавкѣ присяжнаго книгопродавца. Онъ былъ племянникъ консисторскаго судьи у парижскаго епископа, что придавало значительный вѣсъ всѣмъ его достоинствамъ. Консисторскій судья былъ въ то время лицо очень значительное, и каждый съ радостію согласился бы быть у него въ милости.

Оффруа-де-Силогъ жилъ въ улицѣ Орбери (теперь улица de la Barbillerie), въ двухъ шагахъ отъ дворца; но отдаленность эта не мѣшала ему посѣщать каждый вечеръ улицу Сорбонны и лавку Рембольда. Для чего? спросите вы; вопросъ щекотливый: можетъ-быть, единственно для того, чтобы встрѣчаться съ Шефферомъ, такимъ славнымъ Германцемъ, веселымъ товарищемъ, такъ хорошо говорящимъ по-латини, умѣющимъ такъ кстати вплетать греческія изрѣченія, при случаѣ даже и еврейскія....

Но злые языки поговаривали, что у Бригитты, дочери Рем-

больда была такая очаровательная улыбка, такіе прекрасные зубки, такіе упительные глаза!

Книгопродавецъ, преданный весь своимъ занятіямъ, немного занимался дочерью, не видѣлъ, какъ она росла и формировалась со дня на день, и едва ли примѣчалъ ея умъ, любезность и красоту. У него былъ только одинъ экземпляръ этого произведенія, потому-что Бригитта была единственная дочь, и Рембольдъ былъ вдовецъ. Чистота нрава, высокій умъ, природная скромность молодой дѣвушки были сильнымъ ручательствомъ за искренность и непорочность ея поведенія.

Бригитта, естественно, замѣтила Оффруа-де-Силогъ, но прібытіе Шеффера, едва достигшаго 30 лѣтъ, такъ пріятно говорившаго, блѣднаго и мечтательнаго, умѣрило нѣсколько чувство молодой дѣвушки къ адвокату. Женщины вообще любятъ все нечаянное, и это безпредѣльное чувство ко всему поражающему и новому, естественно, заставляетъ ласково встрѣчать иностранца—Присоедините къ этому предрасположенію, существовавшее у Бригитты, какъ и всякой другой, вздохи Шеффера при мысли объ его милой Бергъ, о дорогомъ Майнцѣ, объ его печатныхъ станкахъ, недѣйствовавшихъ или даже, можетъ-быть, изломанныхъ, и вы поймете, почему невинное дитя, само того не замѣчая, переносило тайный трепетъ и невинныя желанія своего молодаго сердца.

Оффруа-де-Силогъ замѣтилъ эту переменъ, но убѣжденный чистосердечностію продавца книгъ, думалъ, что простительное замѣшательство въ отвѣтахъ дѣвушки нисколько не предосудительно для ея чести.

Между-тѣмъ Рембольдъ, какъ человекъ очень умный, ясно понималъ, что терпѣливый трудъ писцовъ не есть единственный путь къ составленію книгъ; но попытки его были безплодны. Шефферъ, Фаустъ и Гуттенбергъ опередили его. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ отвѣта изъ Майнца; недѣли проходили за недѣлями, а отвѣта не было. Причина простая: Шефферъ, боясь упрековъ своихъ товарищей, не извѣстилъ ихъ о случившемся между нимъ и книгопродавцемъ; и намѣревался тайно уѣхать, лишь-только всѣ экземпляры будутъ проданы.

Эта хитрость недолго скрывалась отъ Рембольда, и онъ понималъ, что Шефферъ знаетъ производство книгопечатанія такъ же хорошо, какъ и его сообщники, и что онъ, просто его обманывалъ.

— Плутъ! вскричалъ онъ однажды вечеромъ, сообщая свои

опасенія дочери: я не знаю, почему до-сихъ-поръ я не приставилъ стражи къ связкамъ этого человѣка!

— Ахъ! папенька, къ-чему такое ненавистное дѣло, возразила Бригитта, — не гнѣвите Бога, вы хотите обвинить человѣка, не имѣя къ тому въ своей совѣсти никакого основанія.

— Какъ? Развѣ не слѣдуетъ наказать обманщика? Развѣ не знаетъ онъ секрета, за который я такъ дорого готовъ заплатить? Голова горитъ при мысли объ этомъ.... тайна, которую я такъ долго ищу. О! она будетъ моею; завтра же онъ долженъ ее открыть мнѣ, или, клянусь, дорого придется ему заплатить за свое молчаніе.

Сказавъ это, книгопродавецъ въ порывѣ восторга и бѣшенства удалился, оставивъ лавку на руки своей дочери, служанки и мальчика.

Молодая дѣвушка опечалилась, зная, что угрозы ея отца не бываютъ напрасны; она вздыхала при мысли объ опасностяхъ, угрожающихъ Шефферу, и нелегко было ей удержать горькія слезы. Часомъ раньше обыкновеннаго заперъ мальчикъ лавку, и получилъ вмѣстѣ съ служанкою приказаніе лечь спать.

Оставшись наединѣ, Бригитта ужаснулась мысли, мелькнувшей предъ нею; десять разъ въ-теченіе четверти часа эта мысль оставяла ее и снова къ ней возвращалась. Наконецъ среди глубокой ночи, дѣвушка отворила осторожно дверь, ступила прекрасною ножкою на мостовую, и тотчасъ же отступила назадъ. Первый шагъ не былъ сдѣланъ, но медлить было невозможно, и вотъ одна, потомъ и другая нога перелетѣла черезъ порогъ, дверь заперта съ осторожностію, и скрывшись, въ темнотѣ, легкая и трепещущая, какъ птичка, полетѣла прекрасная дѣва изъ улицы Сорбонны въ улицу Купъ-Гель, гдѣ, какъ мы сказали, жилъ Шефферъ.

Передъ его домомъ она остановилась въ испугѣ; хотя и не имѣла преступныхъ намѣреній, а пришла для того только, чтобы спасти несчастнаго Германца, предложить ему бѣжать и спрятать свои книги, если онъ не хочетъ открыть секрета Рембольду. Но какъ войти въ домъ непримѣчною? Надо стучать; кто отонретъ? Рѣшимость ее оставила, и она хотѣла возвратиться домой, какъ вдругъ дверь таверны «Три-Бердыша» отворилась, и видъ себя отъ ужаса, желая прежде всего избѣжать насмѣшливыхъ и дерзкихъ взоровъ, она скрылась въ темномъ корридорѣ, и быстро взбѣжала по лѣстницѣ, ведущей въ комнату Шеффера.

Тамъ продавецъ книгъ, облокотясь на четырехугольный орѣховый столъ и склонивъ голову на руку, въ полголоса разговаривалъ, при свѣтѣ дымящейся лампы, съ молодымъ человекомъ въ черномъ домашнемъ платьѣ, въ шапочкѣ, опущенной горностаемъ и надвинутой до самыхъ бровей.

— Да, любезный Шефферъ, говорилъ онъ такъ тихо, что слышно было кипѣніе жира на свѣтильнѣ, — выходя изъ должности, я успѣлъ взять на бюро моего дяди это обвиненіе, въ которомъ объявляютъ васъ виновнымъ. Подобныя обвиненія не замедлятъ умножиться, ибо все покупатели вашихъ книгъ придутъ жаловаться, и мнѣ будетъ невозможно перехватить всѣхъ дозосовъ. Повѣрьте, что здѣсь угрожаетъ вамъ опасность, переѣзжайте отсюда въ мой домъ, проживите тамъ тихо три или четыре дня, въ-теченіе которыхъ, если угодно Богу, я найду кого-нибудь, съ кѣмъ вы отправитесь изъ Парижа.

— Очень благодаренъ, другъ мой, отвѣчалъ Шефферъ, — но мои книги?

Спасите сперва себя; иначе начнется жестокой судъ надъ вами, васъ посадятъ въ тюрьму, не разбирая, виновны вы, или нѣтъ.

Послышался легкій стукъ въ дверь.

— Ужъ не за мною ли идутъ? прошепталъ Шефферъ.

— Не думаю, отвѣчалъ Офруа, — но во-всякомъ-случаѣ остерегайтесь.

— Я отонру; но мнѣ не хочется, чтобы великодушіе ваше обратилось вамъ въ вину, и мое несчастіе не должно быть соединено съ вашимъ; спрячьтесь въ этомъ кабинетѣ!

Съ этимъ словомъ Шефферъ отворилъ маленькій, темный кабинетъ, и предложилъ адвокату войти туда.

Снова послышался ударъ нѣсколько сильнѣе; Шефферъ отворилъ дверь, и Бригитта блѣдная, трепещущая, едва держась на ногахъ, предстала его глазамъ.

— Бригитта Рембольдъ, одна, въ такое время! воскликнулъ пораженный молодой человѣкъ.

— Да, мессиръ! отвѣчала она: но не думайте ничего предосудительнаго: Богъ свидѣтель, что доброе намѣреніе привело меня сюда.

— О, Бригитта! отвѣчалъ Шефферъ, поправляя почти погасшую лампаду, я считаю васъ, вы это знаете, и буду считать всегда столько же доброю, достойною уваженія и умною, сколько считаю прекрасною.

— Я пришла, мессиръ, чтобы просить васъ....

— Просить! прикажите—и все будетъ исполнено.

— Я не смѣю вѣрить этому, и вы вѣрно раскаетесь.

— Клянусь! вскричалъ Шефферъ,—все, что возможно, будетъ исполнено немедленно!

— Если такъ, то я вамъ скажу, Шефферъ, что я пришла васъ просить, не скрывайте долѣе вашего драгоценнаго секрета отъ моего отца.

— Отъ вашего отца! воскликнулъ молодой человѣкъ съ выраженіемъ глубокаго удивленія,—отъ вашего отца? О нѣтъ, Бригитта, я не могу исполнить невозможнаго, и дать то, чего у меня нѣтъ.

— Ахъ! мессиръ, еслибы вы знали, сколько вы можете выиграть, исполнивши желаніе моего отца, и чѣмъ вы рискуете, отказывая моей просьбѣ!

На этотъ разъ Шефферъ худо ее понялъ, и приближась къ очаровательной просительницѣ, умолялъ ее замѣнить эту просьбу другою, которую бы онъ былъ въ состояніи исполнить.

Между-тѣмъ Рембольдъ, оставивъ дочь, легъ въ постель, но тревожимый мрачными мыслями, долго не могъ уснуть: окончивъ чтеніе и безпрестанно ворочаясь на постели, наконецъ онъ всталъ и пошелъ въ комнату Бригитты; но ея тамъ не было. Думая, что она въ лавкѣ, онъ спустился туда.

Легко понять его удивленіе, когда во всѣхъ комнатахъ не встрѣтилъ онъ ничего, кромѣ темноты и пустоты. Гдѣ же дочь? Если она ушла, то конечно съ служанкою; онъ побѣжалъ въ комнату служанки, и нашелъ ее погруженною въ самый крѣпкій сонъ. Тогда только вспомнилъ онъ, какъ была тронута Бригитта, слушая угрозы Шефферу, и множество другихъ мелочей въ то же время пришли ему на память. Да, измѣнникъ Шефферъ прельстилъ его дочь, и неблагообразный ребенокъ подчинился обману. О! какъ будетъ ужасно для него наказаніе.

Ожесточенный Рембольдъ, побѣжалъ къ дому Шеффера, быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ, и полный ярости, ворвался въ комнату Шеффера.

— А! безстыдная развратница, заревѣлъ онъ, обращаясь къ дочери,—такъ ты воспользовалась наставленіями твоей матери и моими?... Но это неудивительно, если ты пала прелъ внушеніями этого обманщика! А ты, жалкій совратитель, продолжалъ онъ, обращаясь къ Шефферу,—искусный въ злодѣяніяхъ и чародѣйствѣ, ты прибылъ въ Парижъ, чтобы развращать

подданныхъ нашего короля, продавая имъ книги, написанныя непонятнымъ образомъ; ты похитилъ у меня честь моей дочери!

И книгопродавецъ, скрежеща зубами, съ яростію въ очахъ и блѣдными губами, приближался, размахивая руками, къ неподвижному Шефферу, закрывавшему собою Бригитту, упавшую безъ чувствъ при началѣ этой сцены.

Въ это время дверь кабинета отворилась, и вышедшій оттуда Оффруа, удерживая книгопродавца повелительнымъ движеніемъ, грозно вскричалъ:

— Остановитесь, мессиръ Рембольдъ, и удержите слова, оскорбляющія добродѣтели вашей дочери! Я все видѣлъ, все слышалъ, и клянусь, что дочь ваша не потеряла ни одного цвѣтка отъ добродѣтели. Одна только любовь къ вамъ и желаніе избавить васъ отъ преступленія и угрызеній совѣсти, причиною такого неблагообразнаго поступка; никогда она не переставала быть достойною не только уваженія, но и любви, которую я давно питалъ къ ней, и въ доказательство моихъ словъ теперь же, мессиръ, прошу руки вашей дочери!

Изумленіе заступило мѣсто благороднаго негодованія въ сердцѣ книгопродавца, и наклонившись передъ племянникомъ консисторскаго судьи, онъ сказалъ самымъ почтительнымъ голосомъ:

— Мессиръ, много чести для такихъ простыхъ гражданъ, какъ мы; мнѣ никогда не приходило и на мысль сдѣлаться тестемъ такого достойнаго и знатнаго человѣка.

— Но развѣ мы не старые друзья, продолжалъ Оффруа, съ нѣжностію пожимая его руки. Что же касается Шеффера и его книгъ продолжалъ онъ, перебирая объявленія, адресованныя на имя его дяди,—то духовная власть налагаетъ съ этого времени секвестръ на деньги и непролазные книги, находящіяся въ этой квартирѣ, и съ безпристрастною справедливостію, ей свойственною, обсудитъ изобрѣтеніе и изобрѣтателя, Шеффера. Она не ошибется въ своемъ назначеніи и всегда будетъ покровительствовать книгопечатанію, если оно, вѣрное своему назначенію, будетъ производить то, что способствуетъ чистотѣ религіи, величію государства, успѣхамъ человѣчества, наставляя его въ добродѣтели и истинѣ Евангелія.

— А вы, доблестный и милый другъ, возвратитесь скорѣе въ Майнцъ, свою дорогую и учоную родину; возвратитесь къ Бергъ, предмету вашихъ помышленій, и знайте, что вы остав-

ляете въ Парижѣ преданныхъ вамъ друзей, готовыхъ править теплое участіе въ вашей славѣ и богатствѣ.

На другой день послѣ этого событія, сохранившагося въ преданіяхъ той части города, гдѣ оно произошло, Шефферъ отпра-вился въ Германию. Спустя мѣсяцъ послѣ его отъѣзда, Оффруа, сдѣлавшись королевскимъ адвокатомъ, обвинчался съ Бригиттою Рембольдъ въ церкви Матуриновъ.

Писатели, увлекаемые духомъ партій и спорами, между-прочими и Дюлоръ, бытописатель Парижа, утверждаютъ, что продавцы книги были заключены въ темницу, и приговоръ смертной казни едва не былъ исполненъ. Но увлекательные доводы ихъ лишены основанія, а достоверно доказано, что парижскій парламентъ, удовлетворяя народному мнѣнію, арестовалъ Шеффера, главнаго учредителя печатныхъ книгъ, и повелѣлъ опечатать непроданныя книги. Но знаменитый парламентъ этотъ вскорѣ возвратился на путь истины, и болѣе просвѣщенный, или по-крайней-мѣрѣ, менѣе подверженный народному мнѣнію, часто невѣрному и глупому, освободилъ осужденнаго, избавилъ его отъ наказанія и денежной пени, давъ ему возможность избавиться отъ отвѣтственности и снявъ запрещеніе съ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ.

Несмотря на это неблагопріятное обстоятельство, майнцскіе сотоварищи успѣли воспользоваться поѣздкою Шеффера въ Парижъ, и число проданныхъ книгъ до и послѣ процесса, доставило имъ средства поддержать и распространить ихъ производство. И книгопечатаніе, безъ этого бѣднаго Парижа, такъ сильно оклеветаннаго даже собственными его дѣтьми и историками, погнбло бы, можетъ-быть, еще въ колыбели, или, по-крайней-мѣрѣ, значительно остановилось бы въ своемъ развитіи.

Когда Шефферъ прибылъ въ Майнцъ, Гуттенберга уже не было въ живыхъ, и мѣсто его занялъ Конрадъ Хапекисъ.

Дюлоръ (впрочемъ онъ очень коротко упоминаетъ о томъ, о чемъ мы рассказываемъ) говоритъ, что сообщники употребили всѣ усилія покрыть издержки производства. Они получили письма отъ Германскаго Императора и майнцскаго архіепископа на имя Французскаго Короля, гдѣ заключалась просьба: возвратить конфискованныя книги и деньги. Сообщники послали письмо къ Людовику XI, отвѣчавшему въ письмѣ 1475 года 21-го апрѣля, гдѣ между-прочимъ сказано:

«Желая справедливо и благосклонно поступать съ подданными архіепископа майнцскаго, и принимая, при этомъ во вниманіе тѣ усилія и труды, какіе были предприняты упомянутыми вы-

ше просителями, при книгопечатаніи, а также ту пользу и выгоды, какія оно принесло и можетъ принести обществу, распространяя знанія, и какъ цѣна упомянутыхъ книгъ и другихъ вещей по оцѣнкѣ просителей простирается до 2.420 турецкихъ ливровъ и 3 су, а потому по упомянутымъ и другимъ причинамъ готовы мы охотно выдать просителямъ эту сумму.»

Выдача эта производилась такъ, что изобрѣтатели получали ежегодно изъ королевской казны 800 ливровъ, до уплаты всей суммы.

Такъ кончился первый процессъ книгопечатанія, которое должно было измѣнить порядокъ вещей въ мірѣ.

ЧАЙ ВЪ КИТАѢ.

(Статья Роберта Фортена.)

Ничто не можетъ дать болѣе точнаго понятія о климатѣ земли, какъ обзоръ ея природныхъ растений, то, что наука называетъ ея ботаническимъ описаніемъ. Это лучший руководитель послѣ точныхъ термометрическихъ изслѣдованій. Поэтому, по приѣздѣ моемъ въ отечество чорнаго чая, въ окрестности Вуэчана, моей первой заботой было узнать о главнѣйшихъ родахъ растений страны. Я нашелъ тамъ: камфорное дерево (*laugus camphora*), разнаго рода бамбукъ, китайскую сосну (*pinus chinensis*), *cunninghamia lanceolata*, *vitex trifoliata*, *buddlea lindleyana*, *abelia uniflora*, *spiroea bella*, *hamamelis chinensis*, *eugia chinensis*, макартнеевы розы и другія дикія растенія, терновые кусты, малинникъ, *quaros*, *cugenias*, разныя миртообразныя растенія того же рода, *gardenia florida*, *gardenia radicans*, и наконецъ, многіе роды фіалокъ, плауновъ и папоротниковъ. Къ этому и безъ того многочисленному списку растений, я могъ бы прибавить немалое число другихъ, но, полагаю, достаточно и этого, чтобъ дать понятіе читателю о богатой флорѣ этихъ чудныхъ холмовъ.

Горы Вуэ состоятъ изъ асиднаго сланца; въ нихъ по вре-

менамъ встрѣчаются огромные пласты или слои кварца, между-тѣмъ какъ гранитъ черноватаго цвѣта, происходящаго отъ слюды, которая известна своимъ красивымъ чернымъ цвѣтомъ, проходить эти слои во всѣхъ направленіяхъ. Этотъ-то гранитъ составляетъ вершины большей части главнѣйшихъ горъ страны.

Почва окрестностей Вуэ-чана, на которой растетъ чай, мнѣ показалась очень разнообразною. — Впрочемъ она, вообще, состоитъ изъ глинистой, твердой земли, желто-сѣроватаго цвѣта. Разложивъ эту глину, найдешь въ ней значительную часть растительнаго вещества, съ осколками горныхъ породъ, о которыхъ я говорилъ.

Въ садахъ, расположенныхъ у подошвы горъ, почва темнѣе и содержитъ въ себѣ большую часть растительнаго вещества, но она почти всегда или желтосѣраго, или желтокраснаго цвѣта. Вообще Китайцы предпочитаютъ землю не очень сильную, лишь бы прочія условія для обработыванія были удовлетворительны. Нѣкоторыя части Вуэ-чана почти бесплодны и производятъ чай низкаго достоинства. Въ другомъ кантонѣ той же области, на горѣ Па-та-чанъ растутъ наилучшіе чай, хотя тамъ и легкая земля, т. е. содержащая растительное вещество, перемѣшанное съ пескомъ, глиною и кусками горныхъ породъ.

Чай обыкновенно растетъ по скату горъ; мнѣ случилось его видѣть и въ садахъ, на плоскихъ мѣстахъ, и можетъ-быть еще лучшаго качества, чѣмъ на холмахъ; но сады эти обыкновенно бываютъ выше уровня воды, и состоятъ изъ почвы отнюдь не болотистой.

И такъ изъ вышеописанныхъ наблюденій можно заключить, что произрастаніе чая въ Вуэ-чанѣ и прилежащихъ къ нему странахъ происходитъ при слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Почва слабая, красноватаго цвѣта, смѣшанная съ частицами горныхъ породъ.
- 2) Она постоянно влажна, какъ по природѣ, свойственной этимъ скаламъ, такъ и отъ воды, которая съ нихъ стекаетъ.
- 3) Несмотря на эту сырость, она не болотиста, и обязана этимъ естественному склону горъ, если же мѣсто плоское, его значительной возвышенности надъ уровнемъ воды.

Что касается до температуры Вуэ-чана, то я подтверждаю свой заключенія наблюденіями, произведенными съ одной стороны въ Фу-чэу-фу, а съ другой въ Чангъ-хаѣ. Въ Фу-чэу-фу, (находящемся подъ $25^{\circ} 30'$ сѣв. широты) въ іюнѣ и въ началѣ іюля термометръ показывалъ отъ 85° до 95° (по Фаренгейту, который принятъ для измѣренія температуры во всей этой

статьѣ), а въ половинѣ послѣдняго мѣсяца онъ поднялся до 100° , предѣль, за который рѣдко переходитъ. Зимой 1844—1845 въ продолженіе ноября, декабря и января *maximum* былъ 78° , а *minimum* 44° . Иногда на вершинахъ горъ бываетъ снѣгъ, но держится недолго. — Чангъ-хай находится подъ 31° — 20° сѣверной широты. Измѣненіе температуры здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Фу-чэу-фу. Въ-продолженіе іюня, іюля и августа термометръ часто доходилъ до 105° . Изъ этого видно, что лѣтняя температура Чангъ-хая мало разнится отъ Фу-чэу-фу, зимой же эта разность гораздо значительнѣе. Въ концѣ октября термометръ понижается часто до нуля, и холодъ становится довольно силенъ для того, чтобъ испортить несобранные еще остатки хлопчатой бумаги и другихъ произведеній того же рода. Декабрь, январь и февраль очень сходны съ тѣми же мѣсяцами на югѣ Англій; термометръ доходитъ часто до 12° , и земля покрывается снѣгомъ.

Съ этими фактами очень легко дойти до точнаго опредѣленія температуры Фо-кіена, страны чернаго чая. Цонгъ-янь-синъ лежитъ подъ $27^{\circ} 47' 38''$ сѣверной широты.

Итакъ, находясь между двумя мѣстами, которыя мы рассмотрѣли, только немного ближе къ западу, мы имѣемъ полное право предположить, что перемѣны температуры тамъ значительнѣе, чѣмъ въ Фу-чэу-фу, но не такъ рѣзки какъ въ Чангъ-хаѣ. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, не боясь ошибиться, что въ-продолженіе лѣта, въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, термометръ въ Вуэ-чанѣ долженъ подниматься часто до 100° , тогда какъ въ зимніе мѣсяцы, въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ, онъ понижается до замерзанія и даже до 28° .

Въ наблюденіяхъ, касающихся разведенія чая, особенно нужно обратить вниманіе на періодъ дождей въ-продолженіе лѣтнихъ мѣсяцовъ. Ненужно имѣть большихъ познаній въ началахъ растительной физиологій, чтобы понять, что безирестанное обрываніе листовъ съ чайныхъ кустарниковъ, для производства чая, непремѣнно вредитъ самому растенію. Но къ счастью, случается такъ, что въ періодъ собиранія чая, атмосфера бываетъ чрезвычайно влажна отъ дождей, которые падаютъ въ изобиліи во-время перехода муссона отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Тогда почки на кустарникахъ распускаются вновь, и растеніе покрывается листьями. — По внимательномъ изслѣдованіи, мнѣ кажется достовѣрнымъ, что и при благопріятствующихъ климатѣ и почвѣ, произрастаніе чая невозможно безъ помощи лѣтнихъ дождей. Этимъ доказывается еще разъ, какъ осторожно

нужно высказывать свое мнѣніе въ подобныхъ случаяхъ, и сколько вещей нужно рассмотреть и разобрать, прежде нежели рѣшится опредѣлить настоящую причину большихъ или меньшихъ успѣховъ растительности въ разныхъ климатахъ.

Въ странахъ чорнаго и зеленаго чая всякій годъ, съ помощію сѣмянъ, разводятъ большое количество молодыхъ ростковъ. Эти сѣмяна собираются въ октябрѣ, кладутся въ землю и песокъ, на зимніе мѣсяцы, и сохраняются такимъ-образомъ до весны, когда ихъ сѣютъ на хорошую землю, и потомъ, черезъ годъ, когда деревца достигаютъ отъ девяти дюймовъ до фута вышины, ихъ пересаживаютъ. Сажаютъ рядами, на разстояніи 3 или 4 фута, по пяти или шести ростковъ въ одну яму. Впрочемъ, когда земля размѣрена, какъ во многихъ мѣстахъ Вуэ-чана, то деревца сажаются одно около другаго, и когда они совершенно вырастаютъ, то представляютъ видъ забора.

Новыя плантаціи разводятся всегда весной, и при перемѣнѣ муссона въ апрѣлѣ и маѣ орошаются дождями. Сырость воздуха и тихая погода благоприятно дѣйствуютъ на молодыя почки, и весь уходъ за молодыми деревцами ограничивается выпалываніемъ дурныхъ травъ.

Чайная плантація, если на нее смотрѣть въ нѣкоторомъ разстояніи, походитъ на маленькое поле зеленыхъ деревцовъ. Путешественникъ, проходящій волнистую землю Вуэ-чанъ, безпрепятно находится между этими деревцами, которые украшаютъ скаты всѣхъ холмовъ. Ихъ красивая темная зелень составляетъ разительную противоположность съ дикою природою, ихъ окружающею.

Земледѣльцы, зная по опыту вредное дѣйствіе, производимое на чайныя деревья раннимъ собираніемъ съ нихъ листьевъ, ждутъ времени, когда деревца войдутъ въ надлежащую силу и крѣпость, и тогда уже начинаютъ сборъ.

Новымъ росткамъ даютъ обыкновенно подниматься два или три года, или, по-крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, покуда они дадутъ довольно крѣпкія почки; очень бы худо было собирать листья раньше исполненія этихъ условій. Я замѣтилъ, что съ слабыхъ деревцовъ собираютъ самое малое количество листьевъ, а иногда не собираютъ и вовсе, чтобъ не остановить растительности деревцовъ. Но несмотря на неусыпные труды и на самую благоприятную почву, ростки кончаютъ тѣмъ, что теряютъ силу и хорошія качества, такъ что въ странахъ, доставляющихъ хорошій чай, жители всякій годъ замѣняютъ старыя плантаціи новыми. Продолжительность времени, въ которое

плантація приноситъ доходъ, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ; во всякомъ случаѣ растенія не могутъ существовать съ выгодною болѣе 10 или 12 лѣтъ; иногда же ихъ вырываютъ и замѣняютъ другими и раньше.

Участки земли, на которыхъ разводятъ чай въ окрестностяхъ Цонгъ-ляя, Цуй-туна и Вуэ-чана, вообще не велики. Ни одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ я былъ, не могъ бы дать сбора 600 ящичковъ. Что мы называемъ *партіею*, не можетъ быть собрано земледѣльцами или мелкими фермерами, но составляется слѣдующимъ образомъ: купецъ прѣзжаетъ самъ, или посылаетъ своихъ агентовъ, во всѣ маленькіе города, деревни и храмы провинціи, скупать чай отъ жрецовъ и мелкихъ фермеровъ. Когда чай привезены къ нему, ихъ смѣшиваютъ, сохраняя по возможности различія сортовъ. Такимъ образомъ составляютъ партію въ 620 или 630 ящичковъ, и весь чай этой партіи одного разряда. Еслибы не поступали такимъ образомъ, то было бы въ одной партіи нѣсколько сортовъ чаю. Послѣ этого купецъ очищаетъ чай и закупориваетъ его для иностранной продажи.

Когда ящики упакованы, на каждомъ изъ нихъ надписываютъ названіе той партіи, къ которой принадлежитъ чай. — Каждый годъ на иностранную продажу отсылаются тѣже самыя партіи, или лучше сказать партіи, носящія тоже самое названіе. По этому иныя изъ нихъ болѣе извѣстны и имѣютъ, сравнительно съ другими, больше достоинствъ, — Изъ этого однакожь не слѣдуетъ, что партія одного года, пріобрѣтенная у того же лица и имѣющая тотъ же знакъ, какъ партія чаю хорошаго свойства, доставленная въ прошломъ году, имѣла бы съ нимъ одинаковое достоинство. — Мнѣ извѣстно, что купецъ, приготовляющій и закупоривающій чай, нерѣдко, не выставивъ на ящикахъ клейма, передаетъ ихъ другому лицу, закупающему чай, для доставки къ мѣсту вывоза. Этотъ послѣдній, зная имена партій, болѣе всего спрашиваемыхъ, не затрудняется надписывать ихъ на своихъ ящикахъ, во всякомъ случаѣ онъ не надпишетъ имени, которое не пользуется извѣстностію на мѣстѣ.

Собирая послѣдующія свѣдѣнія, я принялъ цѣль означить съ наибольшею вѣрностію сумму пошлинъ, налагаемыхъ на каждый ящикъ, когда привезутъ чай въ портъ, для нагрузки на суда; тогда получится возможность узнать, какой барышъ доставляетъ Китайцамъ эта торговля, и нельзя ли достигъ до пониженія цѣны чая, чтобы чрезъ уменьшеніе нашихъ собственныхъ

пошлинъ, слѣдуетъ доступнымъ для всякаго употребленіе этого благодѣтельнаго напитка, «веселящаго умъ, незатмѣвая разсудка.»

Прежде всего нужно означить маршрутъ, по которому слѣдуетъ чорный чай къ обыкновеннымъ мѣстамъ нагрузки, т. е. къ Кантону или Чангъ-хаю. Мы уже видѣли, что чай, собираемый въ Вуэ-чанѣ, привозится въ Цонгъ-янь-синь купцами, скупившими его отъ мелкихъ земледѣльцевъ, и что тамъ онъ раздѣляется на партіи, и перепродается негодантамъ (большею частію изъ Кантона), занимающимся специально чайною торговлей.

Купивъ партію чая, негодантъ нанимаетъ извѣстное число носильщиковъ и отправляетъ свои ящики на сѣверъ, черезъ горы Боха, до маленькаго города Юень-чанъ, а оттуда водой въ Хо-кхэу.

Если чай невысокаго сорта, то каждый носильщикъ несетъ два ящика, привязавъ ихъ къ концамъ бамбуковой палки, употребляемой имъ въ этомъ случаѣ какъ коромысло. При такомъ способѣ переноски, ящики терпятъ отъ ударовъ о скалы, и при отдыхѣ носильщиковъ иногда ставятся на сырую и грязную землю. Высшаго сорта чай носильщики никогда не спускаютъ съ плечъ. Отъ Цонгъ-янь-синя до Юень-чана считается 220 *ли* разстоянія, а до Хо-кхэу 280 *ли* *; купецъ въ своихъ носилкахъ можетъ совершить это путешествіе въ 3 или 4 дня, носильщики же, тяжело навьюченные, кончаютъ его не прежде 5 или 6 дней.

Въ Юень-чанѣ и Хо-кхэу, т. е. въ странѣ, лежащей сѣвернѣе большой цѣпи горъ, разведеніе чая очень распространено. Имъ занято тамъ около 1000 *ектаровъ* (*ектаръ* = 2197 русск. *квад. саж.*), но земля, повидимому, очень недавно вспахана и засежена. — И этотъ чай, и собираемый южнѣе горъ—Боха, отсылается въ Хо-кхэу, для доставки въ порты, гдѣ чай грузится на суда. Чай, называемый Нинь-чжеу, собранный въ странѣ, лежащей далѣе къ западу, близъ озера Пхойнгъ, доставляется въ Хо-кхэу по рѣкѣ, чрезъ Чангъ-хай. Городъ Хо-кхэу лежитъ подъ 29° 54' сѣверной широты и подъ 116° 18' восточной долготы; онъ выстроенъ на берегу рѣки Цинь-цянъ, которая вытекаетъ изъ горъ, къ сѣверо-востоку отъ Юкь-чана, течетъ къ западу, и впадаетъ въ озеро Пхойнгъ. Хо-кхэу большой и цвѣ-

* Путевую китайскую мѣру *ли* принимаютъ обыкновенно за $\frac{1}{3}$ англійской мили, но вѣрнѣе считать *ли* за $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{3}$ этой мили.

тушій городъ, обширное складочное мѣсто чаевъ, привозимыхъ туда изъ всѣхъ провинцій Китая. Многие купцы, не пускаясь далѣе, покупаютъ въ немъ чай, другіе же переправляются чрезъ горы Боха въ Цонгъ-янь-синь. — Когда Китай будетъ дѣйствительно *открытъ* для всѣхъ иностранцевъ, и когда нашимъ торговцамъ дозволено будетъ самимъ дѣлать запасы чорнаго чая на мѣстѣ, то очень вѣроятно, что они выберутъ центромъ своихъ операций городъ Хо-кхэу; изъ котораго они могутъ отправляться въ Вуэ-чанъ и Нинь-чеу, также какъ и въ страну чорнаго чая Моюень въ Хунь-чеу.

Чай, по прибытіи въ Хо-кхэу, нагружается въ большія плоскодонныя лодки, и отправляется или въ Кантонъ, или въ Чангъ-хай. Отправляемый въ Кантонъ слѣдуетъ по рѣкѣ на западъ. Лодки идутъ до городовъ Нань-чанъ-фу и Гань-чеу-фу, и въ продолженіе пути нѣсколько разъ перегружаются, пока наконецъ достигаютъ перехода черезъ цѣпь горъ, отдѣляющихъ Кiangъ-си отъ Куань-дунга. На этомъ переходѣ чай опять несутъ носильщики; черезъ день пути его грузятъ въ большіе корабли и привозятъ прямо въ Кантонъ. Доставка изъ страны Боха въ Кантонъ требуетъ около шести недѣль или двухъ мѣсяцевъ времени.

Чай, отправляемый въ Чангъ-хай, плыветъ по рѣкѣ, по направленію къ востоку, до города Юкь-чана, лежащаго подъ 28°45' сѣверной широты и 118°28' восточной долготы, въ 180-ти *ли* * отъ Хо-кхэу. Теченіе воды очень быстро и потому это путешествіе продолжается неменѣе четырехъ дней; тогда какъ внизъ по теченію тоже самое пространство проходятъ въ одинъ день.

Въ Юкь-чанѣ ящики съ чаемъ выгружаютъ изъ лодокъ и складываютъ въ амбары. По заключенному вновь условію, носильщики несутъ чай по направленію къ востоку, до Чжанъ-чана, такимъ же точно образомъ какъ отъ Цонгъ-синя до Хо-кхэу. Городъ Юкь-чанъ расположенъ при устьѣ рѣки, которая течетъ на западъ, къ озеру Пхойнгъ, тогда какъ Чжанъ-чанъ лежитъ на большой рѣкѣ, впадающей на востокъ въ бухту Хань-чэу. — Одинъ городъ отъ другаго отстоитъ на 100 *ли*. Путешествующимъ въ носилкахъ достаточно одного дня, чтобы пройти это пространство, а носильщикамъ съ ящиками наподобно неменѣе двухъ или трехъ дней.

Въ Чжанъ-чанѣ чай перегружаютъ въ лодки, которыя спу-

* *Ли* около 270 русск. *саженъ*.

скаются внизъ по теченію рѣки. Отъ Чжанъ-чана до Ханъ-чэу будетъ до 800 *ли*, а теченію этотъ переѣздъ можно легко слѣлать въ 5 или 6 дней. Въ Ханъ-чэу ящики перекладываются изъ рѣчныхъ лодокъ въ тѣ, которыя ходятъ по каналамъ; эти лодки и доставляютъ ихъ прямо въ Чангъ-хай.—Отъ Ханъ-чэу-фу до Чангъ-хая считается 500 *ли*, которые можно пройти въ пять дней.

Здѣсь мы помѣщаемъ краткое обзорѣніе пути, которымъ слѣдуютъ черные чай при переѣздѣ изъ Вуэ-чана въ Чангъ-хай. Разстояніе и время могутъ быть сосчитаны такимъ образомъ:

отъ Цонгъ-янь-синя до Хо-кхэу . . .	280 <i>ли</i> , 6 дней.
— Хо-кхэу до Юкъ-чана . . .	180 — 4
— Юкъ-чана до Чжанъ-чана . . .	100 — 3
— Чжанъ-чана до Ханъ-чэу-фу . . .	800 — 6
— Ханъ-чэу-фу до Чангъ-хая. . . .	500 — 5

итого 1,860 *ли*, 24 дня.

Обыкновенно предполагаютъ три *ли* равными одной англійской милѣ, и въ такомъ случаѣ разстояніе между Цонгъ-янь-синемъ и Чангъ-хаемъ равняется 620 милямъ. Но я полагаю, что англійская миля заключаетъ въ себѣ болѣе трехъ *ли*, а въ нѣкоторыхъ областяхъ даже до четырехъ и до пяти.—Если это такъ, то сумма разстояній между всѣми приведенными здѣсь пунктами простирается до 400 миль. Прибавляя четыре лишнихъ дня, на случай задержекъ при перемѣнѣ лодокъ, на дурную погоду и пр. и пр., мы можемъ считать, что все путешествіе продолжается около двадцати-восьми дней.

Что же касается до издержекъ при перевозкѣ чая, то я долженъ сознаться, что не могу объ этомъ предметѣ говорить съ тою же увѣренностію. Плавая по рѣкамъ и переходя горы этой страны, я наблюдалъ лично на столько, что могу обойтись безъ объясненій жителей на счетъ разстоянія и времени.

Надобно вѣрить съ большою осмотрительностію всѣмъ получаемымъ отъ нихъ свѣдѣніямъ, въ особенности тѣмъ, которыя касаются внутренняго устройства страны. Къ счастью, я нашелъ драгоцѣннаго помощника въ одномъ англійскомъ купцѣ изъ Чангъ-хая; онъ хорошо знаетъ китайскій языкъ, и много мнѣ помогъ въ моихъ изслѣдованіяхъ объ издержкахъ при перевозкѣ чая.

Изъ тщательнаго и вѣрнаго исчисленія я усѣился, что барышъ съ обыкновеннаго чая очень невеликъ; до того невеликъ,

ликъ, что трудно ожидать когда-нибудь пониженія настоящихъ цѣнъ.

Впрочемъ, не надо упускать изъ виду, что всѣ расходы, исключая начальной цѣны чая, одинаковы для всѣхъ его сортовъ; между-тѣмъ высшіе сорта продаются гораздо дороже.

Надобно замѣтить, что въ 1846 и 1847 годахъ, торговля въ Чангъ-хаѣ была болѣе частью мѣновая, и производилась черезъ кантонскихъ маклеровъ, которые находились тогда въ Чангъ-хаѣ. Лицу, небывшему въ этомъ дѣлѣ участникомъ, трудно узнать точную цѣну, заплаченную цонгъ-яньскимъ купцамъ. Эта обширная торговля сосредоточивается въ рукахъ такого малаго числа людей, что какъ бы ни были незначительны барыши при мелочномъ торгѣ, но все-таки должны подъ конецъ составить значительную сумму выгодъ. Я даже думаю, что цѣны могли бы еще понизиться безъ большаго ущерба для китайскихъ купцовъ.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что купцамъ выгоднѣе поощрять производства лучшихъ сортовъ чая, такъ какъ торгуя ими, они получаютъ больше барыша.

И мы можемъ надѣяться, что будемъ когда-нибудь пить нашъ любимый напитокъ, по-крайней-мѣрѣ средніе и высшіе его сорта, за цѣны, гораздо низшія тѣхъ, которыя мы платимъ за него нынѣ.

Посреди этихъ экономическихъ вычисленій да позволено мнѣ будетъ слѣлать маленькое отступленіе, касающееся прелестныхъ дамъ, грація которыхъ нерѣдко выказывается въ такомъ выгодномъ свѣтѣ за чайнымъ столикомъ. Передаю имъ драгоцѣнные со-вѣты одного стараго Китайца относительно приготовленія чая. Достоинство содержанія выкупить нѣкоторую эксцентричность формы.

«Когда захотите готовить чай», говоритъ Дунъ-пхо, «возьмите ключевой воды и вскипятите ее на сильномъ огнѣ. Это «хорошій и старинный обычай. Вода, текущая въ горахъ, уважается болѣе другихъ; за ней слѣдуетъ рѣчная; но колодезной воды остерегайтесь. Старайтесь воду кипятить постепенно; чтобы сначала, закипая, она показывала вамъ на своей «поверхности раковые глазки, которые потомъ превратятся въ «рыбы и наконецъ въ безчисленное множество перловъ, которые поднимутся на взволнованной поверхности».

Тотъ же авторъ исчисляетъ намъ шесть различныхъ сортовъ чая, пользующихся большою извѣстностію. Они, по своей оригинальности, заслуживаютъ быть упомянутыми. Вотъ ихъ на-

званія: «чай весенній, бѣлая роса, роса коралловая, капли росы, серебряныя почки, и полевой чай».

«Чай», прибавляетъ Дунъ-пхо «есть собственно холодный напитокъ, и когда его пьютъ неумѣренно, онъ производитъ усталость и истощеніе силъ; чтобъ исправить этотъ недостатокъ въ него кладутъ имбирю и соли (совѣтъ хозяйкамъ). Это пре-восходнѣйшее растеніе: разводите его и вы получите огромныя «выгоды; пейте его, и ваши мысли прояснятся, а умъ сдѣлается живѣе. У знатныхъ онъ въ уваженіи, бѣдные не могутъ «безъ него обойтись; однимъ-словомъ всѣ его употребляютъ «ежедневно, и всѣ его любятъ».

Другой авторъ говоритъ, что чай изгоняетъ нечистоты, освобождаетъ отъ лѣни, уничтожаетъ или предупреждаетъ головную боль, и что его благотѣльные свойства всѣми оцѣнены.

Намъ остается теперь изучить глубже самое растеніе. Разведеніе чая, ограниченное до послѣдняго времени предѣлами восточной части Азіи, мало-по-малу распространилось и занимаетъ теперь большое пространство. Тунбергъ рассказываетъ, что деревцо это растетъ въ изобиліи въ Японіи, въ воздѣланномъ и дикомъ состояніи, а докторъ Валяичъ говоритъ, что видѣлъ его въ Кохинхинѣ. Что же касается до меня, то я встрѣчалъ чай, начиная съ Кантона далѣе на югъ до 31° градуса сѣверной широты, а Ривесъ видѣлъ его въ провинціи Чанъ-дунъ, въ окрестностяхъ города Данъ-чеу-фу, подъ 36°30' сѣверной широты.

Однако китайскія провинціи, въ которыхъ разведеніе чая находится въ наиболѣе цвѣтущемъ состояніи, и которыя производятъ болѣшую часть чая, вывозимаго въ Европу и Америку, занимаютъ пространство отъ 25° до 31° сѣверной широты; лучшій же чай растетъ между 27° и 31°.

Чай, разводимый въ окрестностяхъ Кантона и называемый кантонскимъ, извѣстенъ ботаникамъ подъ именемъ чая Боха, между-тѣмъ какъ сѣверное видовзмѣненіе его въ странѣ зеленого чая, получило названіе чая Виридисъ. Первый названъ такъ кажется, въ томъ предположеніи, что всѣ черныя чаи горъ Боха происходятъ отъ этого рода, а второй оттого, что мѣсто рожденія его отпускаетъ въ торговлю зеленый чай. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, вводило публику въ заблужденіе, и очень многіе, еще въ недавнее время, были убѣждены, что черныя чаи только и можетъ быть Боха, а зеленый Виридисъ.

Въ моемъ «Путешествіи въ Китай», изданномъ въ 1846 году, помѣщено нѣсколько наблюденій надъ деревцами, съ которыхъ собираютъ чай. Сознвая, что кантонское растеніе, названное

ботаниками чаемъ Боха, кажется отличнымъ отъ сѣвернаго, названнаго чаемъ Виридисъ, я старался доказать, что оба растенія могутъ давать и черныя и зеленые чаи, и что разница въ цвѣтъ этихъ чаевъ зависитъ единственно отъ способа приготовления. Въ подтвержденіе моего мнѣнія, я говорилъ, что растеніе чернаго чая, видѣнное мною около Фу-чэу-фу, недалеко отъ горъ Боха, было совершенно похоже на растеніе зеленого чая въ Чикіангѣ.

Тогда мнѣ могли возразить, что я посѣтилъ только приморскія страны, а не былъ во внутреннихъ, которыя преимущественно доставляютъ чай для торговли. Это замѣчаніе въ то время было основательно; но теперь, когда мнѣ знакома вся страна зеленого чая въ Хой-чеу и чернаго въ Вуэ-чанѣ, оно не должно имѣть мѣста. И дѣйствительно, въ-теченіе моего долгаго путешествія я ничего не видалъ такого, что могло бы измѣнить составленное мною объ этомъ предметѣ мнѣніе.

Правда, Китайцы рѣдко занимаются приготовленіемъ двухъ сортовъ чая, въ одной и той же странѣ. Но это больше происходитъ отъ привычки, чѣмъ отъ какой другой причины; къ тому же сами работники лучше готовятъ тотъ сортъ, который чаще бываетъ у нихъ въ рукахъ. Однако это общее правило въ обширныхъ плантаціяхъ имѣетъ исключеніе. Извѣстно, что страна около озера Хоянъ, которая производитъ отличный черныя чай, прежде производила только зеленый. Въ Кантонѣ черныя и зеленые чаи добываются изъ одного и того же сорта Боха, смотря по желанію фабриканта и по требованіямъ торговцевъ. Я расскажу одно происшествіе, котораго я былъ свидѣтелемъ по пріѣздѣ моемъ въ Калькутту; оно гораздо любопытнѣе, чѣмъ способъ приготовленія зеленого и чернаго чая изъ одного и того же сорта. Я тогда ѣхалъ на казенныя чайныя плантаціи, въ сѣверо-западныя провинціи Индіи, съ шестью фабрикантами китайскаго чая и съ большимъ запасомъ инструментовъ и необходимыхъ инструментовъ.

Докторъ Фальконеръ, изъ калькутскаго сада, въ сосѣдствѣ котораго мы провели нѣсколько дней, захотѣлъ видѣть процессъ приготовленія чая, и просилъ меня передать его желаніе сопровождавшимъ меня Китайцамъ. Онъ пригласилъ на опытъ г. Бетюна и нѣсколькихъ друзей. Я сказалъ о нашемъ намѣреніи Китайцамъ; они вынули нужное количество инструментовъ и поставили маленькую печь съ двумя реципиентами надъ огнемъ, точь-въ-точь какъ въ китайскихъ мануфактурахъ.

До-сихъ-поръ всё шло хорошо; но затрудненіе встрѣтилось

въ томъ, откуда достать чайныхъ листьевъ. Въ калькутскомъ саду не было ни одного листочка, а самое близкое мѣсто, гдѣ росъ чай, были Гималаи. Какъ дѣлать чай безъ чайныхъ листьевъ? говорили удивленные Китайцы. Я имъ объяснилъ, что докторъ Фалькверъ и его друзья желаютъ видѣть только способъ приготовленія чая, что они совсѣмъ не думаютъ пить то, что будетъ приготовлено, и что поэтому надо поискать въ саду листьевъ, которые замѣнили бы чайные. Довольные моимъ объясненіемъ, они вышли разсмотрѣть деревья, и вскорѣ принесли листья разнаго рода; выбрали изъ нихъ одинъ сортъ, принадлежавшій къ *pongamia glabra*, который показался имъ годнымъ, и велѣли принести извѣстное количество этихъ листьевъ въ комнату, назначенную для производства опыта.

Разведя огонь и приготовя все для опыта, они бросили листья въ печь, гдѣ оставили ихъ нѣсколько минутъ; потомъ вынули, свернули и начали трясти, чтобы уничтожить въ нихъ сырость; наконецъ положили снова въ печь, и перемѣшивали руками до-тѣхъ-поръ, пока листья совершенно не высохли. Послѣ этого листья были просѣяны и раздѣлены по классамъ, носящимъ извѣстныя наименованія: *хайзонъ*, молодой *хайзонъ*, императорскій и проч. Нѣкоторые изъ листьевъ перебивали на огнѣ по нѣскольку разъ, и были вынуты окрашенными.

Результатъ былъ изумителенъ: листья до того были похожи на чайные, обращающіеся въ торговлѣ, что никто не могъ бы найти между ними разницы. Такимъ образомъ мы имѣли передъ собой самый лучший зеленый чай, собранный съ большаго дерева, неимѣющаго никакого сродства съ чайнымъ деревцомъ, ни по виду, ни по роду; изъ тѣхъ же листьевъ и такъ же легко былъ полученъ продуктъ, совершенно похожій на черный чай.

Я не намѣренъ входить во всѣ подробности о способахъ приготовленія черного и зеленого чая, но упомяну о нихъ въ короткихъ словахъ. — Способы эти различаются между собой въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и этого достаточно, чтобы объяснить разность цвѣта. Само-собою разумѣется, что уходъ и сборъ листьевъ совершенно одинаковъ для обоихъ сортовъ.

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ.

Листья, принесенные съ плантаціи, для уничтоженія сырости тщательно раскладываютъ на бамбукъ, и оставляютъ такъ два или три часа, соображаясь съ состояніемъ атмосферы.

Въ это время натапливаютъ печи. Листья бросаютъ туда, и перемѣшиваютъ ихъ руками. Подогрѣтые огнемъ, они начинаютъ слегка трещать, чернѣютъ, вянуть и отдѣляютъ значительное количество пара. Черезъ четыре или пять минутъ, ихъ быстро вынимаютъ и выкладываютъ на столъ.

Тогда начинается свертыванье. Люди, стоящіе около стола, дѣлятъ листья между собой. Каждый беретъ сколько можетъ захватить въ руки, и даетъ имъ форму шара. Эти шары капаютъ на доскѣ, сильно сжимаютъ съ цѣлью отдѣлить отъ нихъ излишніе соки, и въ тоже время свернуть листья. Потомъ ихъ вновь перебираютъ до-тѣхъ-поръ, пока они, пройдя черезъ всѣ руки, доходятъ до перваго работника, который внимательно ихъ осматриваетъ, чтобы увѣриться въ ихъ удовлетворительномъ состояніи. Осмотрѣнные листья кладутся въ сторону на бамбукъ, а остальные подвергаются той же операціи; но приготовленные листья никогда не оставляютъ надолго въ этомъ положеніи, а иногда тотчасъ кладутъ опять въ печь.

Подогрѣтые вновь на медленномъ и ровномъ огнѣ, и неоднократно перемѣшанные работниками, листья кладутся на столъ, и вновь свертываются. По прошествіи часа или двухъ листья дѣлаются совершенно сухи, и теряютъ способность чернѣть. Сначала они цвѣта темнозеленаго, который однакоже, со временемъ свѣтлѣетъ. Я не говорю здѣсь о чаѣ, подкрашенномъ искусственнымъ образомъ.

Первая часть приготовленія окончена, и чай въ такомъ видѣ ждетъ прибытія новыхъ партій. Вторая часть приготовленія состоитъ въ томъ, что чай вѣютъ, просѣиваютъ черезъ рѣшета разной величины, дабы отдѣлить пыль и соръ, и раздѣляютъ по сортамъ. Послѣ этого его вновь подогрѣваютъ на огнѣ, обыкновенные сорта одинъ разъ, а лучше три и даже четыре. — Тогда цвѣтъ дѣлается болѣе рѣзкимъ, и чай лучшихъ сортовъ становится голубовато-зеленымъ.

Итакъ, при приготовленіи зеленого чая: 1) листья кладутся

на огонь въ самомъ скоромъ времени по сборѣ съ деревьевъ и 2) сушатся тотчасъ послѣ свертыванія.

Ч О Р Н Ы Й Ч А Й .

Когда листья получаютъ съ плантацій, ихъ раскладываютъ на бамбукѣ, и въ такомъ положеніи оставляютъ на долгое время. Положенные вечеромъ снимаются въ слѣдующее утро.

Потомъ листья переходятъ въ руки работниковъ, которые ихъ перебираютъ и слегка подбрасываютъ на воздухъ, что продолжается очень долго. Сдѣлавшись мягкими, они складываются въ кучу, и остаются такъ около часа. Въ-теченіе этого времени цвѣтъ ихъ нѣсколько измѣняется, они становятся нѣжными и влажными, и получаютъ превосходный запахъ. Послѣдующее приготовленіе тоже, что и у зеленого чая. Листья нагрѣваются на огнѣ въ-продолженіе пяти минутъ, и свертываются на столѣ.

Послѣ свертыванія, листья просѣиваютъ и выставляютъ на воздухъ, часа на три; въ-продолженіе этого времени работники трясутъ рѣшета, безпрестанно перебирая и перемѣшивая листья. Лучшее для этой работы время — сухой, но неслишкомъ знойный день.

Уменьшенныхъ въ объемѣ и потерявшихъ излишнюю сырость, ихъ вторично кладутъ въ печь на три или четыре минуты; потомъ вынимаютъ и свертываютъ попрежнему.

Разводятъ огонь на березовыхъ угольяхъ. Коробъ, похожій на трубу, но узкій въ срединѣ, а по краямъ широкій, утверждается надъ огнемъ. Въ эту трубу ставятъ рѣшето, и накладываютъ въ него на дюймъ чайныхъ листьевъ. Черезъ пять или шесть минутъ, въ-продолженіе которыхъ за ними тщательно присматриваютъ, ихъ снимаютъ съ огня и скатываютъ въ третій разъ. По мѣрѣ того, какъ комки листьевъ выходятъ изъ

рукъ работниковъ, ихъ складываютъ въ кучу, покуда не скатаютъ всего. Послѣ чего ихъ прямо трясутъ на рѣшетахъ и кладутъ на огонь, но на болѣе продолжительное время. Иногда операція подогрѣванія и свертыванія повторяется въ четвертый разъ; тогда листья принимаютъ обычный черный цвѣтъ.

Когда они все доведены до этого состоянія, ихъ снова кладутъ въ коробки и ставятъ на огонь. Въ срединѣ положенныхъ въ коробъ листьевъ оставляютъ маленькую пустоту, чтобы дать свободный проходъ дыму и газамъ отъ угольевъ, и облегчить путь для распространенія теплоты; а коробъ покрываютъ плоской корзиной. Такимъ-образомъ чай сушится на медленномъ и непрерывномъ огнѣ, подъ присмотромъ работника, который, для равномерной просушки, перемѣшиваетъ его отъ времени до времени. Слѣдующее за тѣмъ просѣиваніе и сортированіе чая предоставляется фабрикантамъ.

Повторяя вкратцѣ условія фабрикаціи черного чая, мы замѣтимъ, 1) что листья тотчасъ послѣ сбора, до нагрѣванія ихъ, раскладываются на бамбукѣ; 2) что ихъ перебираютъ и потомъ держатъ въ кучахъ, до-тѣхъ-поръ, пока они сдѣлаются влажными; 3) послѣ нѣсколькихъ минутъ подогрѣванія на огнѣ, ихъ выставляютъ на нѣсколько часовъ на воздухъ, и за тѣмъ медленно высушиваютъ на угольяхъ. Изъ предыдущаго ясно видна разница между процессами притотвленія обоихъ сортовъ чая; она достаточно объясняетъ и различіе въ цвѣтѣ, и дѣйствіе, которое зеленый чай производитъ на нѣкоторыя организаціи: нервичное раздраженіе, бессонницу и проч. Это мнѣніе подтверждается и ученымъ Варрингтономъ.

Разсуждая о различіи физическихъ и химическихъ свойствъ черного и зеленого чая, онъ говоритъ: «дѣло состоитъ въ опредѣленіи, отчего происходятъ такіа замѣтныя особенности между этими двумя сортами и какому обстоятельству мы должны это приписать? Вотъ мнѣніе, которое я составилъ объ этомъ предметѣ изъ наблюденій, собранныхъ мною при высушиваніи лекарственныхъ травъ *atropa belladonna*, *hyoscyamus niger*, *coniium maculatum* и проч.»

«Чужестранныя растенія, которыя привозятъ къ намъ хорошо закупоренными и въ удовлетворительномъ видѣ и свѣжести, будучи высушены, принимаютъ прекрасный зеленый цвѣтъ; при очень же продолжительной переѣздкѣ, они, оставаясь слишкомъ долго закупоренными, нагрѣваются отъ нѣкотораго рода броженія, и когда ихъ откупорятъ, то испускаютъ паръ и кажутся на осяжаніе теплыми; высушенные, эти растенія теряютъ зеленый цвѣтъ и дѣлаются красно-бурыми, а иногда черновато-бурыми. Легкій настой этихъ листьевъ, сгущенный выпариваніемъ, несовершенно растворяется въ водѣ и даетъ въ осадкѣ бурую, окисленную массу, которой химики дали названіе апогеомы; подобные результаты получаютъ и отъ выпариванія настоя черного чая. Тоже явленіе происходитъ и съ бѣльшею частію другихъ растительныхъ веществъ, находящихся подъ вліяніемъ атмосферы; черная краска, показывающаяся сперва на поверхности, распространяется постепенно по всему раствору, выпариваніе его даетъ тоже самое окисленное и нерастворимое въ водѣ вещество. Сверхъ-того, если зеленый чай, смоченный и вторично высушенный, выставить на воздухъ, то онъ дѣлается почти также черенъ, какъ и обыкновенный черный чай.»

«Этими наблюденіями я приведенъ былъ къ заключенію, что особенности и различныя химическія свойства, которыя отличаютъ черный чай отъ зеленого, должны быть приписаны нагрѣванію и броженію, сопровождаемымъ окисленіемъ, происшедшимъ отъ вліянія вольнаго воздуха, но отнюдь не отъ разности возвышенія температуры во-время сушки, какъ обыкновенно думали. Мое мнѣніе отчасти подтверждается справками, собранными въ китайскихъ мануфактурахъ; мануфактуры эти утверждаютъ, что листья черного чая нѣсколько времени остаются на воздухѣ, прежде чѣмъ подвергаются обработкѣ огнемъ.»

Итакъ мы на этотъ счетъ совершенно удостовѣрены, и наблюденія г. Варингтона могутъ быть повѣрены всякимъ. Посмотрите на листья, падающіе осенью: въ минуту паденія они буры или, по-крайней-мѣрѣ, темнозелены; если же вы ихъ разсмотрите нѣсколько времени спустя, когда они ощутятъ на се-

бѣ вліяніе воздуха и сырости, вы найдете ихъ такими черными, какъ самый черный чай.

Мы уже видѣли выше, какія два главныя видоизмѣненія чая вывозились въ Европу. Одно, кантонское видоизмѣненіе, извѣстно подъ названіемъ чая Боха, другое, сѣверное видоизмѣненіе, называется чаемъ Виридись. Первое даетъ черный и зеленый чай низкаго достоинства, приготовляемый въ окрестностяхъ Кантона, а второе прекрасный зеленый чай Хой-чеу и сосѣднихъ провинцій. Еще недавно думали, что черный чай горъ Боха происходитъ отъ кантоннаго видоизмѣненія. Мнѣніе это, какъ мы видѣли, ошибочно.

Когда въ 1845 году, я въ первый разъ посѣтилъ Фу-чэу-фу, я замѣтилъ, что разводимое тамъ растеніе значительно отличается отъ кантонскаго видоизмѣненія и, вѣроятно, принадлежитъ къ тому же роду, какъ и чай Виридись изъ Чекіанга. Фу-чэу-фу лежитъ вдаль отъ горъ Боха. Я имѣлъ самыя основательныя причины думать, что растеніе Боха было тоже, что и въ Фу-чэу-фу, но у меня не было вѣрныхъ доказательствъ. Нынѣ же, бывъ въ самомъ Вуэ-чанѣ и въ большей части окрестной страны, я привезъ высушенные образчики всѣхъ этихъ растеній, которые въ настоящую минуту лежатъ у меня передъ глазами, и потому я въ состояніи высказать утвердительно мое мнѣніе объ этомъ спорномъ предметѣ.

Я думаю, что растеніе Вуэ-чана близко подходитъ къ чаю Виридись; что первоначально оно было съ нимъ тождественно, но что сходство немного уменьшилось отъ вліянія климата. Только послѣ самаго подробнаго разсмотрѣнія, я могъ открыть между ними незначительную разницу, слишкомъ недостаточную для опредѣленія видоизмѣненія, а тѣмъ менѣе рода; во многихъ растеніяхъ нельзя было даже замѣтить этихъ различій. Они состояли въ томъ, что растеніе Вуэ-чана было вѣтвистѣе, чѣмъ Хой-чэу, и что его листья иногда были темнѣе и какъ-бы тщательнѣе зазубрены.

Въ Китаѣ, между растеніями одной и той же чайной планта-

цій можно найти различія болѣе замѣчательныя, чѣмъ тѣ, которыя я привожу здѣсь. Причина понятна. Чайныя растенія размножаются посредствомъ сѣмянъ, и невозможно, чтобы производимое было совершенно одинаково съ производящимъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы имѣть одно или два видоизмѣненія кантонскаго чая, мы находимъ ихъ множество, хотя разница между ними очень незначительна. Прибавьте къ этому, что иногда чайнымъ сѣмянамъ приходится каждый годъ мѣнять климатъ, и вы не будете больше удивляться, что растеніе одной страны нѣсколько отличается отъ растенія другой, хотя въ сущности они одного рода.

Эти причины побуждаютъ меня сказать, что растеніе Хой-чэу и Вуэ одного рода, и что небольшія, замѣченныя въ нихъ различія происходятъ отъ перерожденія и отъ перемѣны климата.

Что касается до кантонскаго растенія, названнаго ботаниками чаемъ Боха, то хотя оно и имѣетъ нѣкоторыя особенности, однако могло первоначально произойти отъ того же самаго рода. Эти перемѣны не уменьшаютъ впрочемъ торговаго достоинства растеній, разводимыхъ въ обширныхъ чайныхъ областяхъ Фокіена и Хой-чэу, которыя производятъ самые лучшіе сорта; почему если кто имѣетъ намѣреніе разводить чай въ другой части свѣта, то ему слѣдуетъ брать сѣмяна и растенія въ этихъ провинціяхъ.

Въ послѣдніе годы пробовали разводить чайное деревцо въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ англійскихъ австралійскихъ колоніяхъ. Не думаю, чтобы эта попытка имѣла успѣхъ. Чай прамется вездѣ, гдѣ найдетъ приличный климатъ и почву; пересаживаніе его въ новыя страны, въ видѣ украшенія или для удовольствія, не можетъ встрѣтить возраженій; но если хотятъ изъ этого сдѣлать торговую спекуляцію, то мы должны заняться разсмотрѣніемъ не только свойствъ почвы и климатовъ, но и цѣною работы. Въ Китаѣ работа стоить дешево. Земледѣльцы получаютъ не больше четырехъ или шести су въ день. Можно ли въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Австраліи найти за такую цѣну работниковъ? А если

нельзя, то какъ купцы этихъ странъ будутъ выдерживать соперничество съ китайскими фабрикантами?

Китайскія чайныя деревца довольно обыкновенны въ Англіи. Ихъ можно видѣть въ королевскомъ ботаническомъ саду, во многихъ другихъ садахъ и почти во всѣхъ теплицахъ. — Это красивыя зеленыя деревца, покрывающіеся множествомъ простыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ зимой и весною, почти въ то же время, когда цвѣтутъ камелии. Чайныя деревца разводятъ не потому, чтобы цвѣты ихъ были особенно красивы, но, можетъ-быть, изъ нѣкоторой благодарности за нашъ любимый напитокъ.

Кто разводитъ чайныя деревца, не долженъ упускать изъ виду, что даже въ Китаѣ это дерево не можетъ расти съ успѣхомъ на низкой и сырой почвѣ. Это одна изъ причинъ, дѣлающихъ разведеніе чая весьма труднымъ. — Для чайныхъ плантацій слѣдуетъ выбирать землю сухую, на скатѣ возвышенностей. Если условія эти удобоисполнимы въ полуденныхъ провинціяхъ Англіи и Ирландіи, то, какъ знать, можетъ-быть, современемъ деревенскіе жители будутъ пить чай своего произрастенія.

ТАБАКЪ.

Въ 1789 г., во Франціи, изъ общей сложности расхода табаку приходилось среднимъ числомъ на человѣка по 56 золотниковъ, изъ которыхъ одна двѣнадцатая часть выкуривалась, и одиннадцать двѣнадцатыхъ вынюхивались. Теперь же на каждого приходится среднимъ числомъ 1½ фунта. Слѣдственно въ настоящее время Французъ употребляетъ табаку столько же, сколько и Русскій, вдвое болѣе Итальянца, но втрое менѣ Нѣмца и

Голландца, и вчетверо меньше Бельгійца. Изъ этого 1 1/2 фунта
 выходитъ табакъ нюхательнаго только 44 1/3 золотн. а все про-
 чее курительнаго. Замѣчательно, что съ каждымъ годомъ ра-
 сходъ на нюхательный табакъ уменьшается, тогда-какъ на ку-
 рительный восходитъ гораздо въ болѣеи прогрессіи, что даетъ
 въ результатѣ постоянное увеличеніе общаго потребленія.

М. С. С.

8

—

СТАТЬИ